

ТАЙНАЯ СИЛА

ANNUIT COEPTIS

**КОНСТАНТИН
ЧЕРЕМНЫХ**

КЛАНЫ АМЕРИКИ

**ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОПЕРАТИВНОЙ
АНАЛИТИКИ**

УДК 82-94
ББК 66.2
Ч 46

Черемных К.А.

Ч 46 Клань Америки: опыт геополитической оперативной аналитики / И.Р. Шафаревич. – М.: ТД Алгоритм, 2016. 432 с. – (Тайная сила)

ISBN 978-5-906880-34-5

Геополитическая оперативная аналитика Константина Черемных отличается документальной насыщенностью и глубиной. Ведущий аналитик известного в России «Изборского клуба» считает, что сейчас происходит самоликвидация мирового авторитета США в результате конфликта американских кланов – «групп по интересам», расползания «скреп» стратегического аппарата Америки, а также яростного сопротивления «цивилизаций-мишеней».

Анализируя этот процесс, динамично разворачивающийся на пространстве от Гонконга до Украины, от Каспия до Карибского региона, автор выстраивает неутешительный прогноз: продолжая катиться по дороге, описывающей нисходящую спираль, мир, после изнурительных кампаний в Сирии, а затем в Ливии, скатится – если сильные мира сего не спохватятся – к третьей и последней мировой войне, для которой в сердце Центральной Азии – Афганистане – готовится поле боя.

**УДК 82-94
ББК 66.2**

ISBN 978-5-906880-34-5

**© Черемных К.А., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016**

СОДЕРЖАНИЕ

Последняя победа Папы Карло	6
Америка сосредоточивается	24
Большой французский чейндж	33
Управляемый иудейский хаос	46
Vaticano africano	66
Соппротивление материала	79
Горячая бостонская картошка	99
Этот «дивный» новый мир	108
По тесному миру хромает колосс	142
Никто не хотел прогадать	152
Могло быть хуже	162
Коктейль Риббентропа	198
Дети подземелья	241
Кто стрелял по валькирии?	245
Грызня по доверенности	288
Принуждение к многополярности	330
Два-Талибана-Два	379

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА ПАПЫ КАРЛО

Дослужит ли Барак Обама до конца второго срока?

Оправдавший доверие

Когда мулат Барак Обама впервые появился на мировых телеэкранах, новой звезде американской политики не придали значения. Считалось само собой разумеющимся, что наследницей Джорджа Буша станет Хиллари Клинтон — и по ассоциации с чередованием Бушей, и по слухам о неких договоренностях между двумя семействами, и, наконец, просто потому, что «цветных» в Белом Доме раньше не бывало.

Британское Королевское общество уже успело отыскать в родословной матери Барака Обамы родство с президентом Конфедерации Джефферсоном Дэвисом, а отечественные говорящие головы все продолжали долбить, что победит Хиллари. Перлом колониального мышления стало предложение российско-украинского политолога Андрея Окары выдвинуть в президенты России Валентину Матвиенко, в чертах лица которой эксперт из Полтавы угадал нечто общее с Екатериной Великой. На торжество глобального феминизма, впрочем, в ту пору рассчитывали и французы с Сеголен Руайаль, и израильтяне с Ципи Ливни. Но звезда Обамы спутала все карты. Матриархат воцарился где угодно (в йеменской исламской оппозиции, в российских вооруженных силах), но только не в американской политике.

Обыденное экспертное мышление (conventional thinking) прохлопало ушами, во-первых, качественный сдвиг в американском сознании, который датируется еще 1960-ми годами, когда в университетах США, включая такой оплот консерватизма, как Джорджтаун — был отменен расовый и иммиграционный ценз. Во-вторых, не было замечено, что на Обаму «положил глаз» Голливуд — крепость планетарной масс-культуры по соседству со Стэнфордом, цитаделью конверсии стратегических военных технологий в стратегический информационный потенциал.

И наконец, лишь немногие, в частности, автор этих строк, обратили внимание на особый дар долговязого мулата: на его публичных выступлениях у детей-истериков излечивались многолетние параличи, а многие посетители впадали в глубокое детство и начинали раскачиваться, как пациенты Ана-

толия Кашпиоровского. Мулат обладал энергетическим даром, который был замечен, как потом выяснилось, еще педагогами Гарвардского университета, где технологиями массового воздействия профессионально занимаются несколько десятилетий: здесь работал автор термина «мягкая власть» Джозеф Най, который догадался пригласить в Гарвардский центр международных отношений маргинала-шизоида Джина Шарпа.

Барак Обама так умел произносить слово «надежда», вкладывать в него такой мистический заряд, что вера в чудеса растопила сердца обитателей американской глубинки, презрительно именуемых *rednecks*. Такая генерализованная вера в чудо и требовалась империи, пораженной кризисом на фоне двух незавершенных войн. Экс-глава Федерального казначейства Роберт Рубин, непосредственно занимавшийся спасением американских банков, в 2007 году стал сопредседателем Совета по международным отношениям — «руководящей и направляющей силы» американской стратегической политики. С Робертом Рубином Обаму познакомил его одноклассник по Гарварду Майкл Фроман, работавший под его началом в Citigroup.

Второе имя мулата — Хуссейн — имело особое геополитическое звучание. Чтобы покорить ислам не военным, а иным, более эффективным способом, всерьез и надолго, был нужен и внешнеполитический миф. Гарвардская наставница Обамы, Марта Майноу, неслучайно познакомила его со своим отцом Ньютоном Майноу, который при Джоне Кеннеди возглавлял Федеральную комиссию по коммуникациям, затем возглавлял консультативный комитет по поддержке гражданских свобод в ходе борьбы с терроризмом при Пентагоне и входил в совет директоров RAND Corporation, то есть был непосредственно причастен к конверсии военных технологий в информационные. А он уже представил его влиятельному чикагскому судье Авнеру Микве. Чтобы управлять миром не финансовыми рычагами, а средствами внеэкономического принуждения, нужно хорошо знать международное право со всеми его несуразницами и прорехами.

Обама не подвел своих учителей. Его гипнотическая речь в Каире стала прологом к «арабской весне», которая перевернула страны Магриба, поставила крест на мечтах их лидеров об опережающем промышленном и военном развитии, а одновременно — не оставила мокрого места от планов французского имперского возрождения под маркой Средиземноморского союза. Прямые последствия «арабской весны» — иммиграционный вал в Европе, спровоцировавший раскол элит и

ускоривший кризис еврозоны, и сирийская кампания, заложившая мину под Турцию, выстроила новый тип международных отношений, в котором союзники стали вассалами. Суть этой вассализации ощутил и оценил Владимир Путин, столкнувшись с последствиями собственного тандемного легкомыслия.

В свой внешнеполитический багаж Обама вполне мог бы занести и вассализацию России, которая не только согласилась при нем на сокращение стратегических вооружений, но и вступила в ВТО на заведомо невыгодных условиях. Долговязый мулат проявил, однако, к Москве дипломатическое снисхождение — даже физически, фотографируясь с головами тандема так, чтобы не бросалась в глаза разница в росте. Хотя в этом снисхождении не было особой нужды после похода с Медведевым в арлингтонскую столовку и последующим восторгом президента одной седьмой части суши от полученного в подарок айфона. Чтобы поставить вассала на место в мировой системе, вовсе не обязательно физическое унижение.

Впрочем, больше всего униженными в период правления Обамы ощущали себя малые страны, которые он, в отличие от Буша, демонстративно не посещал, считая это нецарским делом. Так же демонстративно он игнорировал исторические сантименты — вроде памяти о Второй мировой войне. На 65-летию ее окончания российскому тандему пришлось довольствоваться присутствием израильского президента Шимона Переса. Ближайший же союзник, Великобритания, в лице нового премьера Кэмерона была вызвана на ковер по поводу ущерба, причиненной ВР в Мексиканском заливе. Оскорбленный наследник Черчилля и Тэтчер на ковер не явился, но этим его фронда и ограничилась: как и при Буше, британцы покорно таскали Америке жар из огня в Афганистане, а затем вместе с французами деятельно поучаствовали в экзекуции Ливии.

Пожалуй, единственное, что Обама не удалось — это перезагрузка Китая, хотя там был найден и удобный «перезагрузчик» — Дай Бинго, и подходящие разменные монеты, включая экономическую интеграцию с Тайванем. Не получилось главное — подвинуть Пекин на ревальвацию валюты в обмен на технологии. Зато удалось вмешаться в ротацию китайской элиты: дискредитацией Бо Силая прицельно занимался портал «Дипломат», китайским отделом которого руководит сотрудница рокфеллеровского Asia Society. В свою очередь, будущий председатель КНР Си Цзиньпин не меньше опального Бо Си Лая повязан с Америкой, где учится его сын, как и дети

саудовских миллиардеров, и дочь духовного отца «Братьев-мусульман» Юсуфа аль-Кардави.

Страна с рекордным внешним долгом ничуть не перестала быть первой державой мира. Скандальный арест директора-распорядителя МВФ, попавшегося на сексуальных излишествах, столь же убедительно напоминает вассалам о послушании, как и майка, подаренная российскому премьеру вдобавок к айфону. Последняя попытка сговора за спиной Америки — флирт Саркози и Меркель с Китаем и запланированный, но сорванный тройственный союз Берлина, Парижа и Москвы осенью 2010 года — сейчас уже никем не вспоминается. Евросоюз, получивший с барского плеча Нобелевскую премию за мир, как пособие для инвалида, лишился сколько-нибудь ярких и самостоятельных лидеров и судорожно борется за выживание, покорно и вопреки собственным рыночным интересам подписывается под антииранскими и антисирийскими санкциями.

Во время предвыборной кампании в США европейские публицисты сдавленно жаловались, что тема Европы никак не звучит в риторике кандидатов. России повезло больше: ее хотя бы заметил конкурент Обамы — Митт Ромни. Заметил для того, чтобы поставить ее на место на своем, республиканском языке.

Правильная настройка эфира

Имперская политика отличается от колониальной тем, что империя даже в час крайней уязвимости ставит перед собой сверхзадачи и мобилизует своих подданных, не позволяя им подвергнуться панике и унынию.

Ураган «Сэнди» был сопоставим по силе с таким же ударом стихии по Новому Орлеану в 2005 году. При этом впервые за историю нью-йоркского метро были затоплены все туннели, пересекающие Ист-Ривер, и впервые с XIX века были отменены торги на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Прежде чем эксперты и социологи успели оценить «Сэнди» как предвыборный фактор, в эфире CNN и NBC, прямо по курсу камеры появились люди, пляшущие под ливнем в плашках и демонстрирующие полное пренебрежение к стихии, мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг призвал «держаться вместе и подставлять друг другу плечо, как в трудные времена», а управляющий 48-этажным жилым комплексом отправил пешком по лестницам команду спасателей, которая вынесла на руках беременную женщину, доставив ее в родильное отделение. Ог-

лашенные в первый день оценки материального ущерба были занижены по крайней мере в четыре раза.

Партийные агитаторы, разумеется, не могли не попытаться извлечь выигрыш из бедствия. Правая «Вашингтон таймс» прямо назвала ураган «обамовой Катриной». Но при этом была вынуждена признать, что репутацию Барака Обамы оперативно и энергично поддержали теле- и радиоканалы.

Это было закономерно. Белый Дом удачно воспользовался британским медиаконфликтом, чтобы поставить на место правого либертарианца Руперта Мердока. И не только экономически: отборный состав либерального телеэфира, от международных до героинь мыльных опер, целенаправленно издевался над консервативным каналом Fox News, особенно в эфире программы Colbert Report, которая прицельно пародировала ключевую мердоковскую программу «Фактор О'Рейли». Вупи Голдберг, псевдоним которой произведен от whoopу cushion — «пукающая подушка», издавала свои непревзойденные звуки в телекамеру в промежутках между торжествующими репортажами о марше «арабской весны». Совет управляющих иностранным вещанием (BBG) при Обаме возглавлял Уолтер Айзексон, экс-президент CNN — прямого конкурента мердоковской News Corp. Его преемником назначен Джеффри Смолл с NBC — канала, особо отличившегося в период кампании.

Митт Ромни, по выражению «Бостон Глоб», решить три задачи: перетянуть на себя колеблющиеся штаты, подстегнуть традиционный электорат Республиканской партии и главное — не наделать ляпов, поскольку каждый ляп отзывался в демократических СМИ фейерверком изощренных «подколов».

Беспроектным вариантом возбуждения пожилого электората была, разумеется, российская угроза. Команда Ромни обвиняла Обаму в том, что BBG допустила роспуск российской редакции «Радио Свобода», а ее новый редактор Маша Гессен называлась агентом Владимира Путина. Таким образом предполагалось убить двух зайцев — русского и транссексуального.

Однако из-за урагана «Сэнди» республиканская команда допустила-таки обидный ляп. Ромни поспешил покаяться в том, что не придавал достаточного значения теории климатической катастрофы, грозящей глобальным потеплением. Однако на следующий день на пораженном стихией побережье не потеплело, а похолодало.

Обама оказался хитрее. На пресс-конференции в день урагана рок-ветеран Стиви Уандер подцепил его конкурента

с экономической стороны — заметив, что все достижения частного капитала, которому Ромни хочет максимально облегчить жизнь, могут быть «за два дня сведены на нет Матерью-Природой». Из этого не следовало никаких прогнозов, зато действующий президент лишний раз расписался в верности постиндустриальному культу, написанному на скрижалях Совета по международным отношениям.

Искусственный отбор

Команда Обамы еще в период его первой кампании пестрела теоретиками от экологизма (environmentalism). Федеральную комиссию по коммуникациям возглавил его однокурсник Джулиус Генаховский, автор доклада для Конгресса, где возвещалось, что «зеленая экономика» станет важнейшей рыночной силой. Совет по научно-технической политике при Белом Доме возглавил Джон Холдрен — автор огромного числа статей о климатической угрозе и сторонник полной ликвидации атомной энергетики. Первым же их нововведением был полный перевод администрации на электронный документооборот — не столько ради пресловутой прозрачности, сколько во имя экономии бумаги и сохранения якобы исчезающих лесов. Впрочем, при освобождении площадей для ветряных и солнечных электростанций дикая природа приносилась в жертву без сожаления, а столь же искусственный бум солнечной энергетики ставил Америку в прямую зависимость от поставок редких металлов из Китая.

Любая единственно верная теория требует жертв, зато окупается пропагандой. За год до «арабской весны» арабских лидеров на конференции в Бейруте затоплением Ливана и засухой в Египте. Хосни Мубарак, не веривший в единственно верную теорию, мечтал об атомной энергетике. Теперь он мечтает спокойно умереть. В отличие от Дмитрия Медведева, зеленая лапша навешивалась на уши которого столь же легко, как айфон на грудь. (Адепт модернизации не знал, что химкинская эпопея обернется и против него, что было неизбежно хотя бы потому, что чистоты природы никогда не бывает достаточно).

Глобальное потепление в последние два десятилетия было одним из ключевых предметов спора между двумя американскими партиями — наряду с правами сексуальных меньшинств и абортами. Межпартийная дуэль на природоохранную тему разразилась ровно за год до выборов, когда экологическая общественность пикетировала Белый Дом с требованием оста-

новить проект нефтепровода Keystone XL, соединяющего канадские нефтяные пески провинции Альберта с берегом Мексиканского залива. Никакие доводы о новых изоляционных технологиях не убеждали активистов, что прокладка трубы не повредит Огалалайскому водоводу, который трасса должна была пересечь под прямым углом. А одновременно возник скандал вокруг института Heartland, который поддерживал проекта: выяснилось, что его экспертов финансируют участники проекта Keystone братья Чарльз и Дэвид Кох. Это уже напрямую касалось предвыборной кампании: два миллиардера вложились сразу в нескольких республиканских номинантов.

Экологистов приехали поддержать Далай-лама и южноафриканский епископ Десмонд Туту, а на манифестациях «оккупантов» был замечен Джеффри Сакс, ныне возглавляющий Институт Земли Колумбийского университета. Против Keystone XL ополчился и финансируемый Джорджем Соросом Центр американского прогресса (CAP) — главный организационно-пропагандистский ресурс демократов. В итоге Барак Обама отложил проект до послевыборных времен.

Главный эффектом прошлогоднего скандала, впрочем, стала перетасовка в рядах республиканцев. Вслед за Сарой Пэйлин, Мишель Бахман и Риком Перри из игры внезапно вышел единственный чернокожий кандидат Герман Кейн — несмотря на то, что по первым результатам праймериз он шел впереди. Кейн, не скрывавший своей личной дружбы с Кохами, и вообще очень открытый и жизнерадостный человек, удавился в молчанку, не объяснив причин своей капитуляции.

В кампанию 2008 года республиканцы делились между собой преимущественно по другой позиции — внешнеполитической. Тогда взгляды «номинантов побережья» (Джон Маккейн, Руди Джулиани) принципиально расходились с выдвиженцами «глубинки», которые наиболее последовательно представлял Рон Пол.

В этом году расхождение экспансионистов и изоляционистов было не только организационным (изоляционисты образовали «Чайную партию»), но и программным: финансовый кризис заметно прибавил аргументов сторонникам самоограничения. Тем не менее основные критерии «отбраковки» оказались другими. Так, Сара Пэйлин и Майк Хаккаби отстаивали активную политику США на Ближнем Востоке, но при этом были привержены традиционным консервативным ценностям (семья, собственность, частная жизнь) и не верили в глобальное потепление. Таких же позиций придерживались

Мюриэль Бахман и Рик Санторум. При этом Бахман подвергла сомнению и мейнстримный взгляд на энергосбережение: она доказывала, что от люминесцентных ламп больше вреда, чем пользы, при этом именно экологического вреда.

Все эти консерваторы классического образца были вынуждены сойти с корабля. После прополки «руководящей и направляющей силой» у республиканского электората остался весьма ограниченный выбор. На страницах *Weekly Standard* ее издатель Билл Кристол 8 декабря прошлого года удовлетворенно резюмировал: «Теперь очевидно, что республиканским кандидатом станет или Ньют Гингрич, или Митт Ромни. Эти два кандидата отстаивают современные республиканские ценности — американскую исключительность (*American exceptionalism*), развитие военной промышленности и поддержку Израиля».

Митт Ромни в 2008 году еще казался провинциалом на фоне Маккейна и Джулиани. В этом году на тему традиционных — но по Кристолу, теперь несущественным — вопросам он проявлял заметную гибкость. Он не посмел бросить вызов интернет-монополистам, растоптавшим право на частную жизнь. Он не стал ни оспаривать, ни высмеивать введенный Обамой карт-бланш на службу открытых гомосексуалов в армии. Его партия на предвыборной конвенции поставила ребром только вопрос об абортах. И как и предсказала Анна Дейзин, профессор французского института Нантер, это был проигрышный ход: во время кризиса продолжение рода перестает быть приоритетом и для консервативного населения.

Зато исключительность Америки для республиканского кандидата была такой же неоспоримой догмой, как для его конкурента. Однако военные средства отстаивания этой исключительности не могли снискать общенациональной поддержки — как и понимания в Европе, которую он призвал воздержаться от сокращения военных арсеналов. В стянутом финансовой петлей Евросоюзе его наставления были восприняты как прелюдия к новому принуждению таскать каштаны из огня. Неудивительно, что именно в консервативном Техасе дали от ворот поворот европейским наблюдателям: республиканцы не ожидали от Европы ничего, кроме прямого или косвенного лоббирования Обамы.

«Мягкий экспансионизм» в условиях 2012 года не мог быть побежден «жестким экспансионизмом». Мир слишком очевидно лежал у американских ног, чтобы оправдания новых войн звучали убедительно. А кроме того, бытовой опыт

любой американской семьи свидетельствовал, что очередная война — повод для всплеска цен на нефть и, соответственно, на бензин. К последним теледебатам Ромни догадался, что перегнул палку с угрозами наказания внешних врагов: его внешнеполитическая интонация так резко смягчилась, что даже вызвала насмешки европейских СМИ.

Мессианская дуэль

Организация «Профсоюз граждан России», специально выискавшая домашний адрес певицы Мадонны, чтобы привлечь ее к ответу за сеяние разврата, может быть, рассчитывала возбудить традиционно консервативную русскую эмиграцию. Однако бенефициаром оказалась другая сторона противоборства: ведь Мадонна не просто так путешествовала в Россию и не просто так воздавала хвалы вышеназванному Далай-ламе. Это была четырехмесячная агитационная кампания в пользу Демпартии и лично Обамы, о чем поп-звезда публично объявила по ее завершении 6 сентября на концерте в Нью-Йорке. Со словами «сегодня покажу вам не свою задницу, а свои чувства» Мадонна скинула топ, под которым на невинном месте, на спине чуть ниже лифчика, большими и ровными черными буквами было написано ОБАМА.

Высказывание о том, что клопы на диванах не отдыхают, а работают, применимо к отечественным артистам, но не к американским. Наши граждане много лет недоумевали, для чего Владимиру Путину Ксения Собчак, пока в Новый 2012 год она не подвергла циркумцизии свои колготки в студии телеканала «Дождь» за любимого руководителя — под столом, без огонька и импровизаторского креатива.

Мадонна пожертвовала куда большим. Задолго до выборов она объявила о своем увлечении каббалой, что требовала не только физических, но и немалых для ее типажа интеллектуальных усилий, зато делало ее не просто певицей с чудачествами, но и полпредом Белого Дома в Земле Обетованной. Такой полпред Обама был нужен хотя бы потому, что некоторые предыдущие полпреды — Джордж Митчелл, Роберт Мэлли, затем Рам Эммануэль — были отвергнуты этой землей, а прочие — например, Деннис Росс — публично объявили о несогласии с демократической ближневосточной линией.

Предвыборная команда Митта Ромни также вовлекла не простых, а идейных деятелей искусства. Так, например, актер и режиссер Клинт Иствуд практикует трансцендентальную медитацию и, соответственно, также являет собой культурный мост с индуизмом. Другая линия его призвания обозна-

чена орденом Почетного легиона, который ему лично вручил Николя Саркози.

В специальных полпредах на Земле обетованной Ромни не нуждается, поскольку Церковь Христа Святых Последних дней (секта мормонов), самая состоятельная из американских деноминаций, содержит в своих текстах прямую связь с Сионом — по ее представлениям, американцы представляют собой потерянное племя Израиля. Эта прямая связь проявила себя в многочисленных паломничествах в Палестину задолго до возникновения израильского государства и задолго до появления там иных американских и европейских мессианских общин. Впрочем, полпреды у Ромни там есть, притом в разных функциях. Так, летом прошлого года, когда израильские левые на средства американских спонсоров Дэвида Абрахама, Йосефа Маймана и других собрали в Тель-Авиве невиданную 300-тысячную протестную толпу, где бросалась в глаза радужная символика гомосексуалов, популярный телеведущий-мормон Гленн Бек прибыл в Израиль, чтобы бросить вызов этим бузотерам. За что Беку, в недавнем прошлом увлекавшемуся Ницше и Гитлером (эти авторы избавляли его от суицидальных мыслей), досталась награда «За защиту Израиля» от Американской сионистской организации.

Куда более важную роль в команде Ромни сыграла дама с гипнотизирующей внешностью гадалки-прорицательницы, в 1993 году получившая должность президента в компании Bain&Co. — главном экономическом трамплине кандидата. Эта дама по имени Орит Гадиш, дочь израильского бригадного генерала Фалька Гадиша (Грюнфельда), ранее служила в военной разведке Израиля, а в настоящее время входит в международный совет Центра Переса за мир. Уникальный контакт позволил Ромни получить опору поверх партийных линий — то, что ему не мог предоставить игорный магнат Шелдон Адельсон, спонсор Гингрича, поневоле примкнувший к его команде.

В августе этого года Ромни, триумфально принятый в Иерусалиме, поставил Обаму в политический тупик. Как оппозиционер, он имел большую свободу геополитической, в том числе антииранской риторики. Но конфуз Обамы состоял не только в том, что ввязывание в еще одну войну представляло военно-политический риск. Бомбардировка Ирана создала бы ему и внутренние предвыборные проблемы.

Отечественный телезритель — благодаря прежде всего монополии Евгения Сатановского и его братьев по разуму в освещении ближневосточных событий — представляет себе

иранскую диаспору в США как группу сторонников изгнанной шахской семьи Пехлеви. На самом деле эта семья, отягощенная наследственной депрессией и погрязшая поэтому не только в роскоши, но и в зависимости от лекарств, для сегоднешнего поколения персов-американцев — скорее предмет стыда, чем политический ориентир. Большинство диаспоры, где первую финансовую скрипку играют иранцы Силиконовой долины, объединено в Национальном конгрессе иранских американцев (NAIC), который придерживается подчеркнуто миролюбивой линии. Деятели NAIC, а также ее сателлитных структур — PARSA и HAND Foundation, философски смотрят на нынешнее иранское руководство и убеждены в том, что превосходство Америки в информационных технологиях не сегодня, так завтра растопит льды и сделает Иран более надежным союзником США, чем капризная и злопамятная Турция.

Район Вествуд в Лос-Анджелесе в быту именуют «Тегеранджелес». Нушин Хашеми, соучредительница HAND и топ-менеджер Oracle, входит в состав совета директоров New America Foundation, которым руководит глава Google Эрик Шмидт. В составе руководства PARSA — Оmid Кордестани из Google, Салар Камангар из YouTube и Лорена Пауэлл-Джобс — вдова Стивена Джобса. Они делают погоду в иранской диаспоре, а никакие не выморочные шахи. А о возможностях спонсоров шахского семейства можно судить по питающемуся крохами с их стола Гарри Каспарову.

Как в политическом, так и в финансовом отношении американские демократы меньше всего заинтересованы в том, чтобы потенциал американских персов достался их партийным соперникам. Тем более учитывая тот факт, что электоральная опора в арабской диаспоре, которую долго и талантливо обеспечивали демократам сенаторы и конгрессмены ливанского происхождения, уже частично перетекла к республиканцам: не зря Джон Маккейн обхаживал египетских «Братьев-мусульман», используя себе на пользу каждую ошибку Обамы.

Летом 2011 года Барак Обама был убежден в том, что в ближневосточной политике ему удалось не просто переиграть, а разгромить республиканцев. Ставка на Катар, сделанная еще Клинтоном (в 1996 году запущен канал «Аль-Джазира», с 1998 года в Дохе начали открываться филиалы ведущих американских университетов и «мозговых центров») оправда-

ла себя в «арабскую весну». Казалось, что Катар, где уже полвека проживает управляемый шейх Юсуф Кардави, может заменить Израиль в качестве стратегического партнера США в регионе. Камнем преткновения оказалась Сирия, где «Братья-мусульмане», как и в Египте, Тунисе и Йемене, должны были получить власть, но столкнулись с совместной интригой Франции и Саудовской Аравии.

Красивая схема начала рушиться, и Обаме пришлось пойти на попятную перед традиционным союзником, не желавшим входить в роль второстепенного вассала. В конце января этого года главой администрации Белого Дома стал Джек Лью — первый еврей в этой должности за всю историю. По оценке Дэвида Джибсона из Religion News Service, ортодоксальный иудей Джек Лью, имеющий «широкие связи в американской еврейской общественности, поможет президенту Обаме наладить более дружественный контакт с Биньямином Нетаниягу».

Как раз в это время Шимон Перес попытался сыграть на противоречиях в израильском правительстве и начал формирование альтернативной право-левой коалиции, куда перетягивал в том числе и главу партии «Наш дом Израиль» (НДИ) Авиغدора Либермана. В другой израильской партии, «Кадима», любимица демократического Госдепа Ципи Ливни уступила руководство экс-главе генштаба армии генералу Шаулю Мофазу. Однако Нетаниягу был на чеку: вначале он предложил Мофазу войти в его правительство, а когда Мофаз стал «топырить пальцы», отказался от его услуг, инициировал досрочные выборы и заключил стратегический альянс с Либерманом: правящая «Ликуд» и НДИ образовали единый блок под названием «Наш дом Ликуд». Из Нью-Йорка немедленно прибыл легендарный имиджмейкер Артур Финкельштейн, а 4 ноября в Иерусалим явился Деннис Росс. Главное препятствие их планам — надоевшая Хиллари — в это время паковала чемоданы.

В результате израильской перегруппировки в тупике оказался уже Митт Ромни. Идеологически республиканцы-экспансионисты ближе к израильским правым, но по воле случайности спелись с культовой фигурой левых. Теперь партии «Авода» Переса-Яхимович осталось не на кого опереться, кроме как на тот самый протестный электорат, который Гленн Бек только что гвоздил за соглашательство с арабами. А команда Ромни осталась между двух стульев: Обама получил весь спектр, представленный в Американско-израильском комитете по внешним связям (AIPAC).

По традиции израильский фактор в американской политике приобретает ключевую роль в самом конце президентской кампании. Так было во время противостояния Буша и Гора, так оказалось и в ситуации, когда по совокупности внешних и внутренних обстоятельств Обама и Ромни сравнялись в рейтинге.

Ненадежная почва

Одним из самых неожиданных для Белого Дома ходом оппонента стало возникновение пары Митт Ромни — Пол Райан. Личность кандидата в вице-президенты намеренно приуменьшалась демократическими СМИ — вплоть до того момента, когда Райан с неоспоримым преимуществом обошел своего визави Джо Байдена на открытых теледебатах.

Пол Райан — молодой циник, весьма напоминающий по экономической риторике Анатолия Чубайса образца 1992 года. Различие в том, что Райан — политик имперский, а не колониальный, и поэтому меры «шоковой терапии», затрагивающие — что не скрывается — преимущественно пожилых американцев, неразделимы в его представлении с наращиванием военного потенциала Америки. Более того, в этом нет противоречия, поскольку именно старшее поколение помнит «трудные времена» — и следовательно, во имя высших интересов может мобилизоваться, подтянуть пояса и приобрести ваучеры на социальную помощь. Только Райану хватило смелости пренебречь инерцией, оставшейся со времен «холодной войны», когда американская и советская модели конкурировали в качестве социальной политики: соревнование окончено, забудьте, и примиритесь с разгосударствлением Medicare. Дополнительным агитационным аргументом является собственный опыт медицинской реформы в Массачусетсе, внедренный Ромни задолго до противоречивой и заметной коррупциогенной общенациональной реформы Обамы.

Игра Обамы была несравнимо более рискованной. Гленн Бек не зря изображал в своей конспирологической схеме «революционного дерева» ныне здравствующего Джорджа Сороса и ныне покойных Сола Алинского и Уэйда Ратке. Кампания против «жирных котов», устроенная «оккупантами» и экологами, была кампанией самого Обамы. Исторические примеры, в том числе пример Зубатова в царской России, свидетельствуют, что заигрывание с леваками рискованно: они зачастую разочаровываются в своих кумирах без предупреждения. И в самом деле, часть леваков разочаровалась. Началось с движения WeAreChange, нашедшего транспартийный

общий язык с Роном Поллом; потом Сороса развенчал Славой Жижек; наконец, группа Anonymous ушла «влево от Джулиана Ассанжа» после того, как посольство Эквадора в Лондоне посетила Леди Гага, официально работающая по контракту с гарвардским центром «Интернет и демократия». Нервируя старушку Хиллари, «анонимусы» покусились на святое — социальную систему образцово-показательной Эстонии, и мало того, похвалили Владимира Путина за списание долга африканским странам.

Между тем крупный бизнес не мог не отреагировать на инициативу Обамы о повышении налога на carried interest (фиксированную долю вознаграждения управляющих инвестиционными фондами) с 15 до 35 процентов. В результате на сторону республиканцев перешли такие влиятельные спонсоры, как Лестер Краун (вместе с Орит Гадиш входящий в международный совет Пересовского центра), Дэниел Леб и Клиффорд Эссес. Еще один влиятельный финансист-демократ Стивен Шварцман сравнил налоговый рецепт Обамы с вероломным нападением Германии на Польшу в 1939 году.

Обаму подвели и его партнеры из «прогрессивной» альтернативной энергетики. Белому Дому с трудом удалось замять скандал вокруг компании Solyndra, получившей щедрый государственный кредит на строительство супер-инновационных (не плоских, а круглых) солнечных батарей и провалившей проект. Это фиаско совпало с остановкой производственной линии электромобиля Chevrolet Volt — несмотря на рекламу, не привлекавшего покупателей в кризис из-за дороговизны. В сентябре авторитетный эксперт в области энергетики Гэйл Тверберг на страницах Foreign Policy убедительно аргументировала мнение о том, что в ситуации затяжного финансового кризиса разработка углеводородов и добыча угля будут для бизнеса предпочтительнее альтернативной энергетики — и более того, если его не форсировать, топливо резко подорожает.

В канун выборов по репутации Обамы сильнее урагана ударила отставка генерала Картера Хэма с поста командующего Африканской командой войск США (АФРИКОМ). Поводом стали подозрения в «подстроенном» характере убийства посла в Ливии Кристофера Стивенса. «Разбор полетов» показал, что АФРИКОМ просто не располагал необходимыми авиационными ресурсами, чтобы помочь американскому контингенту. Но генерал хлопнул дверью слишком поздно. А кроме того, волна арабского возмущения фильмом «Невинность мусульман» улеглась так же быстро, как и вспыхнула.

Нельзя сказать, что только ислам в это время подвергался культурным провокациям. Третий год продолжалось расследование педофилии в Ватикане, группа FEMEN объявила «крестоповал» католикам, а Pussy Riot по разнарядке эпатировала православных. Однако единственным религиозным лидером, призвавшим все авраамические церкви объединиться против общей угрозы, оказался лидер лондонского Мусульманского форума действия Массуд Алам. Вряд ли это имя что-нибудь говорит деятелям «Профсоюза граждан России», не получившим инструкций вылезать поперед тандема дальше избличения кощунниц местного розлива.

Пускай воюют пацифисты

«По очкам» победителем теледебатов оказался Обама — в силу упомянутой выше большей подвешенности языка. Но не только. У Обамы более живой темперамент, что и послужило одним из главных козырей в дуэли на прошлых праймериз с Хиллари Клинтон. За время правления он растерял часть харизмы, но не темперамент. Он быстрее реагирует и стремительнее применяет контрудар, что объяснимо физиологически. На лице Обамы, в отличие от оппонента, несмотря на первые признаки седины, не обнаруживается характерных мимических признаков атеросклероза.

Митт Ромни вел более упорядоченный образ жизни, чем Обама (юность которого прошла в американских лагерях в Пакистане), но ему в его бизнес-карьере чаще приходилось испытывать длительное нервное перенапряжение. У непьющих атеросклероз развивается быстрее. В дискуссии он проявляется в негибкости (ригидности), некотором замедлении темпа мышления. Ромни в большей степени нуждается в суфлерах и по причинам нехватки историко-культурных знаний (запомнился эпизод, когда он, сочувствуя жертвам поджога сикхского храма в США, назвал эту религиозную группу «шейхами»).

В ходе последних дебатов Ромни вступился за нефтяные компании, которых Обама лишил льгот за создание рабочих мест не в Штатах, а за границей. Он предъявил самый сильный аргумент, напомнив о том, что альтернативная энергетика, получившая льготы в размере 90 миллиардов долларов, экономически себя не оправдывает. Однако этот довод, убедительный для специалистов отрасли, неочевиден для большинства избирателей, в представлении которых «жирными котами» являются именно промышленные магнаты, особенно нефтяники, а не чиновники из Агентства по защите природ-

ной среды, обкладывающие этих магнатов непосильными налогами и сборами, которые как раз и вынуждают к выводу бизнеса за рубеж.

Линия левого крыла Совета по международным отношениям победила, о чем прямо свидетельствовала прямая поддержка Обамы на страницах New York Times, которая вместе с журналом Foreign Affairs является официальным рупором (mouthpiece) «руководящей и направляющей силы». Вторым победителем стало израильское правительство — единственное в мире, которому удалось сыграть на кампании в свою пользу.

Обама продолжит свой курс с корректировками. Он не будет прилагать — вопреки каирским обещаниям 2009 года — усилий к созданию палестинского государства, а сирийскую проблему делегирует турецкому вассалу. Впрочем, президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс еще в декабре прошлого года отдал руководящее указание о переносе центра тяжести демократизации с Ближнего Востока на Дальний. За «арабской весной» по разнарядке следует «азиатская», о чем вполне откровенно рассказывал руководитель стэнфордской программы «Технологии освобождения» Ларри Даймонд. По его словам, следующими мишенями демократизации через социальные сети станут Бирма, Вьетнам, Малайзия и Сингапур. Не исключается и третий по счету переворот в Таиланде.

В Бирме, которая была первой экспериментальной площадкой для «технологий ненасилия», революционная резня между буддистами и мусульманами уже сократила население на полмиллиона человек. BBG в этом году запустил в Янгоне новый просветительный радиоканал. О событиях в этой несчастной стране не особо распространяются ни мейнстримные западные СМИ, ни отечественные.

«Пушай воюют пацифисты, пушай стреляют в них буддисты, пушай считают каждый выстрел, а мне на это наплевать», — пелось в песенке израильского поэта Анри Волохонского. Когда стреляют буддисты, а гибнут мусульмане, мировой истэблишмент не исходит правозащитной слезой: как можно! Далай-лама — неприкасаемая фигура не только для Барака Обамы, но и для Хаасса и Рубина. Здесь нет ничего удивительного. Интереснее будет послушать, что скажет почитатель сингапурской модели Герман Греф, когда разнарядка освободительной экспроприации дойдет до этой страны.

Судя по высказываниям главы Сбербанка на форуме АТЭС, он ныне совсем не испытывает симпатий к революциям. Но за него можно не беспокоиться: прежде чем разнарядка докатится до России, он успеет выгодно сбывать контрольный пакет акций банка. Репутация интернет-олигархии уже не абсолютна, как и репутация Обамы, и машина демократизации подобно проржавевшему механизму из рассказа Франца Кафки «В исправительной колонии» будет дальше катиться со скрипом и пережевывать жертвы не полностью. Несамодостаточные страны, которые в мире составляют уже почти три четверти, будут и дальше ходить по миру с протянутой рукой, а из разорившихся элит ни шатко, ни валко будет формироваться глобальное сообщество саботажа и мести. Сентябрьская осада офиса Google в Лондоне — первая ласточка «контр-весны».

Однако внутренние оппоненты — более серьезная опасность для режима Обамы. Митт Ромни в принципе не мог победить. Будь он реальной ставкой самых влиятельных мировых кругов, британское Монархическое общество нашло бы и в его роду великих людей, но увы, он всего лишь потомок одного из основателей Церкви Христа Святых последних дней, а последние дни, вопреки эсхатологическим ужасикам, в этом году не наступили. Другое дело, что сообщества нефтяных олигархов и производителей вооружений, которые 6 ноября были поставлены на место, не смиряются с этой обидой.

Экономические аналитики волнуются о том, наступит ли фискальный обрыв. Их спекуляции равны гаданию на кофейной гуще, поскольку реальная прибыль Америки давно уже обеспечивается непрозрачными теневыми рынками. Поэтому и не сбываются апокалиптические прогнозы Линдона Ларуша: рынок деривативов рухнул, но спекулянты не остались без штанов. И бегство капитала из Египта, и оптимизация транзита наркотиков (Бухарест вместо Инджирлика, или Ульяновск вместо Гвадара) еще долго будет поддерживать эти штаны.

Интереснее другое — когда рухнет рынок тесно переплетенной между собой альтернативной энергетики и сетевой интернет-экономики. Хотя бы по той причине, что этот крах будет не только экономическим, но и идеологическим. Только когда серийное банкротство этих секторов прокатится от Нью-Джерси по Калифорнии, и до каждой дремучей экологической башки дойдет, что климатическая теория была блефом для легковверных, а экономическая основа «надежды» — бутофорией вроде волшебной дверцы в сказке «Пиноккио», в Соединенных Штатах случится то, чего давно жаждут жертвы их геополитики — смута.

6 ноября Обама написал в Twitter: «Еще четыре года». Но если божки Twitter и Greenpeace рухнут с небес раньше, срок окажется короче.

Смуты в истории Соединенных Штатов еще не было. Но мало ли чего не было. До XX века не было таких вещей, как Уотергейт. До начала XXI века не было мулата-президента и охоты на «жирных котов». «Похудевшие коты» становятся злее. Они, видимо, и сделают мир многополярным, благо больше, похоже, некому.

12.11.2012

АМЕРИКА СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ

Складывается впечатление, что у технологов информационных войн на рубеже 2012-2013 годов иссякла фантазия. Может быть, они просто устали. В Америке директора ЦРУ Петреуса и его протеже, командующего контингентом в Афганистане Джона Аллена, «мочили» тем же безыскусными средствами, что годом раньше Доменика Стросс-Кана — сплетней об адюльтере.

Такое же скудоумие свойственно и отечественным эпигонам американских information warriors. В декабре в переплетении петербургских отопительных труб проникательные борзописцы углядели следы путинского дзюдо-клуба «Явара-Нева». А сонную посленовогоднюю неделю взбудоражило очередное изобличение кооператива «Озеро». Поводом стала неточная интерпретация журнала Foreign Policy агентством «ИТАР-ТАСС». Заокеанские специалисты по рейтингам, согласно тексту агентства, признали Владимира Путина самым влиятельным политиком в мире. На самом деле, как потом уточнил Foreign Policy, такую оценку дал отдельно взятый рейтингист Ян Бреммер, а кроме того, его неправильно поняли: он употребил не слово influential («влиятельный»), а powerful.

Из этого казуса наши бдительные эпигоны извлекли целую теорию. Пункт первый: президента подставили. Пункт второй: виноват гендиректор ИТАР-ТАСС Михайлов. Пункт третий: этот гендиректор неформально связан не только с пресловутым «Озером», но и с экс-главредом «Коммерсанта» Васильевым. То есть почти что с Березовским. И сам Васильев в подпитии, как и полагается на Новый год, развязывает язык про былые исполнения заказов господина Михайлова во благо православной духовности.

За изобличением, как всегда, мерещатся оргвыводы такого же масштаба, как в Америке. Параллели и вправду есть: Петреуса уличили в том, что он за глаза обсуждал собственные президентские амбиции с руководством телеканала Fox News. Было это в начале 2011 года, а полгода спустя в Лондоне начался «наезд» на владельца канала Руперта Мердока, симпати-

зирующего республиканцам. До самого Петреуса «баллон» докатился, правда, только через год — день в день с выборами.

У нас выборы тоже прошли год назад, и тоже кто-то чего-то доселе не переделал. До недавних пор это было хорошо заметно по строкам «Коммерсанта», оплакивавшего отечественный инвестклимат на фоне магнитско-антимангнитской дуэли. «Перезагрузку не выбрали на новый срок. Закончилась оттепель в отношениях США и России», — стонал обозреватель Сергей Строкань 27 декабря. «После выборов Москва так и не увидела в Белом доме того Барака Обаму, второго срока, на которого она рассчитывала.. Неожиданностью стало признание США сирийской оппозиции, которое окончательно вынудило Москву уйти по сирийскому вопросу в дипломатическую оборону.»

Однако более продвинутый Константин Эггерт (в светских кругах — «фон Эггерт»), на «Коммерсанте-FM» исполняющий функцию дежурного критика авторитаризма заодно с православной духовностью, еще днем ранее вдруг открыл, что никакой «новой холодной войны» Обама с Россией устраивать отнюдь не собирается. Ведь ему, Обаме, от Москвы сильно нужна новая редакция закона об СНВ. И посему, какие бы антимосковские инициативы не предпринимал Конгресс, прагматичный Белый Дом смотрит сквозь пальцы даже на такую обиду, как выдворение Агентства по международному развитию (USAID) и финансовые проблемы его постоянных клиентов.

А 11 января тот же фон Эггерт картинно изумился инициативе «Марша против подлецов», и, мало того, вполне откровенно намекнул, что интеллигенция бузит не сама по себе, а от случая к случаю, будто кто-то — очевидно, в данном случае не Обама и не Путин — дергает за веревочку и некстати портит новое потепление.

Сведущий пропагандист не зря поправлял собственно коллегу. В самом деле, признание — признанием, а уже 25 декабря спецпосланник ООН в Сирии Лахдар Брахими огласил план, позволяющий Башару Асаду еще два года пребывать у власти. Такой план категорически не поддерживался Хиллари Клинтон и эмиром Катара, зато вполне устраивал франко-саудовских конкурентов по схеме урегулирования. Больше того, Брахими после этого отправился в Москву, а российские корабли — наоборот, в Сирию. И нельзя сказать, чтобы Белый Дом по этому поводу бряцал подлежащим сокращению оружием.

Может, за океаном подумали, подумали и в самом деле со-
чили Владимира Путина самым влиятельным политиком мира?

У Владимира Путина было хорошее выражение: «давай-
те отделим мух от котлет». Если из казуса вокруг заметки в
Foreign Policy изъять аппетиты конкурентов гендиректора
ИТАР-ТАСС, картинка станет действительно несколько чище.
И вместо поисков «виноватых» можно будет порассуждать о
сути дела, то есть пресловутой оценке.

Вот и рассудим. С одной стороны, Ян Бреммер — мейн-
стримный эксперт, а не инакомыслящий вроде Пола Крэ-
га Робертса или Джульетто Къезы. Он специально пояснил,
что его термин powerful не характеризует влияние в мире, и
никакого американского политика он бы в такой рейтинг не
включил. С другой стороны, powerful — нисколько не руга-
тельное слово. В применении к машине оно означает «мощ-
ный», в применении к человеку — «могущественный». Не
больше и не меньше. Это вполне лестное определение, ха-
рактеризующее влияние политика в его собственной стране,
Бреммер применяет слово и к лидеру Ирана Махмуду Ахма-
динеджаду. Не потому, что ему или Белому Дому нравится, а
как бы объективно.

Но чтобы очистить котлеты от мух и с другой стороны,
давайте подумаем: а для чего вообще к Путину и Ахмадине-
жаду применять лестные слова? Вот, например, спецгентство
Organized Crime and Corruption Reporting Project, базирующее-
ся в Сараево, составило свой рейтинг «коррупционеров года»,
где на первом месте оказался президент Азербайджана Иль-
хам Алиев. По как бы объективным критериям Бреммера, хо-
зяин Баку вполне подходит к критерию powerful. Уж во всяком
случае, по степени концентрации экономической власти в го-
сударственных руках, не говоря уже о методах контроля над
оппозицией. Но Бреммер его не видит, зато видит Путина и
Ахмадинежада. Отчего так?

Главный редактор журнала «Россия в глобальной поли-
тике» Федор Лукьянов, суммируя события ушедшего года еще
до инициативы Брахими, не смог скрыть своего разочарова-
ния Бараком Обамой, как и широкими массами американ-
цев. В самом деле, боевитый республиканец Ромни призы-
вал шарахнуть по ядерным объектам Ирана ракетами — не
своими, так израильскими. А нерешительный Обама этого
не поддержал.

«Испокон века власть означала обязанность и необходи-
мость принятия решений, в том числе самых тяжелых и не-

приятных», — гвоздит нравоучительный Лукьянов не удовлетворивший его экспектации Белый Дом. Нерешительному Обаме останется только посыпать голову пеплом поверх презавшей седины.

На самом деле пеплом посыпает намечающуюся плешь как раз Митт Ромни. После выборов его не видно и не слышно, а его партия пребывает в растерянности и разброде. У республиканца были шансы: на его сторону перешли было многие влиятельные спонсоры демократов, и не только в США. А потеря качества произошла именно в тот момент, когда Ромни прокатился по маршруту Лондон-Варшава-Иерусалим и сильно смутил аудиторию, в том числе польскую, откровенно расистским хамством. И когда в шершавом языке его слоганов соотечественники расслышали знакомый лязг продукции ВПК, представляемого его советником Джоном Леманом.

Широким массам электората, приветствовавшим «арабскую весну», почему-то не приглянулась идея бомбардировки иранских ядерных объектов, сиречь таскания каштанов из огня для израильского правительства Биньямина Нетаниягу. Несмотря на то, что по формальным показателям он вроде бы тоже powerful.

И эти массы можно понять. Во-первых, наращивание военных расходов — не самая популярная перспектива для рядового американца. Электорат Республиканской партии был больше склонен затягивать пояса ради интересов родного ВПК, но уже пять лет назад в партийных рядах расширилась и окрепла доля изоляционистов, которых представлял второй по популярности номинант Рон Пол.

Во-вторых, большинство арабской диаспоры традиционно голосуют именно за Демократическую партию США. Как и большинство иранской диаспоры, которое уже давно не ориентируется на деградировавшее семейство Пехлеви. Трита Парси, президент Национального Ирано-американского совета, был в числе авторов петиции в Конгресс против бомбардировки.

Иранская диаспора — мощный электоральный фактор, а особенно в том штате, где Обама пользовался максимальным успехом и на первых, и на вторых выборах — в Калифорнии. В крупнейшем городе штата, помимо Голливуда, достопримечательностью является район компактного проживания иранцев, в просторечии именуемый «Тегеранджелес». Это не трущобы. Именно в Калифорнии живут иранцы-миллиардеры, сделавшие состояния в IT-секторе.

Солидные вливания от иранской диаспоры получали многие конгрессмены и сенаторы. В 2004 году миллиардер Хасан Немази был самым крупным спонсором кампании демократа Джона Керри. Этот финансист входил в руководство многих фондов и НПО, в том числе National Security Network (NSN), основанную ближайшим советником Керри Рэндом Бирсом (ныне — заместитель главы Департамента внутренней безопасности).

Напомним, 14 декабря СМИ сообщили о том, что новым госсекретарем станет Джон Керри — как и предрекал с рекламной настырностью тот самый «объективный» журнал Foreign Policy. А с действующим госсекретарем Хиллари Клинтон в этот день случился обморок в итоге многодневного расстройства желудка (которое сразило ее тоже не в случайный момент, а накануне запланированной поездки на встречу «Друзей Сирии»).

То же самое расстройство помешало Хиллари поучаствовать в закрытых слушаниях по обстоятельствам гибели американского посла в Ливии Криса Стивенса. Как и следовало ожидать, специальная комиссия обвинила в этом провале именно Госдеп. Теперь внешнеполитическое ведомство США ожидает массивная ротация с избавлением от многочисленных протеже Хиллари.

В январе прошлого года один из ее протеже, Филипп Гордон, участвовал в традиционном неформальном мероприятии в Литве, которое именуется «Снежная встреча». Тогда в центре внимания собравшихся были демонстрации на улицах Москвы, которым сулили тот же исход, что и в Египте.

На «Снежной встрече» 10-11 января этого года Филиппа Гордона не было, а главной темой мероприятия была не Россия, несмотря на вышеназванный поход кораблей в Сирию, а внутренние проблемы Европы. Представитель США в НАТО Иво Даалдер, представлявший Госдеп, отказался вмешиваться в спор между эстонцами и литовцами о том, кому из них отвечать за мониторинг воздушного пространства над Прибалтикой. То ли он устал и от тех, или от других, то ли был больше озабочен собственным будущим в контексте грядущей чистки.

«Вашингтон так же пытается приспособиться к хаотическому развитию событий, как и любая небольшая страна, у которой никогда не было инструментов глобального управления», — сетует Федор Лукьянов. Однако элиты небольших стран совсем иначе воспринимают происходящее. «Радость

Обамы по случаю победы — это печаль Польши», — заподозрил обозреватель *Gazeta Polska* Рышард Чарнецкий. «Бывший блок Стран Народной Демократии и постсоветские республики окажутся в еще большем одиночестве, чем прежде».

Нельзя сказать, что Обама в период первого срока совсем не обращал внимания на восточноевропейских «братьев меньших». Летом 2011 года элите стран бывшего соцлагеря была предложена почетная роль наставников молодой североафриканской оппозиции. Однако самолюбивые восточноевропейцы сочли такое поручение обидным: Лех Валенса, например, просто отказался явиться на саммит, организованный Госдепом, заявив при этом, что движение «Солидарность» обязано своей победой не только Америке, но и Ватикану.

Теперь, когда Хиллари Клинтон, сделавшая было Вильнюс столицей интернет-наступления на Восток, уходит со сцены, польско-литовский авангард экс-соцлагеря теряет свою опорную функцию. «Новая Европа», несомненно, и дальше будет использоваться как противовес «Старой», но с ущербом для себя. Латвию и Литву усиленно заталкивают в еврозону, создавая Берлину дополнительный балласт, а кроме того, в Афганистан — таскать каштаны из огня на территории, уже на бумаге поделенной между «карзаевцами», талибами и «Северным альянсом».

А что касается Ватикана, то его влияние в Польше уже потеснил развеселый водочный магнат Януш Паликот, устраивавший уличные шоу гомосексуалов. «Польша больше не католическая», — приговаривал этот эксцентрик (по совместительству член Трехсторонней комиссии), получив на выборах третье место. Такой же «гороховый шут» Владимир Франц, с ног до головы изрисованный татуировками, загипнотизировал молодежь Чехии. В Риме не успокаиваются обличители кардинальской педофилии, а в парижской нунциатуре громят мебель мигранты. Ватикан, говорите? Вот вам Ватикан с кисточкой.

Рышард Чарнецкий видит особый дурной знак в том, что Америка «предала» грузинский режим Саакашвили. То же самое произошло, между прочим, и с режимом Бэеску. А по совпадению долю транзита боевой техники из Афганистана по маршруту через Баку, Тбилиси и Констанцу решили сократить до 10 процентов, перераспределив транзит в пользу Иордании и Эмиратов. А Ильхам Алиев оказался «коррупционером года».

Главному редактору журнала «Россия в глобальной политике» прошедший год показался скучным и пассивным и в то же время каким-то «невротичным». Но невроты не возникают просто так. Невроз вокруг «фискального обрыва» послужил очень удобной ширмой для масштабной перетасовки американского (и не только) истеблишмента, где на первые роли вышли совсем другие лица. Сделано это было поэтапно, продуманно и целенаправленно, с первостепенным участием вице-президента Байдена, который оказался «спасителем от обрыва», и которого Christian Science Monitor теперь прочит в номинанты от Демпартии в 2016 году. А два года назад то же издание предрекало эту перспективу Хиллари Клинтон.

«Раньше процессы подчинялись какой-то логике, а модель поведения основывалась на понятных критериях оценки», — разводит руками Федор Лукьянов. На самом деле процессы в американских элитах как раньше, так и сейчас подчиняются железной логике.

Во внутренней политике — это логика клановой борьбы: сегодня ты, а завтра я, ловите миг удачи. А во внешней политике это логика «не мытьем, так катаньем». Демократизация Ирана через Twitter, предпринятая Госдепом в 2009 году, с треском провалилась. Значит, иранские элиты будут обрабатывать иначе. Как говорил персонаж сказки Шварца, или «ку», или «у». Если не получилось «у» (Ахмадинежада планировалось взорвать во время его визита в Ливан), значит, будут «ку».

И это начинание имеет перспективы. Зря, что ли, офис Ситибанка, где работал новый глава Федерального казначейства Джек Лью, занимает три этажа в здании Alevi Foundation, через который Вашингтон раньше поддерживал деловые связи с шахским режимом, а теперь — с корпорациями иранских аятолл? Зря, что ли, главой Департамента обороны стал Чак Хейгл — единственный республиканец в Сенате, голосовавший против признания проиранской «Хизбаллы» в Ливане террористической организацией?

Иранская пресса уже ликует по поводу номинации Хейгла, усматривая в ней «деизраилизацию». Действительно, правое израильское лобби не в восторге от этой фигуры. Зато левое израильское лобби такое назначение вполне устраивает. И как бы случайно левые израильские партии создают коалицию, а затюканный экс-премьер Эхуд Ольмерт, вдруг напомнив о себе, обвиняет Нетаниягу в пустых тратах общенародных средств на бессмысленные приготовления к войне с Ираном и столь же бессмысленную пропагандистскую кампанию.

Хейгл, кстати, бывал в Москве. В марте 2009 года, в качестве сопредседателя Независимой консультативной комиссии по политике США в отношении России,

совместно с демократом Гэри Хартом — еще одним активным участником кампании Керри 2004 года. Хейгл не то что занимался перезагрузкой: он стоял у ее истоков. А также у истоков политики Обамы в Афганистане. В политике на этом направлении, равно как и на китайском, Иран — важная фигура в игре. Достаточно себе представить, как иранская нефть после незаметной приватизации Иранской государственной нефтяной компании поплывет не на восток, а на запад. И как удобно будет манипулировать ценами на энергоносители, поигрывая, как на струне, на схеме непостроенного Арабского газопровода.

Арабский газопровод — удобная разменная карта (*bargain chip*) для Ирана, Ирака и Сирии. А играть на нем удобно (как на струне нефтяной трубы Баку-Новороссийск в 1994 году), поскольку он касается не всей Сирии, а одной из ее частей. Другая часть волеется в единый Курдистан. Третья, маленький кусочек на побережье — алавитам, вместе с портом Тартус. Накануне визита Байдена в Москву в феврале 2011 года «Независимая газета» намекала на некую сделку, в которой за Россией оставят этот порт.

Процессы подчиняются логике — просто немного не такой, как раньше. Это не логика наскока и кампанейщины, которая уходит вместе с Клинтон. Чтобы убрать ее команду со сцены, нельзя было обойтись без «у». Убийство посла в Ливии — не столь масштабная акция, как 9/11, но и одним послом просто так не жертвуют.

Новая логика — логика подкупа. Фон Эггерт не зря сменил пластинку: 11 января стало известно, что в Москву едет Том Дониолон. Кто это такой по службе? Это советник по национальной безопасности, который, в отличие от Клинтон, выступал против введения контингента НАТО в Ливию. А по дружбе? Его родной брат Майкл, политический консультант, является юридическим советником Джозефа Байдена. А супруга Тома Дониолона, Кэтрин Рассел, возглавляет аппарат супруги вице-президента Байдена, Джилл Байден.

В эпоху застоя у нас был популярен анекдот про три драгоценных сигаретницы, которые по очереди раскрывали Никсон, Жискард д'Эстен и Брежнев. На сигаретнице Никсона было написано «От американского народа», Жискард д'Эстена — «От французских женщин», а на самом увесистом и инкрустиро-

ванном аксессуаре Леонида Ильича различалась надпись «Графу Орлову от графа Шереметева». Таким же способом вынутые из сундука и из политического контекста афоризмы Российской империи берутся спичрайтерами на вооружение современной пропаганды. Например, фраза не самого powerful главы МИД Горчакова — «Россия сосредоточивается».

Сосредоточивается как раз Америка. А Россию и Иран будут пытаться купить. Снимите с ушей лапшу. Не путайте объективную оценку с лестью. Делите на шестнадцать бравые команды с крейсеров. И следите за руками.

15.01.2013

БОЛЬШОЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЧЕЙНДЖ

Поиски «черного золота» в темной комнате

Есть желающие повоевать в Африке? Говорят, дело стоит свеч. Газета «Ведомости», ссылаясь на эксперта из французского банка Societe Generale, не просто предполагает, а ставит в заголовок гипотезу: «Алжирский кризис может сыграть на руку „Газпрому“». В самом деле, террористы захватили несколько автобусов с работниками консорциума BP-Statoil-Sonatrach, ехавших на работу на газодобывающий объект Ин-Аменас. Значит, все дело в углеводородах! И Россия могла бы на этом сыграть, поскольку «Газпром» лишается очередного конкурента по поставке газа в Европу!

Фантазии Павла Чувилева из «МК» простираются еще дальше. Исламисты, пишет он, хотят власти, чтобы управлять, для чего и выбирают BP в качестве мишени: им (террористам) бы хотелось, чтобы геологоразведку в Алжире проводили не англичане, а, например, компании из Саудовской Аравии.

Вообще-то эпицентр конфликта — не в Алжире, а в Мали. Тут Чувилев вынужден признать, что в этой стране нефть не добывают. Однако продвинутые исламисты, по его версии, догадались, что под труднопроходимыми тропическими лесами на севере страны таится не только обычный газ, а еще и сланцевый! «Конфликт Африке грозит затяжной, и он вполне может вылиться в серию революций «арабской весны—2». Причем на сей раз Россия может выиграть. Хотя бы как нейтральная страна, способствующая миру. А там, глядишь, и от запасов перепадет», — предвкусывает автор.

То же издание интервьюирует анонимного полковника спецназа МВД со стажем работы на Кавказе. Ситуация с захватом заложников на Ин-Аменас напоминает ему эпизод в Буденновске. Он только до сих пор раздумывает, как же это так дал маху министр обороны Грачев: «Мы предлагали командованию решить вопрос путем уничтожения четверых лидеров террористов, в том числе Шамиля Басаева, но операцию не одобрили».

Первую чеченскую войну и наши, и отечественные эксперты тоже хором объясняли борьбой за нефть. И все будто бы действительно одно к одному: сепаратистская война идет в

Мали, а заложников берут на газовом месторождении в соседнем Алжире. Точно так же Буденновск находится не в Чечне, а в Краснодарском крае — зато ровно на трассе нефтепровода Баку-Новороссийск. С которым конкурировал нефтепровод Баку-Супса. Точнее сказать, конкуренция была искусственная: англо-американскому консорциуму АИОС в Баку нравился попеременно то один маршрут, то другой, и за каждым многообещающим заявлением следовали прицельные теракты.

«Арабскую весну» теоретики «ресурсных войн» также хором объясняли войной за углеводородные ресурсы. В случае с нефтеносными Ливией и Сирией это подразумевалось само собой. Сложнее было пристегнуть к этому обобщению Тунис с Египтом, и еще сложнее — самую первую из так называемых твиттер-революций, случившуюся в Молдавии. Но если долбить в одну точку, что-нибудь получится, например: Египет был нужен, чтобы раскатать Ливию, Ливия — чтобы раскатать Сирию, а там — проект Арабского газопровода, в котором заинтересованы Иран и Ирак. А Молдавия с Киргизией — просто так, для эксперимента.

Под теорию ресурсной войны подверстывался и Афганистан: коль скоро через его территорию американцы собирались проложить газопровод ТАРІ, то вот, типа, и повод для исламских волнений. Но странные все-таки персонажи эти исламисты. Им создают источник газотранзитной прибыли, а они устраивают зачем-то 11 сентября, и никакого трансафганского газопровода как не было, так и нет.

Чеченские сепаратисты тоже в Буденновске, получается, действовали ровно поперек собственных интересов. А если в интересах трубы Баку-Супса, то что Европа получила с этого гуся? Едва из грузинской Супсы пошли танкеры через Черное море и вверх по Дунаю, как началась бомбежка Белграда с прицельной бомбардировкой мостов. Правда, в итоге была сооружена труба Баку-Джейхан — к великому разочарованию Украины, которая рассчитывала на диверсификацию энергоносителей через Одессу.

Приближают ли освоение углеводородов, равно как и прокладку трубопроводных трасс, все многочисленные суррогатные войны — хоть на Кавказе, хоть в Африке? Можно спросить иначе — какой интерес корпорациям, заинтересованным в прибыли, работать в беспокойном регионе, где риски не поддаются измерению? Может быть, лучше сразу податься в Арктику, где не водятся исламисты? Корпорация ВР так в итоге и сделала — вот только не успела выбраться из Алжира. В связи с чем иностранный секретарь Хейг признал: «Надо го-

товиться к худшему». После захвата заложников в доселе спокойном Алжире ему, наверное, тоже припомнилась каспийская головная боль.

Но перед нашими добытчиками, которые уже успели дважды потратиться на месторождение «Элефант» на шельфе Ливии, оптимистичные эксперты рисуют завлекательные перспективы: чего нам стоит порубить малийские тропические леса, где исламисты сквозь землю углядели сланцевый газ?

Прежде чем поддаваться на этот соблазн, хотелось бы задать всего лишь три вопроса теоретикам ресурсных войн. Первый: если главным стимулом для чеченских сепаратистов была действительно нефть, зачем Шамилю Басаеву было устраивать укрепленный гарнизон в горном поселке Ведено близ азербайджанской границы? Второй: если «арабская весна» 2011 года вертелась вокруг нефти, почему самые ожесточенные бои в Ливии шли за контейнерные порты? И наконец, третий: является ли углеводородный рынок самым прибыльным рынком в современной экономике — если, конечно, не закрывать глазки, строя из себя невинность, и рассматривать публичную экономику без отрыва от непубличной?

Горный поселок Ведено был совсем не приспособлен для строительства нефтеперерабатывающего завода (refinery). Но нельзя сказать, чтобы в этом месте ничего не перерабатывалось. «Федералы», как презрительно именовали наших военных топ-медиа-комментаторы и правозащитники, нашли там весьма продвинутый, можно сказать, инновационный комплекс по обогащению (refining) афганского героина.

В правительстве непризнанной, но неподконтрольной (и поэтому райски удобно для контрабанды) республики Ичкерия Шамиль Басаев занимал должность не министра нефти, а главы таможенной службы. В северном Мали должности еще не распределили, но также можно заметить — если читать западную прессу внимательно, — что предводитель группы, захватившей заложников в Ин-Аменасе, имел репутацию поставщика контрабандных сигарет, а вовсе не промоутера нефтяных интересов.

Если уважаемая газета «МК» хочет провести параллель между Северной Африкой и Российской Федерацией (1995 года) до конца — что ж, извольте.

«Шамиль Басаев! Шамиль Басаев!» — зывал, помнится, в телеэкране Виктор Черномырдин с мобильником в руках. Казалось, что он мучительно выбирает, как лучше обращаться к влиятельному в некоторых местах лицу — по имени или по фамилии. А что было потом, все помнят?

Потом был фактический раскол правящей партии «Наш дом Россия» с логотипом в виде крыши. Потом — слухи о тяжком нездоровье Бориса Ельцина, возникновение в Москве и Петербурге комитетов в поддержку Виктора Черномырдина на президентскую должность, поход Людмилы Борисовны Нарусовой в кабинет Ельцина с тем же месседжем, притворная агония Бориса Николаевича, и, наконец, губернаторские выборы в Санкт-Петербурге, где по всем раскладам должен был победить Собчак, но случается что-то странное. В автомашине влиятельного депутата на Дунайском проспекте, у дома номер семь, был задержан, к своему великому изумлению, прописанный в этом доме самый влиятельный и совершенно неуловимый теневой авторитет бывшего СССР по имени Аслан Рашидович Усоян. Следующая картинка: режиссер Шадхан ведет теледебаты, а действующий мэр не в состоянии связать двух слов. После чего проигрывает.

Сегодня о неуловимом Аслане Рашидовиче плачет не только братва, но и все мировое езидское сообщество. Покойный был фигурой транснационального масштаба. Как и шейх Омар Абдул Рахман, которого в обмен на освобождение заложников потребовал освободить из американской тюрьмы малийский Шамиль Басаев по кличке Мохтар Бенмохтар. Шейх Омар тоже очень долго был неуловимым: и когда учредил в Египте партию «Исламский джихад», и когда близкие к ней офицеры убили Анвара Садата, и когда готовилось покушение на его преемника Мубарака. И само собой, когда в Афганистане вооружались моджахеда против СССР. В ту пору президент Джимми Картер близко дружил с основателем банка BCCI пакистанцем Агахасаном Абеди. Потом у нас началась перестройка, с милосердием и покаянием, войска из Афганистана вышли, а мавр, сделавший свое дело, стал не нужен — и правдолюбец Джон Керри занялся расследованием злоупотреблений банка BCCI. От чего пострадал, впрочем, не Джимми Картер, а президент Панама Мануэль Норьега, посягнувший на слишком большую долю на наркорынке.

В феврале 2011 года ФСКН РФ очень возмутилась заявлением, которое сделала на весь мир частная организация Global Commission on Drug Policy (GCDP): ее ноу-хау состоял в том, что хранение наркотиков не должно быть предметом уголовного преследования — как и употребление, если оно не нарушает права других граждан. Зато Джимми Картеру инициатива понравилась. В основанной им международной группе влиятельных миротворцев под названием Elders (Старейшины) состоит некий Лахдар Брахими — бывший заместитель главы

МИД Алжира, а ныне куратор сирийского урегулирования в ООН. Ранее куратором был Кофи Аннан — отпрыск олигархического семейства из государства Гана, экс-генсек ООН и также член группы Elders. Любопытно, что GCDP и Elders пересекаются не только по спонсорам, но и частично по составу.

Углеводородный истэблишмент играл первую скрипку в мире ровно столько времени, пока углеводороды были самым прибыльным товаром. С 60-х годов XX века наступили другие времена, когда проекты их добычи и транспортировки на поверку оказываются пропагандистскими манипуляциями, создающими «горячие точки» — где спрос совсем другой.

Вольному воля заниматься пропагандой, а адресной аудитории — ловиться на соблазн. Но за соблазны энергетической выгоды, которые распространяют в том числе и популярные конспирологи, расплачиваются живые люди — русские, украинцы, чеченцы, сирийцы, малийцы. «Газпром» думал было присоединиться к трансафганскому проекту TAPI, но раздумал. Возможно, в том числе из-за нежелания подставлять головы своего персонала под пули неуловимых полевых командиров, работающих на несравнимо более прибыльном рынке. Дай Бог, хватит ума не лезть и в малийские тропические леса.

Кто не успел, тот опоздал

Нефтецентрик Павел Чувилев из «МК» сделал еще одно открытие: «Обе страны (Алжир и Мали) являются бывшими французскими колониями. А колоний, как и чекистов (sic), бывших не бывает. Влияние Франции в той и другой стране весьма сильно, а в Мали, как видим, дошло до открытого участия в конфликте французских войск. Если «арабская весна» 2010 года затронула страны, ранее бывшие английскими колониями (и чуть позже Ливию — бывшую колонию Италии), то теперь волнения все шире охватывают ареал французского влияния в Африке. Случайностей в таких вещах не бывает; это тренд, который нуждается в объяснении».

На самом деле «арабская весна»: а) политически затронула не только англоязычные страны (к ним не относятся ни Тунис, ни Марокко), б) датируется не 2010-м, а 2011-м годом, в) совпадает по времени с активизацией террора во многих африканских странах. В Сомали число жертв междоусобицы лета 2011 года на два порядка превышало число убитых в Сирии. Если об этом не рассказывали в телеэфире Евгений Сатановский и Сергей Пашков, это не значит, что этого не было.

Тенденция, связанная с Францией, действительно существует, но этим Париж обязан не сам себе, а Соединенным Штатам.

там. И эта тенденция состоит не в том, что французам кто-то строит гадости (здесь г-н Чувилев умудряется в пяти абзацах вступить в противоречие с самим собой: напали ведь в Алжире на английскую компанию, не так ли?) Напротив, Франция возвращается туда, откуда ушла: ее войска присутствуют и в Мали, и в Мавритании, и в Сомали, и даже в Центрально-Африканской республике. Главная же смена тренда состоит в том, что именно Франции досталась в руки ключевая функция по политическому формированию «нового Афганистана». На встречу в Шантильи французским спецслужбам 20-21 декабря удалось «вытащить» весь реальный афганский спектр — не только «Талибан», но и партию Хекматиара, и хазарейцев, и наследников Северного Альянса. До сих пор такого не удавалось никому. И это обидно как Лондону, так и Берлину, натаскавшим американцам немало каштанов из афганского огня.

А накануне новый французский президент Франсуа Олланд посетил Эр-Рияд. После чего ближневосточный обозреватель *Le Figaro* Жорж Мальбрюно написал следующее: «С приходом Олланда Франция уделит в своей ближневосточной политике чуть больше места Саудовской Аравии и чуть меньше — Катару. Появление Олланда в Джидде наглядно свидетельствует о переменах в курсе. Ранее «катаризация» внешней политики Франции на Ближнем Востоке вызвала раздражение в Саудовской Аравии, которая до сих пор поглядывает свысока на кипучую активность крошечного соседа».

Мальбрюно выразился весьма деликатно. Саудовская монархия не просто ревновала к «крошечному соседу», на территории которого находится самая крупная в регионе база американских ВВС, а также «Город образования» с филиалами самых престижных американских университетов. И не просто завидовала прибыли Катара на «арабской весне», с приростом ВВП за революционный 2011 год втрое большим, чем аравийский. Для Саудовской Аравии как сам Катар, так и его телеканал «Аль-Джазира», на котором вещает шейх Юсуф аль-Кардави — прямая идеологическая угроза. Поскольку египетские «Братья-Мусульмане» и их дочерние структуры, получившие карт-бланш одновременно в Тунисе, Марокко и Йемене, относятся к принципиально иному направлению в исламе — с позиции ваххабизма, еретической. Учение ихванов («братьев») восходит к арабскому рационализму — аналогу европейского Просвещения, в связи с чем непредвзятые исследователи именуют «Братьев» ни в коем случае не фундаменталистским, а «возрожденческим» (revivalist) направлением. Но при этом, в том числе усилиями аль-Кардави, они намеренно присваива-

ют себе определение «салафитов», что является в глазах саудитов наглейшей подменной понятий.

Мало того, в феврале 2011 года, когда Катар стал опорой США в регионе, интернет-революционеры завелись и в Саудовской Аравии, в связи с чем король даже всерьез пытался купить Facebook у Цукерберга. А в конце того же года на выборах в Египте на втором месте после фаворита, то есть «Братьев», оказались просаудовские салафиты. Эр-Рияд не жалел средств для сокращения рисков и для продвижения в Египте собственного влияния.

Между тем Катар не только безукоризненно исполнил роль американского сатрапа в ливийскую кампанию, но и тратил собственные деньги на кредитование Египта, и взял под крыло палестинскую партию ХАМАС, по существу перекупив ее руководство у Ирана. «Крошечный сосед» узурпировал не только палестинское урегулирование, при этом заявляя прямым текстом, что Арабская (сиречь саудовская) инициатива, дескать, устарела, но и ближневосточную штаб-квартиру афганского «Талибана», и центр координации сирийской оппозиции. А впридачу позиционировался как главный поставщик углеводородов (СПГ) в Европу.

«Арабская весна» в 2011 году готовилась и в Алжире: здесь было совершено больше протестных («шахидских») самосожжений, чем в Тунисе и Египте вместе взятых. Парижу с трудом удалось отстоять контроль над своей бывшей территорией: отчасти поэтому Саркози и согласился на исключительную военную роль в ливийской кампании. При этом Париж все равно больше потерял, чем получил: проект Средиземноморского союза, который вынашивался Саркози, был замещен конкурирующим геополитическим турецким проектом. Не зря же все партии «Братьев-Мусульман» в регионе носил названия, точно или приблизительно воспроизводящие имя правящей партии Турции.

О том, что этот турецко-катарский триумф был временным, можно было догадаться, вскоре после прихода к власти Олланда. Именно тогда из Дамаска в Париж отправился бригадный генерал Манаф Тласс — выходец из влиятельного семейства, имеющего репутацию воротил на рынках оружия и наркотиков (его отец Мустафа был министром обороны, а не нефти, что и было поводом для дружбы одновременно с французами и с нашим министром Грачевым). По пути Манаф заехал в Эр-Рияд, побеседовать с принцем Бандаром бен Султаном. Этот принц как раз вышел из опалы старших членов семьи и сразу же получил должность главы внешней раз-

ведки. А еще через несколько дней его пытались взорвать. Неправильный романтик Тьерри Мейссан приписал этот теракт сирийским спецслужбам. На самом деле возвышение принца был крайне болезненным ударом не столько для Дамаска, сколько для Дохи. Поскольку с этих пор катарская и франко-саудовская линии в сирийском «урегулировании» окончательно разошлись. А выбор был сделан Вашингтоном.

В Эр-Рияд Олланд прибыл буквально в день американских выборов. Столь же осведомлен об изменении курса — не французского, а американского — был Дэвид Кэмерон, опередивший его на пару дней. Пока конъюнктура не успела измениться, он заключил внушительный контракт по поставке Саудовской Аравии истребителей Eurofighter Typhoon. Церемония сопровождалась вдохновенной речью об иранской угрозе, нависшей над Хашимитским королевством. В лексиконе отечественных VIP это называется «впарить».

Кэмерон подсутился вовремя. Президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс опубликовал целеуказующую статью об американско-иранской дружбе уже 11 ноября. Месяц спустя окончательно определились номинанты на посты глав Госдепа и Пентагона — Джон Керри и Чак Хейгл, откровенные лоббисты американско-иранского стратегического альянса. А следом за ними из трех кандидатур на пост главы ЦРУ был избран именно экс-глава разведывательного офиса в Эр-Рияде Джон Бреннан.

Михаил Маргелов, несостоявшийся демократизатор российского МИД и агитатор за разрыв с Россией с Ираном, заволновался только в середине января. На днях он заявил, что незачем, дескать, западным странам вмешиваться в события в Мали: пусть африканцы сами решают. О возвращении Франции в Магриб его не предупредили.

Заместителя главы МИД Сергея Рябкова осенило чуть раньше — в середине декабря. Он догадался, что Вашингтон не придушивается, а в самом деле решил сделать ставку не на столкновение суннитов с шиитами лоб в лоб, а на флирт и с Тегераном, и с Эр-Риядом. А значит, и нам надо флиртануть, решил Рябков к шапочному разбору. «И я, и я, и я того же мнения», — говорил герой мультфильма с большими хлопающими ушами.

Между тем догадаться о грядущей смене вектора можно было и без подсказок, а просто при внимательном чтении журнала *Foreign Policy*. В нем друг Байдена и Керри, Лесли Гелб, трижды выступал с проиранскими статьями.

Эксперты канала РБК-ТВ 17 января заметили — лучше поздно, чем никогда: «Считалось, что в Европу после „арабской весны“ хлынет катарский сжиженный газ, а он не хлынул». К этому можно добавить, что экспансия катарского СПГ была остановлена явочным порядком при почти детективных обстоятельствах.

В конце ноября на Украине должны были запустить строительство терминала сжиженного природного газа. Поставщиком должна была быть компания Qatargas, а подрядчиками строительства — испанцы, американцы и местный олигарх Дмитрий Фирташ. Однако в день церемонии выяснилась удивительная вещь: оказывается, контракт с испанской стороны подписывало не уполномоченное лицо, а некий авантюрист, по основной профессии — инструктор по ходьбе на лыжах. Терминал был предназначен для диверсификации поставок газа в Европу, иными словами — для снижения его цены. Украинские нефтяные эксперты в один голос вопили: это все русские и их агент Медведчук! И вот второй парадокс: ни Вашингтон, ни Совет Европы не подвергли ни Москву, ни ее киевских агентов никаким санкциям, и более того, пальцем не пошевелили ради катарских друзей и партнеров. Как и ради второго потенциального поставщика — Азербайджана. К слову, будущий госсекретарь Джон Керри имеет репутацию армянского лоббиста.

В чем провинился Катар

Российский МИД оказался бы более готов к сдвигу американских стратегических приоритетов (который ему важен хотя бы в связи с афганской проблемой), если бы его интеллектуальным партнером была хоть какая-то еще исследовательская организация, помимо Института Ближнего Востока Е. Я. Сатановского. Для учреждения, возглавляемого экс-председателем Российского еврейского конгресса, все исламские кошки серы: что «Братья-мусульмане», что ваххабиты, что саудиты, что Катар, что ХАМАС, что ФАТХ — одна и также «Аль-Каида», а общий вывод также не блещет вариациями: Москве в регионе надо заниматься исключительно спасением тонущего Израиля.

В итоге получается как в сказке про мальчика, который слишком регулярно вопил «волки, волки». Судя по той энергии, с которой Барак Обама продвигает на пост министра обороны Чака Хейгла, известного своими репликами по поводу еврейского лобби, обновленная демократическая администрация действительно меньше будет прислушиваться к сте-

нениям из Иерусалима, чем ее состав периода первого срока Обамы.

Обама действует по принципу «все хорошо в меру». Израиль уже получил для обороны от «Братьев-мусульман» и Тегерана одновременно внушительные объемы средств и вооружений. Новый подход будет более экономным. В Иерусалиме еще будут с ностальгией вспоминать о тех временах, когда в Египте президентом избрали инженера Мохаммеда Мурси, который учился в США и работал в NASA.

Кстати, в том же NASA и в те же годы трудились ливиец Мустафа Абушакур и малиец Модибо Дьярра. Первого в сентябре прошлого года избрали премьером Ливии при поддержке местных «Братьев-мусульман» — и наперекор французам, делавшим ставку на основателя Переходного национального совета Мохаммеда Джибрила. На фоне скандала вокруг гибели американского посла Абдушакуру не дали сформировать правительство, и на его место был продавлен ставленник Джибрила Али Зейдан.

Карьера Модибо Дьярры в Мали закончилась так же быстро и бесславно. В апреле 2012 года астрофизик Дьярра был приглашен на пост премьера временным президентом Диокунде Траоре, а уже в начале декабря его явочным порядком выкинули вон, сменив на бывшего начальника тюремного ведомства Джанго Сиссоко, который в авиакосмосе не силен, зато после тюремной должности (при Мусе Траоре, которого принято считать диктатором) занимал кресла в МВФ и Всемирном банке. Карьера Дьярры закончилась почти в тот же день, когда окончательно определилась кандидатура Керри на пост главы Госдепа США.

В том, что высокие посты в африканских странах доверяют теперь менее образованным, но зато послушным винтикам, нет ничего удивительного. В Эр-Рияде нет столь продвинутого научного центра, как Дохийский город образования, а Париж всегда был склонен делать ставку на удобных негодяев в своих колониях.

Портал «Аль-Джазира» сочувственно цитирует светских сепаратистов из Национального движения за освобождение Азавада (НДОВА). Этих сепаратистов можно сравнить с умеренной группой «самоопределенцев» Саламбека Хаджиева в ЧИАССР периода 1990 года. Уже в конце 2011 года они захватили фактический контроль над северным Мали, а в марте в столице Бамако был свергнут президент Амаду Аmani Туре — в итоге традиционной для «арабской весны» антикоррупционной кампании. Сразу же после этого Париж и Экономическое объ-

единение Западной Африки (ECOWAS) прекратили помощь Мали. На фоне голода первую скрипку начали играть радикальные исламисты из так называемой «Аль-Каиды Магриба» (AQIM). Об этой структуре, которую и представляет Мохтар Бенмохтар, в трудах Института Ближнего Востока написано много. Для объективности упомянуто и о том, что под давлением и угрозами AQIM, а также группы «Ансар Дине» и мавританского Движения за единство и джихад первоначальные (поддерживаемые Катаром) сепаратисты раскололись: часть примкнула к «исламистам», а часть, как ни странно, выразила лояльность временной центральной власти. То есть произошло то же самое, что в Чечне в ноябре 1991 года.

Французские эксперты, в отличие от Сатановского и Ко, признают, что часть сепаратистов «рассчитывала на поддержку Катара». Именно на них, то есть на НДОО, и обрушится военный удар под предлогом борьбы с «Аль-Каидой», рассказывали малийские источники «Аль-Джазире».

Провинциальные представители НДОО, ожидавшие удара французов, рассказали и другие интересные вещи. По их словам, президент-коррупционер Амаду Аmani Туре был «в деле» с наркобаронами, перевозящими кокаин через Африку в Европу, и именно «обслуживающая команда» этих наркобаронов выступает под флагом «Аль-Джазире в Магрибе», хотя ее недавно именовали себя «Салафитской группой за молитву и борьбу». Среди этих оборотней немалую часть занимают алжирцы с опытом муджахедской деятельности в Афганистане, а поддержку они получают от алжирской разведки DRS, рассказывали светские борцы за азавадский суверенитет.

Нельзя сказать, что эта версия сильно расходится с оценкой экс-главы Антнаркотического комитета ООН Антонио Марио дель Косты. Да и Пьер Жакмо — эксперт из того самого института, который устраивал мероприятие в Шантильи — признавал: «Регион на севере Мали, независимости которого добиваются туареги, не просто «колыбель» их народа. Уже долгое время эта территория играет важную роль в незаконной торговле оружием, автомобилями, сигаретами, а также заложниками. Кроме того, несколько лет назад через него также пошла перевозка кокаина из Латинской Америки. Таким образом, за всеми заявлениями туарегов и исламистов не стоит упускать из вида и значительные финансовые интересы».

Французский эксперт не валит в одну кучу, а разделяет туарегских светских сепаратистов, которым досталось оружие со складов Каддафи, от так называемых исламистов (Франс-Пресс даже употребляет термин *Al Qaeda franchise* — то есть

позаимствованный брэнд), которым удивительно легко достался огромный склад оружия и боеприпасов в городе Гао, после чего они и перехватили контроль над ключевыми городами у НДОО в конце июня прошлого года, после французских выборов.

Государство Мали с XV века было составной частью трансафриканского торгового пути, сопоставимого с «великим шелковым путем» в Евразии. Этот маршрут в обход Гибралтара пролегал через Гану (отчего там и образовалась родовая знать вроде семейства Аннанов), Мали и Сонгайскую империю, просуществовавшую до 1591 года. Тогда по тракту возили золото, соль, специи и разумеется, рабов. Теперь у «золотого» пути через пески и тропические леса та же специализация, что у южноазиатского «Золотого треугольника». После крушения набитого наркотиками самолета «Боинг» над Мали в 2009 году стало очевидно, что помимо сухопутного коридора, путь из Ганы через Мали в Алжир имеет и воздушный коридор. В свою очередь, на американском портале *Maur Next Door* (Мавр по соседству) упоминалось и о смыкающемся с этим путем воздушном коридоре Мавритания-Нигер-Вазирстан — только, соответственно, опиумном.

Клопы на диванах не отдыхают, а работают. Франция с вышестоящего разрешения, в обмен на содействие по Афганистану — большой чейндж — получает контроль над контрабандными путями в Северной Африке. Не только наркотическими — из ЦАР, например, везут алмазы. Половина добытых там алмазов, согласно английской Wikipedia, уходит на черный рынок. Основные места столкновений между президентскими и оппозиционными силами совпадают с местами добычи. Исполнители приказов французского командования считают, что борются с «Аль-Каидой», а неуловимые исламисты добрались уже до юга страны. Когда они доберутся до столицы, к ним приедет бравый французский генерал а-ля Александр Лебедь. «Светских сепаратистов» в его присутствии развешат на столбах, но мировая пресса этого не заметит: она будет писать о Pussy Riot и «ужасах белорусского режима».

Нельзя сказать, однако, что работа отечественных экспертов клопиков пошла совсем уж зазря. Алармистские στεγнания вокруг повсеместных «аль-каид», якобы самостоятельных и никому не подконтрольных, сыграл свою роль в дополнительном вооружении Израиля. То, что при этом от влияния РФ на Ближнем Востоке остались крошки с американо-франко-саудовского барского стола, следует считать адекватным поощрением за аутсорсинг внешней политики.

А Катар провинился тем, что захотел слишком большую долю влияния на самых прибыльных теневых рынках. В таких случаях инициатива наказуема. Вот и об Аслане Усояне писали, что он «готовится к триумфальному возвращению». Однако воровская оппозиция, собравшаяся в Дубае 10 декабря, решила иначе. И к тому есть резон: именно ОАЭ и Иордании обновленная демократическая администрация США доверяет крупнейшую долю транзита личного состава и боевой техники из «примиряющегося» Афганистана. А имя нового короля постсоветского теневого мира должен знать Борис Иванишвили, поставленный обновлять Грузию и уже приступивший к неотъемлемому пункту этого плана — освобождению воров в законе.

21.01.2013

УПРАВЛЯЕМЫЙ ИУДЕЙСКИЙ ХАОС

Круговорот «равноудаления»

Выборы в кнессет Израиля 19-го созыва освещались на российских телеканалах удивительно бесстрастно. То ли госканал «Россия» сообразил, что алармистский надрыв Сергея Пашкова, начинавшего карьеру на НТВ Гусинского, слегка поднадоел аудитории, то ли отечественная дипломатия призадумалась над итогами внешней политики на Ближнем Востоке. А конкретно над тем, много ли Россия выиграла от двадцатилетних стараний по созданию собственного лобби в Израиле, что ассоциировалось с множеством чудес — от победы над террором до создания отечественной Силиконовой долины.

Ожидания чудес были унаследованы от ельцинской элиты, в манере революционного авангарда переосмысливавшей в одной флаконе внутренние и внешние приоритеты. Если пролетарий в киноискусстве 1990-х опустился на четвереньки («Собачье сердце»), то одесский бандит Бенья Крик, напротив, стал символом несправедливо попранного класса. В свою очередь, во внешней политике отказ от советского прошлого как бы сам собой означал, что на Ближнем Востоке России приличествует дружить не с отсталыми арабскими диктатурами, а с продвинутой израильской парламентской демократией.

Наши капиталистические партнеры между тем благополучно продолжали дружить и с монархами Залива, и с Израилем, правомерно не идеализируя ни одну из сторон. Правомерно — потому, что израильская демократия ничем не отличается от европейских, как по клановому бэкграунду формирования правительств и соответствующему стилю перманентных дрязг и разоблачений, так и по прямой зависимости этих пертурбаций от элитных сдвигов в Вашингтоне. Но в отечественном медиа-мэйнстриме этих банальностей не видели в упор: выборы в кнессет 14-го созыва на ОРТ и НТВ периода семибанкирщины (1996) подавались так, будто в этот момент на клочке средиземноморского побережья решались судьбы всей земной цивилизации.

Вышеназванные упования на чудеса переплелись с еще одним трудноизлечимым догматом — о том, что экспорт энергоносителей сам по себе генерирует внешнее политиче-

ское влияние. В итоге в России, а также на энерготранзитной Украине, сложился невиданный для Запада феномен — пирамидальное устройство сырьевой элиты, еврейских общественных организаций и иудейских религиозных общин. Этот феномен противоречил и старой традиции иудейского духовенства, не имеющего иерархической структуры, и новой традиции самого государства Израиль, где правительства начиная с 1992 года меняются как перчатки без участия религиозных союзов, которых в этой маленькой стране не меньше, чем партий. Зато он вполне соответствовал мегаломаническому мышлению новых владельцев российских ресурсов, считавших необходимым обзавестись общественными титулами — сулившими, в их представлении, универсальные индульгенции и на отечественной, и на мировой арене. Это искаженное восприятие мира подкреплялось сонмом наемных экспертов, юристов и публицистов с навыком избирательно-го применения термина «антифашизм».

Поэтому первый опыт ротации (так называемого равноудаления) олигархов, давно ставшей обычным делом как в США, так и в Израиле, в нашей стране вызвало шок. Когда Владимир Гусинский, учредитель холдинга «Медиа-Мост» и президент Российского еврейского конгресса, был отлучен от системы массовой пропаганды, а его заимствования у «Газпрома» были вслух названы долгом, еженедельник «Московские новости», оставив лирику, начал растолковывать Кремлю «на пальцах» его внешнеполитическую незаменимость. А конкретно эксперт Андрей Сотник пояснял: если отобрать у Гусинского телеканал НТВ, то «Газпром» потеряет шансы продлить газопровод «Голубой поток» от Турции до Израиля, и мало того, при этом Москва рискует поссориться с авторитетными израильскими семьями Нимроди и Данкнер.

Гром и молнии на Кремль, однако, не обрушились. Глава «Медиа-Моста» оказался вовсе не эксклюзивным посредником. Кремль при содействии экс-премьера Евгения Примакова установил более прямые контакты с правой израильской коалицией Ариэля Шарона, в которую входила ориентированная на русскоязычных партия «Наш дом Израиль» Авигдора Либермана. По той же линии нашел себе новых партнеров и «Газпром».

Между тем у Гусинского и его партнеров возникли проблемы и в вынужденной эмиграции: в Земле обетованной им инкриминировали незаконные финансовые транзакции через банк «Хапоалим», а затем — незаконное приобретение элитных коттеджей в испанской Марбелье. Всеми этими не-

приятностями Гусинский расплачивался за свою попытку обойти американца Рона Лаудера в борьбе за пост президента Всемирного еврейского конгресса.

Другие ветры из того же Вашингтона вполне оправдали опалу Михаила Ходорковского, концептуально обоснованную Станиславом Белковским и Иосифом Дискиным. В итоге Российский еврейский конгресс, руководство которого перешло после отъезда Гусинского к Леониду Невзлину, вновь остался «без головы». Что, впрочем, только посодействовало общественной карьере экспортера удобрений Вячеслава Кантора.

Как Лаудер, ставший при Лужкове крупным отельером в Москве, так и Кантор симпатизировали в Израиле правым, а не левым. Шестидесятники увидели в этом особый знак. В «Московских новостях», в рубрике «В мире — В стране — Во мне», появилась весьма ядовитая заметка за подписью тогдашнего заведомо Института Европы Аркадия Мошеса. Автор, социал-демократ по убеждениям, изобличил российских чекистов как класс в особой симпатии к правым, сиречь милитаристским силам в Израиле на почве профессиональной зависти по всем статьям — от оснащенности техникой до бесцеремонности с арабами и правозащитниками.

Рубрика «В мире — В стране — Во мне» была ликвидирована в 2003 году новым владельцем «Московских новостей» Аркадием Гайдамаком. Диамантер с французским и ангольским гражданствами, накануне успешно решивший проблему внешней задолженности банка «Российский кредит» Бориса Иванишвили, не только деполитизировал газету, но на короткое время сделал ее трибуной Глобального фонда за демократию, которым тогда руководил бывший украинский цеховик, а затем президент Всеукраинского еврейского конгресса Вадим Рабинович. Фонд ни много ни мало рассчитывал заманить собою ООН — что вполне соответствовало ходу мыслей американских неоконсерваторов.

Год спустя Гайдамак утратил всякий интерес к «Московским новостям» и отправился в Израиль создавать собственную партию. Там, однако, его порывы споткнулись об очередной транснациональный уголовный процесс по старым ангольским алмазно-оружейным делам.

Уголовное преследование в Израиле коснулось и вышеназванных финансовых семейств — Нимроди и Данкнеров. А в Кремле все международные неприятности владельцев и партнеров «Моста», «Менатеп» и «Роскредита» удивительным образом предвидели еще в момент ареста Гусинского. Ровно в этот день главным раввином России был объявлен малоизве-

стный в ту пору духовный покровитель московской хасидской общины в Марьиной Роще Берл Лазар. И как бы автоматически хасидская Федерация еврейских общин России (ФЕОР) во главе с диамантером Львом Леваевым стала «главнее» Конфедерации еврейских общин России (КЕРООР), объединяющей преимущественно ортодоксальных иудеев.

Внутриполитическое объяснение этого подарка хасидам — точнее, движению ХАБАД, объединяющему только любавичских хасидов — казалось чрезвычайно простым: в числе прихожан Марьиной Рощи фигурировал Роман Абрамович. Иными словами, в выборе Кремля усматривалась логика предпочтения лояльных нелояльным. В самом деле, ни Леваев, ни Абрамович не развязывали кампании в поддержку чеченских «повстанцев», как НТВ Гусинского, не предлагали (одновременно со скупкой целых фракций Госдумы) изменить политическую систему России, как Ходорковский, и не поднимали руку на ООН, как соратники Гайдамака из украинских и казахских теневых кругов, почему-то нашедших покровительство со стороны одновременно Альберта Гора и Руди Джулиани.

Впрочем, нельзя сказать, что лояльность предпочтенной стороны была совершенно бескорыстной. Именно любавичские хасиды предъявляли Советскому Союзу имущественные претензии, и в октябре 1990 года Михаил Горбачев был готов их выполнить. С другой стороны, нельзя сказать, что Михаил Сергеевич, к тому времени ставший пантеистом и мечтавший о храме всех религий, также руководствовался исключительно соображениями милосердия и покаяния. Крупномасштабные кредиты агонизирующему СССР, бюджет которого был разбазарен горбачевским же законодательством о кооперативах вкупе с приумножением льгот, ожидалось тогда лишь из двух источников — Великобритании (на государственном уровне) и Израиля (на уровне международного теневого Шаяля Айзенберга как частного лица).

Предмет спора — библиотека раввинов Шнеерсонов — как тогда предлагалось, должен была стать основой международного культурного центра в Любавичах, то есть на Украине. Биография последнего раввина династии была связана прежде всего с Украиной — с Николаевом и Днепропетровском. Вполне закономерно, что в постсоветские годы деятельность ХАБАД развернулась прежде всего на Украине, а днепропетровский рабби Шмуэль Каминецкий, уроженец США, превзошел по влиянию всех прочих иудейских учителей, ортодоксальных и прочих. Во-первых, потому, что Украина во всем гротескно повторяет Россию. Во-вторых, потому, что бо-

лее состоятельных прихожан чем в Днепропетровске, было не найти: в местной общине соседствовали, например, второй по размеру состояния украинский олигарх, глава группы «Приват» Игорь Коломойский и президент ГК «Интерпайп» Виктор Пинчук.

Виктор Пинчук располагает возможностями, которые не снились ни одному российскому олигарху. Во-первых, ему, как зятю экс-президента Кучмы, в ходе приватизации достались эксклюзивные мощности по производству труб большого диаметра, а сопоставимых производств в России, вопреки обещаниям, намерениям и программам, построить не удалось. Во-вторых, на ежегодных форумах Ялтинской европейской стратегии (YES), которые он финансирует, регулярно присутствуют Билл Клинтон и Шимон Перес. Престарелый президент Израиля, ветеран левой партии «Авода», также регулярно присутствует на «украинских завтраках» в рамках Давосского форума, также спонсируемых Пинчуком. Ни одному из олигархов экс-СССР, кроме Пинчука, не было пожаловано и членство в совете директоров Международной кризисной группы (ICG). Равно как и особо почетная роль спонсора мировой борьбы со СПИДом. На почве этого благородного дела у Пинчука возник дополнительный эшелон покровителей из того сообщества, к которому принадлежит, в частности, Элтон Джон. От авраамических религий это сообщество вроде бы далеко, но в лице Виктора Михайловича совмещаются самые разные идеалы и интересы, плавно переходящие друг в друга.

Выбор в пользу ХАБАД, таким образом, создавал условия для особых отношений Кремля с Шимоном Пересом, а заодно — для торговых преференций холдингу «Интерпайп». Партнерство с Леваевым также к чему-то обязывало. В январе 2003 года российская корпорация АЛРОСА задумала было подписать соглашение по огранке алмазов с ливанской компанией Horizon Development, принадлежавшим семье премьера Рафика аль-Харири. По совпадению Харири оказался конкурентом Леваева в борьбе за самый привлекательный объект в «Москве-Сити».

Тайные договоренности ОАО «АЛРОСА» были засвечены газетой «Коммерсант», а затем «РБК-Дейли». «Заклучив сделку с Харири, алросовцы, возможно, смогли заручиться содействием ливанских властей в освоении месторождения Западной Африки. Однако Москва еще подумает, стоит ли ввязываться в ливанскую авантюру. Дело в том, что большая часть ливанской диаспоры в Африке — шииты, которые поддерживают тесные связи с единоверцами из группировки «Хизбал-

ла». По данным ЦРУ, торговля западноафриканскими алмазами — один из источников финансирования исламских террористов из пресловутой «Аль-Каиды», — прозрачно намекал Кремлю автор статьи в «РБК-Дейли» Михаил Чернов.

Сделка сорвалась, экс-глава Гохрана Герман Кузнецов уволился из АПРОСА. А 25 февраля 2005 года Рафик аль-Харири, единственный ливанский миллиардер, президент франко-саудовского холдинга Oger International с штаб-квартирой в Париже, был взорван вместе со случайными прохожими. Взрыв на бейрутской набережной стал поводом для первых политических нападков на руководство Сирии, которому приписали убийство — несмотря на то, что фирма Харири строила президентский дворец Асада. Политическая дестабилизация в Ливане стала поводом для так называемой «кедровой революции», мишенями которой были проиранские партии «Хизбалла» и «Амаль», а также для покушения на Махмуда Ахмадинежада во время его визита в Ливан в октябре 2010 года.

Американский публицист Саймур Херш приписывал сценарий убийства Рафика аль-Харири вице-президенту США Дику Чейни. Партия «Хизбалла» предъявила более убедительные улики, включая показания задержанных в Ливане израильских агентов, в пользу версии о том, что Рафик аль-Харири был уничтожен МОССАД. После этого сын экс-премьера, Саад, пошел на сближение с Дамаском. В январе 2011 года, в канун «арабской весны», Саада оклеветали: во время его визита в Вашингтон в Бейруте был распространен текст письма, которое он якобы тайно отправил израильскому руководству. В итоге Харири-младший потерял шансы на пост премьера.

Российско-ливанская встреча на высшем уровне планировалась как раз на январь 2011 года. Она входила в планы поездки президента Медведева по странам Ближнего Востока вместе с крупной бизнес-делегацией. К тому времени выяснилось, что как Израиль, так и Ливан и Кипр на деле являются энергетически самодостаточными странами: на шельфе Средиземноморья было открыто месторождение «Левиафан» объемом в почти триллион кубометров. Российские корпорации были готовы как участвовать в добыче во всех трех странах, так и строить газопровод в Грецию. Однако Израиль подписал договор о морской границе с Кипром, а с Ливаном — не подписал.

За месяц до назначенного визита в Израиле побывал глава комитета по международным отношениям Госдумы Михаил Маргелов. Спустя несколько дней израильские СМИ сообщили, что замглавы МИД Александр Салтанов, готовивший

встречу в Бейруте, будет отправлен в отставку. Затем случилась забастовка дипломатов, послужившая поводом для отмены визита Медведева в Израиль. В итоге поездка была урезана до посещения Палестины и Иордании, а затем распространились слухи о грядущей замене Сергея Лаврова на Маргелова, который еще годом ранее произносил в Иерусалиме зажигательные антииранские речи.

Конфуз с отменой визита не стал тогда поводом для охлаждения отношений Москвы и Иерусалима. Ведь правление правого премьера Биньямина Нетаниягу, точно по Мошесу, совпало с небывалым расцветом российско-израильского партнерства, притом его пионерами стали именно спецслужбы — в качестве заказчиков БПЛА израильского производства, а также партнеров по обеспечению безопасности Олимпиады в Сочи. Политическим проводником партнерства с израильской стороны стала в первую очередь вновь включенная в коалицию партия «Наш дом Израиль» Авигдора Либермана. Уроженец Кишинева еще в 1999 году оказался одним из немногих политиков в мире, поддержавших введение российских войск в Чечню и Дагестан. А в декабре 2011 года Либерман, в пику Хиллари Клинтон, публично заявил в Москве, что партия «Единая Россия» одержала честную победу.

Неравнодушие российских силовиков к израильским коллегам можно объяснить и без всяких психологических изысков: партнеры удобны уже тем, что говорят по-русски, а значит, и мучиться с иностранными языками не надо — простая и незамысловатая логика принципа наименьшего старания. Да и в самом названии «Наш дом Израиль» («Израэль Бейтейну») без труда угадывалась калька с имени бывшей российской правящей партии.

Другое дело, что особое доверие Москвы Либерман использовал по своему усмотрению весьма оригинально. Так, в ноябре 2011 года он заявил кипрскому журналу «Политико», что израильский МИД «ставит целью создание внешнеполитического блока, включающего Кипр, Грецию, Балканы, Восточную Европу и Россию». Мишенью экспромта, разумеется, была строптивая Турция. Но поскольку направлением главного удара был обозначен Иран, тот же Либерман посодействовал вооружению Азербайджана, а заодно пролоббировал азербайджанским газовикам сделку по добыче газа на израильском шельфе в обход русских.

Сегодня на месте офиса «Московских новостей» строится отель, Аркадий Мошес трудится в Хельсинки, газета возро-

ждается где-то в очередной раз с очередным новым составом. А многие вещи в мире возвращаются на круги своя.

Так, за несколько дней до внеочередных выборов в израильский кнессет Аркадий Гайдамак громко напомнил о себе, обвинив в своих экономических и судебных неприятностях главного спонсора движения ХАБАД Льва Леваева — своего бывшего партнера по ангольскому алмазному бизнесу. Досталось и Берлу Лазару — который, по словам Гайдамака, «вообще никакой не религиозный авторитет, а просто топ-менеджер в леваевском холдинге». От него Гайдамак требует через суд компенсации в символический миллион долларов. А одновременно вместе с бывшим хозяином Черкизовского рынка Тельманом Исмаиловым устраивает в Грозном товарищеский матч «Бейтар»-«Терек».

Гайдамак пробудился не спонтанно, а после двух обстоятельств: а) снятия с него самого уголовных обвинений одновременно в Израиле и Франции и б) президентских выборов во Франции, где к власти пришли социалисты. С деятелями Соцпартии, а именно с экс-министром обороны Роланом Дюма и сыном экс-премьера Жаном-Кристофом Миттераном, имел неформальные экономические отношения Аркадий Александрович.

Конъюнктура середины прошлого года повернулась лицом не только к Гайдамаку. В июле 2012 года были сняты коррупционные обвинения с экс-премьера Эхуда Ольмерта по имущественному делу Holyland. Из заключения был освобожден проходивший по тому же делу экс-председатель совета директоров банка «Хапоалим» Дани Данкнер.

В публичную политику Ольмерт не вернулся, но его присутствие на политической сцене живо ощущается. Так, 21 января Ольмерт в интервью Times of Israel обвинил Нетаниягу в растрате 2.9 миллиарда долларов бюджетных средств «на безумные авантюры по подготовке войны с Ираном, которые не реализовались и никогда не реализуются». Упрек прозвучал удивительно вовремя, если учесть изменение тактики Вашингтона в отношении Ирана.

С влиянием Ольмерта связывают успех новорожденной партии «Еш атид», неожиданно для социологов вышедшей на второе место на парламентских выборах 22 января. Ее основатель Яир Лапид известен не только как автор популярной публицистической программы на 10-м канале ИТВ, но и как рекламное «лицо» банка Хапоалим, которое контролирует американское семейство Арисон. Новая партия получила содействие

от экс-издателя «Маарив» Амнона Данкнера, который прокомментировал реабилитацию Ольмерта словами: «Государственный прокурор Моше Ладор должен не просто уволиться, а покончить жизнь самоубийством».

Сразу же после выборов в Иерусалим нагрянула внушительная межпартийная делегация американских конгрессменов. А в Москве после долгого перерыва приняли президента Ливана Мишеля Сулеймана. До сих пор Россия не использовала Ливан в качестве рычага сирийского урегулирования. И вот с этих отношений как будто был снят некий неписанный запрет — как и с военно-технического партнерства с Бейрутом.

Является ли эта «смена вех» признаком самостоятельной «смены вех» в ближневосточной политике РФ? В это можно было бы поверить, если бы «смена вех» накануне не произошла в Соединенных Штатах.

Сегодня — ты, а завтра — я

Эхуд Ольмерт был наследником Ариэля Шарона на посту премьера и главы партии «Кадима». Эта партия (искусственно образованная самим Шароном из той части «Ликуд», которая была лояльна как лично к нему, так и к его плану строительства физической стены между Израилем и Палестиной) стала предметом огульной критики после неудачной кампании в Ливане. А, кроме того, в отстранении Ольмерта была заинтересована Хиллари Клинтон: она сама метила на президентский пост в США, а в Израиле делала ставку на Ципору (Ципи) Ливни.

Ципи Ливни, в то время возглавлявшая МИД, заблаговременно почуяла конъюнктуру: в точном соответствии с линией Демпартии США инициировала переговоры с премьером Палестины Саламом Файядом, раскритиковала собственных коллег по партии с трибуны Европарламента, а затем начала «топить» однопартийца Ольмерта. После формальной отставки Ольмерта в сентябре 2008 года она считалась без пяти минут премьером. Однако поддержка из-за океана, где истеблишмент, не предупредив ее, сделал выбор в пользу Обамы, оказалась недостаточной: «Кадима» выиграла выборы, но не смогла сформировать коалицию. В итоге (похожая ситуация наблюдалась в 2011 году в Латвии) новое правительство было сформировано получившим второе место «Ликудом» в альянсе с НДИ и праворегиональной партией ШАС. С тех пор Ципи одновременно демонстрировала верность линии Белого Дома, особо подчеркивая свои симпатии к ЛГБТ-сообществу, и строила планы политического возмездия. А в Москве восходящую звезду

ду заблаговременно обхаживали, как ни парадоксально, ревнители православной собственности в Иерусалиме.

Казалось, удача повернулась лицом к Ципи летом 2011 года, когда на площади Ротшильд в Тель-Авиве собралась почти 300-тысячная толпа протестующих против повышения цен на творог и аренды на жилую недвижимость. Протест был не более спонтанным, чем в Каире или ранее в Киеве и Бишкеке, а внешнеполитический бэкграунд состоял в том, что правительство Нетаниягу задумало строить высокоскоростную железнодорожную магистраль, во-первых, дублирующую Суэцкий канал, а во-вторых, на китайские деньги.

Вашингтонский месседж «я тебе поверчу» выразился в протестах а-ля «Оккупай», мобилизованных через Twitter, а среди пламенных ораторов преобладали юные дамы в платьях без рукавов и с вызывающими декольте — благо, по замыслу спонсоров, мишенью протестов должны были стать не только министры, но и религиозные евреи. Спонсорами были американский реформистский фонд «Новый Израиль», Центр ближневосточного мира, учрежденный бизнесменом Дэвидом Абрахамом и конгрессменом-мормоном Уэйном Оуэнсом, на подхвате — местные организации ЛГБТ, режиссер-постановщик — американский политтехнолог Стэн Гринберг.

Однако Ципи, во-первых, не приняла в расчет амбиций особ женского пола из конкурирующих партий, а во-вторых, переоценила собственных коллег. Пока на уличных протестах делали себе карьеры Шели Яхимович из «Аводы» и Захава Галь-Он из МЕРЕЦ, Ципи была вынуждена отчитываться перед однопартийцами за нецелевое расходование средств. Ее подсидел экс-глава генштаба ЦАХАЛ Шауль Мофаз, который с небольшим отрывом победил в марте 2012 года на выборах главы партии. Он рассчитывал на торговлю с Нетаниягу, поскольку у того прошлой весной коалиция шаталась. Либерман, защищавший религиозных от нападков левых, сам объявил им вызов заведомо неприемлемой для них серией законопроектов (отмена льгот, отсрочки от армии для верующих и т. п.) Как раз в это время инициаторы создания нового левого блока пригласили Либермана (как и Лапида) в свои ряды. Он же, в свою очередь, был заинтересован в скорейшем падении правительства, чтобы избраться в новый состав кнессета до суда по давно висящему над ним делу о конфликте интересов.

В итоге Нетаниягу отказался от услуг Мофаза и активно притянул к себе Либермана, создав с его партией общий блок «Ликуд Бейтейну». Команда имиджмейкеров Артура Финкельштейна из Вашингтона сулила победу с большим отрыв-

вом. В то же время премьер был вынужден приспособливаться так же, как ранее приспособивалась его конкурентка Ципи — подчеркивать свою приверженность формальной демократии, лояльность к меньшинствам, а кроме того, убрать на второй план антииранскую риторику и «заткнуть рот» наиболее воинственным членам команды, в частности, Моше Фейглину.

Ситуация 2008 года была воспроизведена почти точно: у Нетаниягу, правее которого раньше была только стенка, на глазах выросли конкуренты-милитаристы. Глава Лиги поселенцев Нафтали Беннет, почувств в ветер в спину, бросил на произвол судьбы собственный партийный проект «Израэлим» и вошел первым номером в ранее «раскрученную» партию «Еврейский дом».

В свою очередь, Либерману было теперь некуда деться из фарватера Нетаниягу. Самая активная часть его пиарщиков перешла к Беннету. В свою очередь, мстительная ШАС выпустила антирусский ролик, не столько обидный, сколько смешной. Главе МИД пришлось расплачиваться за собственное интриганство. Но самый неприятный удар в спину нанес бывший заместитель по ведомству Дани Аялон: в отметку за нежелание «Ликуд Бейтейну» включить его в список он дал дополнительные показания на Либермана. Свиныю подложил и включенный в список Яир Шамир, сын знаменитого премьера Ицхака Шамира: он заявил, что Либерман «в любом случае обязан отвечать по закону». И хотя состав обвинений по сравнению с делом Ольмерта был ерундовым, Либерман потерял шансы на получение министерского поста после выборов, благо заседание суда было также отложено.

Соратники Либермана изобличали Вашингтон во вмешательстве в предвыборный процесс, а оппоненты из левого лагеря чуяли благоприятную перемену. Ципи Ливни, после ухода из «Кадимы» наскоро слепившая собственную партию «Ха Тнуа», 4 января предложила «Аводе» и «Еш Атид» создать единый блок. Для этой цели она добилась аудиенции у Шимона Переса. Однако никакого эффекта не последовало. Идея оппозиционного блока повисла в воздухе, а Лапид начал делать риторические и политические жесты в сторону «Ликуд Бейтейну», внезапно изменив свою позицию по палестинскому урегулированию.

Подсчитывая итоги, многолетним хлопотунам по созданию российского лобби в Израиле остается только проследить. В результате маневров Беннета в новый состав кнессета не попал основатель «Еврейского дома» Даниэль Гершкович — министр науки, подписывавший соглашение с Российским

космическим агентством. За бортом остались и двое регулярных гостей Москвы из НДИ — Стас Мисежников и Алекс Миллер, и уроженка Ленинграда, экс-модель Анастасия Михаэли. Фракция Либермана сжалась с 16 до 11 человек, а перспективы самого главы МИД под вопросом: суд по его делу начнется только 17 февраля. Неожданная щедрость, с которой Либерман предложил доверить Яиру Лапиду пост главы Минфина, объясняется просто: Лапид не прочь возглавить МИД.

Жест Либермана фактически представляет собой реверанс перед Ольмертом, который держит в руках ключевые нити нового «коалиционного строительства». Именно Ольмерт в период выборов в «Кадими» оказал поддержку Мофазу, а сейчас ведет переговоры о вступлении в новую коалиции «Еш Атид» с «Кадимой» (то есть с Мофазом) в нагрузку.

Зато влияние Шимона Переса на предвыборный процесс, по сравнению с Ольмертом, оказалось практически равным нулю. Что случилось с президентом, вполне сохранившим физическую форму (он в очередной раз представлял Израиль в Давосе)?

Прошлогоднюю интригу, когда Либерман внезапно получил неофициальное предложение перейти в левый лагерь к Пересу и Яхимович, трудно было интерпретировать вне американского предвыборного контекста. А также — вне того обстоятельства, что Митт Ромни, встречавшийся в Израиле и с Нетаниягу, и с Пересом, был владельцем компании Bain Capital, а ее гендиректор Орит Гадиш уже давно входила в состав международного совета директоров Центра Переса за мир.

«Хамелеонство» израильских политиков, давно раздражающее самих израильтян, не прощается Белым Домом, особенно когда его возглавляет известный своей мстительностью Барак Обама. Помимо этого, новая команда американского президента имеет геополитические приоритеты и личные симпатии, существенно расходящиеся с ближневосточными ставками своих предшественников.

Так, номинанту на пост нового госсекретаря США Джону Керри совершенно не интересен флирт Израиля с Азербайджаном. Он столь же близок к армянскому лобби в США, как так называемая «ливанская группировка» в Конгрессе. Самый влиятельный представитель «ливанцев», глава Контрольного комитета Палаты представителей Даррел Исса, был в числе первых, кто бросил камень в Хиллари Клинтон за гибель посла в Ливии Криса Стивенса.

С номинантом на пост главы Пентагона Чаком Хейглом, занимавшимся дипломатией на Ближнем Востоке в паре с дру-

гим влиятельным «ливанцем» Джорджем Митчеллом, еще интереснее. В 2010 году он принимал в гостях в США президента Украины Виктора Януковича. Среди участников встречи фигурировал Владимир Гусинский собственной персоной.

В конце ноября прошлого года, когда основные кадровые решения в США были уже намечены, в Киеве случился скандал: в тот самый день, когда был запланирован запуск терминала сжиженного газа в Одессе, выяснилось, что контракт на его сооружение со стороны испанской фирмы Fenosa подписало не уполномоченное лицо, а некий самозванец, по профессии инструктор по лыжным гонкам.

Бенефициарами запуска терминала должны были стать украинская группа DF Дмитрия Фирташа и катарская Qatargas. В итоге скандала было решено пригласить к строительству корейцев. Но самым головокружительным последствием внезапно выявленной подтасовки стала такая смена правительства Украины, при которой от ранее многочисленного лобби Дмитрия Фирташа остался только один человек, да и тот «условно»: министр нефти Юрий Бойко, повышенный до вице-премьера, в период процесса в Стокгольмском суде отстаивал позицию государственной компании «Нафтогаз», а не ее оппонента — компании «Росукрэнерго» Фирташа.

С подачи Юлии Тимошенко олигарх и до недавних пор эксклюзивный газовый посредник Дмитрий Фирташ имел в украинских и международных СМИ репутацию партнера всемирно известного теневика Семена Могилевича. На самом деле, Фирташ был обязан своей карьерой не Могилевичу, а своему тестю Зиновию Калиновскому, который, согласно публичной версии, сделал состояние на производстве псевдо-импортных джинсов из туркменского хлопка. Именно от зятя он получил свои эксклюзивные контакты в Туркмении.

В составе международного совета директоров Центра Переса за мир не встречается фамилия Фирташ. Однако там присутствуют экс-министр культуры Венгрии Андраш Кнопц, учредивший с Фирташем компанию EuralTransGas (предшественницу «Росукрэнерго»), а также почетный консул Туркменистана в Израиле Йосеф Майман.

Нынешний председатель совета Зев Фурст — тот самый персонаж, который представил Фирташа американскому послу Уильяму Тэйлору как своего старого друга, специально предупредив, что в Америке «о нем может быть превратное представление». В Израиле он был советником Менахема Бегина, Ицхака Рабина, Шимона Переса и Эхуда Барака, а в США известен как партнер короля политтехнологии Дэвида Гарта,

«делавшего» Руди Джулиани и Майкла Блумберга, а также как официальный представитель «Лукойла».

При Хиллари Клинтон, зафиксированной на информационных технологиях, Фурст стал сопредседателем международной группы советников govWorks, Inc. — «корпорации, осмысляющей значительный потенциал шанса на (создание) мирового электронного правительства». А в августе 2011 года его избрали президентом компании Cadogan, которая занялась добычей сланцевого газа на Украине, однако не имела успеха.

У днепропетровских олигархов, окормляемых Шмуэлем Каминецким, начались проблемы еще весной прошлого года — почти одновременно с фиаско проекта Cadogan. Незадолго до ЧЕ-2012 в городе был убит весьма знаковый персонаж — главный спонсор строительства еврейского центра «Менора» Геннадий Аксельрод. Ранее судимый инвестор был столь высокого мнения о своей личности, что успел построить себе памятник при жизни, но это его не спасло. Местная милиция намекала на еврейско-татарские деловые противоречия. «Настойчиво поговаривают о разборках между группами Коломойского и Ахметова и грядущем „раскулачивании“ «Привата», — конкретизировал живо заинтересовавшийся происшедшим московский «Ежедневный журнал».

И в самом деле, глава группы «Приват» и недавний спонсор Юлии Тимошенко, Игорь Коломойский, потерял вначале налоговые льготы для своих ферросплавных заводов, а затем, в конце года, и авиакомпанию «Аэросвит», осуществлявшую рейсы, в частности, в Израиль. Ему сулят судьбу украинского Ходорковского при полном попустительстве США. Речь идет о том самом всемогущем Игоре Коломойском, которому рабби Каминецкий собирался доверить, ни больше ни меньше, строить Третий Храм в Иерусалиме.

Холдинги Рината Ахметова и Александра Януковича, из которых рекрутировано в конце декабря 2012 года новое украинское правительство, — прямые конкуренты днепропетровских олигархов-хасидов во всех отраслях, от энергетики до недвижимости. Напрасно потрясенные сторонники Юлии Тимошенко доказывают, что не она и не ее патрон Павел Лазаренко заказали убийство Евгения Щербаня, а некие наркотрейдеры Хейдар Юсипов и Магомед Алиев. Все равно виноватой будет Юлия Владимировна. А Павел Иванович так боится возвращаться в Днепропетропетровск, что ищет любую зацепку для продления пребывания в осудившей его Америке.

26 декабря ведущий украинский промышленный портал «Укррудпром» сообщил, дословно: «Могут быть упразднены

и квоты на беспопышную поставку в Россию стальных труб корпорации «Интерпайп», которые действуют с 2005 года».

Да разве такое может быть?

Может. Sic transit gloria mundi. Супруги Клинтон на политику Госдепа уже не влияют. А незаменяемых людей нет, как и сообществ. Новый глава МИД Украины Леонид Кожара — протеже Виктора Медведчука, бизнес-партнер которого по Одесскому порту, Александр Грановский, приходится сыном одному из руководителей религиозной общины Умани — хасиду, но не любавичскому, а брацлавскому.

Отмена привилегий?

Когда реббе Шмуэль Каминецкий открывал в иерусалимском Старом городе отреставрированную днепропетровскими олигархами синагогу «Хурва», премьер Биньямин Нетаниягу на церемонию не явился, что в светской прессе было тут же объяснено его страхом перед американцами: церемония была вызовом арабскому большинству исторического района, тем более что синагога находится на территории арабского квартала.

Объяснение было неубедительным: не боялся же Нетаниягу в пику Вашингтону и Брюсселю анонсировать новые планы строительства на арабских территориях — в последний раз такая инициатива была выдвинута после голосования в Генассамблее ООН по статусу Палестинской автономии. Другое дело, что главе государства совершенно не обязательно выражать поддержку одному из многих религиозных сообществ.

Более того, Нетаниягу — не только выходец из литовско-еврейского семейства, но и потомок знаменитого Виленского Гаона, Элиягу бен Шломо Залмана Кремера. А знаменитый Виленский Гаон терпеть не мог хасидов, а особенно новомодного (при его жизни возникшего) ХАБАДа. Более того, основанное им движение «Миснагдим» в 1798 году написало донос на первого предводителя ХАБАДа, Шнеура Залмана, в результате чего повелением Павла I реббе Шнеур был помещен в Петропавловскую крепость по подозрению в государственной измене.

На порталах ХАБАДа утверждается, что книгам его основателей «несколько столетий». На самом деле ХАБАД — одно из самых молодых течений в иудаизме, ему всего два века с небольшим. Мало того, что его не жалуют продолжатели «Миснагдим» (в Израиле их называют «Перушим»). В самом хасидском сообществе ХАБАД является «белой вороной». Прежде всего потому, что это единственное хасидское течение, являющееся мессианским. В 1992 году ХАБАД принял псак-дин

(постановление) о том, что седьмой ребе в иерархии его духовных отцов, Менахем-Мендл Шнеерсон, является «бехезкат Мошиах» — «потенциальным Мессией».

«Ребе Шнеерсон потряс мироздание», — до сих пор пишут адепты седьмого раввина, многие из которых (в XXI веке) считают его бессмертным и соответственно, ныне здравствующим, хотя в 1994 году он скончался, не оставив наследников. «Потрясение мироздания» другие иудеи, в том числе другие хасиды, впрочем, не ощущают, а неверующие тем более. В США к движению ХАБАД публика относится так же, как и к множеству других харизматических сект различных религиозных деноминаций. Считали же себя пророками и основатели секты мормонов, и устроивший массовый суицид Дэвид Кореш из секты «Ветвь Давидова».

В истории иудаизма не меньше 20 мессий-самозванцев, начиная с Симона Перейского (I в. до н.э.), из которых наиболее известны Давид Алрой, Авраам Абулафия, Саббатай Цви и Якоб Франк. Ныне здравствует — в тюрьме — некий Гоэль Хатцон, родивший 89 детей от 32 жен (обвинен в сожительстве с малолетними), также провозгласивший себя Мессией.

От прочих мессианских+ сект ХАБАД отличается внушительными финансовыми активами. Широкий прием в члены движения предпринимателей, ранее не отметившихся какими-либо добрыми делами, интерпретируется именно наступлением новой эры — примерно по той же логике, по которой исмаилитский имам Хасан II, объявивший наступление рая, считал, что моральные ограничения отныне отменены.

В июне 2011 года на свадьбе дочери Шмуэля Каминецкого открытым текстом и даже с гордостью сообщалось, что отец жениха, Менахем Футерфас, был широко известным в узких кругах цеховиком, профессионально занимался подделкой паспортов в Узбекистане и на Западной Украине и был близко знаком с ворами в законе старшего поколения. По другой линии жених оказался ближайшим родственником Иегуды Кринского — одного из самых известных американских деятелей ХАБАД, который когда-то служил личным шофером последнего ребе Шнеерсона.

Как следует из объемной статьи в англоязычной Wikipedia, озаглавленной «Противоречия, связанные с ХАБАД-Любавич», Иегуда Кринский — активнейший участник не только борьбы за возвращение единоверцам так называемой библиотеки Шнеерсона, но и перманентных судебных разбирательств вокруг имущества американских хасидов. Из текста следует, что непосредственно после смерти Менахема-Мендла Шнеерсо-

на хозяйственная структура, именуемая «Объединенные Любавичские ешивы», странным образом оказалась без средств, после чего несколько лиц во главе с Кринским собрали параллельный орган, объявивший свои права на имущество. Аналогичные сражения, не обходящиеся без рукоприкладства, ведет его племянник Шломо-Бер в Литве. А в самом Израиле сводят счеты два претендента на руководство Молодежной организацией ХАБАД — рабби Йосеф Ицхак Вильшанский, верящий в бессмертие опочившего Шнеерсона, и «более умеренный» рабби Йосеф Агаронов.

В российской газете «Ведомости», которая является партнером Financial Times и рупором бизнес-кругов, ориентированных на Дмитрия Медведева, 25 января появилась статья «Корешки особого значения. Детективная история библиотеки Шнеерсона». Поводом, как нетрудно догадаться, стало решение суда округа Колумбия по иску американского движения ХАБАД-Любавич, согласно которому Россия должна выплачивать ежедневный штраф в размере 50 тысяч долларов, пока коллекция не будет возвращена Ленинской библиотекой. Автор статьи не только проинтервьюировал специалистов РАН, назвавших реальное количество экземпляров книг оспариваемой коллекции — 4425, а не 12 тысяч, как заявляют истцы, но и привел выдержку из публикации «Советской России» 30-летней давности, от 18 февраля 1992 года: «В 10.30 к входу в Ленинку подкатил автобус, из которого выскочили 30 хасидов. Преградившего им путь постового милиционера С. Сорокина хасиды сбили на пол и стали избивать ногами, бить головой об пол и душить шарфом».

В 1992 году «Савраска» имела репутацию «красно-коричневого» издания. Если сегодня либеральные «Ведомости» цитируют ее пассаж о любавичских хасидах без комментариев, значит, конъюнктура складывается не в пользу этого сообщества не только в Днепропетровске и не только в бывшем СССР.

Впрочем, интонация дискуссии 22 января на деловом телеканале РБК-ТВ на ту же тему была несколько иной. В центре внимания (и в центре кадра) оказалась Вероника Рафаиловна Ирина-Коган, ректор Международной академии имени Маймонида. Эта дама заявила в камеру весьма любопытные вещи. По ее словам, у верующих евреев нет никаких в мире ценностей, кроме Стены Плача и коллекции Шнеерсона — ну, разве что еще могил. Поскольку верующих евреев, кроме нее и раввина ФЕОР Ицхака Когана, никто на дискуссии не представлял, широкой аудитории осталось верить на слово. Несмотря

на то обстоятельство, что в России, как и в США, даже в отдельно взятом сообществе любавичских евреев их официальная организация (в данном случае ФЕОР) не является абсолютным авторитетом.

Предмет дискуссии состоял в том, что произойдет с пресловутой коллекцией, если Ленинская (Румянцевская) библиотека подчинится американскому судье Ламберту и возвратит ее движению ХАБАД. И тут зрителю «на пальцах» разъяснили, что ответ на вопрос зависит от единственного человека в мире — той самой Вероники Рафаиловны. Поскольку в сообществе ХАБАД этот вопрос обсуждается некой коллегией из пяти человек, из которой двое всегда голосуют «за», а двое — «против».

О методах борьбы не только с государством, но и с религиозными оппонентами участники передачи не упоминали. Как и о том, что Конгресс США снял-таки с России пресловую поправку Джексона-Вэника, чему ранее противодействовало именно движение «ХАБАД», и это такой же медицинский факт, как смерть Менахема-Мендла Шнеерсона. Как и о том, что «незаменимая» академия имени Маймонида, учреждена как раз для получения библиотеки Шнеерсона, занимается видами деятельности, не только далекими от религии, но и враждебными ей — например, психоанализом. И подобно американским коллегам, попадает в странные скандалы — взять хотя бы участие двух студентов чеченской национальности в межнациональной драке, причем в торговом центре, принадлежащем еврейским, но не хасидским предпринимателям. И о том, что за небольшую долю тех средств, которые истрачены на самоутверждение секты в Нью-Йорке, Мельбурне, Москве и Днепропетровске, заштатный поселок Любавичи можно было превратить если не в город, то в мемориальный центр с отелями и капитальным зданием музея со штатом сотрудников, а не с избой с одним охранником, как сегодня. Удалось же брацлавским хасидам сделать Умань, где похоронен их учитель ребе Нахман, образцовым центром паломничества, где, по данным украинских СМИ, туристы ежегодно оставляют до трех миллионов долларов, а несколько сотен квартир приобретено в собственность гражданами Израиля.

И совсем уже странно, что никто, вплоть до осведомленного в ближневосточной тематике ведущего программы «Форум» РБК-ТВ Игоря Виттеля, не задался вопросом о мессианстве. А ведь интересно, готов ли раввин Ицхак Коган благословить немедленное возрождение Иерусалимского Храма, коль скоро Мессия жив и бессмертен.

Впрочем, все эти вопросы могут еще возникнуть. Ситуация вокруг пресловутых рукописей, лишь частично имеющих отношение к ХАБАД и к хасидам вообще, стала какой-то нервной. Как и вокруг особых прав и возможностей определенной части украинского бизнеса, особо приближенной к Шимону Пересу.

У израильского президента, как и у ребе Шмуэля Каминецкого, весьма пестрое и даже неоднозначное окружение. Так, в том же международном совете Центра Переса за мир состоит, например, банкир Брюс Раппапорт — деятель со столь сомнительной репутацией, что статья о нем из англоязычной Wikipedia просто изъята. Господин Раппапорт имел прямое отношение к банку ВССИ, который отмывал деньги афганских муджахедов в годы противодействия СССР, и в совете директоров которого состояла одна из жен Усамы бен Ладена. С двумя представителями семейства Ротшильдов он сочетается столь же естественно, как и с опекуном «нового ислама» Бернаром-Анри Леви, а также гуманистом всех времен и народов Михаилом Горбачевым.

Неизвестно, будет ли новый состав американского Госдепа столь же активно заниматься подрывными информационно-психологическими операциями, как предыдущий, или же предпочтет временно сэкономить на этом удовольствии. Однако конфискации теневых состояний, хотя бы по тем же насущным экономическим причинам, он стопроцентно будет заниматься. И нельзя исключить, что под критерий отмывания незаконных средств теперь попадут не только русские, итальянские, мексиканские и японские, но и еврейские теневики. Так, в Польше ФБР может добраться до «короля недвижимости» Александра Гольдберга — тестя вышеупомянутого Зеева Фурста. Тем более что к Гольдбергу давно есть претензии у правоохранительных органов Австралии, где он считается крупнейшим мошенником за весь прошлый век. Неизвестно, поможет ли ему коллега Джозеф Гутник, еще один родственник разветвленного семейства Кринских-Футерфасов.

Тем более что, как уже было сказано, незаменимых партнеров нет — в том числе и в теневой алмазной отрасли. Получившая геополитический карт-бланш из Вашингтона франко-саудовская «ось» по этой части родственна армянской и ливанской диаспоре. «Наводить порядок» в Центрально-Африканской республике, где очаги вооруженной межпартийной борьбы удивительно совпадали с географией алмазных месторождений, Вашингтон французам не помешал. Увлекательный передел мира только начинается, а религиозные чая-

ния, как и прежде, будут играть в этом переделе исключительно удобную роль прикрытия или средства экономии. В самом деле, во времена мирового кризиса алмазный рынок нуждается в сокращении издержек, а самый удобный оператор на любом теневом рынке — тот, кто борется за идею, а не за гонорар. А для исламского фундаменталиста из сахельской саванны призрак халифата — примерно то же, что для днепропетровского бандюгана призрак Третьего Храма.

31.01.2013

VATICANO AFRICANO

За все хорошее — ярлык от New York Times

В 2006 году в католическом соборе Бонифатиускирхе в германском Висбадене меня поразили две открытки-буклета, предназначенные для посетителей. На одной из них была фройляйн с чуть наклоненной головкой, с чуть прищуренными глазами, ямочкой на подбородке, и торсом, обнаженным до обреза фотографии; обрез был сделан чуть выше молочных желез. Второй буклет принадлежал местной общине «Друзей Тибета». Мой друг-католик, испытывая явное смущение, пояснил: первый буклет был рекламным продуктом местного молодежного католического общества, а второй к католицизму отношения, конечно, не имел, но обязан был здесь присутствовать как бы по определению — по причинам, не зависящим от Римской католической церкви.

«Что это за девица?» — спросил я о первом полиграфическом произведении. «Это мадонна. Церковь хочет быть современной», — пояснил мой немецкий друг с беспомощной обреченностью.

Двумя десятилетиями ранее, когда Коммунистическая партия Советского Союза хотела быть современной, ее усилия неоднозначно трактовались на Западе. В Европе генсек Горбачев флиртовал с социал-демократическими и «зелеными» партиями, а у себя дома снимал все ограничения со свободы вероисповедания. Тогда некоторые вполне добросовестные западные аналитики восприняли эту «открытость» (openness) как некий изощренный империалистический маневр Советов, предвещающий экспансию, а вовсе не коллапс мировой социалистической системы. Особо чувствительная антифашистская общественность подводила под этот знаменатель и возникновение организации «Память» при явной поддержке партийных кругов, и антикоррупционную кампанию в Узбекистане, которой занялись точно спущенные с поводка профессиональные следователи Тельман Гдлян и Николай Иванов.

Кардинал Йозеф Ратцингер — глава Конгрегации доктрины веры — бывшей Святой Инквизиции, в 78 лет ставший Папой Бенедиктом XVI, вызывал аналогичные подозрения в ши-

роких общественных кругах. Он одновременно снимал препятствия для интеграции англикан в Католическую церковь, вопреки категорической несовместимости в вопросе о целибате (безбрачии), и протягивал руку консервативной оппозиции, не признавшей итоги Второго Ватиканского собора. Он принес покаяние китайцам за давно забытые эксцессы католиков-миссионеров и произвел в кардиналы рекордное число архиепископов из Третьего мира.

О том, что за этими усилиями скрывается не укрепление РКЦ, а напротив, беспрецедентное усиление разброда и шатаний, по пропагандистской церковной продукции догадаться было трудно — но, возможно, если присматриваться к намекам в заголовках. Так, летом 2011 года на русскоязычном портале «Ратцингер.инфо», который популяризировал не столько церковь, сколько самого Папу, промелькнул заголовок: «Монсеньор Вигано отправлен к мистеру Обаме» — из которого следовало, что вице-губернатор государства Ватикан не оправдал доверия. Осенью прошлого года, в публикации о последнем приумножении кардинальских рядов, фигурировал столь же задорно-злорадный по интонации подзаголовок: «И ни одного итальянца!»

Немец Йозеф Ратцингер действительно имел основания не доверять кардиналам-итальянцам, доминировавшим в ватиканской курии — им в противовес курия и разбавлялась прелатами с других континентов. Он был избран Папой в результате четырехкратного голосования, и из полуофициальных ватиканских сообщений следовало, что ему на пятки наступали два итальянских кардинала — Карло Мария Мартини и Камилло Руини. Только спустя два года весьма авторитетный американский ватиканолог Джон Л. Аллен разгласил тайну: у Ратцингера был еще один, куда более популярный соперник — аргентинский иезуит Хорхе Бергольо, имевший репутацию бессребреника. Сам факт этого «латиноамериканского вызова» был замечен под ковер как самим Бенедиктом, так и итальянскими конкурентами.

В широких общественных кругах Ратцингеру ставилось в вину совсем «заметание под ковер» совсем других фактов, а именно распространившейся в высшем католическом духовенстве педофильского порока. При этом в европейской прессе наиболее упорно «засвечивались» сексуальные эксцессы двух кардиналов-немцев, хотя на самом деле вышеназванный порок получил наибольшее распространение в самом развращенном урбанистическом сообществе Лос-Анджелеса и Сан-

Франциско. И если уж персонифицировать пресловутое «укрывательство», в лексиконе международного уголовного права, или «лакировку», в советской бытовой партийной лексике, то ответственность за это следовало возложить на то ответственное лицо, которое сменило Ратцингера на посту руководителя бывшей Святой Инквизиции. Этот человек, американский кардинал Уильям Левада, ранее был ни кем иным, как архиепископом Сан-Франциско.

Летом прошлого года, когда католический мир потрясла очередная разоблачительная книга Джанлуиджи Нуцци «Его Святейшество», сотканная из широко известных скандальных деталей и свежих утечек из ватиканских коридоров, внимание прессы было сосредоточено на процессе по делу камердинера Паоло Габриэле и обысках в личной квартире главы Банка Ватикана (IOR) Этторе Готти Тедески. При этом уход с должности кардинала Уильяма Левады остался почти незамеченным — как и совпадение этого ухода с предъявлением Ватикану претензий от брюссельского мониторингового агентства Moneyval. Неудивительно: антиклерикальная пресса к тому времени занесла американского кардинала в разряд ультраконсерваторов, покрасив его в тот же «позорный» цвет, что и самого «ретрограда» Ратцингера. Реальная консервативная европейская оппозиция, в свою очередь, обвиняла в саботаже «консервативного возрождения» вышеназванного экс-вице-губернатора Вигано и его племянника Польвано, руководившего информационным отделом администрации Ватикана.

В отечественных общественных и особенно околоцерковных кругах восприятие событий в Ватикане отягощено конгломератом предрассудков, связанных с Католической церковью вообще. Так, орден иезуитов по понятным историческим причинам ассоциируется у нас с ультраконсервативными взглядами. Между тем самый опасный из итальянских соперников Ратцингера, вышеназванный кардинал-иезуит Мартини, играл в РКЦ примерно ту же роль, которую в КПСС исполнял Александр Яковлев. И «покрыватель порока» Уильям Левада, вместе с экс-дипломатом Вигано (ранее работавшим в Ираке и Великобритании, а затем сосланный не доверявшим ему Иоанном Павлом II в Нигерию), не могли мечтать о лучшем партнере в «воспрепятствовании консервативному возрождению», чем иезуит Мартини.

«Нам надо спросить себя, прислушиваются ли люди к учению церкви по вопросам секса. Является ли церковь в этом вопросе авторитетом или некоей карикатурой для СМИ? Церковь отстала на двести лет. Почему она не встряхнется? Почему мы

испытываем страх, а не смелую решимость? Почему наши помпезные храмы пустеют, а бюрократия цветет?» Эти «взыскательные» вопросы иезуита Мартини из последнего интервью с ним были опубликованы после его смерти осенью прошлого года, а его похороны, если выражаться современным кремлевским языком, были неадекватно политизированы.

Антиклерикальная печать провожает Ратцингера в тех же интонациях, в которых антикоммунистическая печать провожала Горбачева — смесью неискреннего почитания «за решимость» и откровенного презрения. Два соответствующих термина в *New York Times*, официальном рупоре Совета по международным отношениям, раскрывают всю гамму негативных смыслов: слово *Rothweiler*, обозначающее породу злой немецкой (!) собаки, закрепляет искусственно созданную ауру «ретрограда», а слово *frailty* резюмирует слабость Папы, выраженную в том числе его уходом (хотя через слово этой «решимости» — за слом традиции — воздается хвала).

Само слово *frailty* в применении к духовному лицу — квинтэссенция практики наклеивания ярлыков. В применении к девице этот приземленный термин означает «слабость на передок», в применении к старику — физическую немощь, дряхлость. Характерно, что ватиканский обозреватель *NYT* — женщина с итальянской фамилией. Джон Л. Аллен отмечал, что подавляющее большинство активных разоблачителей ватиканских нравов в Америке — женщины средних лет. Эта деноминация поныне упрямствует в дискриминации по признаку пола? Вот ей и метафора.

Отречение Ратцингера совпало с двумя обстоятельствами — новым пиком калифорнийского педофильского скандала и вступлением в силу вердикта Банка Италии, запретившего итальянскому филиалу *Deutsche Bank* обслуживать посетителей музеев Ватикана. Если называть вещи своими именами, Банк Италии, в полном соответствии с политикой премьера Марио Монти и с рекомендациями мониторингового ведомства *Moneyval*, ввел в отношении государства-города Ватикан экономические санкции — то есть причислил его к категории «непослушных государств», *rogue states*, наподобие Ирана и Сирии. Сам же *Deutsche Bank* в прошлом году был объектом беспрецедентного «наезда» со стороны американских контрольных ведомств: интернационализированный банк, недавний символ экспансии германского капитала, был уличен в финансовых махинациях с квотами Киотского протокола. Что, кардинал Йозеф? Запутался в обязательствах перед Брюсселем, Берлином и Римом? Вот и получай.

Историографы распада СССР обращали внимание на ничем рационально не объяснимые, грубо неадекватные кадровые назначения Михаила Горбачева. Действительно, первичный импульс оживления, «интенсификации» как экономики, так и общественной мысли требовал усиления идеологического блока, а он был поручен персонажу с раздвоенным мирозерцанием, позже откровенно признавшемся в принадлежности к японской буддистской секте. В свою очередь, внешняя политика досталась в руки не дипломата, а партийного чиновника, имевшего опыт умирения масс своим непревзойденным тогда авторитетом в своем грузинском отечестве.

Ватиканологи, несомненно, не забудут Папе Бенедикту XVI аналогичную «путаницу» в выборе кадров, на которые была возложена соответственно идеологическая и внешнеполитическая функции. Уильям Левада был откровенно слабым проповедником и в то же время имел славу изощренного дипломата, особенно в отношениях со светскими властями. Так, в родной Калифорнии он нашел способ обойти спор об экономических правах однополых семейств при обсуждении билля о праве на социальную помощь членам семей. «Пусть это будет любой из живущих совместно с гражданином — тетка, знакомый, друг», — предложил Левада на затянувшемся заседании муниципального совета Сан-Франциско, снискав овацию за свое дипломатическое изобретательство.

Казалось бы, такому переговорщику больше всего подошла бы должность государственного секретаря. Однако эта функция была доверена именно выдающемуся проповеднику — кардиналу Тарчизио Бертоне, члену молодого (по сравнению с многовековыми католическими орденами) Общества Франциска Сальского. И как раз кардинал Бертоне стал на пути интриг Карло Мария Вигано, попытавшегося поставить под свой контроль и информационный сектор, и спецведомства Ватикана, и вгрызшийся в ватиканскую экономическую кухню с подлинно гдьяновской страстью. И именно Бертоне сделали мишенью популярные журналисты-разоблачители, стравливая с другими итальянскими иерархами, прежде всего с его предшественником Анджело Содано. Эта версия — Бертоне против Содано — фигурировала и в «тонкой ватиканологии» журнала *New Times* Евгении Альбац.

Как западные журналисты-антиклерикалы, так и их российские собратья по разуму аккуратно обходят фактические

причины превращения Бертоне в «палку для битья». Кардинал много кому мешал. В 2008 году в Москве, под эгидой Патриархии, вышел в свет перевод его книги, где он вполне недвусмысленно порицал политическую «монополию на истину», которую присвоило себе в мире отдельно взятое государство, оправдывая захватнические войны. Спустя три года то государство, о котором шла речь, поставило эти войны на информационно-психологические рельсы, сделав ставку на «воспитанный в Интернете» средний класс. В Католической церкви с молодежью наиболее активно, вдохновенно и талантливо работали салезианцы (Общество Франциска Сальского). Эффект этого противодействия был бы несравнимо сильнее, если бы Бертоне возглавлял именно идеологическое ведомство Церкви. Но Папа сделал его дипломатом — и «подставил по полной программе».

Папа был занят: он писал трехтомный труд о бытии Христа, и проводил часы с польским кардиналом Гертыхом. Тот, кому приходилось хоть раз общаться с любым вдохновенным польским богословом, не говорящим, а поющим бесконечные кантаты, может представить себе, насколько такое общение способствует отрешению от реальной действительности. В этой реальной действительности составлялась Европейская Конституция, где не оказалось ни одного слова о христианском характере европейской цивилизации. В этой реальной действительности Евросоюз расширялся, как резина, вопреки экономическому и культурному здравому смыслу. В этой реальной действительности «арабская весна» спровоцировала вторую фазу системного кризиса со всем диапазоном проявлений — от государственных банкротств до иммиграционной эпидемии. А Папа писал книжку и жаловался, что ему некогда музицировать.

«Осовремениванием» Церкви в это время занимались подобранные им ответственные лица. Экономика была поручена эффективному банковскому менеджеру Этторе Готти Тедески — без оглядки на его связи и личные обязательства в отношении партийных соратников и фирм Сильвио Берлускони. Городское хозяйство было доверено монсиньору Вигано, который с момента назначения начал влезать в чужие полномочия. В 2010 году он вдруг предложил Ватикану отказаться от евро и перейти на лиру. Нельзя сказать, что сама суть инициативы была неразумной: напротив, она бы приумножила авуары маленькой теократии. Но эта теократия находилась не на острове в океане и даже не на уютном побережье с суверен-

ным портом и аэродромом, а в центре Рима. И как раз в это время на партию Берлускони были спущены все собаки международных и европейских контрольных ведомств. И как раз в это время учрежденная французской разведкой разоблачительная сеть FLARE Network (которую в Россию открыто представляет обозреватель Роман Шлейнов, а непублично — владелица либертарианских умов Юлия Латынина) собирала компромат на тему об общих контактах кардиналов и партийных деятелей Берлускони с итальянскими теневыми кланами.

Нельзя сказать, что финансовый орган Ватикана, IOR, не использовался раньше для теневых операций. О странной смерти банкира Роберто Кальви, которого нашли повешенным под мостом в Венеции, написано множество криминологических книг. Однако в пору Иоанна Павла II все подобные вещи сходили местным банкирам с рук за политической целесообразностью: теневые средства под эгидой ЦРУ использовались для подкормки польской «Солидарности» и прочих бархатно-революционных движений.

В эпоху глобального финансового кризиса приоритеты мирового истеблишмента изменились, что было видно как по экономическим результатам «арабской весны», и по последствиям замены Берлускони на экс-председателя европейской ветви Трехсторонней комиссии Марио Монти. Прежде, чем Ватикан подвергся экономическим санкциям в чистом виде, его — несмотря на отказ от соблазнительного предложения выйти из евро — для начала поставили на одну доску с Монако и Сан-Марино: именно таков был смысл рекомендаций Moneypval, требовавших учреждения независимого аудиторского агентства для «предотвращения отмывания денег». Одновременно журналисты-разоблачители производили подсчеты «законспирированных» владений Ватикана и составляли списки неофициальных получателей привилегий в банковском и строительном бизнесе.

Сомнений быть не могло: Ватикан рассматривался глобальным истеблишментом уже не только как досадное идеологическое препятствие внедрению глобальной повестки дня (постиндустриализм — унификация религий — однополые браки — глобальное потепление — интернет-прозрачность), но и как очередной, один из многих, кандидат на конфискацию имущественных активов. Расчеты наивных европейских консерваторов — из Франции, Венгрии и той же Польши — на консервативное возрождение, уже проявившееся «реабилитацией» Тридентинской мессы, обернулись дополнительным

поводом для имущественных угроз. Ну как же: если Ватикан возрождает старую мессу, значит, он пересматривает итоги Второго Ватиканского собора (1962-1965), и следовательно — принятый этим Собором документ *Nostra Aetate*, снимающий с иудеев ответственность за распятие Христа. И значит, самое время припомнить Ватикану и связи с Муссолини, и опеку над хорватскими усташами, и контакты с арабскими муфтиями, видевшими в германском нацизме противовес английской оккупации, а еще об отдельно взятом пасторе Ричардсоне, не верящем в Холокост, из того самого Общества Пия V (сиречь «Память»), которое Папа решился реинтегрировать. И по совокупности выставить уже совершенно беззубой Церкви счет за Вторую мировую, пока Стэнли Фишер, учитель Бена Бернанке, еще управляет израильскими финансами.

Отечественные блогеры уже создали собственную интерпретацию бенедиктовского frailty: якобы Папа всю жизнь страдал комплексами по поводу формального членства в «Гитлерюгенд», и поэтому только и тем и занимался, что непрерывно расшаркивался перед Израилем. Бенедикт действительно поступился принципами, но по другой части. Это произошло, когда к нему явился британский иностранный секретарь Дэвид Милибэнд, считавшийся без пяти минут премьер-министром, и «посвятил» Папу в веру в глобальное потепление. В 2009 году королева Елизавета, принимая Папу, прямым текстом назвала РКЦ партнером в предотвращении вымышленной глобальной катастрофы — краеугольного камня современного мальтузианства.

Можно рассуждать о том, какова роль германского происхождения Бенедикта в его непонимании сути «глобальной повестки дня». Действительно, в отличие от Иоанна Павла, который сразу раскусил антихристианское содержание Конференции по народонаселению в Рио (1992), Бенедикт видел главную опасность для веры не в мальтузианстве, а в релятивизме, о чем многократно говорил. Но это видение было результатом его рационалистических взглядов — будь он мусульманином, его бы отнесли к мутазилитам. Он видел в эре Просвещения, лишившей Церковь светской власти (к чему прелюдией был Первый Ватиканский Собор), закономерную неизбежность, и даже выражал гордость в связи с тем, что Просвещение началось именно в христианских странах. Человек так думал. Этот способ мышления совершенно не обязательно проистекает из комплекса неполноценности перед разработчиками Плана Маршалла, и тем более из комплекса вины перед иудеями, поскольку это сюжет просто из другой оперы.

Другое дело, что старания мягко интегрировать в католический мир все то, что от него по разным причинам отпало за несколько последних веков, действительно сродни популярной в немецком истэблишменте 1990-х годов «теории переплетения» — романтическим расчетам на возвращение влияния без территориальной экспансии. Интернет-монополия США и достигнутая ее посредством информационно-психологическая форма господства поставила на этих мечтаниях не крест, а скорее тот символ, на который молился Стив Джобс — и возможно, кардинал Мартини, вслед за Джобсом отказавшийся от лечения собственной смертельной болезни, что было вполне созвучно его собственному оправданию эвтаназии.

Папа Бенедикт загнал себя в образ Дон Кихота, воюющего с ветряными мельницами: он увидел врага в релятивизме, а не в гностицизме, и соответственно, боролся, притом преимущественно в узком богословской сфере, со следствием, а не причиной мирового кризиса морали. Соответственно, его сбор «отпавших чад» вырождался в механическое собирание в кучку. Соответственно, этот кризис в его представлении никак не соприкасался с мировой финансовой катастрофой. Соответственно, он не предвидел и не мог предвидеть экономического аспекта десакрализации, к которому неумолимо вела развернутая против РКЦ информационно-психологическая кампания. Возможно, осенью 2011 года, когда папамобиль удирал по мадридским улочкам от толпы голых разрисованных людей, его пассажир впервые догадался, что его преследует не релятивизм, а что-то другое. А вся бездна институционального и персонального унижения раскрылась перед ним только 1 января 2013 года, когда за его актом милосердия — прощения камердинера Габриэле и программиста Шарпанетти — не последовала отмена экономических санкций.

Вот эту руку сюда!

Как и следовало ожидать, итальянские кардиналы увидели в уходе Бенедикта шанс на восстановление справедливости. Перенесенное ими унижение 2005 года, когда итальянская часть курии разделилась на сторонников иезуита-реформатора Мартини, «народника» Руини и «олигарха» Диониджи Теттаманци, кажется теперь преодолимым: Анджело Содано, обманувший сам себя, уже вышел в тираж — как, впрочем, и Вальтер Каспер. Отодвинутый тогда итальянский сторонник консервативного возрождения, теперь уже бывший карди-

нал Венеции Анджело Скола может стать основной ставкой — если салезианцы не упрутся рогом, отказываясь сдать ославленного Бертоне.

Однако у Анджело Сколы есть своя слабость, которая всего восемь лет назад была преимуществом, — принадлежность к ордену *Opus Dei*. Самым логичным ходом для носителей «глобальной повестки дня», чтобы не пропустить такого кандидата, была бы «раскрутка» трескучих консерваторов-популистов из других частей света. Это уже происходит, и к этому приложил руку сам Бенедикт, вместе с африканцами произведший в прошлом году в кардиналы харизматичного американца, 62-летнего президента Коллегии епископов США Томаса Долана.

Как признавал ныне опальный Уильям Левада, американская католическая общественность столь импульсивна, что не способна к программному мышлению. Это естественно: американские католики, как и иудеи, до уровня безусловных рефлексов воспитаны популистской биполярной предвыборной системой. Американские католики-консерваторы столь же поверхностны, как и либералы: их платформы, как игрушка Lego, складываются из незамысловатого перечня позиций (по абортам, стволовым клеткам, сексуальным меньшинствам и т. д.). Рассчитывать на то, что кто-либо из американских «деноминантов» концептуализирует понятия о добре и зле в систематизированной, исчерпывающей форме, не приходится: такие концепции в Америке неизбежно скатываются в маргинальную область, поскольку избиратель десятилетиями (точнее, множеством четырехлетий) отучен думать. Но Долан сойдет на роль Жириновского, как и его почти полный австралийский аналог Джордж Пелл.

Скола, Пелл и Долан будут столкнуты лбами. В Италии от этого выиграет амбициозный либерал Франческо Равази, известный своим оправданием Чарльза Дарвина. Другое дело, что Равази — совсем не харизматик, хотя и популист. Харизматики водятся в изобилии в Третьем мире. Именно их имена, буквально через несколько часов после отречения Бенедикта, начали популяризоваться всеми «топовыми» букмейкерскими фирмами Лондона.

Британская традиция, в отличие от испанской, в игровой форме воспроизводит не борьбу обобщенного человеческого воинственного добра с животным злом (коррида), а конкуренцию ловкачей, управляющих животным началом (ипподром). Авторы ставок на кардиналов-«лошадей» смотрят в

зубы. Самые белоснежные зубы, по их представлению — конечно же, у африканцев. И для того есть целый ряд причин. Во-первых, афроамериканец-проповедник — всегда харизматик, он работает на стереотипах подсознания, а не сознания. Во-вторых, один подобный харизматик уже дважды выиграл высшее мировое ралли — президентский пост в США, и самый консервативный британский ум с этим, по геополитическому факту, смирился. В-третьих, среди афроамериканских кандидатов есть представитель той страны, которая дала миру самого влиятельного (из живущих на сегодняшний день) генсека ООН — государства Ганы, которое имеет весьма древнюю и специфическую историю. В-четвертых, нынешний стратегический альянс Вашингтона и Парижа, закономерно сложившийся с восхождением «француза» Джона Керри, делает Гану особым звеном глобальной теневой экономики, которая — в отличие от XIX века — сегодня диктует миру неписанные правила игры.

С точки зрения теневых соображений бывший колумбийский архиепископ, канадец Марк Уэллс, на первый взгляд, может считаться конкурентом, не будучи афроамериканцем. Но букмекеры знают заранее, на чем споткнется его лошадь: родной брат Уэллс осужден за двойное сексуальное преступление — причем именно за развращение малолетних. В тот момент, когда он будет лететь кувырком со своего коня, ему может прийти в голову задать мировому истеблишменту элементарный вопрос, которым никто не задается, а именно: каким образом то, что до 18 лет считается в этом истеблишменте грехом, после 18 лет автоматически превращается в добродетель? Но не в его позиции об этом говорить: затопчут полностью, до неузнаваемости.

Этот вопрос о «двойных сексуальных стандартах» должен был задать Папа Бенедикт XVI, и это был для него единственный способ заставить считаться с собой. Но он его не задал. Этот вопрос могли задать на мировом уровне иерархи Русской Православной Церкви. Но они разглядывали собственный синяк от Pussy Riot, когда собратьев по консервативным ценностям мочили, говоря по-английски, *black and blue*. И поэтому теперь им придется искать днем с огнем адекватных собратьев где-нибудь, но уже не в Ватикане.

В гонке «посеян» не один, а несколько афроамериканцев, но фаворит среди них очевиден — это ганский кардинал Питер (Пьер) Кодво Аппиа Турксон. Еще осенью 2009 года, после триумфальной поездки Обамы на Ближний Восток, он вслух

задался вопросом (не случайно заданным услужливым корреспондентом): может ли следующим Папой стать представитель черной расы? И ответил положительно, сославшись не только на имя Обамы, но и на имя Кофи Аннана. А в 2011 году именно Турксона отправили в Кот Д'Ивуар уговаривать осажденного диктатора Лорана Гбагбо признать французские (и ООНовские) условия капитуляции.

С точки зрения букмейкеров и их консультантов, это будет золотой Папа. Даже можно сказать, алмазный. Мощь ганских семейств, построенная на работорговле, сольется воедино с геополитическим влиянием картеровской команды, к которой принадлежат Кофи Аннан, Лахдар Брахими, новый глава Пентагона Чак Хейгл, Михаил Горбачев и буддизированный ватиканский богослов Ханс Кюнг, который начал кампанию против Бенедикта с момента его избрания и заслужил специальной награды горбачевско-картеровского Будапештского клуба, где также состоит бывший специалист по языку дельфинов, а ныне наставник западных поп-звезд и московских профессоров на путь столь же немудрящего, зато гностического иудаизма Михаэль Лайтман.

Обязательно ли это означает, что «Петр Римский», предвосхищенный пророчеством Св. Малахией, будет последним на ватиканском Престоле? Вовсе не обязательно. Во-первых, стадом овец, которых, по Малахии, будет пасти Петр, католическая паства стала еще задолго до его избрания. Во-вторых, сам Престол может переехать в Гану, что ничуть не будет противоречить европейской Конституции, а имущество в Риме и других «городах на семи холмах» — в управление Трехсторонней комиссии. Конечно, не сразу же, а после итальянских выборов, где главной темой станет, естественно, педофилия Берлускони в одном флаконе с его ватиканскими связями. Рим уже стерпел памятник Иоанну Павлу зеленого цвета с профилем футбольного тренера и приставным ящичком-сумой, обгаживаемым голубями. Стерпел? Значит, и не то стерпит в процессе ритуального, деловитого, неспешного и беспощадного обещания Европы.

А РКЦ никуда не денется — она станет, как и в США, одной из многих тысяч деноминаций без привилегий. Какая же именно Церковь является истинной церковью Христа, и какой Христос (по мнению самовоспроизведенных эссеистов — «Зеленый», по версии южноафриканского епископа — Десмонда Туту — носителем философии убунту, а группа Femen у Собора Парижской Богоматери уточняет: In Gay We Trust) со-

ответствует глобальной повестке дня, Всемирный совет церквей и Парламент мировых религий смогут решить без всякого, даже формального Третьего Ватиканского собора: предстоящие экспресс-выборы — вот эту руку сюда! делай вот так! — его вполне заменят. Здесь наши конспирологи правы: больше, чем Ватикан уже сдал, он сдать уже не сможет. Они не исчезнут. Они будут прыгать голыми с отверстиями в носу.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Должен признаться, что я ошибся во многих героях своих предыдущих статей, а других, наоборот, переоценил. Действительность поступила с этими героями не так, как я ожидал — по другой логике. Говорят, что отрицательный результат в науке тоже результат. Еще более известно — будь то из физики или политики — что на каждое действие находится противодействие.

Опровержение святого Малахии

История — точная наука о процессах, изгибы которых трудно точно предсказать: во-первых, в них действуют живые люди, которые вдохновляются и разочаровываются, угадывают конъюнктуру или просчитываются, подчиняются или сопротивляются. Это касается и отдельных ответственных лиц, и сообществ.

Недавно блогер-исследователь Уэйн Мэдсен написал, что дискредитацией Католической церкви занимался глава Информационного управления Белого Дома Кесс Санстайн. Это в самом деле способный специалист-психолог, специально занимавшийся исследованием конспирологического мышления — и в частности, способов внедрения в массовое сознание заведомо ложных панических слухов.

Кесс Санстайн работал в Белом Доме вместе со своей третьей супругой Самантой Пауэр. В предвыборную пору 2008 года Саманте прочили головокружительную карьеру. Но она, живой и порывистый (в противоположность супругу) человек, по неосторожности вслух назвала Хиллари Клинтон «монстром». Она не знала, что из соперницы Обамы Хиллари станет союзницей и госсекретарем на первом сроке. Просчиталась.

Супруги неверно сориентировались и в 2012 году: не подружились вовремя с Джоном Керри, хотя Кесс был хорошо знаком с авторитетным деятелем из его alma mater Йельского университета, Джеком Балкином, который свое собственное воздействие на умы характеризует словом «балкинизация». Просчитался.

И поэтому, хотелось Кессу или не хотелось, а в августе 2012 года ему пришлось уволиться: в Белом Доме на его место

пригласили молодого перспективного йельца Бориса Берштейна (не путать с Бирштейном). А 4 февраля 2013 года из Белого Дома ушла и Саманта Пауэр. И сколь бы способным специалистом по воздействию на массовое сознание ни был Кен Санстейн, ему не суждено было пожинать лавры в связи с досрочным отречением Бенедикта XVI. И коллегам Кесса, в частности Лоренсу Лессигу, не довелось отпраздновать этот успех — поскольку он не состоялся.

Можно рассуждать в сослагательном наклонении о том, удалось бы или не удалось возвести на папский престол Питера Турксона из Республики Гана, останься Кесс при своей должности. Может, ему удалось бы в последний момент изобрести какую-то особо изощренную спецоперацию: скажем, у некоей римской сауны отвалилась бы стена, и из нее начали бы вываливаться кардиналы, как бабушки из окон в прозе Хармса. Прямо в камеры CNN и телеканала «Россия-24», сильно заинтересовавшегося сауной со слов римского разоблачителя Марко Полити.

Ведь нельзя сказать, что Полити не старался; нельзя сказать, что профессор-расстрига Ханс Кюнг, нынешний собрат Михаила Горбачева по Будапештскому клубу, мало внушал на страницах New York Times, что Католической церкви надо сменить и доктрину, и папский возраст, и местопребывание — отчего бы, в самом деле, не переселиться в Гану или на Гондурас, уступив хоромы пантеистам? Нельзя сказать, что Питера Турксона мало пропагандировали, в том числе на плакатах на улицах Рима и на богослужениях в самых древних (раннехристианских) храмах.

Но, во-первых, даже в пропаганде есть такой феномен, как избыточное старание, приводящее к непредусмотренному результату, что описано в рассказе Чехова «Пересолил». Во-вторых, такое понятие, как критическая масса, тоже существует не только в химии. И наконец, историкам очень часто приходится иметь дело с таким феноменом из естественных наук, как сопротивление материала.

Кардиналов изобличали не один год и задолго до Обамы с Санстейном: началась кампания еще в конце 1990-х, при Иоанне Павле. Поэтому Санстейн и сравнивал готовившуюся «ватиканскую весну» с «арабской»: транснациональная кампания была поэтапной, дифференцированной и многосторонней, с разделением труда и адаптацией к этническим, возрастным и гендерным группам. Как и в прочих экспериментах, сообщества и группы исследовались на пристрастия, на предубеждения, на реакцию, пробовались на сжатие, разрыв, вза-

имное столкновение. И информационных данных для этого было более чем достаточно. И уже перед предшествующим конклавом (2005 года) главными сторонами цивилизационного противоборства за папский престол называли итальянцев и латиноамериканцев. На этом столкновении, как казалось, и выиграл тогда Йозеф Ратцингер. Тот же спор культур и континентов был очевиден и теперь — и поэтому букмекерская компания Unibet пиарила одного реформатора — Турксона, а следом — двух консерваторов, соответственно итальянского (Анджело Сколу) и бразильского (Одило Шерера): им давали аванс, чтобы они столкнулись в пользу третьей, «реформаторской» фигуры.

В католическом духовенстве было заметно и прорывалось на поверхность и противостояние *Opus Dei*, которому покровительствовал Иоанн Павел и вслед за ним Бенедикт, и Общество Иисуса, отодвинутое *Opus* от ведущей роли. Игра на этой ревности создала феномен Карло-Марии Мартини, иезуита-реформатора, выпившего немало бенедиктовой крови. С ним режиссеры пересолили: слишком проникшись «реформаторством», он отказался лечиться от рака и умер, как буддист Стив Джобс, не дождавшись, когда Бенедикта будут окончательно «валить», а соответствующего дублера выращено не было. Это был просчет.

Наконец, в лице кардинала Тарчизио Бертоне остракизму подверглось Общество Святого Франциска Сальского, являющееся не орденом, а околосцерковной ассоциацией. Кардиналу, отвечавшему за хозяйство Ватикана, вменялось создание «салезианской мафии» — она же лигурийская по территориальному происхождению. Салезианцы активнее всего работали с молодежью — убрав это препятствие, режиссеры открывали дорогу харизматикам. Однако эта популярная ассоциация была не единственной: не меньшее влияние получили «Общность и освобождение» (джуссанианцы) и фоколяры. Этим феноменом режиссеры также пренебрегли. Это был еще один просчет.

Медиа-аудитории систематически внушалось, что католические храмы опустели, поскольку система ценностей, отстаиваемая традиционным католицизмом, устарела. Подобная агитация влияет на электорат политических партий. Паства — материал иного свойства: во-первых, она не разочаровывается по команде, на второсигнальном уровне, поскольку ее ценностные установки имеют историю воспитания; во-вторых, сами агитаторы, не являясь для нее авторитетами, только подстегивают сопротивление, когда покушаются на общий, а не

индивидуальный внутренний мир. Член общины — не то же самое, что член «Единой России» или привычный «голосователь» за Демократическую партию США.

Пропагандистский образ заскорузлого, косного, обструкционистского сообщества разошелся с реальностью не только на уровне массы. Курия, вопреки почтенному среднему возрасту, обладала стратегическим мышлением. Теория вброса правдоподобной, но утрированной версии, разработанная Кеном Санстайном, обернулась против самих режиссеров. Уже во время голосования лондонская газета *Telegraph* дезинформировала общественность: утверждалось, что консервативные силы сплотились вокруг Одило Шерера, а Анджело Скола якобы утратил влияние. Между тем именно Скола продвигал аргентинца Хорхе Мариа Бергольо. Не по этническому и не по орденскому принципу, а по многолетним связям в «Общности и освобождении» (*Comunione e liberazione*). Основатель этой ассоциации, Луиджи Джуссани, был равно авторитетной фигурой для Ратцингера и Бергольо: благодаря ему оба осознали, что Второй Ватиканский собор (1962-1965) с его смыслоразрушающими реформами был ничем иным, как предисловием к так называемой молодежной революции 1968 года.

Почему консервативная *Telegraph* взяла на себя функцию «анти-Санстайна»? Для этого был резон. Когда режиссеры ради сокращения доли консерваторов в конклаве оперативно оклеветали ирландского кардинала Майкла О'Брайана, католики Британских островов остались без единого голоса в собрании. Да, Британия была родоначальницей букмейкинга, как и ипподрома. Но Британия не менее склонна к сбережению традиций, а кроме того, и в спорте очень значима не только командная, но и национальная честь. Изгнание О'Брайана было еще одним просчетом.

Избрание Бергольо оставило режиссеров без оружия. Он иезуит, но друг Ратцингера; он латиноамериканец, но не теолиберал; он консерватор, но не догматик; он этнический итальянец, но чужд римскому снобизму; он аскет, но привержен той ассоциации, которая изначально служила самым мощным «полком» Сильвио Берлускони. Выбор сделан так, что интриганам не за что уцепиться: ведущий орден сменился, а преемственность сохранилась; коррупционный имидж разрушен, а дворцы — на месте, и небрежение искусом оттого лишь больше заметно. Возраст? Мантра «омоложения» озвучивалась светскими критиками постоянно — но разве отец, не воспитавший сыновей, авторитетнее «молодого специа-

листа»? Кстати, в запасе у конклава был кардинал почти вдвое моложе — но столь же последовательный консерватор. Филиппинец Луис Антония Тагле останется в резерве — иезуитском в том числе.

Юджин Волох, ближайший коллега Кесса Санстайна, за несколько дней до конклава признал поражение, просчитав, по крайней мере, что «школа Сколы» одержит верх. Веб-ресурсы «учителей демократии» расписались в лояльности папе Франциску, оставив Барака Обаму наедине с провалившимся «черным Петром». Предсказание Святого Малахии не сбылось: ошибаются не только политологи, но и святые.

Неделей ранее родной брат Обамы проиграл на местных выборах в родной Кении. В этой стране 4 марта реформаторы тоже проиграли, казалось бы, верную игру. Там тоже сыграло роль сопротивление материала: президентские выборы католик-националист Ухуру Кениатта выиграл у евангелиста-глобалиста Райлы Одингга, и не помогли ни приговор Кениатте от Международного уголовного суда, ни поддержка Одингги от Джеффри Сакса и Кофи Аннана.

Братья-мусульмане тоже не сдаются

В одной из самых популярных книг моего детства «Приключениях капитана Врунгеля» упоминался некий диктатор, любивший высоко поднимать ногу на параде, которого так вверх ногами и повесили. Речь шла, как догадывались (при тогдашнем уровне образования) юные читатели, о Бенито Муссолини, но сегодняшний день навевает более свежие ассоциации.

«Ватиканская весна» была слишком высоким задиранием ноги для Барака Обамы. Еще один просчет Белого Дома состоял в том, что послевыборная ротация кадров, да еще сошедшая с дебатами вокруг секвестра, не добавляла ни «очков» самому Обаме, ни эффективности его внешнеполитическому аппарату.

Трио Джо Байдена, Джона Керри и Чака Хейгла должно было триумфально выйти на мировую сцену, придав вынужденным мерам бюджетных сокращений флер благосклонного миротворчества, камуфлирующий продолжение прежней политики несколько иным, менее затратным набором средств. Первым провалился Байден: секвестр по демократическому сценарию не прошел. Номинанту на пост главы Пентагона пришлось утверждаться дважды; как всегда бывает в таких случаях, в промежутке к номинанту пришли поторговаться внешнеполитически заинтересованные лица. Здесь можно верить армянскому радио: это было турецкое лобби, стремившееся

уравновесить заведомую внешнеполитическую предвзятость как Керри, так и его преемника на посту главы сенатского комитета по международным отношениям Роберта Менендеса.

В свою очередь, новый госсекретарь должен был продемонстрировать дипломатический класс в ходе своего турне по Европе и Ближнему Востоку. Ожидалось: вразумление Англии, возвышение Франции и унижение Германии; оперативное решение сирийской проблемы; обезоруживание Ирана улыбкой, а Турции пренебрежительной гримасой; зажигание второй фазы «египетской весны» в пользу пантеиста эль-Барадеи.

Что из этого получилось? Практически ничего. Был ли этот провал запрограммирован? И да, и нет. Да — потому что можно было легко предвидеть реакцию Ирана на военно-морские учения арабских стран в Персидском заливе. Нет — потому что та же Telegraph решила разоблачить иранские атомные приготовления в Араке совсем не к месту: специально так, чтобы на встрече в Алма-Ате иранская сторона не пошла ни на одну уступку.

Опять же можно было несложно предвидеть, что на очередной встрече «Друзей Сирии» катарское лобби может устроить саботаж франко-саудовскому. Но сюрпризы преподнесла опять же пресса, причем не только правая французская, но и левая американская. Как раз в тот момент, когда скоро слепленная «национальная коалиция» сирийской оппозиции должна была сформировать правительство, сразу несколько мэйнстримных СМИ «засветили» франко-саудовскую подготовку боевиков при американской поддержке, которую сирийские бригады совсем не обязательно стремились афишировать перед своими радикальными рекрутами.

В этом «вредительстве», к которому подключилась и New York Times, была несомненная логика. Французский поход в Мали оказался совсем не триумфальным: попытка восстановить контроль над «сахарским маршрутом» контрабанды привела к тому, что теневики оперативно освоили новые пути — через бывшую португальскую и британскую Африку с выходом в Ливию. Президент Франсуа Олланд нервничал и искал поддержки не только от ООН, но и от Москвы, и так в ней нуждался, что вопреки наставлениям НПО не стал позировать в России с оппозицией. Его возвращение из Москвы ни с чем было отмечено рекордом непопулярности в опросах. В это время сирийские воюющие рассорились окончательно, и несчастный Олланд стал молить о содействии уже на брюссельской сцене. А в это время Николя Саркози засобирался обратно в

политику, для чего объявил о создании фонда — как оказалось, на деньги Катара.

Египет, казалось, был унижен дальше некуда. Но это унижение дало неожиданные эффекты. Например, заточенный в тюрьму экс-президент Мубарак, доселе не жалевший бранных слов для «Братьев-мусульман», призвал египтян сплотиться вокруг президента Мурси. А на уличных митингах рядом с либеральными лозунгами вдруг возникли портреты действующего министра обороны Абдулфаттаха Сиси — тоже из «Братьев». Тот материал, к которому, казалось, нашли беспроектный ключик, перестал лепиться по заказу.

Утверждение Чака Хейгла в должности главы Пентагона сопровождалось знаковыми жестами: Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн выступили со статьей о новых горизонтах денуклеаризации. Идеологи «концепции глобального нуля» (речь идет о полном отказе от ядерного оружия) предложили начать с того, чтобы

«взять ядерные материалы под надежную охрану». Одновременно известный чернокожий баскетболист отправился в Пхеньян в роли «Голубя мира», и это после очередного подземного ядерного испытания.

Ссора между двумя Кореями возникла как бы сама собой. Началось с того, что в СБ ООН к торговым санкциям в отношении страны добавили финансовые санкции в адрес конкретных лиц. И тут же выяснилось, что некая группа спецов, собранная «задолго до и независимо от» Чака Хейгла, готовила подколотый-подшитый материал о личных денежных вкладах Ким Чен Ына. И не в Америке и не на Кипре, а в Китае. С этого момента Ким Чен Ын больше заезжим спортсменам не улыбался, а вместо этого объявил недействующим мирное соглашение с южанами от 1953 (!) года.

На это саботаж «голубиных» инициатив не закончился. Когда Хейгл прибыл в Афганистан — впервые в статусе министра — ему преподнесли сюрприз в виде взрыва в центре Кабула. Пресс-секретарь Талибана Забиулла Муджахид специально пояснил, что его исламское движение специально решило продемонстрировать свою способность бросать вызов американцам. Это был тот же самый Забиулла Муджахид, который месяцем ранее по-деловому рапортовал о начале диалога талибов с американцами в Дохе. Иными словами, для него Хейгл (и его предложения, как-то распределение власти между множеством партий и группировок) — это одна Америка, а сотрудники филиала RAND Corporation в Катаре — это другая Америка.

Генерал Джеймс Маттис, покидающий пост главы CENTROCOM, предложил не торопиться с выводом контингента из Афганистана. И одновременно забил тревогу о том, что санкции в отношении Ирана не действуют.

Сдвоенный истерический приступ, случившийся с генералом Маттисом, удивительно совпал с двумя событиями — публикацией Telegraph с фотографиями иранского объекта в Араке, над которым — о ужас! — поднимается белый дым (значит, там что-то охлаждается, значит (??) — в стране производится плутоний, и с формированием правящей коалиции Израиля. Деланную историку можно было отложить до лета, но, во-первых, голос уходящего чиновника всегда звучит громче, чем голос отставника, во-вторых, если бы израильских выборов не было, то их бы следовало придумать как идеальную площадку для оптовой торговли страхом.

«Ястребы» ловят волну

Джон Керри поначалу собирался включить Израиль в свое турне, но затем передумал. Во-первых, срок путешествия был сокращен из-за визита в Вашингтон японской правительственной делегации. Во-вторых, спустя месяц в Иерусалим так или иначе собирался Барак Обама. В-третьих, Ицхак Молхо, помощник израильского премьера Биньямина Нетаниягу, слишком бесцеремонно, как ему показалось, «качал права» в Вашингтоне.

Керри отправился в Лондон, где иностранный секретарь Хейг пообещал форсировать снятие эмбарго с поставки оружия в Сирию. Следующей станцией был Берлин, где по плану состоялась встреча с Сергеем Лавровым. Назначение этой встречи оказалось просчетом нового госсекретаря. Пока он курсировал далее между Парижем, Стамбулом и Каиром, по мировой прессе разошелся слух о готовящейся сделке с радикальным исламом, которую якобы готовит демократическая администрация США чуть ли не в сговоре с Москвой. А именно: Сирия делится на два государства, из которых одно, суннитское, управляется отпетыми головорезами из «Фронта Ан-Нусра». Портал Института исследования войны, обслуживавший Дэвида Петреуса, опубликовал портретную галерею этих головорезов во главе с предводителем «военного совета» Саламом Идрисом. Именно после этого и возникло «недержание» одновременно у правой французской прессы и левой американской — на тему Иордании, где с легкой руки Обамы и тренируются вышеназванные головорезы.

После чего израильский премьер Нетаниягу по секрету всему свету посетил столицу Иордании, а в Вашингтон в это время, как бы с прощальным визитом, прилетел министр обороны в уходящем израильском правительстве Эхуд Барак. А 4 марта в Вашингтоне как раз открывалась очередная конференция американо-израильского комитета по общественным связям (АИРАС) — самой крупной и многочисленной лоббистской структуры. К этому времени завершилась алма-атинская встреча «шестерки» с Ираном, на которой «шестерка» по-голубиному обещала разрешить Тегерану обогащение урана до 20 процентов и покупку золота, а от Ирана не получила в ответ никаких шагов навстречу. Вернувшись в Штаты, новоиспеченный госсекретарь созерцал идиллическое единство своего соратника Байдена с Бараксом на трибуне лоббистского мероприятия; оба угрожали Ирану «силовым решением».

В данном случае просчет «голубиной партии» состоял в том, что «взять под надежную охрану ядерные материалы» Ирана предполагалось с помощью Индии, то есть обогащать топливо на ее территории, а не в России или Бразилии. Но Индия была к тому времени шокирована «сговором» Ирана и Пакистана по тому газопроводу, от которого Нью-Дели, вряд ли по собственному почину, ранее отказался.

Авторство этого сговора было видно без очков: пакистанский стратегический порт Гвадар, еще недавно ключевая точка американского «южного маршрута» в Афганистан, в январе был передан в управление Китая. По одной простой причине: именно Китай не пожалел денег на его модернизацию. В прошлом году неведомые террористы вблизи этого порта захватили американский военный объект, и при этом утверждалось, что их целью было получить где-то поблизости складированный пакистанский уран. Но среди пострадавших оказались не только американцы, но и китайцы, после чего этот эпизод был замолчан в прессе. В середине января этого года в городе Карачи, тоже недалеко от Гвадара, сектант по имени Тахирул Квадри пытался было устроить нечто вроде цветной революции. Своих ресурсов ему в традиционной стране не хватало, и прибывший из Канады шейх Тахирул ожидал поддержки от реформатора Имрана Хана, бывшего супруга дочери банкира Голдсмита. Но старый английский агент влияния то ли по плебейской лени, то ли не получив отмашки из Лондона, не стал кидаться очертя голову в трудно предсказуемую авантюру — тем более что устраивалась она не под него, а под экс-премьера Мушаррафа.

Какими бы улыбками не пытались очаровать государства-мишени «голубиная партия», было слишком очевидно, что действовать она собирается отнюдь не только методами убеждения. Президент Пакистана, в отличие от его предшественников, не слыл диктатором. Но как в известном советском мультфильме про дом с надписью «Во дворе добрая собака», с ним вели себя так, что не показать зубы он просто не мог. 11 марта Асиф Али Зардари приехал в Тегеран и торжественно открыл строительство пакистанской части газопровода (иранская уже построена).

Известие об этой церемонии было неприятно для двух государств — Туркменистана и Афганистана, поскольку эти два государства были еще давно, еще до рождения Талибана, включены в другой проект под названием ТАПИ. Один из его ключевых лоббистов, владелец израильской компании «Мерхав» Йосеф Майман, состоял в организации US/Middle East Project (дочерняя структура Совета по международным отношениям) вместе с Хейглом. И никак не ожидал, что троица Байден-Керри-Хейгл окажется столь беспомощной.

На форуме AIPAC президенту Обаме было мягко указано на его неспособность защитить израильские интересы, а через три дня состоялось закрытое мероприятие еще одного учреждения, именуемого Институт американского предпринимательства (AEI). На его трибуне оказались одновременно главная фигура неоконсерваторов — экс-вице-президент Дик Чейни, экс-кандидат в вице-президенты Пол Райан и действующий спикер Палаты представителей Джон Бейнер. Уже само сочетание этих лиц, да еще в присутствии глав военно-промышленных корпораций, не оставляло сомнений в том, что Белому Дому, вместе с еще толком не сформированным новым Госдепом, брошен не менее серьезный вызов, чем в ходе президентской кампании прошлого года.

В это время энергичный молодой публицист Яир Лапид, рассчитывавший сменить Нетаниягу в кресле премьера Израиля, ждал от Барака Обамы сигнала поддержки — и не дождался. Покровителю Лапида, экс-премьеру Эхуду Ольмерту, израильская пресса припомнила его готовность подарить Палестине 93 процента оккупированных территорий. У спонсоров самого Ольмерта в это время возникли неожиданные проблемы: на одном из роскошных лайнеров их круизной компании Carnival Cruise Lines без предупреждения отключился свет, на другом случился пожар, из-за которого вышла из строя канализация. По мейнстримным сайтам гуляли кадры элитных кают, залитых дерьмом.

Несчастный Лапид понял, что ветер дует не в его паруса, и покорно признал лидерство Нетаниягу. Леволиберальная Naaretz ломала голову по поводу его поразительно легкой сдачи позиций: он вдруг перестал бороться за пост главы МИД, удовлетворившись портфелем министра финансов не в самой радужной ситуации с бюджетом. Партия Лапида рассчитывала получить хотя бы портфель министра просвещения впридачу, но Нетаниягу поставил ей ультиматум: если Лапид будет саботировать формирование правительства, то вместо него в коалиции окажется религиозная партия ШАС. Спор разрешил лидер «новых сионистов» Нафтали Беннет, в недавнем прошлом американский IT-предприниматель, у которого откуда-то появились соответствующие полномочия: Лапид, так и быть, получил министерство, но прежнему его главе, ликудовцу Гидсону Саару, достался портфель главы МВД.

Податливость Лапида была неслучайной. По совпадению правая пресса припомнила его покровителю, экс-премьеру Эхуду Ольмерту, злокозненное намерение отдать палестинцам 93 процента оккупированных территорий. А заодно процитировала прямую речь Ольмерта о том, что он сам рассчитывал стать премьером — очевидно, не предупредив наивного Лапида. Между тем находящийся под судом Авигдор Либерман не только получил гарантии сохранения за собой поста министра иностранных дел, но и продвинул своего протеже Юлия Эдельштейна на пост спикера.

Конфигурация израильского правительства оказалась астрономически далекой от «голубинового» идеала. И в этом тоже есть резон. Ведь отрешенная от действительности концепция «глобального нуля» распространяла императив «взять ядерные материалы под надежную охрану», в том числе и на Израиль. А в Израиле, как и в Штатах, весьма значительная часть элиты мыслит не в парадигме «общечеловеческих ценностей», а в парадигме национального и культурного превосходства (над другими культурами и нациями).

Неоконсерваторы в Америке и «Ликуд» в Израиле весьма успешно эксплуатируют консервативные чаяния избирателей, которые упаковываются, соответственно, в пафос «новых крестовых походов» или «защиты сионизма» — несмотря на то, что в риторике республиканцев-экспансионистов уже давно не различаются христианские основания их «священного гнева», а так называемые религиозные сионисты в Израиле вместе со светскими политиками подвергают остракизму «правоверных» иудеев. И это закономерно, поскольку экспан-

сионизм не может обойтись без экономической подоплеки. Геополитическая логика неоконсерваторов идеально соответствует способу мышления производителей крупных вооружений. Легкое оружие пользуется большим спросом в «мирных» суррогатных, как бы бессубъектных войнах — как в Сомали, а ныне в Сирии.

18 марта по лентам всех мейнстримных агентств проходит сообщение: в Сирии что-то взорвалось, и не простое, а химическое. Террористы, вопреки обыкновению, не берут на себя этот взрыв. Неясно, впрочем, был ли там газ и какой именно. Однако в сводках, по традиции, звучат слова «Иран» и «Хизбалла».

Уже на следующий день в свежем номере «Хаарец» со ссылкой на источник в военном ведомстве сообщается, что США подготовили «план точечного удара по объектам, имеющим отношение к ядерным разработкам Исламской республики Иран»; что этот план, согласованный с Израилем, вступит в силу в сентябре, если следующий президент Ирана (избранный в июне) «пойдет тем же курсом, что Ахмадинежад». Это пишет газета, которая не любит Нетаниягу, и поэтому написанное больше похоже на утечку, чем на провокацию, заготовленную специально к визиту Обамы. А значит, провокации уже не нужны: Обама сам принял решение закончить «голубиные» песни.

Вышеградский афронт

После межкорейского обострения, ирано-пакистанской трубопроводной церемонии и формирования «ястребиной» коалиции в Израиле от всех «голубиных» инициатив Керри и Хейгла остался отказ от размещения четвертого дивизиона ПРО в Польше. Но нельзя сказать, что это решение вдохновляет польский истэблишмент — скорее только усугубляет ощущение неприкаянности.

О Восточной Европе почти ничего не говорилось в докладе Национального комитета по разведке, опубликованном в январе. В ежегодном докладе главы национальной разведки Джеймса Клэппера бывшие страны Варшавского Договора, почему-то кроме Болгарии, тоже забыты. Но нельзя сказать, что ими не занимаются. Напротив, опека над ними приобрела некий систематизм.

Так, например, массовые волнения в Болгарии окончились экспроприацией чешских компаний, которых манипулируемое общественное мнение признало «жуликами и ворами», а в Чехии в это время обвинили ни много ни мало в на-

циональной измене уходящего президента Вацлава Клауса. В Словении мишенью социального бунта стал не только премьер, но и единственный в маленькой стране олигарх, он же мэр Любляны Зоран Янкович — уменьшенный, как в пробирке, аналог Берлускони или Лужкова.

Таких опытных пробирок, на самом деле, было несколько. В 2011 году на парламентских выборах в Польше внезапно вышла на третье место новорожденная партия торговца алкоголем Януша Паликота (названная его же именем), который впервые привел с собой в Сейм не только проповедников легализации наркотиков, но даже одного транссексуала. И прокомментировал свой триумф — 10 процентов электората за счет «рожденной в интернете» молодежи — простой фразой: «Польша перестала быть католической страной».

Завистливые московские политехнологи называли Паликота «бодрым внесистемным дядькой». Бодрый дядька был готов и к более широкому кругу общения — поскольку, в пику братьям Качинским, утверждал, что с русскими надо дружить. Нужен ли нам такой друг — это другой вопрос, которым могли бы озаботиться хотя бы в Россотрудничестве. Но это ведомство было слишком занято открытием русских культурных центров в Люксембурге и Чикаго.

На самом деле «бодрый внесистемный дядька», прежде чем получить кэш на свою кампанию, поучаствовал в заседании Трехсторонней комиссии, куда пускают далеко не каждого восточноевропейского политика, не говоря об отечественных. То есть его проект был одобрен на высшем системном уровне. Но кроме широких юношеских электоральных масс, партии нужны были известные депутатские лица и опытные менеджеры. Они появились после того, как в партии «Самоборона» Анджея Леппера случился раскол, а затем сам Леппер был найден мертвым. Это дало сразу два эффекта: во-первых, идея свободы малого предпринимательства была извращена в идею свободы меньшинств, во-вторых, распался альянс протекционистов, где партнером Леппера был Роман Гертых — племянник кардинала Гертыха, близкого друга Бенедикта.

Чешский преподаватель нового искусства Владимир Франц для участия в выборах нататуировался не на 10, а на все 90 процентов собственного туловища. Студенты не удивлялись: профессор давно увлекался панк-искусством и обрядами первобытных народов. И те же идеи легализации марихуаны вполне были в тему: настоящему индейцу завсегда везде ништяк. Как и идеи неприкосновенности дикой природы, которой мешают всякие там проекты развития.

По совпадению проекты развития в Чехии, во всяком случае, в энергетике, были связаны с российскими инвестициями. И еще в прошлом декабре пражские журналисты писали, что если президентом станет Милош Земан, то премьером он к себе пригласит Вацлава Клауса. А Вацлав Клаус не только в чешской, но и в мировой политике прославился тем, что бросил личный вызов Альберту Гору, оспаривая пропагандируемую им теорию глобального потепления.

Таким образом, разрисованный профессор Франц при всем своем экзотическом имидже тоже был отнюдь не внесистемным дядькой. Как и итальянский аналог Паликота и Франца по имени Беппе Грильо.

Актер-трибун Грильо вызвал у нас симпатии не только Станислава Белковского, но и статусных медиа-агентств: ну как же, парень борется с евробюрократией — значит, автоматом, за «Газпром». На самом деле, ничего подобного. Беппе — не Клаус, а анти-Клаус (так же как Паликот — анти-Леппер). Для итальянского электората Беппе — это анти-Берлусконни — что означает и анти-ENI, и анти-Finnmechanica. Беппе боролся не только с европейскими властями, но и с национальными, и с региональными; не только с чиновниками, но и с бизнесменами. В его представлении власть должна «спуститься» на уровень муниципалитетов. Где-то мы в конце XIX века это уже слышали.

Больше всего Грильо уязвил премьера Марио Монти: ведь это не просто «итальянский Герман Греф», а бывший председатель европейской ветви Трехсторонней комиссии. Тут был вполне уместен хрестоматийный вопрос “who are you to fucking lecture me”, приписываемый С. В. Лаврову. Но факт остается фактом: член «мирового правительства» был достаточным «общечеловеком», чтобы отменить налоговые льготы для Католической церкви, но недостаточным космополитом, чтобы безмятежно взирать на унижение своей страны — что проявилось уже в январе 2012-го, когда мировые рейтинговые агентства дружно и бесцеремонно «уценили» Италию.

Кто такой Грильо? Грильо — это ученик Джанроберто Касаледжо, который также обслуживал «мистера чистые руки» Антонио ди Пьетро. Что говорит Грильо? Он говорит, дословно: «Второй Республике пришел конец». Как известно, Первой (итальянской) Республике положила конец антикоррупционная кампания 1992-1993 годов, и жертвами ее стали одновременно христианские демократы и социалисты — то есть те партии, у которых «было что за душой». А заодно — вкладчи-

ки итальянских банков, поскольку в Италии усилиями воинствующих антикоррупционеров (почему-то дружественных Джорджу Соросу), тогда была произведена та же самая процедура, что сегодня производится на Кипре.

Когда Касаледжо занялся созданием социальной сети для комика Грильо? В том же 2006 году, когда в Турине была учреждена дочерняя структура Беркмановского центра Интернета и общества Гарвардского университета. Италия была таким же испытательным полигоном в Европе, как Египет — в Африке. А Гарвардская школа права, где возник Беркмановский центр — это, как известно, не просто юридический институт, а *alma mater* Барака Обамы. А профессор Йохай Бенклер, основатель туринского филиала Беркмановского центра, — не просто психолог, но и автор диссертации о преобразовании психологических эффектов в экономические.

Если в битве за Ватикан рядовые итальянцы были по большей части свидетелями события, то в парламентской борьбе они действовали непосредственно. И столь же непосредственно почувствуют на своей шкуре все издержки политического тупика, для создания которого на поле был вброшен синтетический мяч Грильо. Метод старика Хоттабыча — выброс второго мяча на поле с установленными правилами игры — был уже к этому моменту испытан на польской и чешской сцене, а если ради этого кто-то заснул и не проснулся, то цель оправдала средства.

В докладе Джеймса Клэппера Европе посвящен всего один абзац. Однако в этом абзаце названы страны, которые потянут на дно всю остальную Европу — Италия и Испания. И восточноевропейские «младшие братья» — Польша, Словения, Греция, Болгария, Кипр (а если начинать сначала, то придется, увы, назвать и Сербию) — послужили чрезвычайно удобным экспериментальным материалом.

Однако не все страны-мишени ведут себя подобно правительствам Греции и Кипра — то есть трусливее Кении.

Обвинение Вацлава Клауса в измене не прошло: его заблокировали две трети судей Конституционного суда. Если греческие чиновники прилежно составляли для Кристин Лагард списки местных «жирных котов» для их экспроприации, а швейцарский евродепутат Гросс приспособился подрядчиком к Биллу Браудеру по розыску так называемых «неприкосновенных» в Москве (а к нему в субподрядчики подсуетился Михаил Федотов), то компетентные органы Финляндии просто игнорируют запросы Уильяма Браудера: на нашей терри-

тории преступлений не совершено — до свидания, это нас не касается. Саботирует его «наезды» и Австрия. И даже Латвия, набитая агентурой, как шпротами, не торопится сдавать с потрохами собственных граждан по одному чиху Hermitage Capital. Что понятно: Браудер в своей жалобе перечислил все ведущие рижские банки.

У отказывающихся служить мишенью и экспериментальной площадкой появился собственный лидер. Это премьер Венгрии Виктор Орбан. На расширенной встрече Вышеградской группы он заявил буквально следующее:

«Посткоммунистические страны больше не могут, как 20 лет назад, искать на Западе проверенные рецепты для решения своих социальных или экономических проблем. Еврозона находится в беде более серьезной, чем мы. В прошлом было целесообразно использовать решения западных стран, но тогда мы были в начале переходного периода. Сегодня мы не должны, и нам не нужно делать это. Нам не нужно каждый раз выслушивать все, что нам говорят бюрократы в Брюсселе. Страны Центральной и Восточной Европы должны проводить свою собственную политику без оглядки на Европейский Союз. На мой взгляд, одним из наиболее важных вопросов в настоящее время является создание самого глубокого возможного экономического сотрудничества в Центральной Европе».

Примечательно, что встреча Вышеградской группы проходила не в четырехстороннем, а в расширенном составе. И все, что процитировано выше, говорилось в лицо Франсуа Олланду, победившему под лозунгами свободы секса и несвободы для национального бизнеса. А также в лицо Ангеле Меркель, в речах которой на одну осторожную фразу о неудачах мультикультурализма приходится пятьдесят оговорок на вечнозеленые «общечеловеческие» темы.

Когда термин «Восточная Европа» произносится в Германии, он и означает Германию. Когда он применяется в «ближнем зарубежье» Германии, он означает не Германию, а Австрию — то есть фантом Австро-Венгрии, как более испытанной историей реальности. При этом Австрия — не значит Габсбурги. Опыт империи не сводится к одному воспоминанию о правящей семье (в которой герои сочетались с придурками), но еще и опыт традиции, о чем Орбан без обиняков и говорит:

«Почему так много людей в Европе хотели бы видеть в Венгрии белую ворону? Во-первых, мы поняли, что основой экономического успеха, а также политического является справедливое разделение бремени, и ввели налоги на банки и

корпорации. Но это повредило интересам западных банков и компаний, работающих в Венгрии. Поэтому так много стран ЕС, крупных корпораций и чиновников ЕС выступают против нас. Вторая — причина — доминирующая в институтах, СМИ и общественных дебатах идеология, предполагающая, что будущее общество должно быть более светским, транснациональным и не основанным на семье. Мы же считаем, что жизнь должна быть основана на Боге, нации и семье. В Венгрии до 42 процентов детей рождаются вне брака. Это слишком много. Семья является союзом одного мужчины с одной женщиной. Это не мое изобретение, а соответствие замыслу Бога. Мы считаем, что спор о ценностях и видении Европы не окончен».

Кто не стрижет своих овец...

Когда все букмекеры хором сулили удачу на ватиканском конклаве негритянскому проповеднику, а группа Femen гарцевала у Собора Парижской Богоматери, целая плеяда отечественных авторов — от Максима Шевченко до Сергея Маркова — хором заявила, что наша страна осталась в этом мире последним форпостом и хранителем христианских ценностей.

Признаюсь, эта логика подействовала и на меня. Действительность оказалась другой. Форпосты сопротивления действительно обозначились — только как раз не в России. Показало себя католическое духовенство, показали себя связанные одной трубой Иран и Пакистан, показал себя — в споре с теми же «голубыми» — Израиль, показала себя Венгрия и, наконец, Кения. Это еще, конечно, не ситуация 2007 года, когда Вашингтону пришлось устраивать переворот в Таиланде, чтобы представитель правительства Таксина Шинаватры не прошел при поддержке Китая на пост генсека ООН. Но тем не менее ситуация достаточно обидная для Америки.

Мир уже привык к тому, что Америка принимается за политический шантаж ровно тогда, когда вашингтонскому боссу, независимо от цвета, нужно доказать, что он мачо, а это не доказывается. И в таких случаях ищется удобный объект, на котором этому боссу комфортнее всего оттоптаться.

Отличие нашего милого кризисного времени заключается в том, что помимо рычагов монетарного управления, в наше время широко применяются рычаги санкций и конфискаций. Впрочем, о том, что такая практика рано или поздно начнет, можно было догадаться и до кризиса. Не случайно же в 1993 году появилась организация Transparency International, в 1999 — Financial Action Task Force, а в 2006 — Проект по со-

общениям об организованной преступности и коррупции (ОСССР), специально для Восточной Европы. Именно с агентурой ОСССР работает по нашей стране Уильям Браудер, поражающий всех странным крохоборством: ради чужих, украденных не у себя 150 тысяч он ставит на уши все полицейские ведомства, например, Латвии или Молдавии. Впрочем, особый интерес этот как бы частный инвестор уже многие годы проявлял к Кипру.

Нельзя сказать, что первые неприятности у наших граждан и их денег за рубежом возникли сегодня. Когда в 1995 году в Майами задержали главу концерна «Русское золото» Владимира Таранцева, Сергей Кургинян написал замечательную статью «Десять негрятят». И таких неслыханных предупреждений было множество. Вот одно из недавних: в связи с исполнительными актами (указами) президента США, подписанными в мае 2011 года. А самое последнее предупреждение поступило непосредственно от Джеймса Клеппера, который в своем докладе поставил Россию в один ряд с Гвинеей-Бисау по показателю «злокачественного сращивания организованной преступности с частью чиновников, спецслужбами и бизнесом».

Нельзя сказать, что для отечественных политиков и СМИ было секретом то положение, в котором оказался Кипр — не столько финансовое (дефолт подходит только в июне), сколько политическое. Поскольку на это государство мировой истеблишмент, десятилетиями пользовавшийся оффшорными услугами, вдруг показал пальцем: вот он, «жирный кот»!

Нельзя сказать, что российский правящий класс не был знаком с кипрским. За то время, которое провела у власти Партия трудового народа Кипра (АКЭЛ), весь кипрский правящий класс можно было посадить в один карман одной из наших госкорпораций, тем более что с открытием газа на кипрском шельфе у них там появился второй интерес, кроме всем известного первого. На первых порах Россия Кипру помогла, хотя и вдвое меньше, чем Исландии. А в прошлом году уже получил от ворот поворот от Игоря Шувалова.

Сейчас Игорю Ивановичу приходится выслушивать предложения, запросы и мольбы от совершенно незнакомого человека. По той причине, что на кипрских выборах партия АКЭЛ проиграла, хотя наша страна могла бы этой партии помочь. Причем не обязательно деньгами. Те проблемы, которая имела правящая (до этого года) партия Кипра во главе с Димитриосом Христофиасом — это те же самые проблемы, которые имела партия Бойко Борисова в Болгарии, или партия Зорана

Янковича в Словении, или партия Яниса Урбановича в Латвии. Это был нещадный и каждодневный словесный прессинг — информационным его назвать нельзя, поскольку текст «А ты кто такой? Давай, до свидания» информации не содержит.

Колонизаторы соблазняли индейцев стеклянными бусами. Столь же немудрящими, как бусы для дикаря, товарами торгуют на так называемом информационном рынке. Их всего два, они даже называются на одну и ту же букву — fun и fear. Итальянским, чешским и польским юнцам за гроши скармливали fun. Соседям Ирана и Северной Кореи, в том числе таким искушенным, как Япония или та же Саудовская Аравия, скармливают fear. И это немудрящее скармливание окупается цифрой со множеством нулей: те, кто поддается на fear, раскошеливаются на оружие, а кто поддается на fun — ставит собственную страну в такую позу, что из нее потоком убегают деньги.

Агентство Reuters подсказывало Кремлю назначить главой Центробанка Сергея Глазьева, который раньше всех начал говорить о деофшоризации. В этом случае даже без Христофиа-са в Никосии российское руководство могло бы перехватить процесс и его возглавить, как это сделал Ватикан с проблемой кардинальских излишеств. И точно так же, как с Ватиканом, это вопрос, который стоит цифры с множеством нулей.

Но инициатива была потеряна. Она досталась в руки кому угодно — от блогера Мальгина до корпоративного шантажиста Навального. И орудия заработали по логике не только местных, но и глобальных разборок: из множества наших депутатов с двойным гражданством разоблачители выбрали почему-то только Виталия Малкина — партнера Бориса Иванишвили — и Аркадия Гайдамака (при этом почти одновременно наш «большой друг» Мэтью Брайза разразился пламенным текстом в защиту Саакашвили от «руки Москвы» в лице Иванишвили).

Теперь процесс в руках конфискующего. Кто не кормит свою армию, будет кормить чужую. Кто не стрижет своих овец, будет пострижен сам. Ваа, баа, black sheep.

Слово «конфискация» (регулярно, но напрасно употреблявшееся автором этих строк) — наконец-таки прозвучало и с высоких трибун, и с телеэкрана. Когда этой процедуре — под сурдинку то ли демократизации, то ли «дерадикализации ислама» — подвергались сомалийцы, египтяне, тунисцы, ливийцы, это нас как бы не касалось. И даже когда самосожжениям стали подвергать себя наши единоверцы-болгары, ставшие жертвами таких же манипуляций, как и египтяне, отечествен-

ный истеблишмент был озабочен только проектом Бургас-Александруполис (который не сумел доселе воплотить из-за собственных междоусобных склок).

Между тем форпосту христианства для начала приличествует сострадание к чужой беде. Если соединить его с духовной правдой и политической волей, то получится то качество, которое присутствует у реальных форпостов сопротивления и отсутствует у нашей элиты. Оно называется чувством собственного достоинства.

21.03.2013

ГОРЯЧАЯ БОСТОНСКАЯ КАРТОШКА

У скороварочного бомбиста Тамерлана Царнаева, признанного исполнителем взрывов на финише Бостонского марафона, есть нечто общее с Ли Харви Освальдом, которого как бы случайно убил некий Джек Руби, которого потом тоже убили.

Тройной зигзаг упорного джихадиста

Исполнитель ликвидации президента Джона Кеннеди, будучи гражданином США, непонятно зачем провел год в Минске, непонятно для чего знакомился там с чиновниками и интеллектуалами и даже женился на русской. Поскольку понятие «белорус» особо подозрительные, но не шибко грамотные левые американские репортеры перепутали с понятием «белый русский» (белогвардеец), допросу с особым пристрастием подверглись дворяне-эмигранты из городка, где проживал Освальд со своей женой Мариной, и каждый чих между подозрительными русскими, а также между ними и эмигрантами-кубинцами приобретал сверхценный смысл. За всей этой суетой оказался как бы неважным вопрос о том, кому и для чего Освальда потребовалось ликвидировать, прежде чем он мог быть допрошен.

Такая же туча версий плодится и множится вокруг братьев Тамерлана и Джохара Царнаевых: с путаницей вокруг их мест рождения, имен, паспортов и намерений. Оказалось, что Тамерлан, ликвидированный в перестрелке с феноменально шквальным огнем с обеих сторон, год назад путешествовал из городка Кембридж близ Бостона в Дагестан и Чечню, а все многочисленные спецслужбы США этого не заметили из-за ошибки в паспорте (и видимо, также в отпечатках пальцев). По одной версии, Тамерлан хотел, но не смог раздобыть новый российский паспорт вместо потерянного старого, по другой — обменять киргизский паспорт на русский. Ведь семейство Царнаевых непонятно зачем мигрировало из Калмыкии в Киргизию, затем оттуда в Дагестан, а потом, спустя год после окончания Второй чеченской войны, получили статус беженцев в США.

Тяга юного боксера, бежавшего от русской тирании в уютный пригород Бостона, к русскому паспорту совпадает с его увлечением радикальным суннитским исламом, в который он конвертирует также американскую супругу. За этой конвертацией стоит некий имам Миша, омусульманенный (осунниченный) армянин. По сведениям дяди братьев-бомбистов, он еще в 2007 году проник в этот дом и втерся в доверие не только братьев, но и их матушки.

Уроженец Армении, по выражению дяди, промывает мозги семейству — скорее всего, не на английском и не на армянском, а на великом и могучем русском языке. И, наверное, не только им: об умонастроениях братьев хорошо известно двум юношам казахского происхождения по имени Ахмат и Диас. И под влиянием имама, представляющегося русским уменьшительным именем, братья проникаются замыслом путешествия к родне в Дагестан. К тому времени Тамерлан уже взят на заметку как потенциальный террорист. То есть клиент созрел для карьеры в дагестанском имарате, а также для использования в качестве связного между этим имаратом и сочувствующими американскими имамами.

Однако дагестанская милиция оказывается бдительнее ФБР, и мечта «воспитанника Америки» о русском паспорте оборачивается фиаско. Заодно рушатся его планы организации в Дагестане бизнеса по закупке товаров из Китая. В итоге новоиспеченный радикал вместо того, чтобы уйти в леса и приобрести там ксиву на чужое имя, возвращается в постылый Кембридж, где уже бросил учебу и работу. Казалось бы, это возвращение должно вызвать еще большее подозрение, чем отъезд — уж больно оно нелепо для борца за дело Имарата Кавказ. Но нет же: ФБР игнорирует информацию о террористических наклонностях Тамерлана, полученных от хлопотливых российских коллег, и хотя он еще в 2011 году был поставлен на неофициальный учет как потенциальный террорист, совершенно не интересуется его дальнейшими кулонно-пиротехническими экспериментами.

Существует лишь два исчерпывающих объяснения метанию Тамерлана из Америки и обратно: либо он был душевно нездоров (в чем подозревали и Освальда), либо он путешествовал под прикрытием того самого ведомства, которое как бы его не заметило.

И то же самое ведомство (или ведомственный клан) не мешало ему приторговывать марихуаной — от пушного исламского радикализма.

Пока спецслужбы США в поте лица ищут имама Мишу, в соцсетях возникает движение в защиту обвиняемого — FreeJahar. Госпропаганда должна реагировать, и на свет появляется покаянное заявление двух сестер из того же семейства. При этом дом одной из них, Алины, круглосуточно оцеплен полицией, а местопребывание другой из них, Беллы — соавтора письма! — оказывается неизвестным. То есть все технологические достижения, состоящие на вооружении ФБР, ЦРУ, Антинаркотического агентства и Секретной службы (ответственной за охрану массовых мероприятий), бессильны перед осунутым армянином и американизированной чеченкой.

По-русски такое состояние в спецслужбах именуется «бардак», по-американски — snafu (сокращение от рапорта «Situation Normal, All F*cked Up»). Поразительно, каким же образом при таком уровне террористической угрозы спецслужбам удавалось 12 лет предупреждать теракты в общественных местах США. Одно из двух: либо snafu — никакое не snafu, а coverup — прикрытие продуманного плана, либо рутинное (в том числе наркотранзитное) разведпланирование внезапно «f*cked up» из-за каких-то внутренних причин.

Демоны против госсекретаря

Вообще-то братья Царнаевы были далеко не первыми подозреваемыми. Через два часа после теракта CNN утверждало, что ФБР уже захватило виновных и установило их личности. Следом New York Post уточнила, что задержан гражданин Саудовской Аравии, в YouTube распространялся ролик с чернокожим, оставившим сверток у места взрыва, а по фотороботу блогеры вначале опознали двух индийских студентов, один из которых бесследно исчез из Брауновского университета месяц назад.

Прежде чем чеченская версия стала официальной, внимание общественности было переключено на конверт с ядовитым порошком, отправленный Бараку Обаме, однако бдительно перехваченный ФБР. Причем поразительно вовремя — ровно за день до слушаний в Конгрессе по законопроекту об ужесточении пользования частным оружием, который лоббировал госсекретарь Джон Керри.

Бдительность не помогла: законопроект с треском провалился, Обама пустил слезу отчаяния, а СМИ осенило: бостонские сковородочные бомбисты действовали в интересах Республиканской партии. А также коварного Владимира Путина, который теперь находит дополнительные аргументы против правозащитной поддержки ичкерийских «борцов за свободу».

Владимир Путин в самом деле воспользовался антитеррористическим утаром после событий 11 сентября 2001 года для оправдания жестких действий на Северном Кавказе. Нельзя сказать, однако, чтобы республиканцев-экспансионистов вполне устраивало это оправдание. Если в Европе сопли над ичкерийцами проливали в три ручья преимущественно интеллектуалы с левой репутацией (как то Андре Глюксман или Мари Бросю), то в Америке чеченскому сепаратизму сочувствовали как раз правые — в лице Jamestown Foundation или Комитета за свободную Чечню.

У того же Глюксмана и того же Jamestown по понятным соображениям отношение к сепаратизму в Грузии было диаметрально отношению к сепаратизму в России. И именно из абхазских источников газета «Известия» выяснила, что Тамерлан Царнаев участвовал в одной из совместных конференций Jamestown и Кавказского фонда.

Газету «Известия» уже опровергают: дескать, ее источники специально муссируют тему, чтобы дискредитировать сугубо научный и неполитизированный Кавказский фонд, который всего-то налаживает грузино-дагестанские культурные связи, причем под эгидой Патриарха Илии. Однако мотивация старшего Царнаева от этого лишь больше запутывается: что ему за интерес в культурном наследии грузинского православия, если он радикальный исламист?

Впрочем, и без этой детали старания американского медиа-мэйнстрима создать вокруг оперативно ликвидированного исполнителя ореол агента «Аль-Каиды» проваливаются по всем статьям. Из мешка этой версии торчит шило русского паспорта, сыплется марихуана, которой, по показаниям соседей, провоняло все жилище двух братьев, вываливаются кастрюльки, похожие на пояс шахида только своей круглостью и более ничем. Никак не вмещается в нее интерес Тамерлана к анархистскому portalу «Черное знамя», равно как и таланты имама Миши — который, по словам дяди братьев-бомбистов, поведал им о своем умении общаться с демонами и изгонять злых духов.

Сведения об «имаме Мише», четыре года формировавшем анархо-мистическое умонастроение братьев, сильно подкузьмили Джону Керри: он-то настаивал, что братья Царнаевы радикализировались в результате поездки в Чечню, то есть стали бомбистами в результате некоего кавказского влияния. Что как раз не противоречило инициативе республиканцев квалифицировать братьев как *foreign combatants*, то есть как иностранных наперсников террора.

Получается, что Керри гнет одну линию, а следствие — другую. Выявляются и еще две альтернативных линии — израильская и нью-йоркская.

Согласно первой из них, братья принадлежали-таки к Дагестанскому имарату и были охвачены идеями всемирного халифата и уничтожения Израиля (а не Бостона). В Вашингтоне ее транслирует Филипп Мадд, создатель антитеррористического спецподразделения ЦРУ в Афганистане, а затем замглавы ФБР, а в Москве — публицист Юлия Латынина. Озвученная запись телефонного разговора Тамерлана с мамой льет воду на эту мельницу: оказывается, юноша собирался в Палестину.

Версия главы полиции Нью-Йорка Рэймонда Келли не глобализировала масштабы террористических замыслов Тамерлана, а напротив, локализовала. Он утверждал, что преступные намерения ограничивались бостонским марафоном, а в Нью-Йорк братья собирались на вечеринку, а вовсе не для террора. В тот же день следствие, поднатужившись, выбило из Джохара показания о том, что в Нью-Йорке, а именно на Таймс-сквер, братья задумали подорвать очередную скороварку — и следовательно, погоня с перестрелкой была вовсе не напрасным трудом. А Рэймонд Келли оскандалился.

Так что же в конце концов было мишенью — Бостон с его Гарвардским и Тафтовским университетами, Нью-Йорк с его недостроенной мечетью в память о погибших 9/11 мусульманах, христианская цивилизация, Израиль или отдельно взятые политические карьеры в Америке и заодно в Грузии?

Колониально мыслящее медиа-сословие изменчиво как хамелеон и чутко как лакмусовая бумажка. На гостелеканале «Россия-24» освещению «бостонской драмы 15 апреля» было уделено почти столько же времени, сколько «трагедии 11 сентября», вопреки несоразмерности двух событий по числу жертв, вопреки тому факту, что каждый из последних трех терактов в американских школах унес больше жизней (причем детских), чем бостонский эпизод. Не говоря о том, что в некоторых странах, например, в Сирии и Сомали, подобные и более масштабные жертвоприношения производятся в ежедневном режиме.

Государственный по форме собственности и колониальный по способу мышления телеканал донес до аудитории не масштаб ужаса, а степень актуальности бостонского эпизода в американском внутриполитическом контексте. Этот контекст в самом деле весьма сложен, ибо к бюджетным и оружейным спорам двух партий примешивается клановый конфликт внутри Демпартии.

Как мы уже рассказывали, команда вице-президента Джозефа Байдена, нового госсекретаря Джона Керри и главы ФБР Роберта Мюллера, которую на уровне Совета по международным отношениям поддерживали Лесли Гелб и Томас Пикеринг, изначально была ориентирована на мирную демократизацию Ирана и фрагментацию Турции и опиралась на многочисленные антитурецкие этнические лобби. В то же время в Сирии эта команда делала ставку на франко-саудовскую «ось», персонифицируемую семейством Тласс и принцем Бандаром бен Султаном.

Мобилизованные Хиллари Клинтон инициаторы «арабской весны», включая специалистов по «культурной трансформации» из Тафтского университета и интернет-стратегов из Беркмановского центра Гарварда, делали ставку на Катар, где много лет усилиями RAND Corp., Brookings и Джорджтаунского университета налаживался диалог с мейнстримными арабскими партиями ихванского направления («Братьями-мусульманами»), и на единую Турцию.

Франко-саудовская и катарско-турецкая стратегии столкнулись между собой не только в Сирии, где местные ихваны были расколоты и слабы, но и в Ливии, и на Балканах, и в Закавказье (например, Лесли Гелб накануне парламентских выборов в Грузии вошел в совет директоров телеканала TV9, обслуживавшего Бориса Иванишвили), и, само собой, в Афганистане, где этот межклановый конфликт, собственно, и родился.

В марте, одновременно с кипрской проблемой, также весьма актуальной для соперников, возник дополнительный повод для элитного беспокойства в США: завершился срок полномочий Роберта Мюллера (однокурсника Джона Керри и разоблачителя партнеров «Братьев-мусульман» в США). Газета Washington Post, вместе с журналом Foreign Policy активно пиарившая Джона Керри в 2012 году, сообщила широкой аудитории, что наибольшие шансы на пост главы ФБР имеет Лайза Монако — в прошлом эксперт Комиссии по судебным вопросам Сената (под тогдашним председательством Джозефа Байдена), экс-глава аппарата Роберта Мюллера, а ныне — заместитель советника президента по национальной безопасности, отвечающая за контртерроризм.

Ответ на вопрос «кому не выгодно?» начинается с перечня лиц, которым после бостонского теракта пришлось каяться в провале. Это были три человека — сам Мюллер, Лайза Мо-

нако и секретарь по внутренней безопасности Джанет Наполитано.

Удар, таким образом, пришелся по преемнице Роберта Мюллера, которую уже начали пиарить как будущую первую женщину во главе ФБР. Примечательно, что в дискуссии о бостонском теракте засветились по меньшей мере два имени ее конкурентов. Это Рэймонд Келли, живущий в Нью-Йорке, но входящий в состав Гарвардского клуба, суть его месседжа состояла в том, что он контролирует нью-йоркскую ситуацию; и Филипп Магд, республиканец и экс-исполнительный директор департамента внутренней безопасности ФБР.

Впрочем, более перспективными конкурентами Лайзы Монако на пост главы ФБР были не 75-летний Келли и не уличенный в пытках Магд, а бывший заместитель генпрокурора Джеймс Коуми и бывший прокурор Северного округа Иллинойса Патрик Фитцджеральд. Несмотря на весьма спорную репутацию (первый готовил клинтоновскую «прощальную амнистию» 2001 года, второй оправдал офицеров ЦРУ, практиковавших пытки в Гуантанамо), этих двух кандидатов поддерживает влиятельное демократическое НПО «Проект правительственной ответственности» (Government Accountability Project). Примечательно, что Коуми после ухода с госдолжности стал вице-президентом концерна Lockheed Martin, топ-менеджмент которого входит в «протурецкую» Cohen Group.

Первоначально брошенная версия о саудовском следе, исходя из этого расклада сил, выгодна для «нью-йоркских», «гарвардских» и соответственно, «катарских». Противоположной, байденовской стороне выгоднее версия о «Братьях-мусульманах», которую могут поддержать «халифатские алармисты» республиканского разлива. В таком качестве может выступать темнокожий исламист — например, из Судана.

У команды Байдена-Керри-Мюллера (более близкой к Boeing, чем к Lockheed Martin) есть два запасных кадра — экс-замгенпрокурора Дэвид Крис и прокурор Восточного округа Вирджинии Нил Макбрайд. Поэтому борьба не окончена — несмотря на то, что социологи замерили четырехкратное отставание Байдена от Хиллари Клинтон в рейтинге демократических претендентов на президентский пост в 2016 году. Перехват отравленного конверта после бостонского эпизода — активная попытка команды Байдена-Керри-Мюллера восстановить президентское доверие и свои шансы в конкурентной борьбе.

Журнал Foreign Policy (устами Дж. М. Бергера, издателя портала Intelwire) не только из всех сил приукрашивает ан-

титеррористические достижения Мюллера, но и напоминает об особой доблести ведомства в Бостоне, где был закрыт офис мусульманской организации CARE International, она же «Аль-Кифах»: ее, как и Global Relief Foundation, подозревали в связях с ихванами, в том числе в Боснии и на Северном Кавказе. Дж. М. Бергер напоминает, что «Аль-Кифах» восхваляла Шамиля Басаева. Для совсем непонятливых поясняется: «В документах CARE International получателями значились сиротские приюты и беженцы. Деньги передавались контактному лицу в Чечне через замысловатую сеть посредников, в том числе в Турции и Азербайджане».

Если «байденовские» разворачивают чеченский след против Турции и Азербайджана, то «гарвардские», напротив, ищут след Миши-армянина. Но тут вмешивается CNN, основатель которой Тед Тернер близок к Керри. С подачи этого канала раскрываются дополнительные подробности о зловещем Мише, который, оказывается, не столько новообращенный суннит, сколько мистик-анархист — то есть кадр «арабской весны», одержимый не религией, а скорее идеей демонического сверхчеловека.

Анархо-ницшеанская версия дует в паруса еще одного кандидата на пост главы ЦРУ — главного судьи Апелляционного суда Вашингтона Меррика Гарланда, в послужном списке которого — дела «Унабомбера» (Теда Качинского) и «оклахомского бомбиста» Тимоти Маквея. Такая деталь биографии Тамерлана Царнаева, как попытка организовать китайско-дагестанскую торговлю, вполне созвучна его интересам: именно Гарланд реабилитировал уйгурского сепаратиста-радикала, пленника Гуантанамо Сабхи Пархата.

Как сам выбор «чеченского следа» (а не саудовского или ихванского), так и китайские и казахские детали вполне соответствуют императиву «переноса центра тяжести» американской стратегии с Ближнего Востока в Центральную и Южную Азию, сформулированному еще в декабре 2011 года президентом Совета по международным отношениям Ричардом Хаассом. Бостонский эпизод, ставший очередным маркером противостояния «байденовских» и «клинтоновских», переводится Белым Домом в «надклановый» контекст. Похоже, что Меррик Гарланд — собственная крестатура Обамы; в Вашингтонском апелляционном суде он является преемником авторитетного чикагского судьи Авнера Миквы, который дал юному Бараку Обаме зеленый свет в чикагский истэблшмент.

По существу Обама мог развернуть версию теракта как угодно. Как раз в день Бостонского марафона — так совпало —

в Вашингтон прилетел глава МВД Саудовской Аравии принц Сауд бен Файсал. В программе визита была встреча с советником президента по национальной безопасности Томом Донилоном, а затем с Керри. Но к первой встрече неожиданно, нарушив собственный график, присоединился Обама. И как раз на следующее утро (17 апреля) саудовское посольство в США провозгласило, что задержанный в день теракта гражданин Саудовской Аравии — не подозреваемый, а потерпевший.

Обама имел основания рассчитывать, что «надклановый» разворот темы, не устранив конкуренцию на всех игровых полях, хотя бы склеит элитный разлом, возникший в период выборов 2012 года, когда Лесли Гелб поддержал Керри, а республиканца Хаасса призвала на потенциальный пост госсекретаря команда Митта Ромни. О способности президента сдерживать разгулявшиеся клановые дразглы будет свидетельствовать как его окончательный выбор кандидатуры на пост главы ФБР, так и итог голосования за номинанта. И, само собой, геополитические последствия, которые аукнутся в Центральной Азии и по цепочке — на Кавказе. Ведь предупреждал же зачем-то Эдвард Лукас, политический редактор *The Economist*, входившего в медиа-пул «арабской весны», что самым серьезным вызовом для Владимира Путина станет Олимпиада-2014.

Пока номинант не назван, заинтересованные стороны будут обставлять дело Царнаевых выгодными себе деталями, перебрасывая из рук в руки, как горячую картошку из скороварки. Но и после номинации заинтересованность одной из сторон, представляющей, к примеру, магистра богословия Джеймса Коуми, в организации резонансного теракта, а обеих сторон — в его избыточном медиа-освещении, останется предметом умолчания, как в 1963 году умалчивалась личная заинтересованность Линдона Джонсона в убийстве Джона Кеннеди.

29.04.2013

ЭТОТ «ДИВНЫЙ» НОВЫЙ МИР

«Теперь, когда у нас перед глазами тексты соглашений между Агентством национальной безопасности США с ведущими IT-корпорациями мира, нам приходится признать, что самые чудовищные конспирологические теории оказались правдой», — констатировал 10 июня обозреватель Guardian Джонатан Фридланд.

Месяц неудобной правды

В самом деле, разоблачения Эдварда Сноудена заставляют (не побоюсь этого слова — вынуждают) мейнстримное экспертное сообщество с большим уважением, чем раньше, относиться к конспирологии, то есть к тому разделу политологии, который изучает непубличную сферу мировой политики. Эту переоценку можно заметить на примере не только Guardian. Главный редактор турецкой Hürriyet Мурат Йеткин, комментируя высказывания премьера Эрдогана о зарубежном бэкграунде стамбульских волнений, сохраняет прежний скепсис, однако не может не признать, что американский Большой Брат смотрит на всех нас и имеет неограниченные возможности влияния на ситуацию в большинстве стран мира.

Только российские мейнстримные эксперты, оккупирующие государственный и частный телеэфир, никак не могут отказать от любезной их сердцам теории непричастности американских и глобальных элит. В эфире РБК-ТВ Максим Братерский из НИУ ВШЭ и Сергей Демиденко из Института стратегических оценок и анализа продолжают долбить свое: дескать, «арабская весна» была сутубо региональным явлением, а США «вообще ни при чем» (Демиденко) или «просто дали отмашку» (Братерский).

Портал «Газета.ру», в прошлом оппозиционный, а ныне умеренный и аккуратный, радуется, что Guardian сняла с сайта свою публикацию о слежке АНБ за странами Центральной Европы: мол, ее источник, бывший офицер АНБ Уэйн Мэдсен — источник, не заслуживающий доверия, поскольку «не вылезает из эфира Russia Today и иранского Press TV». И в тот же день садится в глубокую лужу, поскольку германский Spiegel, который при любых ухищрениях никак нельзя причислить к

маргинальным, «фриковским» СМИ, полностью подтверждает версию Мэдсена.

После этого в сознание мейнстримных экспертов wpłyает некое смутное беспокойство: «теория непричастности» как-то уже не долбится. Господин Демиденко, в очередной раз приписав суррогатные революции в Магрибе странам Залива, через пять минут ненароком выпаливает в эфир: «Правящие круги этих стран (Саудовской Аравии и Катар) давно являются частью западных элит».

Получается, что хвост вертит собакой: принцы проектируют революции, а затем по их команде появляются гарвардские мальчики, вооруженные Facebook и Twitter. Но даже такой инверсный ракурс — уже прогресс: согласились-таки, что собака и хвост — единое целое.

Еще один большой прогресс телеэфира — рассказ Дмитрия Киселева о военных базах США на территории государства Катар. К этому аргументу о том, где собака, а где хвост, стоило бы, конечно, добавить неторопливую телеэкскурсию (вполне в жанре «России-24») по величественному Дохийскому Городу образования, желательно с вывесками в кадре: Катарский филиал Rand Corp.; Катарский филиал Brookings; Катарский филиал Джорджтауна; рядышком — свободололюбивая «Аль-Джазира»; рядышком — университетский офис профессора-проповедника Юсуфа аль-Карадави, главы Международного центра по фетвам и исследованиям (он, правда, не в Дохе, а в Дублине, а трое сыновей шейха Юсуфа — в Лондоне, а дочь — в США).

Но только лишь гостелеканал — лучше поздно, чем никогда — рассказал об устройстве катарской абсолютной монархии и ее военно-стратегическом значении, как ее глава, в 1995 году свергнувший собственного папу, сам оказался смещенным с трона, хотя и внешне бесконфликтным способом.

Вот тут-то и всплыли самые интересные подробности — в форме, само собой, аудиопленок, озвученных неназванными правдолюбцами. На этих пленках эмир Хамад бен Халифа изрекает следующее: «Саудовский режим неизбежно падет от руки Катара, в один прекрасный день Катар войдет в Эль-Катиф и Восточную провинцию, расколется Саудовскую Аравию, и ее армия ничего не сможет сделать. Катар пользуется большими привилегиями, чем Саудовская Аравия, американские базы переносятся на нашу территорию. Нам удалось постепенно разрушить саудовскую монополию и навязать свое господство в арабском регионе. Мы активно работаем над тем, чтобы

нанести экономическое и политическое поражение Эр-Рияду, а народная революция там близка как никогда».

О том, сколь далеко простираются амбиции властителя карликового государства, помыслить было трудно. Но нельзя сказать, чтобы у обозревателей не было оснований догадаться, что две монархии Персидского залива категорически не друзя, а, напротив, конкуренты на всем пространстве влияния — от Сирии до Мали, от Франции до Турции. Для автора этих строк первым поводом для такой догадки было не покушение на принца Бандара, не дразги между Биллом Клинтон и Бараком Обамой (первый назвал второго тряпкой и размазней за неспособность решить сирийский вопрос) и даже не появление в Египте откуда ни возьмись салафитской партии как конкурента «Братьев-Мусульман», а само по себе категорическое различие между ихванизмом (наследием рационализма) и ваххабизмом (наоборот, буквалистским исламом).

Но отечественный медиа-мэйнстрим этого различия категорически не признавал, совершенно при этом не смущаясь собственной неспособностью мало-мальски связно объяснить даже сюжеты, считающиеся самыми актуальными — например, о том, кто с кем воюет в Сирии. А дипломатия России, пользующаяся услугами того же узкого круга неизвестно кем и почему патентованных советчиков, бессмысленно суетилась в это время между так называемых двух треков в Дамаске.

Премьер-министр страны 21 марта на встрече с мировой прессой недоумевал, почему это «без предупреждения» конфискуются вклады на Кипре, и никто не трогает Вирджинских островов. Ровно через десять дней Guardian вывесила простыню бенефициаров Вирджинских островов с супругой вице-премьера и двумя топ-менеджерами «Газпрома». Отчего же у второго лица в государстве такое убогое аналитическое обеспечение? Оттого, что это обеспечение принимает на веру то, что сообщают Reuters и Bloomberg, Братерский или Сатановский, а любая отклоняющаяся или просто требующая интеллектуальных усилий гипотеза считается домыслом и теорией заговора.

У конспирологии плохая репутация по двум причинам — субъективной и объективной. Субъективная причина состоит в том, что предмет исследования не всегда хочет, чтобы его исследовали, особенно если результат может изменить отношение к этому субъекту не в лучшую сторону. Поэтому, например, участники непубличной встречи на острове Джекилл, где была изобретено новое, негосударственное устройство центрального банка США — Федеральная резервная система, с

1910 по 1935 год, то есть четверть века, не афишировали сам ее факт. Додумывать приходилось конспирологам. И нельзя сказать, что Энтони Саттон существенно ошибся в своем описании сговора (conspiracy) крупнейших банковских домов.

Только сейчас бывшие коллеги президента Линдона Джонсона признались, что он был заинтересован в убийстве Джона Кеннеди. Для добросовестных конспирологов эта заинтересованность давно была самоочевидной — несмотря на чудовищное нагромождение самых витиеватых версий, указывающих в другую степь, в диапазоне от КГБ до «Ку-клукс-клана».

Объективная причина плохой репутации конспирологии — наличие внушительной (по объему своей продукции) литературы, от псевдодокументальной до чисто художественной, которая занимается теми же секретами текущей и недавней истории, но ставит перед собой недобросовестную цель — не демифологизировать действующих лиц и сами их действия, а, напротив, мифологизировать. Такую литературу легко распознать и по ее месседжам и по сопровождению текстов. Квинтэссенция месседжа такой литературы состоит в том, что с темными силами, стоящими за реальной политикой, принципиально ничего сделать нельзя: они всемогущи, монолитны, сделаны из другого теста, а не как обычные люди (например, имеют голубую кровь, доставшуюся от предков с Сириуса и др.), и единственное, что себе может позволить читатель — это их бояться и следовательно, уважать. Особенности схематического сопровождения таких текстов состоят в обилии криволинейных конструкций, наиболее типично — не связанных между собой, но очень правильных геометрических фигур или спиралей, разворачивающихся или сворачивающихся неизвестно куда. Одного взгляда на такие иллюстрации достаточно, чтобы догадаться: ответа на свои вопросы вы в этой книге не найдете, а реальность после ее прочтения покажется: а) еще более запутанной, б) неизменной и непоправимой.

Однако вполне возможно отделить мух от котлет, уточнив понятийный аппарат. Наука о непубличных процессах — тяжелый труд построения и проверки гипотез, на которые политолог (то есть историк текущего времени) имеет не меньшее право, как и любой другой исследователь. Мифология — это либо разновидность развлечения (pastime), либо псевдонаука, служащая сокрытию, а не раскрытию изучаемых процессов (concoction). В обоих случаях изготовление мифологических продуктов требует меньшего труда, чем добросовестное исследование, и на практике всегда лучше оплачивается. Раз-

ница примерно такая же, как между изобретением лекарства от болезни и штамповкой «средств, не являющимся лекарством», которые применяются на самом деле не для лечения, а для того, чтобы потребитель поверил, что серьезно болен.

Фунт презрения, ноль внимания

Поскольку в российском телеэфире крайне неразвит жанр аналитического обзора международных событий, тот продукт, который поглощает наша аудитория, представляет собой обрывки описания реальности, никак не связанные между собой. В Турции бунтуют градозащитники, в Италии полиция проверяет футбольные клубы, в Вашингтоне открыто уголовное дело в отношении «неформальных» букмекеров, а на Кипре запрещены межбанковские переводы. Если проанализировать все эти четыре сюжета, мы найдем у них общий знаменатель. Но чтобы найти этот знаменатель, в данном случае — конфискационный интерес глобальных кругов к теневой сфере спорта (напомним, Стамбул — претендент на Олимпиаду-2020), нужно, во-первых, некоторое умственное усилие, во-вторых, хотя бы минимальный интерес к контексту события.

Если мы знаем контекст, мы сможем что-то предугадать. Если мы беремся описывать явление вне контекста, мы можем его интерпретировать с точностью до противоположного. Пример: глава Государственной нефтекомпании Азербайджана предлагает газ соседней Армении. Очень статусный эксперт, директор профильного института, реагирует эдакой отеческой, покровительственной радостью: наконец-то Баку взялся за ум, осознал непродуктивность конфронтационной политики, а также общие ценности, соединяющие страны СНГ.

На самом деле предложение главы ГНКАР прозвучало: а) после того, как «Транснефть» расторгла контракт с ГНКАР, б) после того, как «Армросгазпром» поднял цены на газ для предприятий и населения Армении, в) после того, как на этом фоне посол Ричард Морнингстар на пресс-конференции заявил, что госсекретарь Джон Керри лично займется урегулированием армяно-азербайджанских отношений. Если эти три детали контекста прощелкиваются клювом, то ценность выводов не просто равна нулю, она отрицательна — поскольку создает приятную, но иллюзорную картину мира.

Если текущие события все же излагаются в контексте и в логической связи, это не значит, что интерпретация отражает действительность. Ведь логика проистекает из подхода, а подход может исходить из предвзятой или просто устаревшей ак-

сиоматики. Так, например, очень популярное представление, что все игроки в мире заняты исключительно охотой за земными недрами, ограничивает анализ картами нефтегазоносных полей и выводящих углеводороды на рынки ниточками трубопроводов. Именно отсюда происходила устойчивая версия многих западных интерпретаторов о том, что борьба за Сирию мотивируется исключительно планами строительства экспортного газопровода Доха-Тартус (из чего и следовало, что Катар и Саудовская Аравия имеют полный геополитический консенсус).

Однако, если все мировые интересы сосредоточены на углеводородах, почему же мировому сообществу столь усиленно навязывается «безуглеводородный мир»? Почему компаниям, в самом деле заинтересованным в освоении недр и прокладке труб, приходится ждать чуть ли не по десять лет, пока одна воюющая сторона добьет другую, по ходу дела превратив существующую инфраструктуру (дороги, промышленные мощности и т. п.) в хлам? Наконец, имеют ли крупные операторы вялотекущих беспорядков (Шамиль Басаев или Хаттаб, Мохтар Бельмохтар или Абу Мухаммад Джавлани) — репутацию торговцев нефтью? Скорее у них репутация держателей контрабандных каналов совсем другого товара — Мохтар Бельмохтар, похитивший английских нефтяников, носил кличку «Мальборо». И в конце концов, какой товар никак не могут поделить в Афганистане, и производству какого товара там совершенно не мешает отсутствие газопроводов и железных дорог?

Другая разновидность узкого подхода происходит не из материальной (товарной), а напротив, сугубо идейной (конфессиональной или хуже — этнической) предвзятости. События «арабской весны» подавались на отечественных телеэкранах с колокольни «единственно научной теории» Института Ближнего Востока и лично Евгения Яновича Сатановского о том, что все исламские кошки серы — не только от Карадави до саудовского муфтия Азиза аш-Шейха, но и от Эрдогана до бен Ладена. Хотя такая предвзятость также может иметь материальные эквиваленты, мы вправе великодушно признать, что и идейного объяснения достаточно. Так, мы можем допустить, что Евгений Янович — совершенно искренний и вдохновленный исламофоб, и ничего более. Однако есть выразитель подобных взглядов, а есть система государственной пропаганды — которая, кстати, в нашем государстве не может по определению иметь право на пушечный выстрел подпускать к себе (то есть к экрану) исламофобов, даже в рамках самого широ-

кого круглого стола. Поскольку государственная пропаганда, как и государственная медицина, должна соблюдать принцип «не вреди».

Если та колоколья, с которой подаются события, и даже целый масштабный процесс, представляет интересы не России, а другого государства, интересы которого совсем не обязательно совпадают с российскими, то такая логика не только предвзята, но и колониальна, а ее продукт представляет собой манипулятивный суррогат. Если подобным суррогатом кормится только широкие массы телезрителей, это еще полбеды. Настоящая беда — если тем же суррогатом кормятся лица, принимающие решения.

Так, если мы расцениваем «арабскую весну» как козни одних ближневосточных государств против других, а главную цель усматриваем в нанесении ущерба государству Израиль, где обитает много наших бывших соотечественников, то мы упускаем не только детали, но и важнейшие элементы целеполагания. Мы самоуспокаиваемся, поскольку по этой логике, нашу страну подобные явления никак не коснутся, разве что поспособствуют, на удачу, более высоким ценам на энергоносители. Мы не видим экономического результата происходящего для трансформирующихся стран, и в итоге само слово «конфискация» произносится с высоких трибун лишь после того, как нам «зажимают хвост» на Кипре. Наконец, мы распространяем фобии о странах, остро нуждающихся в экономической помощи, и тем самым вносим вклад в те бедствия, которые в этих странах происходят. Мертвая пустота арабских курортов — это результат в том числе псевдоаналитики, на практике являющейся пропагандой манипулятивного толка.

В середине июня президент Египта изумил нас своим неожиданно резким поворотом против Сирии. С президентом Мурси наша дипломатия, казалось, накануне нашла общий язык. Но аргументы маленького Катара в тот момент оказались сильнее аргументов огромной России. Ведь именно Катар, поставив Египет в финансовую зависимость, претендует на контроль над Суэцким каналом. А большую Россию что-то очень долго удерживало от использования собственного потенциала влияния, у которого, между прочим, есть многодесятилетний бэкграунд.

Свято место пусто не бывает. Во время недавнего визита в Москву министра экономики Палестинской автономии в репортажах промелькнула безучастная справка Минэкономразвития РФ: «Товарооборот между Россией и Палестиной в прошлом году снизился на 61,8% до 580 тысяч долларов, а ин-

вестиционное сотрудничество характеризуется как отсутствующее». Как раз в эти дни Джон Керри на Международном экономическом форуме по Ближнему Востоку и Северной Африке в Южном Шуне (Иордания) провозгласил: «В экономику Палестины планируется вложить четыре миллиарда долларов. Эти инвестиции за три года должны обеспечить рост экономики Палестины на 50 процентов, рост средней заработной платы на 40 процентов, снижения уровня безработицы на две трети (67 процентов). Это трансформирующий план, ничего подобного мы до сих пор не делали. Туризм возрастет втрое, сельскохозяйственное производство — в два-три раза, будет построено 100 тысяч новых домов, многие из них будут энергоэффективными». Нельзя сказать, что я верю в обещания подобного рода (в любой стране и из любых уст), но факт состоит в том, что надежду на лучшую жизнь палестинскому народу несут Керри и Блэр, и теперь это их плацдарм влияния. По причине нашего отсутствия всякого присутствия.

От кемализма до гомосексуализма

Вероятность того, что палестинское население купится на посулы Керри и Блэра, очень высока, поскольку за время отсутствия нашего присутствия на этой территории многое изменилось. За это время Палестина, например, догнала Киргизию по числу неправительственных организаций на квадратный сантиметр. Но нашей аудитории об этом неведомо, потому что ее уши завешаны лапшой от Сатановского и Пашкова. И поэтому, когда глава МИД Турции настаивает на том, что Палестина должна быть исламским государством, мы либо подозреваем в этом пресловутый османизм, либо вообще не понимаем, о чем идет речь: кто же такие палестинцы, как не мусульмане? Не коммунисты же? И телезрителю даже в голову не приходит, что те так называемые ценности, которые нам знакомы как «европейская толерантность», уже распространены на очень существенную часть еще недавно традиционных обществ.

Так, в Турции за два дня до начала градозащитного эксцесса в парламент был внесен закон о защите прав ЛГБТ. Что-что? В Турции? Да-да, в Турции. И кто же этот эпатажник, который при таком авторитарном исламистском режиме да осмелился такое внести? Так он не один, их было пятьдесят девять, и все от СНР — партии кемалистов. Что-что, кемалистов? Да, представьте себе. А руководила этим действием дама-депутат по имени Бинназ Топрак, недавно получившая пре-

мию Outspoken Award в США от International Gay and Lesbian Human Rights Commission.

Батюшки светы! Так как же Эрдоган (исламист, как нам внушают с телеэкрана) допустил такой содом в Народном собрании? И что же стало с кемалистами, которые десятилетиями выражали интересы турецкой военной элиты?

А ответ ужасно прост: Турция много лет находится на трекке присоединения к ЕС, и в этом процессе правительство подписывается перед различными пакетами требований, а в оппозиционных партиях при участии НПО происходит тренд в направлении ценностей, которые именуются универсальными. И в политических кругах происходит соответствующая приспособительная селекция, которой содействуют спонсоры. Потому что спонсорам нужна Европа как рынок сбыта. А вот свободная торговая зона США-ЕС на двоих не нужна ни Эрдогану, ни кемалистам, ни спонсорам.

Еще один статусный эксперт с многолетней специализацией на тему турецкой экспансии пишет: «Если судить по некоторым признакам, то Эрдогану удалось добиться только раскола в высшем армейском руководстве, но не заручиться абсолютной его поддержкой. Поэтому нельзя исключать, что часть турецкого офицерства поддерживает действия оппозиционной Народно-республиканской партии и ее лидера Кылычдароглу. Они также считают, что Эрдоган «разваливает Турцию», принимает активное участие в осуществлении проекта США «Большой Ближний Восток» через активное вовлечение в сирийский кризис и решение курдского вопроса».

Профессор, снимите очки-велосипед, пожалуйста! Неужто нельзя было заметить, под какими лозунгами шла на последних выборах партия СНР? Если с чем и можно было сравнить в России, то с «Яблоком». Отдельные (считанные, реликтовые) депутаты от СНР действительно настроены против курдов. Однако в парк Гези СНР-шники вместе с BDP-шниками, то есть так называемыми лояльными курдами, пришли 1 июня вместе. И СНР-шников не смущало, что именно BDP-шник Сирри Эндер первым перегородил дорогу бульдозеру. Поскольку «европейскими» эко-ценностями были давно и одинаково промыты мозги обеих фракций. А еще потому, то площадь Таксим — это округ депутата Эндера. А еще потому, что в марте BDP-шники ездили к Оджалану и спросили его: «Оджалан, что ты думаешь об идее Эрдогана сделать из Турции президентскую республику?» И Оджалан сказал: «Плохо думаю».

Эрдоган в самом деле задумался об изменении формы правления. Но не от приписываемого ему желания стать сул-

таном, а из-за привходящих обстоятельств: президента Гюля, с которым ему, выражаясь тандемным диалектом, комфортно, собираются (что могло быть неправдой) выдвинуть на пост генсека НАТО.

Пропаганда — в данном случае «антиосманская», как и любая пропаганда суррогатных революций, лепится из интерпретаций и преувеличений. В парке планировалось срубить пять деревьев, а твиттерное радио сказало — 600. Сирри Эндер вовсе не собирался быть героем. А в газете *Hurriyet* написали, дословно: «Он встал перед экскаватором, многим напомнив о Ван Вэйлине, вставшем перед колонной танков на площади Тяньаньмэнь, или о Борисе Ельцине, поднявшемся на танк на Красной площади (sic) в Москве».

В кемалистской (хотя и беспартийной) газете *Hurriyet* уже много лет существует «зеленая» рубрика, в которой ритуально муссируются все стандартные экологические страхи (глобальное потепление, опасность АЭС, пыльные бури в результате вырубki деревьев для нового аэропорта в Стамбуле и т. п. А это нечто вроде нашей газеты «Известия» 1980-х годов. В первых репортажах (до оценок Киселева) «Россия-24» описывала нам ужасы притеснения турецкой свободы прессы. Между тем лояльную газету в Стамбуле за все время правления Эрдогана было найти труднее, чем нелояльную.

В *Cumhuriyet*, например, восторженная публицистка рассказывала про Химкинский лес, который для Москвы — то же самое, что парк Гези, так как это единственный зеленый оазис под Москвой, где встречаются олени, кабаны и редкие виды насекомых. А через пару дней в «зажатых режиме» СМИ распространилась сенсация: османские казармы в парке Гези собирается воссоздавать не кто-нибудь, а фирма, управляемая зятем премьера Баратом Албайраком! И что самое страшное — этот «жирный кот» Албайрак занимается — большими буквами — НЕФТЬЮ! Вот он где, самый главный враг! Вот где истоки пагубы для пяти деревьев в парке!

Неужели в турецком медиа-мэйнстриме вовсе некому защитить премьера, до которого (как до Путина в Химкинском лесу, через компанию СЗКК и Ротенберга) докатился через парк антикоррупционный «баллон»? Я с трудом нашел очень взвешенный комментарий в плюралистической и в последние годы «желтой» *Milliyet*: «Наш премьер — человек, который сделал великие дела и действительно хорошо управляет экономикой. Но в то же время у него патерналистский стиль: я знаю, что для вас хорошо, я, как отец, могу решать судьбу пар-

ка, моста, города, конституции. Этот стиль устраивает не всех турков. Люди просто хотят более инклюзивной демократии».

Такие добрые слова сказала об Эрдогане известная колумнистка Аслы Айдинташбаш. Вскоре после публикации этого текста Аслы отправилась на заседание Бильдербергского клуба. И не одна, а с вице-премьером Али Бабаджаном и олигархом Мустафой Коджем. Турецкая делегация на этот раз была представительнее многих.

Что же они там обсуждали? Коль скоро это орган «сильных мира сего», то стало быть — свержение Эрдогана?

Джентльменский набор

В местечке Ветфорд, в 30 километрах от Лондона, полисмены полтора года готовились к мероприятию под кодовым названием Operation Discuss. Речь шла об очередном заседании Бильдербергского клуба, вокруг которого конспирологические мифологии соорудили зловещую ауру «мирового правительства» — несмотря на то, что состав этого мероприятия никогда не был постоянным, а в последние годы имеет обыкновение очень существенно меняться.

Мероприятие открылось 6 июня (день заезда). А на следующий день газета Guardian открыла серию разоблачений Эдварда Сноудена.

Если быть точнее, то первый намек на секретную программу PRISM появился на страницах Guardian 31 мая. Речь шла о том, что секретарь по внутренним делам (глава МВД) Тереза Мэй пыталась заключить собственное соглашение с Google, Facebook и т. д. Но топ-менеджеры сказали ей: есть более всеобъемлющая, американская договоренность.

Таким образом, газета намекала совсем даже не тонко, что ей что-то еще известно. Что произошло накануне? Накануне, 30 мая, замглавы пресс-службы Белого Дома опроверг информацию о том, что на пост главы ФБР США выдвигается Джеймс Коуми. Та борьба между преемницей Мюллера Лайсой Монако и Джеймсом Коуми, о которой я писал в статье «Бостонская картошка», как оказалось, была не закончена. Что касается Барака Обамы, то он готовился к встрече с Си Цзиньпином, назначенной на 7 июня.

Теперь откроем список участников встречи Бильдербергского клуба. Здесь, как всегда, банкиры. Солиднее всех представлены банки HSBC (40 процентов оборота — Китай, в совет директоров входит Джеймс Коуми) и Goldman Sachs (если считать его представителем экс-премьера Италии Марио Монти, входящего в международный консультативный совет банка).

Кроме банкиров, как всегда, главы корпораций. Солиднее всего представлена ВР. Еще один крупный «буржуй» — Генри Крэвис, причем не один, а с супругой (редкий случай).

Примечание первое: Генри Крэвис — символ оффшорного бизнеса, «жирный кот», предмет атак Occupy Wall Street.

Примечание второе: супруга Крэвиса работает в Hudson Institute. Это самый протурецкий из американских статусных thinktank-ов. Там работает Зейно Баран, супруга Мэтью Брайзы; из-за этого брака армянское лобби целый год блокировало назначение республиканца Мэтью послом в Баку.

Есть также европейские политики. Французы представляют исключительно пост-голлистский Союз за народное движение. От Германии — Роланд Кох из ХДС. От Италии — вышеназванный Монти, переставший быть премьером после шутовских выборов с твиттер-апофеозом записного клоуна Беппе Грильо.

Кроме банкиров, корпоративных боссов и особо избранных журналистов, среди участников встречается генерал. Что также совсем нетипично. И не какой-нибудь генерал, а тот самый Дэвид Петреус, который сначала командовал контингентом в Афганистане, потом возглавлял ЦРУ, а потом был выкинут вон под предлогом сексуального скандала, а также инцидента с послом США в Бенгази — а на самом деле потому, что был уличен (аудиопленка) в кулуарных переговорах с главой телеканала Fox News о том, как бы так выкинуть Обаму.

Состав Бильдерберга по политическому спектру правый, на редкость «трехсторонний» (но не в прежнем смысле США+ЕС+Япония, а в новом — США+ЕС+Турция). Еще, в скобках, в этой сумме присутствует Израиль в своей нынешней, правой ипостаси: заметно присутствие Американского института предпринимательства (AEI). А по бизнес-составу — на редкость ротшильдовский (Питер Мандельсон, Питер Кэррингтон, Марк Агиус, Питер Сазерленд, Франк Бернабе и многие другие).

Турецкий премьер Эрдоган, как и некоторые (у нас — крайне немногие) авторы, обращает внимание на специфику состава бильдербергской компании этого года. И видит источник зла в AEI — многолетнем партнере израильского «Ликуд». Ход его мыслей понятен: 30 мая переговоры о компенсациях туркам, пострадавшим в ходе налета израильского спецназа на судно Mavi Marmara (кампания Free Gaza), были прерваны турецкой стороной, а на следующий день в его стране «все началось».

Ход мыслей Эрдогана не был параноидным. Ведь на бильдербергской встрече было представлено и высшее интернет-сообщество. А именно — Эрик Шмидт (хозяин Google) и главный редактор Washington Post Дэниел Грэхем, входящий в совет директоров Facebook.

Но вот ведь парадокс: газета Грэхема, как унтер-офицерская вдова, вместе с Guardian разоблачает сговор АНБ с Google, Facebook, Microsoft, Apple и др. К тому же издательскому дому принадлежит Foreign Policy. 10 июня сайт Foreign Policy публикует длиннейший материал о том, как устроено самый секретный отдел АНБ в Форт-Миде — Офис операций прицельного доступа (ТАО) с собственной диверсионной службой (ТОВ) с именами начальников и локализацией пяти филиалов в США. Один из них — на Гавайях, откуда сбежал Сноуден.

Решение выдать эту сенсацию газета объясняет просто: все это китайцы уже знают (Си Цзиньпин только что отправился домой из Калифорнии).

В тот же день, 10 июня, Обама официально выдвигает так республиканца Джеймса Коуми на пост главы ФБР.

Напомним, Коуми был известен тем, что в 2004 году потребовал от генпрокурора прекращения прослушки американских граждан со стороны АНБ.

Напомним, что когда АНБ занимается прослушкой американских граждан, она вмешивается в полномочия внутренней разведки — ФБР.

Напомним, что есть еще военная разведка DIA с планом собственного нового управления (DCS) и с ожиданиями соответствующего финансирования.

Отметим, что разоблачения Сноудена касаются партнерства американских и британских спецслужб с полувекowym бэкграундом (NSA «оккупировала» базу королевских ВВС в Северном Йоркшире еще в 1966 году), а детальные материалы о прослушивании глобальных саммитов относятся к 2009 году, когда премьером Великобритании был еще Гордон Браун. Сноуден говорит, что специально отбирал материалы, чтобы «не пострадали люди». Однако на практике некоторые чиновники — не только из АНБ — в итоге его разоблачений неминуемо оказываются под ударом. В Штатах это генпрокурор Холдер, в Великобритании — бывший иностранный секретарь Дэвид Милибэнд, лейборист-экологист с претензиями на пост премьера. А вот нынешнего премьера Дэвида Кэмерона его разоблачения совсем не затрагивают.

Отметим, что 13 июня правительство Никарагуа утверждает проект строительства канала, дублирующего Панам-

ский канал, с ранее высказанного одобрения Обамы. Инвестор — недавно образованная китайская компания во главе с неким Вань Цзином (очень распространенное имя). Что касается самого Панамского канала, то он тоже в реконструкции, а два порта в этом канале находятся в управлении гонконгской Hutchinson (со времен Клинтона).

Отметим, что Сноуден популярно объясняет Guardian, что Гонконг и Пекин — не одно и то же. «Если бы я был китайским шпионом, я бы полетел прямо в Пекин, и жил бы сейчас в райском саду», — говорит он корреспондентам Guardian. Гонконг ему милее — ввиду «давних демократических традиций». Британских? Ротшильдовских?

Кто ему дорог в Америке? Единственный кандидат, которому он жертвовал свои кровные, — республиканец-изоляционист Рон Пол. Кто еще отстегивал этому изоляционисту? Кое-кто из серьезных людей, между прочим. Руперт Мердок, в 2011 году подвергшийся антикоррупционной атаке. «Жирные коты» братья Koch — мишень Occupy Wall Street и рокфеллеровского Pembina Institute.

Теперь уже можно представить себе разговор одних джентльменов с другими на пальцах в заботливо отгороженном колючей проволокой отеле в провинциальном Ветфорде.

У разговора на пальцах несколько тем, одна из них китайская (в отсутствие китайцев), другая — афганская, третья, скажем так, турецко-иранская. А самые непубличные аспекты объединяют все эти три темы, плюс латиноамериканскую.

«Голуби» высокого полета

Пытаясь осмыслить миссию Сноудена, главред «России в глобальной политике» Федор Лукьянов выдал очень нетипичную для рутинного дискурса фразу: «А может быть, это другой мир?»

А давайте представим себе, что это другой мир. Мир, в котором есть (а иначе, наверное, и быть не могло, если вспомнить китайскую элитную конкуренцию в канун съезда КПК) не один формат G2, а два конкурирующих формата G2.

И уже хотя бы по этой причине Госдеп не может быть полярной одной только команды Керри, в которую входит его однокурсник, уходящий глава ФБР Роберт Мюллер. Этой команде говорят: ребята, потеснитесь. Не все коту масленица.

И уже хотя бы по этой причине Керри в разгар этих событий отменяет свою поездку на Ближний Восток. Зато не медлит директор МОССАД Тамир Пардо: он отправляется в Анкару, где его принимает руководство МИТ — самой надежной

опоры Эрдогана в силовых структурах. Это происходит 10 июня, то есть в тот день, когда Foreign Policy публикует свой сенсационный материал о секретных подразделениях АНБ, а Обама вынужденно выдвигает Джеймса Коуми на пост главы ФБР. В тот же вечер проправительственные турецкие телеканалы демонстрируют фото, снятое мобильным телефоном. На картинке три человека — в центре Джон Керри, по бокам посол Турции в США Намик Тан и посол Великобритании в США, экс-посол в Турции Питер Вестмакотт.

В Hürriyet премьера высмеяли за очередную теорию заговора, но само фото не прокомментировали. А сочетание лиц на самом деле очень даже интересно. Питер Вестмакотт женат на родной сестре Хасана Немази — главного спонсора Керри в период его президентской кампании 2004 года. Этот олигарх иранского происхождения, родившийся в Индии в семье крупного торговца опиумом, был донором многих кампаний американских демократов и входил в совет директоров National Security Network (NSN) — вместе с почетным председателем Совета по международным отношениям Лесли Гелбом, Ричардом Холбруком, его «балканским другом» генералом Уэсли Кларком и вьетнамским сослуживцем Керри генералом Рэндом Бирсом. И состоял бы там до сих пор, если бы в 2009 году — после провала «зеленой революции» в Иране, то есть когда стал не очень нужен — не был арестован на предъявление подложных векселей в несколько американских банков, в том числе в Citi (то есть, весьма вероятно, был уличен в нецелевом использовании средств на провалившуюся революцию). Впрочем, и в местах лишения свободы Немази остается в составе Совета по международным отношениям и рокфеллеровского Asia Society, ибо имеет там пожизненное членство.

Случайно ли, неслучайно, но после визита Тамира Пардо премьер Турции оказался вооружен более убедительной и более адекватной теорией, или, правильнее сказать, представлением о том, откуда манипулируются так называемые народные волнения. А именно — не из неоконсервативных произраильских (точнее — проликудовских) кругов (AEI, AIPAC, WINER и т.п.), а напротив, из демократического Госдепа и из близких к его руководству лондонских кругов. Эрдоган даже сказал: «Англия снова хочет выставить Турцию «больным человеком Европы». И его уверенность в том, что вторая теория вернее первой, подкрепляется событиями в Бразилии. Потому что: а) в Бразилии партия под названием «Сеть устойчивого развития» срывает Олимпиаду-2016, а Стамбул претендовал на место проведения Олимпиады-2020, б) Бразилия «пригре-

ла на груди змею», из лучших (антибушевских) побуждений предоставив свою территорию для международной базы «альтер-глобалистского» Всемирного социального форума (ВСФ), а в Турции этот же самый ВСФ еще в середине 2000-х поднял ту самую градозащитную тему, которая «выстрелила» в парке Гези.

Теперь Эрдоган понимает, как он ошибся, открыв зеленый свет левым правозащитникам из BDP, в том числе таким персонажам, как трижды судимая Лейла Сана или сепаратистский адвокат Сезгин Танрикулу, которого даже партийные коллеги считают агентом ЦРУ. И еще раз подтверждает его догадку поразительно истеричные, оголтелые нападки на его правительство со стороны завсегда́тая форумов ВСФ так называемого марксиста Ноама Хомского.

Два года назад, когда нью-йоркские неоконсерваторы заинтересовались происхождением организации ASMA, которой мэр Блумберг разрешил построить мусульманский центр поблизости от развалин Всемирного торгового центра, выяснилось, что эта структура фонд (вовсе не фундаменталистский, а, напротив, сугубо реформистский), финансируется Rockefeller Foundation. В опубликованном тогда перечне клиентов рокфеллеровского фонда, среди множества экологических, гендерных и прочих «кривозащитных» организаций, числился и Всемирный социальный форум.

Я крайне благодарен блогеру «Известий» Кириллу Бенедиктову за следующий пассаж в колонке «Тонкая красная линия» (17.06.2013): «Администрация Обамы неоднородна: за влияние на хозяина Белого дома борются несколько могущественных элитных групп. Одна из этих групп тесно связана с финансовой империей Рокфеллеров — ее представители стремятся по возможности избежать вмешательства США в сирийский конфликт. Более того: клан Рокфеллеров в принципе не против возобновления торговых отношений с Ираном, особенно теперь, когда пугавшего Запад Ахмадинежада сменил умеренный реформатор Роухани. И до недавнего времени казалось, что именно эти люди играют первую скрипку во внешней политике Обамы.

Однако за последний месяц в Вашингтоне произошли кадровые перестановки, в результате которых «голуби» уступили часть своих позиций гораздо более агрессивным «ястребам». Так, вместо Тома Донилона — непосредственного босса Родса — советником по национальной безопасности Обамы с июля станет известная своим крайне негативным отношением к Ирану Сьюзен Райс. Та самая, которая однажды заяви-

ла, что вето России и Китая на осуждающую режим Асада резолюцию Совбеза, «вызывает у нее отвращение». Саму же Райс, бывшую до этого представителем США в ООН, сменил на этом посту еще более непримиримая Саманта Пауэр. Кстати, именно троица Райс — Пауэр — Клинтон, как писали американские СМИ, убедила Обаму начать бомбардировки Ливии — что интересно, вопреки рекомендациям министра обороны Гейтса!

Усиливается давление на Обаму и со стороны его коллег по Демократической партии — например, бывший президент США Билл Клинтон назвал его «слюнтяем и размазней» и заявил, что, не решаясь принять решение о военном вмешательстве в сирийский конфликт, Обама рискует выставить себя дураком в глазах всего мирового сообщества.

Устроили свои усилия и израильские лоббистские организации, в первую очередь AIPAC и связанный с ним «мозговой трест» — Вашингтонский институт ближневосточной политики (WINEP). И в результате ряда аппаратных побед «ястребы» все-таки дожали Обаму».

Это редкий случай, когда мне почти нечего добавить к картине, изложенной добросовестным конспирологом. Кроме разве что одного уточнения: избрание Роухани — не случайность, а результат длительной, многолетней работы иранской диаспоры в США, в особенности «продемократического» Национального ирано-американского совета (президент — Трита Парси, исполнительный директор — Томас Пикеринг, ключевая фигура в восхождении Керри и одновременно — в опале Дэвида Петреуса). Но особенно меня радует то обстоятельство, что мейнстримное отечественное издание а) замечает в США борьбу кланов, причем не межпартийных, а надпартийных; б) не сочло «маргинальным» (maverick) или «неполиткорректным» упоминание семьи Рокфеллеров в геополитическом контексте, в) обозначило связь группы (Байдена-Керри)-Донилона, то есть «голубей», с иранскими «голубями». Я вижу в факте этой публикации признак реабилитации демифологизирующей, то есть честной конспирологии, и виртуально жму руку незнакомому мне исследователю.

Команду Керри действительно пытались дожать. У нее отобрали контроль над Советом национальной безопасности. Еще раньше эта команда проиграла борьбу за Пакистан: ее протеже Имран Хан, плеейбой-крикетист, набравший популярность на критике Вашингтона (!) за использование беспилотников, накануне выборов спикировал вниз головой с пятиметровой высоты, и этот инцидент, по мнению его сторонников и, в частности, колумнистки Huffington Post, иранки

Ширин Садеги, не был случайным. Пакистан достался Навазу Шарифу, а должность спецпредставителя США в Афганистане и Пакистане занял энтузиаст применения беспилотников Джеймс Доббинс.

Но эта команда не сдалась в междоусобной борьбе за право лучше представлять интересы того G2, в котором задействованы Рокфеллеры (у Rockefeller Foundation, о чем можно узнать непосредственно на ее сайте, есть четыре зоны особого интереса — Нью-Йорк, Балканы, ЮАР и Южный Китай, а Американо-китайский центр по обмену в области искусств Колумбийского университета, лоббирующий так называемое устойчивое развитие Китая, финансируется Rockefeller Foundation с 1979 года.

24 июня Керри возвращается на Ближний Восток, публично сообщая о намерении добиться политического прорыва в палестино-израильском конфликте. В этот раз он направляется вначале не в Анкару, как раньше, а в Эр-Рияд. А пока он беседует с коллегой Саудом аль-Фейсалом, в столице Катара безвременно уходит в отставку эмир Хаад бен Халифа. Как в известной песенке, «и тут узнали мы всю правду про него».

А после этого назначенный в городе Доха первый раунд диалога США с движением «Талибан» срывается. Энтузиаст беспилотников Джеймс Доббинс, который был уполномочен Белым Домом вести эти переговоры, несолоно хлебавши возвращается в Кабул. После чего госсекретарь Керри назидательно предупреждает Катар: «США будут вынуждены рассмотреть вопрос о закрытии представительства талибов в Дохе, если на переговорах об общенациональном примирении в Афганистане не будет в самые сжатые сроки достигнут прогресс». Нетрудно догадаться, какое венценосное семейство потирает руки — естественно, саудовское.

Администрация Обамы неоднородна — и саудовское семейство неоднородно, это тоже еще какой клубок змей, особенно при зависшем вопросе престолонаследия. Но когда открывается перспектива перетягивания к себе обратно Талибана, разнородные элементы поворачиваются в одну сторону, как электроны при разнице потенциалов.

Игорь Панкратенко, шеф-редактор журнала «Современный Иран», считает нужным напомнить, что в момент создания катарской «Аль-Джазиры» (1996) «промелькнула — и после этого нигде более не звучавшая — информация о том, что к созданию канала проявил интерес тогдашний глава саудовской разведки принц Турки аль-Фейсал, фигура в арабском мире исключительно влиятельная. Для людей, знающих некие

потаенности политики на Востоке, появление на горизонте этого человека всегда означает только одно: готовится нечто, в корне меняющее ход событий, и не только в регионе».

Я крайне благодарен добросовестному конспирологу за это напоминание. В самом деле, создание «Аль-Джазиры» было сигналом к началу ранее 17 лет находившегося в зародыше плана «Большой Ближний Восток». Что касается брата нынешнего главы МИД саудовского королевства, то это действительно уникальный персонаж, выстроивший две линии теневых связей влево и вправо: он был своим человеком и для Холбрука, Кларка и их младшего товарища Керри, так и для Чейни, Рамсфилда и джексоновского демократа Джеймса Вулси. Поэтому еще со времени Картера он играл и с «прогрессивными» арабскими элитами, в том числе катарскими, и с афганскими муджахедами-кутбистами. Принц Тюрки аль-Фейсал в составе Международная кризисная группа (ICG) соседствует с Джорджем Соросом, что не помешало ему в 2011 году послужить «ключевой» (по отзывам прессы) фигурой на конгрессе неоконсервативного Люксембургского форума. Это одна из немногих фигур в арабском мире, который может оказать эксклюзивные услуги как левым израильским политико-финансовым группировкам, так и правым. По влиянию он уступает Шимону Пересу лишь в одном: у Израиля есть атомное оружие, а у Саудовской Аравии нет — и этим фактом из всего саудовского семейства только Тюрки и мог позволить себе вслух, на весь мир, возмущаться.

Уход со сцены зарвавшегося катарского эмира — вряд ли столь судьбоносное событие, как разоблачения Сноудена, и все же оно кое-что знаменует. Может быть, что в этом и состоит итог «разговора на пальцах» на бильдербергской встрече: не трогайте нашу Турцию, а если вам некуда девать свой твиттерно-революционный потенциал, используйте его в Египте, то есть выберите страну, которую не жалко. Тем более что с потерей Египта многие «неоосманские» иллюзии Эрдогана, как ранее «средиземноморские» иллюзии Николя Саркози, погорят синим пламенем.

Фронт национальных дармоедов

Нельзя сказать, что в Египте «все началось» в этот день. Потенциал «продолжения революции» формировался с первых ее месяцев. Может быть, с того момента, когда шейху Карадави не представилось возможным преодолеть свои эстетические разногласия с Мохаммедом эль-Барадеи. Тогда (16 февраля 2011 года), в день выступления Карадави на площа-

ди Тахрир топ-менеджеру Google Ваэлю Гониму не дали слова. И интернет-герой покинул митинг, закутав физиономию в египетский флаг. А за самим Барадеи 19 марта, в день парламентских выборов пустилась вдогонку толпа с палками, от которой он оперативно скрылся в лимузине.

Шейх Карадави — очень кооперативный проповедник. С тех пор, как ему досталась должность главы Совета по фетвам и исследованиям, его принципы успели откорректироваться как минимум трижды. Но можно было представить себе его ощущения, когда он ознакомился с «Хартией о мире без насилия», подписанной 16 октября 2009 года Барадеи, Далай-ламой XIV, Десмондом Туту и Михаилом Горбачевым, в особенности со строками этого произведения, касавшейся прав сексуальных меньшинств. Как раз тогда, осенью 2009 года, Brookings Institution присмотрела более приемлемую для египетского большинства фигуру — «прогрессивного брата-мусульманина» Абуль Монейма аль-Футуха. Он устраивал и шейха Карадави, но получив аванс от Хиллари Клинтон в марте 2011 года, полез в президенты «поперед батьки», то есть без спроса старших «братьев». Тогда и был найден вариант С, умеренный и аккуратный — как-никак Мурси имел американское образование и даже имел допуск к проектированию американских космических шаттлов.

О том, что Барадеи, входящий вместе с Соросом, Бжезинским и принцем Тюрки в совет директоров Международной группы по конфликтам, просто так не успокоится, он дал понять еще летом прошлого года. И тогда же из неприкаянных юношей, успевших основать несколько малых и бесперспективных партий, стал формироваться «авангард перманентной революции». Этот авангард в лице блока «Революция продолжается» получил небольшую долю в парламенте, но его главная трибуна была на площади Тахрир, а самым звучным оратором — депутат Амр Гамзави, в недавнем прошлом — глава ближневосточного офиса Carnegie Foundation for International Peace, базирующегося в Бейруте. В то время Мурси совершил такую же ошибку, как Эрдоган — он пошел у «перманентных» на поводу, под предлогом коррупции расформировав высший состав армии. И получил вторую составляющую оппозиции — сейчас он ее ассоциирует с именем изгнанного из страны генерала-летчика Ахмеда Шафика.

Сейчас Барадеи снова фигурирует в качестве «рояля в кустах». Напомним, что до появления «на горизонте» Футуха, то есть до осени 2009 года, египетских светских радикалов поддерживали The Connect US Fund (спонсоры: — а) Ploughshares

Fund, он же — спонсор ICG, б) Rockefeller Foundation, в) Open Society Institute Джорджа Сороса, г) Carnegie Foundation). В свою очередь, в Великобритании «демократизация Египта» курировалась фоном CIVICUS (спонсоры: а) Ford Foundation, б) Еврокомиссия, в) Департамент по международному развитию Великобритании). У молодежного «Движения 6 апреля» были свои источники поддержки — Альянс молодежных движений, с участием топ-менеджеров IT-компаний, британская Академия перемен (АОС) и белградский CANVAS (дочерняя структура Einstein Institution Джина Шарпа). Когда англо-американские стратеги «одомашнивания Братьев-мусульман» (из StAnthony College Оксфорда и Brookings) делали ставку на партнерство с Катаром, и соответственно, на участие Карадави в политическом выборе, на первые роли вышли структуры National Endowment for Democracy (в первую очередь — Центр изучения ислама и демократии), Проект по демократии на Ближнем Востоке (POMED) и вышеназванная АОС, офис которой переместился в Катар.

Президент National Endowment for Democracy Карл Гершман, сторонник одомашнивания «Братьев-мусульман», говорил в 2004 году, что «арабские страны должны повторить путь Советского Союза». Нынешний контрпереворот совершенно не противоречит этой исторической аналогии. В России также была попытка «продолжения революции» — в 1993 году, когда, независимо от честности побуждений и мотивов, в массе оппозиции преобладали лево-самоуправленческие иллюзии, а в костер недовольства по своим соображениям тихо-нечко подбрасывали дрова сторонники регионализма, весьма близкие к Михаилу Горбачеву и Елене Боннэр. Существенная разница была в том, что Борис Ельцин не успел к этому времени сделать с вооруженными силами то, что сделал Мурси.

Параллели настолько близки, что становится не по себе — будто смотришься в кривое зеркало. Авангард антиельцинской фронды 1993 года назывался Фронтом национального спасения (ФНС). В котором, по тогдашним подсчетам Сергея Кургияна, из девяти сопредседателей семеро мечтали о должности президента России. В Египте в течение прошлого года происходила такая же агглютинация старорежимных патриотов с новорежимными радикальными демократами, как в России в 1992 году, и точно так же над этим агглютинатом витала тень Горбачева, то есть Эль Барадеи. На первом этапе леволиберал-антисионист Хамдин Сабахи и гибкий старый партаппаратчик Амр Муса становятся вместе с Эль Барадеи сопредседателями Фронта национального спасения (ФНС), повод,

как в России 1992 года — спор вокруг конституции: Мурси уличается в узурпации полномочий. Этот ФНС — скорее эквивалент российского Гражданского союза. А окончательный аналог российского ФНС складывается в конце апреля под названием «Тамарруд», в котором сливаются старый либеральный диссидент Айман Нур, обученный в АОС лидер движения «: апреля» Ахмед Махер, копты-либералы из воскресшего движения «Кефайя!» с шарповским задраным кулаком, анархистствующие перманентные революционеры и отдельные амбициозные персонажи из салафитского «Нура» и даже из «Исламского джамаата»: если маячит новый передел власти и новые «десять тысяч вакансий», так отчего бы не перековаться? Появился и египетский Стерлигов — отставной генерал разведки Хосам Хайралла. Еще одна поразительная параллель с российскими игроками 1993 года: после ухода «банды Мурси» (Ельцина) они готовы временно доверить власть главе Конституционного суда Манару эль-Бехейри (Зорькину).

Две большие разницы состоят в том, что: а)если Барадеи — это полный аналог Горбачева, то Мурси — совсем не Ельцин; и по внешности, и по повадкам «вождь исламистов» смахивает скорее на ботаника по профессии Игоря Артемьева, экс-яблочника и главного антимонополющика, б)если отечественный ФНС собирал под знамена деклассированных пролетариев, ИТР и пенсионеров, то египетский ФНС вовлек весь разнокалиберный спектр сферы услуг — от персонала разорившихся отелей до уволенных западными компаниями офисных работников. Если сопротивление гайдаровским реформам в России состояло в массе своей в поведении, противоположном забастовке — то есть в продолжении работы на агонизирующих заводах, пока в них теплилась жизнь и не были угроблены результаты труда, то новый египетский протест начинался с саботажа попыток правительства «исламистов» ввести штрафы за неубранный мусор: люмпен-потребитель отстаивал свое право сорить и гадить себе под ноги. При этом так называемый деспотический режим обвинялся одновременно в беспределе полиции и в разгуле бытового воровства, который не пресекала та же деспотическая полиция (в феврале 2011 года распущенная как класс после свержения Мубарака).

Этот потребительско-паразитический мотив антиправительственного пафоса, в котором сам так называемый исламизм был предметом улюлюкающей насмешки только потому, что слабая власть пыталась апеллировать к вере для хотя бы минимального упорядочивания жизни и хозяйства, еже-

дневно поддерживался столь же паразитическим и массовым «подкалыванием» расплодившейся газетной и сетевой публицистики, что куда больше было похоже не на Россию, а на Украину, Молдову и Кыргызстан. На канале РБК-ТВ уже успели пренебрежительно сравнить египтян с киргизами: дескать, темперамент у тех и других заводной. Но с этим темпераментом египтяне не родились: он был воспитан постреволюционным годом безвременья и уроками IT-демократии.

Самая первая претензия к Мурси в воззвании «Тамарруда», распространенной 29 апреля, звучит: «Мы отвергаем тебя, Мурси аль-Айят, за то, что безопасность до сих пор не восстановилась». Иными словами, так называемого тирана на самом деле отвергают за слабость. Как признается либеральный колумнист Махмуд Салем, протестная масса в целом была бы не прочь, если бы армия снова взяла власть в свои руки — вот только армейское руководство, сформированное «Братьями» после очистки от старорежимных элементов и сопутствующей приватизации армейской собственности, на пике протестов хотя и издавало предупредительные заявления, но не очень-то проявляло готовность взять на себя ответственность.

Другие претензии к Мурси состояли в том, что обездоленные так и остаются неприкаянными; что государство продолжает зависеть от внешних займов; что справедливость к мученикам не восстановлена (то есть серийным самоубийцам начала 2011 года не поставлены памятники), что достоинства лишены как граждане, так и государство; что экономика в коллапсе и зависит только от выпрашивания кредитов (повтор третьего пункта), и наконец — что Египет по-прежнему волочится в хвосте у Соединенных Штатов. Как ни парадоксально, не прошло и двух недель, как выяснилось, что в тех самых Штатах и Канаде существует целая сеть поддержки — Tamarrod North America, и аналогичные структуры также расплодились в Европе и странах Залива.

Итак, третья большая разница между сегодняшним Египтом и Россией 20-летней давности — убогое равнодушие разочарованного властью широкого потребителя к тому, откуда ноги растут у претендентов на власть. Примечательно, что не широкие массы, а thinktanks решают вопрос о том, принять ли в состав объединенной оппозиции Ахмеда Шафика: поначалу координаторы «Тамарруд» от него отреклись, но их корректируют кураторы. Мурси эту деталь прокуковал: в своей речи 26 июня он обвинил в подрыве власти именно Шафика, примкнувшего (точнее, пристегнутого) к оппозиции последним. Видимо, у президента не оказалось то ли времени, то ли

советников, чтобы ознакомиться с саморекламно-шантажной статьей Эль Барадеи в Foreign Policy от 23 июня под заголовком «Шариатом сыт не будешь». Только через неделю, в день, когда толпа пошла жечь и громить офисы «Братьев-Мусульман», «Аль-Джазира» выискала в Американском университете в Каире скромного доцента Мохаммада эль-Масри, который взял на себя ответ Барадеи по пунктам. Этот ответ вряд ли помог Мурси оправдаться: в каждом пункте оправданий рассказывалось, что президенту ставили палки в колеса с первых дней правления. Для фрустрированного потребителя это не аргумент: ему нужно все сразу, и порядок, и достаток, и отсутствие внешнего долга, и рабочие места (неважно, где и какие), и туристы на курортах, и чтобы все это свалилось с неба само собой.

И поэтому фрустрированный египетский потребитель плывет вниз по течению от конфискации к конфискации очередной отвергаемой элиты — сначала семьи Мубарака, потом его партии (где оно, золото НДП — не там ли, где золото КПСС?), потом — армии, теперь, наконец — бизнеса «Братьев», пока не уткнется в напрочь разбитое корыто.

Олимпийская рулетка

Как замечали многие обозреватели, одним из основных центров новых египетских волнений стали города зоны Суэцкого канала — Исмаилия (место рождения «Братьев-Мусульман»!) и Суэц. Амбициозному катарскому семейству, у которого текли слюнки от ожидания прибыли с управления каналом, теперь, видимо, придется долго ждать. Портал «Аль-Джазира» пытается выдержать индифферентный тон, но получается не очень. Ведь кто теперь, кроме «Аль-Джазиры», займется опровержением уже повсеместно распространенного слуха о том, что жертвы при штурме центрального офиса «Братьев-Мусульман» — 24 человека — не результат давки и драки за трофеи, а стрельбы изнутри здания? А заодно, чтобы отвлечься от темы, «Аль-Джазира» подробно рассказывает о Сноудене и предлагает аудитории дискуссию на тему: «Будет ли Китай лучшим лидером мира, чем США?»

Свято место пусто не бывает. В своем недавнем обзоре Евгений Сатановский уже совсем не волнуется за Израиль. Его вдохновила «информация о принятии его правительством решения по созданию системы железнодорожного грузового и пассажирского скоростного сообщения между портами средиземноморского побережья и расположенным на Красном море Эйлатом (инвестор и оператор проекта — КНР) означает возникновение сухопутной транспортной альтернати-

вы Суэцкому каналу. Это повышает значимость Израиля для мировой экономики и снижает зависимость международных грузоперевозок от уровня нестабильности в Египте».

Но вот обещает ли выгода от египетского безвластия надежность «альтернативе Суэцкому каналу»? Можно вспомнить, что стоило правительству Нетаниягу внести на обсуждение упомянутый проект (на самом деле, канадско-китайский) летом 2011 года, как тель-авивский бульвар Ротшильда заполнило 300 тысяч так называемых светских оппозиционеров, по всем повадкам похожих на сегодняшнюю публику в парке Гези. Мимо нашей телеаудитории это событие проскользнуло, а ее организационный (американский) и финансовый бэкграунд — тем более, поскольку освещал «израильское лето», или по другому названию — Осиру Israel, все тот же Сергей Пашков с вытаращенными глазами.

Пока что команду Керри (и вообще «рокфеллеровских») на подступах к Палестине удалось остановить. Скандал в Верховном суде Египта, где палестинскую партию ХАМАС в одном флаконе с ливанской «Хизбаллой» изобличили в участии в освобождении «Братьев-Мусульман», в том числе Мурси, из египетской тюрьмы «Вади Натрун» 29 января 2011 года, имеет вполне очевидное происхождение: экс-глава МВД Египта Махмуд Вахди, озвучивший это неудобное для Мурси обстоятельство (он-то говорил, что его освободили местные жители!), прямо ссылается на Омара Сулеймана, того самого руководителя внешней разведки мубараковского времени, на которого очень откровенно делал ставку Израиль. Если для Эль-Барадеи и Шафика этот скандал этот скандал удобен по внутриегипетским соображениям, то для Биньямина Нетаниягу — по внутripалестинским. Представители ФАТХ не удержались от поддакивания египетским судьям, что стало дополнительной миной под план единого (ФАТХ + ХАМАС) палестинского правительства. К тому же 20 июня, не дождавшись приезда Керри, ушел в отставку только что назначенный премьер Палестины Рами Хамдалла. А еще один подарок Керри подложила мэрия Иерусалима, выписав очередное разрешение на застройку на спорных территориях. После чего глава ПНА Махмуд Аббас (ФАТХ) отказался от встречи с Нетаниягу и королем Иордании Абдаллой II, которая должна была, по замыслу Керри, состояться под его собственным председательством и ознаменовать долгожданный успех на пути к мирной реализации «плана двух государств».

Глава Госдепа так надеялся на успех этой встречи, что даже отменил поездку в далекий Бруней (сказочно богатый

султан этой южноазиатской страны дружен с Имраном Ханом, и встреча могла касаться афгано-пакистанской темы). Однако ее срыв и очередной политический тупик в Иерусалиме совсем не означает, что Биньямину Нетаниягу удалось отбиться от неприятных проектов территориального раздела, а также «повысить транзитную значимость Израиля».

Во-первых, согласие Лиги арабских государств на усеченный, «косметический» раздел израильской и палестинской территорий базировалась на уступке эмира Хамада, который собирался посетить Израиль этой осенью для приобретения обещанных ему технологий (об этих планах эксперты-монополисты нашего телезрителя не просветили, ибо им тогда пришлось бы опровергать собственную «единственно верную» теорию о страшных исламистах и чудовищном Карадави).

Во-вторых, в Иране «мирный переход» уже случился. И, соответственно, перед командой Керри, и, соответственно, перед той трансконтинентальной «партией G2», в которую эта команда интегрирована, открывается перспектива куда более прямого коридора, чем «параллель Суэцкому каналу». Более прямого пути из Афганистана в Персидский залив, чем через Иран, просто не существует. А с другой стороны, исчезновение «угрозы Ахмадинежада» и согласие Роухани на уступки по ядерной программе отнимают у Израиля главный повод для выпрашивания новых и новых финансовых и военных дотаций и у США, и у ЕС, и пока в коридоры Белого Дома не вернутся республиканцы, никаких перемен в этом отношении не предвидится. Иран, пусть и с клерикалом во главе, может просто заменить Израиль и Катар вместе взятые в качестве стратегического партнера США. И, соответственно, никаких больше поводов для отсрочки суверенизации Палестины не останется.

В-третьих, распространить сирийскую кровавую кашу в Ливан пока не удалось: мятеж в городах Сайда и Триполи, устроенный суннитом-сектантом Ахмедом аль-Асиром, несмотря на продвинутые средства его организации (Twitter), провалился. Агитация самозванного шейха против «Хизбаллы» закончилась тем, что ему пришлось спастись позорным бегством от ливанских сил правопорядка. Между тем заваруха в Ливане больше всего устраивала соседний Израиль, в том числе и из расчета на переток инвесторов с ливанского шельфа Средиземного моря на свой собственный. В вышеупомянутом обзоре Евгений Сатановский победно сообщал: Турция «потеряла перспективы сотрудничества по газовому шельфу Восточного Средиземноморья в пользу Греции и Кипра, поддерживаемых в их противостоянии с Турцией Евросоюзом и США при

позитивном нейтралитете РФ. Экспорт израильского природного газа предусматривается в страны ЕС и АТР, усиливая позиции Иерусалима в этих регионах».

Для нарисованной им идиллии требовались два условия: а) побег пугливых инвесторов из Ливана на шельф между Израилем и Кипром, где их ждет с распахнутыми объятиями альянс американской Noble Energy и израильской Delek, и б) бессилие Эрдогана, осажденного кемалистами-гомосексуалистами — и проистекающее из этого бессилия невмешательство в кипрские дела, то есть в освоение шельфа без учета статуса и интересов турецкого Северного Кипра.

Однако пока что и Ливан цел, и Эрдоган не бессилен. Не потому, что глава МОССАД Тамир Пардо привез ему «охранную грамоту» в одном флаконе с «трубкой мира» (что Евгений Янович будет от нас скрывать столь же усердно, как ранее катарско-израильские шашни). На самом деле Эрдоган не бессилен благодаря Эдварду Сноудену.

Раскрыв секреты АНБ, «правдолюбец» нанес удар не только и не столько по «клану Рокфеллера», сколько по Федеральной резервной системе США. 1 июля ведущие мировые агентства (а вслед за ними и отечественный мейнстрим) сообщили, что назначенные на 8 июля переговоры о создании свободной торговой зоны США-ЕС могут провалиться из-за обид еврочиновников на длинные уши Большого Брата. Вывод брюссельских корреспондентов телеканала «Россия-24» состоял в том, что провал этой мечты Бена Бернанке сыграет на руку Китаю, поскольку удвоит экспорт в Европу в ближайшие годы (для чего и требовалась ее деиндустриализация), не говоря уже о том, чтобы вернуть США славу крупнейшего экспортера, не получится. Но стоит ли плакать о Китае, у которого множество других рынков сбыта? Не существеннее ли, что сохранение статус-кво дает преимущество прежде всего тем странам Европы, которые не окончательно деиндустриализированы, так и альтернативным поставщикам товаров на европейские рынки — в первую очередь Турции?

Но ФРС, разумеется, тоже просто так не поднимет лапки кверху. Если конфискационная кампания в Европе чуть остынет (Дэвид Кэмерон своим появлением на бильдербергской встрече уже дал понять, что на лишение Британии статуса мирового финансового центра он отнюдь не настроен, как бы того Бернанке вместе с «деофшоризаторами» не хотелось), то агентура по борьбе с коррупцией, не с АНБ — так с ФБР и DIA, будет искать себе другие страны-мишени.

И следующей после Бразилии напрашивается Россия. Которая раньше, чем Бразилия, ждет гостей на Олимпиаду. Бизнес которой куда меньше защищен, чем французский, германский и даже турецкий. Из всех наших олигархов на Бильдерберге побывал только Алексей Мордашов (в 2011 году), и то в качестве шведа. Наши олигархи просто просят на стрижку: у них нет подтверждений легальности их капиталов; они вместе с государством прощелкали клювом кипрскую конфискацию; самого влиятельного из них, Романа Абрамовича, ФБР уже сразило вопросом о том, каким способом Россия выиграла ЧМ-2018, и они еще не такие вопросы услышат. А так называемых уязвимых сообществ, на которые делают ставку организаторы суррогатных революций, у нас хоть отбавляй, и их число приумножается с каждой очередной причудой нашей власти — будь то с Дагестаном, с малым бизнесом, с Академией наук или с законами против курильщиков. А потребительско-паразитическое (рентное) мышление воспитывает гостелеканалом «Россия-24», который учит граждан, нашедших на улице незакрытый люк, не поднатужиться и задвинуть крышку, а «ИТ-демократически» настучать на местную власть в федеральный эфир. И тот же гостелеканал умудряется одновременно собирать круглые столы и готовить программы о Большом Брате и его ИТ-партнерах, не прекращая ежедневной и многочасовой рекламы тех самых ИТ-устройств, которыми партнеры Большого Брата и оснащают суррогатных революционеров.

По выражению сотрудника RAND Corp. полковника Ричарда Шафранского, цель информационной войны — так повлиять на поведение противника, чтобы он не знал, что на него повлияли, и принимал решения, противоречащие его собственной воле. Я готов спорить, что новое издание «Болотной» образца 2014 года будет более разношерстным, более пестрым претендентами на трон. Если в Египте синтезировались гомокемалисты, то у нас стенировался свой, незаемный типаж — экологические казаки. Верховной власти будет одновременно вменена тирания и слабость, закрытие заводов и осквернение (pollution) дикой природы, дороговизна квартир и засилье таджикских строителей, нарушение прав НПО и волочение в хвосте у Соединенных Штатов. И в Соединенных Штатах — не в АНБ, так в ФБР (к слову, Джеймс Коуми — близкий друг генпрокурора Южного округа Нью-Йорка Прита Бхарары, специализирующегося на «русской мафии»), не в Госдепе, так в СНБ, не в Йеле, так в Гарварде — очень будут рады именно такой оппозиции, как были рады такой оппозиции в Паки-

стане и Египте. А поскольку качество массовой аналитики, не говоря о пропаганде, остается прежним, провальная дипломатия — ненаказуемой, а дистанция от честной конспирологии до принятия решений — астрономической, то горький опыт египтян, турок, и даже наших славянских соседей — болгар и чехов, никак не рефлексивируется в массовом сознании.

И, соответственно, весьма высока вероятность, что в 2014 году китайцы пренебрежительно сравнят нас с киргизами.

Если мы и дальше будем безропотно плыть по течению в этот «дивный новый» мальтузианский мир.

Каждый сам ему выносит

В течение недели, прошедшей после описанных выше событий, российские «говорящие головы» пребывали в некоторой растерянности, поскольку руководящий и направляющий анализ Института Ближнего Востока куда-то сгинул — то ли институт ушел в летний отпуск, то ли потерял ориентацию в собственной алармистской логике. Есть отчего потеряться, поскольку погиб рефрен — как-то неприлично уже пугать «Братями-Мусульманами», когда спикеры победившей при военной поддержке «улицы» прямо посреди Тахрира, ничегошеньки не опасаясь, сравнивают поверженных «Братьев» с курицей, которой отрезали голову, а она все еще по инерции бежит кругами.

«Так может, в Египте получится как в Алжире?» — с робкой надеждой интересовалась дикторша «России-24» у лондонского эксперта Фирасы Аби Али. Эксперт, снисходительно улыбаясь под гигантским логотипом IHS, будто повторяя урок кембриджскому второгоднику, пояснил: «Египет получит щедрые кредиты от Саудовской Аравии и ОАЭ. Эти страны больше всех воодушевлены падением «Братьев-мусульман».

Дикторша морщила носик и не понимала.

В самом деле, 9 июля Эр-Рияд и Абу Даби объявили о предоставлении Каиру в общей сложности восьми миллиардов долларов, которых Каир никогда бы не дождался от МВФ. Впрочем, накануне назначенный премьер-министр Хазем Абдель Азиз аль-Беллави в тот полугодовой период, когда при Эссаме Шарафе был вице-премьером и министром финансов (июль-ноябрь 2011), отказывался от условий МВФ и, к негодованию коллег, даже настаивал на исполнении бюджета, принятого при Мубараке.

Единодушная щедрость двух королевств Залива могла показаться удивительной: ведь военные, арестовав Мохаммеда

Мурси и всю верхушку «Братьев-Мусульман», закрыли не только их ресурсы, но и два салафитских телеканала, то есть по существу объявили полнейшую светскую диктатуру. Если не считать приглашение салафитской партии «Нур», что по иронии означает «свет», к формированию правительства. Партия «Нур» не хотела ни в какой роли видеть отъявленно светского, на ее взгляд, деятеля Мохаммеда Эль Барадеи. Однако 8 июля под надуманным предлогом вдруг отказалась от всех своих претензий. И Эль Барадеи стал вице-президентом, а Беблави — премьером. Именно приглашение Беблави, экс-гендиректора каирского Экспортного банка развития, стало поводом для двух королевских щедрот. А откуда поступил сигнал, догадаться нетрудно. Беблави — не только выпускник докторантуры Сорбонны, но и кавалер ордена Почетного Легиона Франции.

Франко-саудовская ставка на Ближнем Востоке — это ставка госсекретаря США Джона Керри. Эта ставка накануне, 6 июля, сработала и на конференции Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии. Несмотря на отчаянное сопротивление, самый влиятельный кандидат от Катара Мустафа Сабах проиграл выборы. До сих пор он был генсеком НКОРС, а теперь стал никем. И глава так называемого временного правительства Гасан Хитто, тоже катарский протеже, тоже теперь никто — он ни с кем не конкурировал, а просто тихо отполз со сцены.

А председателем НКОРС с 6 июля становится племенной вождь и при этом, что удивительно, светский оппозиционер Ахмад Асси Ярба. Лишь один день на арабских порталах продержалась версия о том, что пост генсека сохранился за «Братьями», но и эту позицию они потеряли, и теперь удовлетворяются не более чем постом одного из трех вице-председателей.

Ливанская «Йа Лебнан» поясняет, для тех, кто еще не понял, то есть для третьегодников: «Избрать легитимное руководство НКОРС так долго не удавалось из-за противостояния катарского и саудовского лобби». И прямым текстом называет светского оппозиционера и племенного вождя Ярбу давней креатурой Саудовской Аравии.

Чувство облегчения, которое звучит в ливанской прессе, понятно. Франко-саудовский альянс, в отличие от уже сформировавшейся связки Катара с Израилем, не ставит целью дестабилизацию Ливана — о чем и сигнализировал провал мятежа самозванного шейха Асира, о котором портал Вадима Рабиновича *minews* писал с нежностью.

Ныне обитающее в Париже семейство Тласс еще весной прошлого года делало ставку на смешанное правительство в Сирии — без Асада, но с людьми из его истэблишмента в альянсе с умеренной оппозицией. «Человеком выбора» в истэблишменте Асада у него был вице-президент Фарук аш-Шараа. 8 июля он вышел из партии «Баас», но вице-президентом остался. А намек Керри на перенос «Женевы-2» на сентябрь говорит, что устранение со сцены конкурирующих игроков — Турции и Катар — позволит ему обойтись вовсе без Москвы.

Турция, как и предполагалось, зализывает раны. Но все же не может не выразить свое отношение к происшедшему в Египте. Поскольку щелчок, который так называемый «нео-османизм» получил здесь, является вторым унижением после стамбульских погромов и уже окончательными похоронами всех расчетов на сферу влияния в Магрибе.

Догадывается об этом и дружественное Эрдогану руководство Туниса — и продлевает режим чрезвычайного положения. Впору беспокоиться и партии-тезке в Марокко.

Еще одним клиентом Катар, а раньше — претендентом на контроль над тем же Магрибом, был экс-президент Франции Николя Саркози. Только его успокоил прокурор Бордо, вычеркнув из списка обвиняемых по делу старушки-спонсорши Бетанкур, как — хлоп! — 4 июля Конституционный совет Франции вычисляет (не прошло и полгода), что его партия превысила законный предел расходов на выборы и компенсации, соответственно, не получит. О-ля-ля! Саркози хлопает дверью Конституционного совета. Но хлопай, не хлопай, а политические шансы потеряны надолго.

И особенно насмехается над Саркози Жан-Ив Камю из Парижского института международных и стратегических отношений. Этот институт обеспечивает связи действующего президента-социалиста Франсуа Олланда со всем партийным спектром Афганистана. Никакого влияния на этом фронте люди Саркози не получают. Катар — само собой. Как открылся там офис «Талибана», так и закрылся. О чем лично Джон Керри с удовольствием объявил.

Таким образом, все точки над *i* на Ближнем Востоке расставлены. Включая Иран. Избранный президент Рухани уже протянул руку дружбы Эр-Рияду. А в *World Politics Review* почти сразу после его избрания появилась первая, пока осторожная статья об оси Тегеран-Кабул.

Рухани вступит в права 4 августа. Формально действующего президента Ахмадинежада приняли в Москве. Но утешить Москву он ничем не может: он больше не влияет на ситуацию.

Об его уходе даже всплакнул, к негодованию израильских знакомых, ведущий специалист по дерадикализации ислама Реза Аслан: ведь Ахмадинаджад делал хорошее дело, пытался отодвинуть клерикалов от власти, а теперь в Тегеране опять воцарился клерикал.

Резе Аслану не терпится, чтобы деклерикализировались и Египет, и Иран сразу. Однако тем, кто принимает решения, уже известно, что спешка приводит к обратным результатам. Сначала Магриб, а до Ирана дело очередь дойдет. Санкции-то не сняты, и если сейчас Рухани покажет плохой performance, подобно египетскому Мурси, то глядишь, и не досидит свой четырехлетний срок. Но сейчас удобна именно такая фигура: ее руками проще приватизировать гигантский государственный холдинг, скрывающийся за вывеской КСИР, а антикоррупционная кампания против клерикалов уместна после раскрытия всех карт.

Столь же нетерпелив коллега Аслана по ассоциации «Видение Авраама» Марк Левин: он ждет не дождется, чтобы в Египте вслед за «Братьями-мусульманами» полностью ушли со сцены и военные. И он забегает вперед: всему свое время. Вначале все-таки надо осуществить четвертую по счету конфискацию — зря, что ли, Амр Муса в частном порядке беседовал с «финансовым директором Братьев-Мусульман» Хайратом аш-Шатером за неделю до его ареста.

И вообще, следующий ход команды Керри — в Палестине, которой обещаны четыре миллиарда. Эрдоган после визита Таира Пардо отложил визит в Газу на неопределенное время.

Сдвиг в Иране — самое подходящее время для активной игры вокруг Иерусалима. О том, какое отношение к этому имеет сдвиг в Иране, пишет Игорь Панкратенко:

«В 1993 году Нетаниягу утверждал, что «агрессивный Иран» создаст собственное оружие через три года, максимум — через пять лет. Прогнозы не сбылись, бомбы у Исламской Республики до сих пор нет, что является самым весомым аргументом сдержанности иранского руководства. Чего тогда стоят непрекращающиеся «предостережения», которые Тель-Авив изливает на международную общественность с завидным постоянством? Политический обозреватель Рон Ишай, комментируя итоги выборов заметил, что эпатазирующие заявления Ахмадинежада, его отрицание Холокоста и «шиитский фанатизм» пугали арабские государства и Запад, поневоле заставляли их быть союзниками в антииранской коалиции. Теперь, с приходом Рухани, это преимущество утрачено. А вот болевая точка, которую иранской дипломатии удалось нащупать

пять у Израиля, осталась. Речь идет о ядерном арсенале Тель-Авива. Инициатива Тегерана, впервые прозвучавшая еще в 2006 году с подачи Рухани, о «безъядерном Ближнем Востоке» больно бьет именно по Израилю. Идея ядерного разоружения в регионе, с необходимостью которого, пусть и по разным причинам, охотно согласятся и Египет, и монархии Залива, вполне может стать сильным ходом Рухани для того, чтобы заблокировать израильскую политику «необъявленной войны» против Ирана».

У меня лишь одно уточнение к этому анализу: все фигуры для сильных ходов находятся в руках вовсе не Рухани. Доказательство — пассаж в *Foreign Policy* от 3 июля:

«Некоторые обстоятельства получения Израилем ядерного оружия до сих пор не рассекречивались спецслужбами США — в частности, эпизод с приобретением 80-100 тонн оксида урана («желтый кек», U_3O_8), который используется в качестве топлива для ядерных реакторов. Покупка оксида урана (у Аргентины) была важным секретом Израиля, однако его главной ядерной тайной было существование установки по переработке отработанного реакторного топлива из Димоны в оружейный плутоний».

Согласитесь, *Foreign Policy* издается не в Тегеране. И задолго до появления Рухани на горизонте тема разоружения была любимым коньком сначала сенатора, а ныне госсекретаря Джона Керри, путь которого к госдеповскому креслу прокладывался при активном участии *Foreign Policy*. Тема разоружения желательна всех стран — кроме Соединенных Штатов. Отмена привилегий для Израиля — удобное для этого средство. А кроме того, и Обама, и Керри предпочитают в Израиле левый истэблишмент, ибо он более проникнут «глобальными ценностями». А идея двух государств — совершенно не идея фикс: Авраам Бург, экс-спикер кнессета и собрат по разуму Михаила Горбачева, еще в 2011 году в *Haaretz* обосновал проект единого палестино-израильского государства, полностью освобожденного от такого атавизма, как религия. Отсюда и выше процитированная реплика Ахмета Давудоглу о Палестине. Нетаниягу уходить не хочет, и поэтому выбирает, что ему легче сдать — атом или религию. Религиозные партии уже исключены из коалиции, а министр юстиции Ципи Ливни уже заявила о необходимости отделения религии от государства.

Уже два месяца назад, когда Москва приняла предложение от Лондона по содействию в обеспечении безопасности Олимпиады-2014, стало понятно, что в Кремле не очень рассчитывают на долговечность правой израильской коалиции.

С которой раньше, усилиями Михаила Маргелова, Алмазной палаты и других, строилось весьма затратное для России двустороннее партнерство — а одновременно деградировали все связи с арабским миром и соответственно, возможности хоть как-то влиять на процессы в этом мире.

Израиль ведет себя как все. По принципу, перефразируя Окуджаву, «каждый сам ему выносит и спасибо говорит». Тем более что перспектива реванша неоконсерваторов в Вашингтоне не становится менее призрачной, здесь (в отличие от Турции) ни Бильдерберг, ни Сноуден пока ни на что не повлияли. И Европа ведет себя так же — переговоры о заведомо убийственной для ее индустрии зоне свободной торговли США-ЕС вряд ли будут отложены Францией, поскольку ей снова дали фору на Ближнем Востоке. И Германией, поскольку в Германии выборы.

Присмирела Турция. Присмирел Израиль. Присмирела Латинская Америка — без Чавеса и с хаосом в Бразилии, производящей турецкий стереотип понятной и угрожающей точностью. Поахала, поохала и присмирела Европа. И коллективный молчок в ответ на запросы Эдварда Сноудена об убежище — тому свидетель.

Единственного в Восточной Европе партнера России по технологиям, Чехию, политически насилуют у всех на глазах по болгарскому варианту. Стоило премьер-министру Петру Нечасу предпочесть «Росатом» американскому Westinghouse в реконструкции Темелинской АЭС и предложить услуги чешских специалистов Уралвагонзаводу, как в Праге в один день была разоблачена: супружеская измена, служебный подлог, незаконное хранение золота, подкуп депутатов из правящей партии.

Соседи молчат. Сопротивления нет. Поэтому наступающие не останавливаются.

04.07.2013

ПО ТЕСНОМУ МИРУ ХРОМАЕТ КОЛОСС

Отклонения от руководящей линии

В поздней фазе советской перестройки Михаила Горбачева регулярно адресовался вопрос: Михаил Сергеевич, вы с кем? С прогрессистами или ретроgrадами? С Яковлевым или с Лигачевым? Генсек разводил руками, произносил округлое «вместе с тем» и старался изобразить единомыслие в политике и экономике, которого не было. За это его обвиняли в лакировке. А в это время осмелевшие вассалы по кусочку присваивали влияние. Одни с одобрения генсека устраивали чистку в Узбекистане, другие переводили стрелки на самого Михаила Сергеевича. Из-за двусмысленности названия закрылась газета «Советский цирк». Диссиденты разоблачали КГБ. А в «горячих точках» после ввода войск начиналась война кем-то сторгованным оружием.

Победившая тогда сверхдержава сегодня пребывает в очень похожем состоянии. Только завершилась драка за руководство ФБР, как началась «борьба бульдогов под ковром» за Федрезерв. А внешнюю политику Обаме уже пришлось поделить между командами Керри, рулящей Госдепом, и командой Хиллари Клинтон, получившей контроль над Советом национальной безопасности. У каждой команды — свои накатанные связи с вассалами от Европы до Афганистана. Между тем на носу очередное побоище с республиканцами за бюджет, а это касается в том числе военных расходов. И в самый неподходящий момент кто-то из вассалов предлагает вторгнуться в Сирию.

Придворный круг старательно лакирует подковерные противоречия. Так, в прошлом году выяснилось, что Госдеп и ЦРУ обсуждали между собой правильную подачу в СМИ эпизода с убийством американского посла в Ливии: был составлен перечень пунктов обсуждения, за пределы которого чиновникам не надлежало выходить. После разоблачений Эдварда Сноудена появилась инструкция Белого Дома о том, как цитировать глав спецслужб, чтобы их реплики звучали гладко, без ляпсусов. А в штате Миссури с традиционного родео был изгнан клоун в маске Барака Обамы: он не только пародировал президента, но и некстати употреблял слово «быки» — что

могло, по опасениям организаторов, неблагоприятно повлиять на фондовый рынок!

Лакировке сопутствует пропаганда экономического чуда. Так, государственная статистика США обнаружила в прошлогодней отчетности не выявленный прирост занятости. Колумнист Daily Beast Дэниел Гросс излучал ликование: «Открываются новые рабочие места в финансовом секторе! Возрождается домостроение. Повторяйте за мной — США не Греция! И мы живем в **золотую эру** сокращения дефицита!» Сам Обама заявляет, что реформа миграции, которая «позволит иммигрантам с высокой квалификацией создавать рабочие места в Америке», даст экономике 1.4 триллиона долларов, что сократит дефицит бюджета на 850 миллиардов долларов за 20 лет. Как производился расчет, неизвестно. Зато известно, что неделю спустя объявила о банкротстве бывшая столица автопрома — заселенный мигрантами город-призрак Детройт.

За полгода американское Бюро трудовой статистики натянуло цифру в миллион рабочих мест. В Китае за тот же время прирост составил семь миллионов. Однако Wall Street Journal спешит порадовать американскую аудиторию: у соперника дела плохи, темп роста экономики сократился на 0,2 процента за квартал, снижается доля потребления в росте ВВП — то есть повторяйте за нами: Китай Америку не догонит и не перегонит!

Пропаганда экономического чуда шагнула через океан: с помощью столь же произвольных цифр утверждалось, что от кризиса Европу спасет зона свободной торговли США-ЕС. Роль дополнительной «конфетки» играла кампания против оффшоров, соблазняя Германию, где корпорации приспособились прятать прибыль на островах.

Но с охотой за «жирными котами» Вашингтон переборщил. Пока трясли Кипр, возражений не было: там же русские деньги. Но вот дошла очередь до британских оффшоров, а ответственным за борьбу с «уклонизмом» был назначен как раз Дэвид Кэмерон. И нельзя сказать, что это его сильно порадовало. Сначала он пригрозил референдумом о выходе из ЕС, потом поприветствовал немецких евроскептиков, а 7 июня почтил присутствием заседание Бильдербергского клуба, где доминировали те самые «коты», с которыми он должен был вести борьбу. И как раз в этот день газета Guardian начала печатать материалы Сноудена.

Публично Вашингтон и Лондон не ссорятся, как долго не ссорились и Горбачев с Ельциным. Однако сегодня Сноуден —

в России, его интервьюер Гленн Гринвальд — в Бразилии, его коллега Дэвид Миранда задержан и лишен компьютера в аэропорту «Хитроу», редакция Guardian обыскана сверху донизу с физическим уничтожением жестких дисков. А Дональд Грэм, участник бильдербергского заседания и еще один публикатор секретов Агентства национальной безопасности США, поспешил продать издательский дом Washington Post миллиардеру и спонсору ЛГБТ-организации Washington United for Marriage Джеффри Безосу.

Если неизбежны лакировка и приписки, то отклоняющийся от линии подвергается оргвыводам по разнарядке. Это и происходит в западном истеблишменте, изо всех сил пытающемся демонстрировать незыблемость и всемирный авторитет.

Самоопределение канцлера

После отмены 6-й статьи советской Конституции группа ельцинистов-радикалов несла по Москве гроб с надписью «Авторитет ЦК КПСС». Что-то подобное после разоблачений Сноудена случилось сразу с двумя сообществами американского истеблишмента — разведкой и IT-магнатами. Всего 12 голосами конгрессменов АНБ США удалось сохранить свой бюджет. А республиканская ассоциация Public Interest Research Group подсчитала, кто больше всего скрывает денег в безналоговых гаванях: оказалось, это IT-монополисты — Apple и Microsoft, лучшие друзья демократического Белого Дома, витрины виртуального прогресса и фабрики орудий манипуляции.

Сноуден наступил и на другое чувствительное место — на доверие между США и ЕС, на котором должна была строиться трансокеанская ЗСТ. В июле Германия расторгла соглашение с США об обмене данными. Все больше сомнений по поводу ЗСТ высказывали сельхозпроизводители. А данные о прослушивании офисов ЕС навели на подозрения в том, что американцы похищали и европейские технологические секреты.

И тут германская протестная общественность перевела стрелки с Белого Дома на канцлера Ангелу Меркель. Партия зеленых изобразила возмущение по поводу контактов АНБ с БНД. Радикальные левые и экологисты вдруг оказались столь же ревностными защитниками «приватности», как американские правые. У Меркель, которую сватали после выборов в альянс с «зелеными», уже были претензии к потенциальным партнерам. В конце мая «зеленые» оказались в одних митинговых рядах с откуда-то взявшимся движением Bloccupy, а также с

Общественным союзом за права человека, учрежденным азербайджанскими анархистами. У этого Общественного союза, порицающего канцлера за кризис мультикультурализма, оказались любопытные опекуны — Фонд открытого общества Джорджа Сороса и глава МИД Германии Гидо Вестервелле.

16 августа Меркель поспорила с «зелеными», которые в своей программе предлагали немцам «один день без мяса». Что нам больше нужно, — спросила Меркель, — рабочие места или «вегетарианский четверг»? А 25 августа прозвучала сенсация: правящая ХДС, по словам Меркель, готова вступить в коалицию вовсе не с «зелеными» и не с СвДПГ, которую представляет Вестервелле, а с вроде бы самыми ярыми своими оппонентами — социал-демократами.

Похоже, генканцлер догадалась по лозунгам уличной оппозиции, что с нею хотят поступить по «люксембургскому варианту». 10 июля был вынужден уйти в отставку премьер Люксембурга, христианский социалист Жан-Клод Юнкер: местные «зеленые» обвинили его в причастности к прослушкам спецслужб.

Нет, не хочет Ангела Меркель попасть под ту же разнарядку, что Берлускони, Саркози и Юнкер. И ищет союза с другой старой германской партией — поскольку хорошо видит на примере Италии, к чему приводит выход на политическую сцену «новых движений» анархистского разлива. И при всей тысячекратно подчеркнутой приверженности «новым ценностям» пытается сохранить аденауэровский брэнд Христианско-демократического союза. Из чего следует, что Германия ей дороже, чем безразмерный ЕС — пусть она в этом пока и не признается.

Шаг в сторону равен побегу?

Раздувшемуся Евросоюзу, у которого масштаб совокупного долга уравнился с совокупным ВВП, все чаще пророчат распад на составные части. Однако трансатлантический официальный старательно лакирует здесь и там возникающие прорехи, а евроскепсис старательно замечают под ковер. Что особенно актуально накануне назначенного на ноябрь заседания «Восточного партнерства» в Вильнюсе, где трем странам СНГ — Молдавии, Армении и Украине — обещано подписание так называемых «соглашений об ассоциации».

В Литве американско-японский консорциум обещал построить новую АЭС вместо советской, закрытой ввиду экологических фобий. В этом году стало известно: ее не будет. Зато

литовцев (как и украинцев) охмуряют сланцевым газом, а также терминалом для приема сжиженного газа в Клайпеде.

Но этой пропаганды чуда недостаточно. Литовские финансы пьют романсы. На карикатуре дня в Independent — двое литовских рабочих в одной фирменной упаковке, на ней штамп — «Два за цену одного», намек — местная цена на рабочую силу европеизированных прибалтов.

И вот 12 августа агентство Delfi сообщает, что в Клайпедский порт уже через месяц поступят контейнеры с техникой, эвакуируемой из Афганистана. Новость не радует уже «сидящих» на транзите соседей-рижан, но им придется смириться. Ведь именно в Вильнюсе готовится церемониал, добавляющий в копилку Запада символическую победу над Москвой. Ведь Пекин все никак не обогнать, а «галочка» успеха требуется как воздух.

Впрочем, Вильнюс — не только символ. В июле в Ереван прибыли специалисты из Эстонии, где находится база киберзащиты НАТО, и предложили свои услуги по электронному «охвату» диаспоры на выборах. А в Кишинев явился заместитель генсека НАТО по вопросам новых вызовов безопасности Габор Иклоди с предложением обеспечить кибербезопасность. Вот оно, предназначение «Восточного партнерства» — не товары и не газ, а контроль над обществами.

Больше всех колебалась Украина. Не только правящая Партия регионов, ошарашенная требованием Брюсселя принять закон о так называемой недискриминации (сексуальных меньшинств). Сомнения раздирали и прирученную прессу. *«Мир меняется — стремительно, безжалостно. **Мощь Америки уже не кажется безальтернативной и незыблемой, благополучие Европы — предопределенным**»,* — писала 26 июня главред киевского «Зеркала недели» Юлия Мостовая в статье с тремя буквами “SOS” в заголовке. *«Мы деремся за соты и мед в улье, который сорвался с верхушки дерева и летит вниз. Донорская участь нам уготована Россией. **Да и Запад тоже не побрезгует трофеями.** Смыслы выпали из повестки дня. С уходом специалистов советской школы умирают целые отрасли экономики. Оппозиционеры эксплуатируют образ либералов, но при этом к народу выходят с левыми лозунгами. Нет честной консилиумной дискуссии о сложившейся в стране ситуации».* Это был настоящий крик души — не политический, а сугубо гражданский.

Но колониальному кадру не должно сметь свое суждение иметь, а шаг в сторону от Вильнюса равен побегу. Ведущая де-

ловая газета Украины вынуждена была срочно расплатиться за отход от руководящей линии. 16 августа Юлия Мостовая уже не скорбела по умирающей промышленности и не подозревала Запад в хищных аппетитах, а исправно разоблачала российский заговор. Для убедительности прилагался текст, якобы полученной собственной газетной «разведкой». Анонимные составители кремлевского «плана», по тексту, собирались разорить украинский бизнес, захватить его собственность, да еще и принудить украинские медиа работать на себя, то есть хором славить Таможенный союз и поносить Европу.

В том же номере «Зеркала», ровно под «секретным докладом», публиковались расчеты фонда «Видродження» Джорджа Сороса, обосновывающих пользу и неизбежность вступления Украины в зону свободной торговли ЕС. И без всяких «консилиумных дискуссий». Как говорил в анекдоте с телеэкрана офицер КГБ зрителю, пытавшемуся найти телеканал без речи Брежнева: «Я тебе поверчу!»

Террариум единомышленников

Еще одной «галочкой» для Белого Дома должно было стать разрешение палестино-израильского конфликта — столь же липовое, как прием в Европу постсоветских стран. Поскольку из двух палестинских партий по разнарядке выбрали одну, точнее, ее заведомо лояльное руководство, а главное требование палестинцев — прекращение израильского строительства на их территориях — оказалось где-то на обочине. Зато Джон Керри пообещал Палестине невиданный экономический рост за счет постиндустриальных технологий — то есть IT, солнечной энергетики и тому подобных чудес, которые уже завели в экономический тупик Европу.

Но пока суд да дело, израильский вассал решил сыграть на противоречиях между двумя американскими командами на соседнем египетском поле. Даже двухпартийный десант американских дипломатов и конгрессменов в Каир обернулся фиаско: глава армии Абдулфаттах аль-Сиси, совершивший переворот, не пожелал слушать ни увещаний об освобождении законного президента, ни настояний прекратить расстрелы на улицах и в мечетях. 18 августа New York Times, ссылаясь на европейских дипломатов, сообщила: «Израильяне, имевшие контакты с аль-Сиси с тех пор, как тот возглавлял военную разведку, поддерживали захват власти. Оказывается, генерал и его окружение состояли в интенсивном диалоге с израильскими коллегами, которые убеждали его не волновать-

ся: не оставит вас Вашингтон, никуда не денется». А в журнале Foreign Policy Джон Хадсон написал прямым текстом: «У египетских правителей есть новый друг в Вашингтоне — израильское лобби».

Между тем, как было видно по приближенной к Госдепу прессе, команда Керри по меньшей мере до 8 августа пребывала в святой уверенности, что генерал аль-Сиси ей полностью подконтролен, и по первой же инструкции уступит власть местным либералам. Как постфактум рассудили авторы New York Times, египетские генералы оказались столь непослушными еще и потому, что им вовремя (пока Белый Дом тянул) предложили деньги три арабских монархии — Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт.

Такой нестыковкой с ближневосточными вассалами решила воспользоваться Франция. В самом деле, если по всей Северной Африке рухнет власть союзников «Братьев-Мусульман», вместе с влиянием Турции и Катара, то не отдавать же их салафитам? Не лучше ли вернуть весь Магриб под контроль Франции, где он и был до вмешательства клинтоновской команды в 2011 году? Тем более что Алжир и Мали и так прочно находятся под контролем Парижа.

Но монархиям Залива, учитывая их контакты с талибами, равно как и удобство их воздушных баз для афганского транзита, тоже нужно было подарить «конфетку». И вот 20 августа в Иордании собрались так называемые умеренные сирийские оппозиционеры, а на следующий день кадры CNN, ровно как перед операцией «Буря в пустыне», протранслировали мировому сообществу распростертые детские тела — жертвы неуставленного химического оружия.

Так называемые умеренные оппозиционеры уже не скрывали, что рассчитывают на первые роли в Сирии после того, как диктатора Асада наконец разбомбят. И уже называлось имя своего, «правильного» диктатора — генерала Манафа Тласса, сбежавшего из Дамаска в июле 2012 года через саудовскую столицу в Париж. Генерал Тласс, сын экс-министра обороны Сирии, брат местного «сахарного короля» и зять крупного саудовского торговца оружием, не скрывал, что сбежать ему помогла французская разведка. А особое покровительство ему оказывал глава МИД Франции Лоран Фабиус.

Именно Фабиус заявил 23 августа, что авиаудар по Дамаску, в качестве возмездия за химическую атаку, неизбежен. 25 августа он повторил это в Иерусалиме. Ведь именно израиль-

ский генерал Итай Брун в апреле этого года первым обвинил власти Сирии в использовании химического оружия.

Но этим французский министр, как союзник команды Керри, ограничиться не мог. И заодно объявил о необходимости создания палестинского государства. Вот тут и произошло то, что в американском военном жаргоне называется *snafu* — в приличном переводе «все вверх дном».

Между тем, как справедливо напоминает Daily Beast, франко-саудовская авантюра разрушила региональную стратегию и Керри, и самого Обамы. Ведь они рассчитывали на флирт с Ираном, а эта страна с первого же момента не поверила поклепу на Дамаск.

Все еще ожидая «отмашки» Пентагона, фрондирует и обиженный Париж. «Мир больше не является однополярным», — заявил на встрече с дипломатами раздраженный Фабиус. «Скорее можно говорить о нулевой полярности». Нуль — это Барак Обама.

Язык нового времени

В рассказе Франца Кафки «В исправительной колонии» огромная механическая карательная машина множеством приспособлений мучает человека, но убить все никак не может, потому что в этом процессе рассыпается на глазах. Англосаксонская машина новой колонизации, навязавшая миру постиндустриальную парадигму, сама попала в ее ловушку — но всеми силами пытается доказать, что ей по-прежнему принадлежит мировое господство, и никто не смеет на него посягать.

У нас на глазах из этого механизма вываливаются болты, связывающие несущие идеологические конструкции и казавшиеся незыблемыми межэлитные скрепы. Но она еще в состоянии давить массой и вертеть на шарнирах страны-мишени, благо миллионы наемных человеко-винтиков по инерции исполняют профильные функции.

Машина продолжает наводить страх, что продемонстрировала готовность трех правительств остановить самолет со Сноуденом. Но она не работает, как раньше. Еще десять лет назад невозможно было себе представить, что политики-изоляционисты, то есть противники экспансии постиндустриального псевдопрогресса, станут в Америке мощной и самостоятельной силой. И что очередную военную интервенцию всецело одобряют мизерные девять процентов американского общества.

Мало того, нападение на Сирию, если все же произойдет, прольет воду в Америке исключительно на мельницу изоляционистов. С каждым авиаударом у них будет все больше безупречно патриотических аргументов. Они вправе сказать своему народу, и скажут наверняка, что внешняя политика определяется не Госдепартаментом, а прихотями вассальных теневых элит. И что поэтому роль, в которой выступает США как государство, не только бесславна, но и унижительна.

Автор концепции «мягкой власти» Джозеф Най учил, что ключом к ненасильственному подчинению является привлекательность имперской модели. Но тот дух надежды, который Барак Обама внушал американцам на выборах 2008 года, он же сам и растратил. Что стало особенно заметно после эпизода со Сноуденом: словами президента Center for National Interest Димитрия Саймса, «проблема в том, что США раньше говорили с позиций морального превосходства, а теперь это будет очень нелегко».

Российская дипломатия в период «перезагрузки» демонстрировала всемерную лояльность Белому Дому. И именно в этот период ее реальное влияние сократилось на Ближнем Востоке почти до нуля. В этом году Россия сменила тон и проявила стойкость перед давлением. Не только когда Москву принуждали выдать Сноудена, но и когда соблазняли оружейной сделкой с Эр-Риядом.

Моральная бездна, в которую обваливается Запад, позволяя России впервые за 20 лет говорить с позиции превосходства. Мало того — прямым текстом напоминать Западу о его разменянных ценностях. Что и делает Сергей Лавров, когда с трибуны, выходя за рамки дипломатического языка, называет худшим из двойных стандартов «использование лозунга прав человека для того, чтобы подорвать важнейшее из этих прав — право на жизнь». То есть — через головы магнатов и правительств — прямо апеллирует к первой заповеди Десятисловия.

И если даже парижские «розовые ястребы», не забывающие декларировать все наперечет антиценности неоглобализма, признают, что единого центра влияния в мире больше нет, значит, многополярный мир не является мифом, и начатое строительство российского полюса влияния — не только достойное, но и абсолютно необходимое дело. Поскольку мир действительно меняется. И наша собственная, внутрисоветская «консилиумная дискуссия» необходима и неизбежна. Такая дискуссия, в которой многие вещи, доселе подвер-

гавшиеся перезагрузочной лакировке, будут названы своими именами. И мне представляется совсем нелишним, если к этой дискуссии, ценностной и смысловой, будут привлечены, совершенно добровольно, публицисты из стран СНГ, владеющие русским языком лучше дикторов наших гостелеканалов. Потому что души миллионов завоевываются словом, а не счетами корпораций и диаграммами экономистов. А колониальный хлеб несладок.

30.08.2013

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ПРОГАДАТЬ

«Это было неожиданно — и все же неизбежно. Совбез ООН принял резолюцию по сирийскому химическому оружию, текст которой был заранее одобрен Ираном и Сирией. Из изгоев эти две страны превратились в политических игроков», — пишет обозреватель турецкой *Hurriyet* Нурай Мерт. «Это *переворот* в ближневосточной политике».

Игрок или жертва?

Новая роль Ирана засвидетельствована предоставлением слова президенту Хасану Рухани в первый день Генассамблеи ООН, личным звонком Барака Обамы, и наконец, еще месяц назад казавшимся невероятным согласием Запада на участие Ирана в «Женева-2».

Флирт Вашингтона с Тегераном истолковывается экспертами по-разному. Одна версия состоит в том, что Обама — это новый Рейган, только обученный теории хаоса, а Рухани — его доверчивая жертва, иранский Горбачев; сегодня раздавят его, а завтра Китай. Иначе видит мир сенатор Джим Инхоф: по его словам, Рейган вертится в могиле от унижения, до которого докатилась Америка. Это было сказано в связи со статьей Владимира Путина в *New York Times*: ну не позволил бы Рейган учить Америку в ее центральной газете! Но не менее унизителен в глазах мира второй за полгода дележ непечатанных долларов в Конгрессе, где никто из лоббистов не хочет прогадать, а разводящий руками Обама напоминает именно нашего последнего генсека на трибуне Верховного Совета СССР.

Да, теория хаоса — детище математиков, произвольно перенесенное в геополитику с легкой руки теоретиков военнокосмического сектора, занимала умы постиндустриальных стратегов; да, ее осваивали и технологи «арабской весны» — например, основатель порталов *UShahidi* и *IRevolution* Патрик Мейер. Но нельзя сказать, что эта теория легко и безопасно воплощалась в жизнь. Не потому, что хаос получался неуправляемый, а потому что, дробя страны-мишени, он дробил и ту самую элиту, которая взялась управлять.

Воплощение на практике любой внешнеполитической стратегии зависит от согласованности самих стратегов. Актер Рональд Рейган был гением надпартийной аранжировки. При нем был вначале учрежден Национальный фонд за демократию (NED), а потом уже под его эгидой — партийные институты-НПО внешнего профиля, IRI и NDI. Были на равных мобилизованы «фабрики мысли» при университетах с правой репутацией — например, Джорджтаун, и с левой — например, Гарвард и Йель. И в НПО, и в университетах ведущие позиции занимали постоянные члены Совета по международным отношениям (CFR), а деятельность оплачивалась фондами всех окресток.

Новейшие технологии управления массами вышли в зенит к 2007 году. Но этот же год был началом полномасштабного финансового кризиса, который не может не влиять на качество стратегий: он сужает горизонт планирования хотя бы по причине затрат. Во-вторых, борьба в мировых финансовых кругах сказывается в геополитике. В-третьих, та же постиндустриальная парадигма, которая создала кризис, породила Америке могучего соперника, получившего сначала индустриальные рабочие места, потом технологии, а потом и экономическое преимущество, вплоть до контроля над долгом США.

Нельзя сказать, что проекты сдерживания Китая не разрабатывались фабриками мысли обеих партий. В ноябре 2011 года президент CFR Ричард Хаас в программной статье в Project Syndicate писал, что Америке пора переносить центр тяжести внешней политики с Ближнего Востока на Дальний. Тогда же куратор «технологий освобождения» Ларри Даймонд перечислил ряд стран АСЕАН, подлежащих той же трансформации, что и страны Магриба. Но новая серия «революций 2.0» застряла в Бирме, а Бирмано-Китайский нефтепровод, вопреки расчетам «технологов», был построен. «Марш на Восток» захлебнулся год назад.

Насыщенный раствор обиды

В недавней статье в «НГ» Эль-Мюрид называет сентябрь 2012 года тем моментом, когда Барак Обама полностью сменил стратегию на Ближнем Востоке, а поводом послужила гибель посла в Ливии Криса Стивенса. Действительно, этот эпизод подпортил репутацию послу в ООН Сьюзен Райс, и госсекретарем стал Джон Керри. Действительно, при новом госсекретаре Турция, Катар и «Братья-Мусульмане» потеря-

ли влияние на Ближнем Востоке, зато стала усиливаться роль Ирана и Саудовской Аравии, несмотря на их соперничество. Будь Обама действительно вторым Рейганом, такое «переключение» было бы в самом деле расчетливо продуманной смелой инструмента, а «авансы» одновременно Эр-Рияду и Тегерану — средством их сраживания, чтобы земля горела, а недра не достались Китаю.

Но трудно представить себе, чтобы Рональд Рейган, решив сменить союзника в регионе, уничтожил результат труда целой плеяды научных, военных и пропагандистских учреждений. Ведь в Катаре форпостом служила не одна военно-морская база, а целый конгломерат «фабрик мысли» в Дохийском Городе Образования, где работали филиалы RAND Corp, Brookings, Джорджтауна, Северо-Западного университета. И здесь же базировалась «Аль-Джазира», которую Хиллари Клинтон публично ставила в пример американским СМИ.

Сейчас «Аль-Джазире» глушат, эмир Катара ушел со сцены, египетские «Братья-Мусульмане» приравнены к террористам, а в Тунисе и даже в Палестине их теснит новоявленный «Тамарруд». Но для того ли американский Институт Ближнего Востока (MEI) и Центр ближневосточной политики (MEPC) десятилетиями обхаживали арабских интеллектуалов и клириков? Для того ли разведчики подвергали себя опасности, Госдеп и USAID выделяли средства по спецпрограммам, а эксперты Сабановского центра Brookings, Центра изучения ислама и демократии (CSID) и Проекта ближневосточной демократии (POMED) строчили доклады о «вовлечении мэистримных партий» (прежде всего «Братьев-Мусульман») в политический процесс?

Перед Бараком Обамой в 2012 году стояла действительно очень сложная проблема. Но она возникла не в сентябре, а еще в январе — когда он получил неожиданно сильного соперника Митта Ромни. Слоновья поступь конкурента переломила напополам не NED и не Freedom House, а вышестоящую структуру — сам Совет по международным отношениям. Случилось так, что Митт Ромни предложил пост госсекретаря, в случае своей победы, не кому-нибудь, а Ричарду Хаасу. А его предшественник, почетный президент CFR Лесли Гелб, напротив, остался верен демократическому Белому Дому, при этом подсказывая Бараку Обаме, что ему следует опираться именно на Керри.

У каждой из сторон была своя логика, и никто не хотел прогадать. Республиканец Ричард Хаас, возглавивший CFR

при Буше, не принадлежал к ястребам-неоконсерваторам, но как и они, считал опорами США на Ближнем Востоке Израиль и Турцию. У Митта Ромни были универсальные связи с израильскими элитами: один из его спонсоров, Шелдон Адельсон, также был покровителем правой и партии «Ликуд», а директор его фирмы Bain Capital Орит Гадиш, напротив, была близка к израильским левым и входила в состав международного совета Фонда Переса за мир.

В свою очередь, Лесли Гелб входил в консультативный совет National Security Network (NSN). Этот экспертный центр основал советник Керри Рэнд Бирс, а спонсировал этнический иранец Хасан Немази, донор сенатских кампаний Керри и Байдена. Но сила «команды Керри» была не только в этом. К 2012 году в иранской диаспоре в США большинство составляли сторонники мира с Тегераном и исключения Ирана из разряда стран-изгоев. Это было активное молодое поколение диаспоры, равнодушное к свергнутому шаху и голосующее за Демпартию США. Оно организационно усилилось после преобразования Национального американо-иранского совета (NIAC), который возглавил Трита Парси, близко знакомый с тогдашним послом Ирана в ООН Джавадом Зарифом. Это лобби включало IT-бизнесменов, имело свои фонды — PARSA Community Foundation и HAND Foundation — и составляло серьезный электоральный ресурс Демпартии.

У Барака Обамы в 2012 году было две перспективы — проиграть или сделать ставку на команду Байдена-Керри. О том, что он избрал второй путь, сигнализировали кадровые перемены еще до ливийского эпизода: так, в июле 2012 года с должности спецпредставителя в Афганистане ушел Марк Гроссман, вместе со своим патроном Уильямом Коэном входивший в турецкое лобби. Тогда же перешел на работу в ООН помощник госсекретаря по Ближнему Востоку Джеффри Фелтман. Затем, уже не по доброй воле, хлопнул дверью ославленный директор ЦРУ Дэвид Петреус.

Бывают перестановки, оставляющие «обиженными» отдельных персон, которым нетрудно подобрать синекюры. В данном случае в обиде оказался целая плеяда профильных фабрик мысли, по давней традиции одновременно протурецких и произраильских. Вместе с поставщиками вооружений Анкаре и Иерусалиму под предлогом иранской опасности, а также разработчикам ПРО в Европе под тем же предлогом. В отличие от иранской диаспоры, их устраивала в Иране либо диктатура, либо полный хаос.

Однако в Израиле побеждает Рухани — и никакого хаоса. А в Турции начатый IT-технологами хаос льет воду на мельницу не кемалистов, а курдов. Неудивительно, что

желающих исправить стратегию прибавляется, а лозунг этого исправления — «восстановление суннитской оси». Военный удар по Сирии гарантировал срыв сближения Вашингтона с Тегераном, успокоение израильских правых и коммерческий выигрыш для ВПК США. А также Франции, так как именно парижский МИД на пару с саудовским принцем Бандаром имели в кармане козырь — амбициозного бригадного генерала Манафа Тласса. Казалось, что можно одной серией авиаударов при поддержке флота угодить и Анкаре, и израильскому «Ликуду», и тому же Керри, благо франко-саудовский альянс против Катара ориентировался именно на его команду.

Когда Пентагон и Госдеп затянулись в «партию войны», уже ставился крест на «Женеве-2», а саммит G20 должен был стать унижением Москвы. Следом щелчок по носу должен был получить Китай посредством хаоса у его границ. Поскольку как раз в канун саммита ШОС Киргизия должна была обрушиться в очередную революцию, которую изобретательно готовили те лица, которые окончательно потеряли контроль над аэропортом «Манас». Здесь тоже был расчет убить двух зайцев — сорвать и встречу Си Цзиньпина, Путина и Рухани, и претензии Китая на «Манас».

Неубитые зайцы

Когда последний генсек СССР давал согласие на ввод войск в Тбилиси и Баку и на подавление беспорядков в Казахстане и Литве, американские «ястребы» порицали Рейгана и Буша-старшего за потворствование советской империи, которая, дескать, извлекает из «нового мышления» геополитические преимущества. И это ворчание экспертов, наостригшихся зарабатывать на алармизме, ублаживало советских начетчиков в ЦК и в армии. А в это время у них за спиной не только интеллигенция, но и генералы занимались «ничем личным, кроме бизнеса» в интересах вашингтонского обкома.

Когда в ответ на избрание в Пакистане нежелательного премьера Наваза Шарифа был спровоцирован очередной конфликт в Кашмире, начетчики в Пентагоне рассчитывали надавить на Исламабад, втянувшийся в китайскую орбиту. Но в итоге Пакистан отказался от переговоров с Индией по туркмено-афганскому газопроводу (ТАПИ) и тут же принял делегацию Китая, утвердив план продолжения строительства кон-

курирующей ирано-пакистанской трубы («Мир») в Китай по коридору Гвадар-Кашгар. И лояльные Америке пакистанские военные не возражали. Ничего личного, кроме бизнеса.

Когда заместитель генсека ООН Джеффри Фелтман и омарский султан Кабус в один день, 26 августа, направились в Тегеран, начетчики сказали Обаме и прессе, будто эти «вашингтонские парламентареры» умяслят иранцев согласиться на авиаудар по Сирии. На самом деле Фелтман привез мирный месседж от Пан Гимуна, а султан Кабус договорился о поставках нефти и одновременно — о строительстве инфраструктурного коридора Иран-Пакистан-Узбекистан. То есть продолжение давно задуманного Пекином коридора Северный Китай-Киргизия-Узбекистан. Ничего личного, кроме бизнеса.

Начетчики внушали Белому Дому, что у них все схвачено в Париже, Лондоне и Иерусалиме, а также в ЛАГ. Это было неправдой. В Париже проект Бандара-Фабиуса был встречен в штыки и крайне левыми, и крайне правыми, и партией Саркози, имеющего дела с Катаром. В Лондоне план встретили прохладно, и неудивительно: семья Тлассов традиционно лоббировала интересы французского ВПК в пику британскому. Еще сложнее было с ЛАГ, поскольку арабские страны сразу же почуяли неоконсервативный дух в военной авантюре и догадались, что под ее сурдинку будет опять отложено до неизвестного времени решение палестинской проблемы. 26 августа Манаф Тласс встречался с израильским генералитетом в Аммане, а в это время израильский спецназ устроил стрельбу в лагере Каландия с явной целью срыва переговоров по Палестине. Но и в самом Израиле истэблишмент раскололся по вопросу Сирии не на две, а на три группы — за свержение Асада, за сохранение Асада и за долгое взаимное истребление сирийцев.

«Тройка» из амбициозной Сьюзен Райс, директора ЦРУ Джона Бреннана (саудовского лоббиста) и главы аппарата Денниса Макдоноу («ликудовского» лоббиста) обхаживала Обаму попеременно с республиканским «ястребом» Маккейном. Все они настаивали на военном ударе не только по Асаду, но и по внутренней сирийской партии «войны без конца», или «партии анархии» — то есть по группировкам, ассоциирующимся с «Аль-Каидой». И им это было известно. По сети «Джебхат ан-Нусры» прошло предупреждение затаиться: дескать, «две ракеты будут бить по Асаду, а третья — по нам».

«Партия анархии» была шире. Если радикальных суннитов насторожили американские переговоры с израильяна-

ми и иорданцами, то сирийских курдов насторожила бодрая поддержка «партии войны» со стороны турецкого МИД. Курды воевали с радикальными суннитами за будущий Курдистан, а не за усиление турецкого государства и укрепление его границ — тем более что наравне с «Джебхатом» извлекали прибыль из контрабанды.

Слабую Турцию, вынужденную торговаться на чужих условиях, предпочитали и в Израиле. Премьер Нетаниягу давно выскочил бы в первый ряд «партии войны» в Сирии, если бы в Анкаре вдруг воцарились кемалисты, в Париже — голлисты, а в Вашингтоне — Ромни, Маккейн или Ньют Гингрич. Но ждать, пока такое случится, ни в парижском МИД, ни в саудовской внешней разведке, ни в американских лоббистских кругах не хотели.

Во-первых, для любой американской войны святое дело — тайминг. Лучшего дня, чем 11 сентября, было не придумать.

Во-вторых, со сдерживанием Китая нужно было спешить еще вчера, а завтра могло быть поздно.

Но оказалось, что поздно уже сегодня. 2 сентября разоблаченный план «нарынской революции» был протранслирован киргизским телевидением, после чего Бараку Обаме снова захотелось поговорить с Владимиром Путиным. 8 сентября засуетившийся Американо-израильский комитет по общественным связям (AIPAC) засвидетельствовал наконец поддержку удара по Сирии со стороны Израиля. Но на следующий день «Джебхат ан-Нусра» захватила христианский город Мааллула.

К тому моменту, как «партия анархии» подыграла «партии мира», Джону Керри уже выставили ультиматум главы МИД ЛАГ, а премьер Иордании заявил об отказе предоставить территорию для боевых действий. После беседы с Махмудом Аббасом 9 сентября Керри вернулся в «партию мира», послав сигнал в Москву. 10 сентября Haaretz в редакционной статье заявила, что AIPAC «не имеет права выступать от имени израильтян». 11 сентября Джимми Картер высказался за «Женеу-2» с участием Ирана.

В «партии мира» сошлись атеисты-пацифисты и Папа Римский, рокфеллеровские IT-революционеры и ротшильдовские лорды, сирийские «Братья-Мусульмане» и военное руководство Египта. Лоран Фабиус отправился в Китай, за ним — иорданский король Абдалла. Король заявил в Поднебесной 15 сентября, что в его стране нет разногласий между светской монархией и «Братьями-мусульманами» — словно рапортовал в мировой обком, но уже не вашингтонский.

Стех пор как делегаты Парижской конференции 1919 года решили создать Американский и Британский Институты международных отношений, эти два центра, «Чэтем-хаус» и CFR, служили осью стратегического целеполагания в англосаксонском мире. Что же мы видим сегодня? 29 августа глава «Чэтем-Хаус» Робин Ниблетт проливает слезы по голосованию в Палате общин, не поддержавшему войну, а уже через день Ричард Хаас намекает Обаме, что Конгресс тоже скажет «нет». 11 сентября New York Times, трибуна CFR, предоставляет слово Путину, а британская Telegraph поражается сходству между его аргументами и проповедью папы Франциска.

Англосаксы слишком долго интриговали друг против друга за последние 20 лет, особенно в дележе советской зоны влияния. Чаще всего клановая грызня вылезала наружу на перекрестках трансконтинентальных трасс — на Балканах и в Грузии, в Таиланде и в Ферганской долине. В Киргизии одни англосаксы работали с Соросом и Каримом Ага Ханом, другие — с итальянской ндрангетой и местными друзьями Бориса Березовского.

Когда-нибудь ось должна была сломаться. Возможно, это произошло именно 2 сентября, когда раскаявшийся участник «нарынской революции» сдал с потрохами ее план. Из его исповеди следовало, что «партия войны» вознамерилась здесь не только напасть на китайско-российской «партии мира», но и местной «партии анархии», то есть сети Ага Хана. А в качестве инструмента решила воспользоваться карманным движением «Хизб ут-Тахрир», которое при Буше-младшем «мутило» уйгуров в Синьцзяне.

Никто не хотел прогадать, и каждый хотел всего или ничего. Победил Пекин с щедрым пакетом инвестиций в Киргизию. Бишкекская декларация поставила точку, став черновиком новой резолюции СБ ООН по Сирии.

В Россию друг за другом прилетели глава МИД Египта, премьер Ливии и премьер ОАЭ — и все с экономическими предложениями. Катар предложил свои услуги Белоруссии, Тунис вступил в диалог с Ираном. В «партии мира» оказался Алжир, президент которого недавно лечился в Париже. Это значит, что Франсуа Олланд проиграл Магриб. Теперь оскандалившийся мультикультуралист-авантюрист стремительно линяет в миротворца.

Премьеру Израиля, после теплого приема Рухани в Нью-Йорке, оставалась одна лишь дорога вправо до конца — и в

тупик. Возможно, Нетаниягу рассчитывал поставить жирную точку на Генассамблее, но явился к шапочному разбору. На пресс-конференции с Обамой вопросы звучали не про Иран, а про госдолг: Америке было не до его проблем. А речь Нетаниягу New York Times истолковала единодушно с МИД Ирана: подстрекательство, **как всегда**. В это время в Израиле левые и центристы уже деловито распределяли места в будущей коалиции без «Ликуда». Если израильская «партия мира» прагматично выстроит отношения с Иорданией, Египтом и Кипром, то Израиль, теряя исключительный статус, получит роль региональной державы, сопоставимый с Малайзией или Мексикой. Характерно, что к «партии мира» осторожно склонился ликудовец Юваль Штайниц, лоббировавший контракт с Китаем по высокоскоростной железной дороге.

Адаптируется к новым условиям и Турция. 26 сентября премьер Эрдоган заявил, что его Военно-промышленный комитет предпочитает закупить систему ПРО не у американского Raytheon, а у китайской Экспортно-импортной корпорации точного машиностроения, хотя она и находится под международными санкциями.

На Валдайском клубе прозвучал тезис о «треугольнике» Вашингтон-Пекин-Москва. На Генассамблее героем дня был уже не Путин, а Рухани. Белый Дом очень не хочет видеть его в объятиях Китая — и поэтому Иран, как и Россия, сегодня может ставить условия и добиваться расширения сферы влияния. По оценке Нурая Мерта, в Иране «стабильная структура власти, в отличие от шатких союзников США». Напрашивается, по этому критерию, еще один фаворит нового времени — Германия, которому «химический» заговор против Асада очень помог политически консолидироваться. «Ангела Меркель — не европеистка, — пишет турецкий аналитик Айхан Кайя, — она намерена укрепить Германию за счет ЕС».

Комплименты Путину и Рухани на Западе не более искренни, чем хвала Меркель в Telegraph. Однако вполне искренне вынужденное согласие стратегов-реалистов на возникновение в мире третьего полюса, без которого равновесие неудержимо сползает на Восток. «Чимерики» больше нет: идеал Киссинджера, вступившего в «партию войны», провален исполнителями; торговый союз США-ЕС также явно не клеится. И столь же искренен плач европейских лимитрофов, которые в новой геометрии нужны не больше, чем Свободная Сирийская армия. От их имени и исполнял «плач Ярославны» Михаил Саакашвили — как ему не плакать, когда на портале «Эхо

Кавказа» (филиал радио «Свобода») проповедуется вступление Грузии в Таможенный союз?

Между тем в Пекине 21 сентября была поставлена последняя точка во внутреннем конфликте, на котором хотели сыграть западные стратеги. Прагматики, победившие романтиков Цзян Цзэмина-Бо Силая, слывут националистами, но на самом деле являются беспримерными экспансионистами. Их поле игры — весь мир, их потенциал — деньги, товары и рабочая сила, их клиент — планетарный потребитель, их цель — замена мировой «американской мечты» мировой «китайской мечтой». Идеологию, на которой строился новый Китай, они отводят на задний план, и это может потом обернуться очень опасной для страны и ее соседей стороной медали. Но это будет потом. А сегодня Рональд Рейган — это добившийся единства своей элиты председатель КНР Си Цзинпин.

Октябрь 2013

МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ

Звездопад на фоне иерархии

Есть такая тенденция в отечественной мейнстримной прессе: когда подводятся итоги года, внимание уделяется только самым последним событиям. Так, например, в 2010 году к числу главных событий года обозреватели хором отнесли «кущевское дело» и «Манежку», на фоне которых побледнел химкинский скандал и смена власти в Москве. В рейтинг 2011 года попали, соответственно, отставка Кудрина и «судьбоносный» митинг на Болотной, а ротация в Совете Федерации, образование ОНФ и фиаско Ярославского форума осталось втуне. Сегодня Бирюлево и Евромайдан уходят на второй план перед помилованием Ходорковского и Толоконниковой и перипетиями вокруг него, как-то очередной эпатаж Минкина и расплата за него главреда «МК» Павла Гусева.

Короткая память — свойство не только отечественного, но и западного медиа-истэблишмента, весьма характерное для клипового сознания. Существование «здесь и сейчас», присущее третьей, кризисной фазе постиндустриального общества («фазе социальных сетей») угнетает не только долговременную память, но и способность к усвоению собственного и чужого опыта. Клиповое сознание, в котором события вспыхивают и гаснут без всякой связи между собой, не predisположено к восприятию тенденций, а что такое исторический процесс, ему просто абсолютно неизвестно. Поэтому какова оценка событий, таковы и мейнстримные прогнозы, регулярно попадающие «в молоко».

Помилованный Ходорковский воспел масс-медиа за его внимание к текущему правозащитному моменту: чтобы без него делали безвинно, по его представлению, осужденные? Между тем политической фигурой экс-глава ЮКОС не может стать именно потому, что фокус СМИ давно переключился с него на новых героев и псевдогероев, страдальцев и псевдо-страдальцев, между которыми в сетевой подаче очень мало разницы.

Но и псевдогерои держатся недолго: оторванного пальца Олега Кашина хватило на несколько месяцев, и диссидентскую карьеру ему пришлось продолжать уже на портале «Спутник и

погром». Сейчас полузабытую звезду экологических баталий искренне уязвляет тот факт, что первое интервью у Ходорковского взяла Ксения Собчак, причем походя, между интервью с любовницей экс-министра обороны и той же Толоконниковой. То есть получилось, что Ксения Анатольевна — журналист номер один, а Ходорковский — один из многих, а вовсе не заключенный номер один. В этом обидном парадоксе Кашин усматривает «разрушение иерархий» и завидует украинцам, ибо у нас, в отличие от них, «любой титул, любой статус в России почему-то не может быть общепризнанным».

Зависть Кашина понятна: его самого готовили на статус русского Гонимого — хотя в мягком варианте, без обезглавливания. Ксению Анатольевну никто по голове даже понарошку молотком не стучал — ну разве что ожерелья от Лейбмана из дома вынесли. И вот тебе несправедливость: ей дают интервьюировать (самого!) Ходорковского, и тот согласен говорить с ней, а не с Кашиным и даже не с (самим!) Познером. И Кашин догадывается, хотя вслух не признается, что Ходорковский от общения с Ксюшей неизбежно дегероизируется, ибо опопшляется. И Кашин сетует, хотя вслух не признается, именно на то, что дискурс управляем (или, как сказал на днях Константин Костин, «формирование информационной повестки перешло к власти»). В самом деле, за пять дней до Нового года Путин объявляет о завершении строительства подлодки «Александр Невский» и нового поколения ракет шахтного базирования — и Сергей Шойгу, которого уже успели высмеять за резиновые танки, у либеральной аудитории РБК в момент пробивается в политики года. И у «Левада-центра» министр обороны попал в первую пятерку вместе с Путиным, Ходорковским, Сноуденом и так и не потерявшим кресло премьером Дмитрием Медведевым.

Если относительно юный Кашин просто сетует, то у других фигур с претензией на статус властителей умов наблюдается феномен, схожий с коротким замыканием. Божену Рынску и Ольгу Романову в этом году «закоротило» от того факта, что умы, над которыми они рассчитывали властвовать, не хотят им внимать — вопреки хорovým прогнозам конца 2011 года о судьбоносности Болотной и перспективности консультативного совета оппозиции. Вину они возложили не на экспертов, местных и иностранных, а само народное большинство. Не то что бы эти дамы взаправду ходили в народ, подобно дворянке Софье Перовской, переоблачаясь в крестьянское платье. Однако даже годы, проведенные в кулуарном коллекционировании сплетен и их последующем веб-распро-

странении, с достижением определенного возрастного этапа кажутся бесцельно прожитыми, и это можно понять.

Удовлетворятся ли избалованные нашего авторитаризма в грядущем году? Их проблема в том, что Олимпиада в Сочи, в которую упирается проектное мышление оппозиции, приходится на начало года. Поэтому, чтобы запомниться публике до следующего декабря, потребуются недюжинные экспромты. Но чтобы повторить доблести украинки Татьяны Черновил, провисевшей несколько часов на карнизе киевской мэрии, требуется по меньшей мере физическая подготовка.

Vox populi отзывается на кашинское брюзжание вольной игрой воображения: «Прикольный вышел бы порноквартир: Миха, Ксюня, Толокно и отморозенная курица! (с форума «Свободной прессы»). И никакого пиетета к властителям умов. Как и отклика на зависть Кашина к украинцам.

Может быть, эту иронию и следует считать итогом года на уровне общественного сознания. В его глубинах зреет недовольство: подсчеты «Левада-центра», согласно которым у 27 процентов россиян снизилась покупательская способность, не взяты с потолка. Но тот же центр не выявляет никаких интенций масс к сокрушению авторитаризма. То ли у этих масс не удалось воспитать аллергию на слово «Олимпиада», то ли сограждане насмотрелись по телевизору на Евромайдан, его беспомощных героев и их дружно понаехавших в Киев опекунов и кураторов.

Дым на развалинах Детройта

«Феномен замыкания», возникающий у либеральных дам, отражает отнюдь не только внутреннюю реальность. Несмотря на пропагандистское усердие частного телеканала РБК-ТВ, имидж Запада и в особенности США, как законодателя политических и экономических мод, поступательно закатывается. Картинки обанкротившегося города Детройт и палаток, где обитают бездомные калифорнийцы, не были бы столь убедительны, если бы на их фоне Китайская Народная Республика не запускала собственный луноход, не начинала добычи гидрата метана раньше всех в мире и не предлагала помощь российскому крейсеру: вдруг оказалось, что Китай успешно копирует не только самолеты, но и ледоколы.

Вячеслав Иноземцев и Екатерина Кузнецова на страницах The American Interest, ломая голову над тем, как разочаровать российский истеблишмент в азиатской модели, уповают — поскольку больше не на кого — на США и даже подсказывают Вашингтону, что делать: «Американские лидеры

должны постараться изменить «азиатское» направление России на «тихоокеанское» — иначе говоря, на приверженность совместной дружбе «Севера» с успешным, но «деструктивным» китайским Югом. При этом в Север включается Япония, и по этому поводу авторы предлагают вернуть ей Курильские острова. Поскольку потому, что интересы Америки (плюс Японии) «требуют использовать силу России для того, чтобы в какой-то мере контролировать быстро крепнущий Китай».

Предлагаемая жертва Курилами вместе с ролью цепной собаки Вашингтона на Дальнем Востоке, по Иноземцеву и Кузнецовой, окупит себя: «деньги и управленческие активы, а также часть человеческого капитала для серьезного развития региона должны прийти со стороны. И вот здесь свою роль могут сыграть Соединенные Штаты и их союзники по АТР». И если правительству РФ «удастся завлечь американских и прочих инвесторов на российский Дальний Восток, Тихий океан может превратиться в новый полюс экономического и политического притяжения».

Вера академика Иноземцева в благие намерения американцев реиндустриализировать Россию была бы убедительна, если бы США неуклонно реиндустриализировали собственную страну и в особенности свое тихоокеанское побережье. Но на практике одним из рекордсменов по безработице в последние годы стала Калифорния. При том, что создание рабочих мест публично провозглашается приоритетом ФРС.

Если говорить о каких-либо новых трендах в экономике Калифорнии, то единственным новым стимулом является для этого штата легализация марихуаны. Нельзя сказать, что наркоэкономика не создает рабочих мест: ее сектор сбыта требует соответствующей инфраструктуры, для чего больше всего приспособлен город Лас-Вегас. И если владелец развлекательной инфраструктуры в этом городе Шелдон Адельсон демонстрирует в этом году более серьезный прирост состояния, чем даже Марк Цукерберг, то мы можем по меньшей мере заподозрить, что тихоокеанская реиндустриализация на Западном побережье имеет-таки перспективы. Другой вопрос, нужна ли нашему Дальнему Востоку реиндустриализация подобного рода. Если бы наркотики генерировали благоприятную социально-демографическую динамику, в это можно было бы поверить. Но увы, в этом плане эффект этой отрасли как раз ровно противоположен.

В том самом 2011 году, когда по странам Магриба прокатилась «арабская весна» со всеми известными последствиями, наркоэкономика окончательно избавилась от комплек-

сов: организация под названием «Международная комиссия по наркотической политике» (GCDP) обратилась к руководству ООН официальной петицией о легализации марихуаны и об отмене ответственности за хранение любых наркотиков, если оно не угрожает другим лицам. Петицию одобрила президент Международной кризисной группы (ICG) Луиза Арбур и даже вступила в GCDP. Петицию одобрил Джимми Картер, ныне глава международной группы The Elders (Старейшины), пересекающейся с GCDP не только по составу, но и по спонсорству. Общий спонсор Ричард Брэнсон в нашей стране частый и любезно принимаемый гость, несмотря на то, что компетентные структуры ответили на вышеназванную петицию праведным гневом.

Текущий 2013 год стал годом победного марша легализации по Соединенным Штатам. Американцы сделаны из того же теста, что и мы — в этом отношении с академиком Иноземцевым трудно не согласиться, — и демография от этого марша и у них тоже не выиграет. Другой вопрос, нужен ли демографический прогресс доминирующим кругам американского истеблишмента. Судя по меньшей мере по portalу главной агитационно-пропагандистской структуры Демпартии — Совета за американский прогресс (CAP), — слово «прогресс» в этих кругах понимается в новой, сугубо постиндустриальной интерпретации. Прогресс в этом понимании ассоциируется с апологетикой абортов (псевдоним — «право на выбор») и однополых браков, а также с противодействием «мракобесию», которое стоит на пути этого мальтузианского «светлого пути».

Идейный бунт перебежчика

Что касается постиндустриальной парадигмы как таковой, то она даже по своему названию никакого отношения к реиндустриализации не имела. Она, напротив, имела отношение к теории «пределов роста», в соответствии с которой к 2072 году на Земле якобы исчерпаются природные ресурсы.

Когда был написан одноименный доклад Римского клуба, о гидрате метана как источнике энергии науке еще не было известно, и даже ныне «трендовый» сланцевый газ не был толком разведан. Но удивительным образом в истеблишменте США как раз в 2013 году воцарились две мысли в одной голове. Одна персонифицируется главой Научно-технологического совета при Белом Доме Джоном Холдреном, соавтором Пола Эрлиха («Бомба перенаселения»). Это «полушарие» прямым текстом отстаивает нулевой экономический рост (zero growth), а на практике лоббирует неэффективную энергетику

(псевдоним — «возобновляемая энергетика»). Поясню: с точки зрения экологии как науки любая гидроэнергетика относится к возобновляемым источникам, но с точки зрения экологизма (environmentalism) крупные ГЭС пагубны, так как нарушают биоценоз придонного ила, а жизнь дождевого червяка приоритетнее человеческой жизни, потому что червяк заведомо не виноват в глобальном потеплении, а человек виноват.

До этого года такая позиция держала монополию, благо считалось, что Китаю удастся внушить переход на ВИЭ (внушали еще в канун Тяньаньмэня, когда на свет появился алармистский бестселлер «Янцзы! Янцзы!», заклинавший отказаться от ГЭС «Три ущелья»). Однако не удалось — и получилось, что мальтузианство в варианте Холдрена вступает в противоречие с идеей американского превосходства. Поэтому из MIT на пост главы Департамента энергетики был приглашен специалист по сланцевому газу Эдвард Монис. Его усилиями США в текущем году обогнали Россию по объемам добычи газа. Эта добыча не фиктивна, а реально вредит окружающей среде, но полушария между собой благополучно сосуществуют в режиме непрерывного спора.

Всего-то назад экологи и «сланцевисты» были буквально по разные стороны баррикад, когда Occupy Wall Street клеймила «жирными котами» не столько банкиров, сколько лоббистов нефтепровода Keystone XL и заодно спонсоров сразу нескольких претендентов на Белый Дом от Республиканской партии. Но результат деятельности обеих полушарий на самом деле эквивалентен (единообразен) — хотя бы потому, что переход на электронный документооборот, внедренный ради сохранения драгоценных лесов, засоряет мир огромным количеством электронного мусора. Даже на портале Rockefeller Foundation признается, что в современной Африке больше мобильных телефонов, чем туалетов, а по объему электронного мусора этот континент лидирует, ибо рециклинг здесь никто не развивал — в отличие от индустрии развлечений.

В 1986-м, когда одновременно стартовала советская и китайская перестройки, информационная революция, которой дал добро будущий вице-президент Эл Гор, он же гуру глобального потепления, эти издержки казались пренебрежимыми. Поскольку оправдывались сломом железного занавеса — то есть вполне были созвучны идее американского превосходства. В 2003 году президент NED Карл Гершман изрек: «Арабские страны должны пройти по пути СССР». Сказано — сделано: четыре года спустя замгоссекретаря Джеймс Гласс-

ман декларировал прямым текстом, что: а) в мире идет война идей, б) частный бизнес разработал технологии Facebook и Google, в) эти технологии нужно соединить с миллионами людей. Молодых людей, желающих «бороться с насилием» в своих государствах.

В Национальной стратегии публичной дипломатии и стратегических коммуникаций, которую презентовал Глассман, было прямым текстом записано, что ее исполнителями являются Госдеп, USAID, военное и разведывательное сообщество. Первым венчурным инвестором Facebook был офицер ЦРУ Питер Тиль, а Эрик Шмидт и Терри Виноград, работавшие над Google и ее геопространственной дочерней фирмой GoogleMaps, вышли из легендарной военной лаборатории PARC. Однако мировой пропагандистский мейнстрим рисовал портреты «самих себя сделавших» юношей в джинсах, гениев-недоучек, чисто случайно оказавшихся в нужное время в нужном месте. А слово «прозрачность» стало таким же культовым, квазирелигиозным термином, как «защита дикой природы». В консультативном совете Transparency International соседствуют гендиректор Greenpeace, президент Фонда Карнеги за международный мир и культовая феминистка, поджигательница революции в Йемене Тавакуль Карман. И это естественно, поскольку экологизм, прозрачность и так называемая дерадикализация религий (то есть лишение их корней) были триединой задачей постиндустриального передела третьего порядка.

Рушились светские правительства, и это на голубом глазу оправдывалось ликвидацией диктатур, хотя хаос уносил на порядок больше жертв, чем диктатуры. Ширился поток беженцев в Европу, и это объяснялось климатической миграцией — в этом году вышел специальный доклад «Арабская весна и климатическая миграция», разработанный Henry Stimson Center и Center for American Progress. Капиталы, изъятые у избалованных светских властителей, конфисковывались и не возвращались народам, и этому тоже находилось удобное объяснение: вот когда передуете голыми руками откуда-то взявшуюся «Аль-Каиду» — вот тогда и вернем. А гении-недоучки в джинсах становились миллиардерами, и мировой медиа-мейнстрим продолжал лепить из них гуру. И лепил до тех пор, пока секрет полишинели не раскрыл в этом году человек по имени Эдвард Сноуден.

Разоблачение постоянного партнерства IT-монополистов с АНБ США было не просто очередной сенсацией. Во-первых, Сноуден снял зеленые очки с IT-шного «изумрудного города»:

его гуру оказались самыми обыкновенными топ-менеджерами, такими же партнерами сыщиков, как любые корпоративные боссы, а свобода информации — фиговым листком мировой слежки. С этого момента магический ореол спадает с IT-сообщества, независимо от его прибылей. Во-вторых, беглый разведчик перед всем миром выступил в интересах права большинства, а не меньшинств, причем с безупречной ссылкой на американскую же конституцию. Уже хотя бы по этой причине он никак не вписывается в международный стереотип правозащитника — ибо еще в 1948 году в уставе Международного гуманистического и этического союза атеист Джулиан Хаксли записал: права человека — это прежде всего права меньшинств.

В-третьих, публикаторы Сноудена, люди из мейнстримного медиа-истэблишмента, подгадали время к исторической (как писалось не только в газетах, но и в специальных пропагандистских трудах) двухдневной встрече Барака Обамы и Си Цзиньпина в Калифорнии. А накануне Барак Обама дал добро китайскому проекту строительства трансамериканского канала в Никарагуа — альтернативы Панамскому каналу и его операторам, тоже китайским. И в тот же день, когда вышла первая публикация, в Лондоне открывалось заседание Бильдербергского клуба, где китайцев не было, зато были весьма влиятельные представители турецкого лобби в США. Брюс Файн, адвокат Сноудена, прибывший в Россию вместе с его отцом, принадлежит к юридическому аппарату турецкого лобби.

Выводы из этого наслоения странных совпадений делались самые разные, но для любого аналитика и даже просто любого человека с доперестроечным образованием (и, соответственно, не клиповым мышлением) очевидно, что американский истэблишмент не един, что в нем, по ту сторону поверхностных партийных баталий, происходит расщепление на кланы, между которыми началась внутренняя война без сантиментов. Самым наглядным свидетельством этой войны — во всяком случае, для тех, кто изучал подготовку «арабской весны» и роль Катара в этой подготовке — было падение Мохаммеда Мурси, человека на 100 процентов прирученного, работавшего в 1990-х не просто в США, а в экспериментальных программах NASA. А следом за этим падением — взрыв народного возмущения в Стамбуле, приумноженный хэштегом «Гези», против спиливания двух деревьев в городском парке, а заодно против диктатуры одной партии, неоосманизма и исламского мракобесия.

Нельзя не признать, что «борьба с мракобесием» достигла в 2013 году феноменального результата — первого в истории отречения Папы Римского под влиянием светского давления (а не каких-либо иных обстоятельств). Поскольку это случилось в начале года, можно практически гарантировать, что ни один из отечественных мейнстримных ресурсов это событие не включит в рейтинг. Хотя оно достойно внимания. Поскольку, во-первых, это событие совпало с политическим кризисом в Италии, который предводитель интернет-партии «Пять звезд», профессиональный массовик-затейник Бeppe Гpильо назвал не иначе, как «конец Второй республики». Во-вторых, этого Гpильо обслуживал тот же политехнолог, он же IT-специалист, что в 1992 году обслуживал героя операции «Чистые руки» Антонио ди Пьетро. В-третьих, травля Святого Престола на антикоррупционную тему была прелюдией к еще одному громкому событию года — кипрской конфискации.

Остракизм Ватикана осуществлялся много лет, и по своему масштабу не шел ни в какое сравнение с серией нападок на Русскую Православную церковь. Залпы были из тысячи орудий — от самостоятельных организаций в защиту действительно или мнимо сексуально обиженных детей до сообществ бывших католиков, от криминальной журналистики до группы Femem, обозначившей свою кампанию тэгом «крестоповал».

Это не значит, что католики были мишенью номер один: они шли следом за мусульманами и за так называемыми ультраортодоксальными (правильно — «богобоязненными») иудеями. Русскую цивилизацию — как и в середине XIX века, и в канун Первой мировой войны — оставили на потом, на закуску, и пляски Pussy Riot были только первым камушком, брошенным в воду, чтобы посмотреть, как разбегутся круги.

Мадам Толоконникова в интервью Владу Тупикину говорила вполне откровенно, что вдохновлена опытом египетской феминистки Асмы Махфуз. Это та самая девушка с пухлыми губками, которая талантливо, с применением гипнотических уловок, подстрекала мусульман в Египте к самосожжениям. В начале 2013 года этот опыт был воспроизведен на православных. Именно с самосожжения человека по имени Пламен Горанов началась так называемая электрическая революция в Болгарии. Но там произошла осечка: любознательному журналисту удалось заснять подстрекателя, который «обрабатывал» выбранного (заведомо психологически неустойчивого) самоубийцу. На отечественных телеканалах эти события

прошли через запятую и скороговоркой, утонув среди рекламы новых достижений IT-индустрии.

На Украине обошлось без самосожжений, хотя подготовка протестного потенциала началась в марте 2012 года. Обошлось только потому, что по ходу дела произошла вынужденная корректировка сценария. Кульминация планировалась на весну 2014 года, когда, по первоначальному сценарию, Украина должна была прийти до социально-экономической кондиции в результате блокады со стороны России в ответ на подписание Виктором Януковичем Соглашения об ассоциации (вот тогда и должно было запахнуть жареным человеческим мясом).

Считалось само собой разумеющимся, что Виктор Янукович этот документ подпишет. До ноябрьской конференции «Восточного партнерства» агитационные материалы (не за Европу, а против «донецких») передавались намеренно в обход социальных сетей — активистам разъяснялось, что социальные сети контролируются Службой безопасности Украины. И только когда Янукович заартачился, а именно 21 ноября, в игру вступили Twitter (хэштег #евромайдан) и социальная сеть «ВКонтакте».

Одновременно с суррогатной украинской революцией N2 готовилась киргизская N3, она же нарынская революция, о которой наша телеаудитория вообще не узнала ровно ничего. Общая черта с Украиной состояла в том, что в обоих случаях использовался ресурс модернизированной сети «Хизб ут-Тахрир». Вторая общая черта состояла — как и во всех суррогатных революциях новейшего времени — в апелляции к мировому сообществу с призывом конфисковать капиталы коррупционеров (Евромайдан успел выпустить резолюцию со списком конфискантов). Третья общая черта в обоих проектах состояла в факторе Китая. Нарынская революция была предназначена для того, чтобы не допустить получения Пекином контроля над аэропортом «Манас», а кроме того — сорвать саммит ШОС в Бишкеке. Пик мобилизации Евромайдана был приурочен к запланированному визиту Януковича в Пекин.

Сорвалось все в обеих точках в силу его величества господина Случая. У одного из киргизских исполнителей возникли «эстетические разногласия» со сценарием загрязнения реки, которое предполагалось списать на владельцев золотого прииска, чтобы начать отсюда наступление возмущенных (и предварительно экологически подготовленных) масс на Бишкек, и он сдал организаторов с потрохами. В свою очередь, в Киеве посетители тренинга на территории украинского посольства не удержались и рассказали депутату Олегу Цареву некото-

рые важные организационные детали. А в штабе оппозиционера Арсения Яценюка спецслужбы оперативно изъяли сервер с планами, которые навязывали сербские инструктора.

Срыв киевского сценария исполнители потом пытались объяснить влиянием Кремля через структуры Украинской православной церкви Московского патриархата. На самом деле митрополит Владимир Сабодан подписался под евроинтеграцией, а реальное сопротивление оказывала самостоятельно мобилизовавшаяся общественность, не получавшая никаких инструкций от Москвы — более того, не пущенная в высокие московские кабинеты.

Инсталляция в виде огромной задницы, изображающей Европу, служила более эффективным контраргументом в «войне идей», чем любые телевизионные разъяснения премьера Азарова, любые собрания Партии регионов и визиты делегаций по линии Россотрудничества. Этот озорной хэппенинг не мог себе позволить ни официоз, ни духовенство. Только и исключительно — *vox populi*, «инициатива снизу», способная говорить на языке противника и перехватывать у него рецептуру, как перехватывают саблю в поединке. «Инициатива снизу» в славянской цивилизации была столь же персонально случайна и столь же исторически закономерна, как появление Сноудена в американской цивилизации. Другое дело, что Сноуден в итогах года кто-нибудь их мэйнстрима упомянет, а самодетельного режиссера украинского сопротивления — нет, и поэтому я обязан назвать это имя: это Владимир Рогов из Запорожья, человек, оказавшийся в нужное время в нужном месте.

Четвертое из «Правил для радикалов» Сола Алинского гласит, что смех — самое страшное оружие для хозяев положения. Лучшее и самое эффективное, что можно было сделать с евроинтеграторами — высмеять их, по списку: а) правительство Польши, кстати, накануне сотрясенное финансовым скандалом (как и все такие скандалы в Восточной Европе — словенский, черногорский, болгарский, чешский, сербский, боснийский, он был результатом деятельности органа внешнего управления под названием «Антикоррупционное бюро»), б) прибалты, которых обмишурили и с новой АЭС в Литве, и с импортным сланцевым газом, и с местным, которым выполнение европейских инструкций обошлось крушением крупнейшего торгового центра в Риге — обязательные строительные нормативы стали добровольными, а потом Латвия вообще ликвидировала строительный контроль как институт — в целях экономии от избытка процветания, в) чиновников Ев-

рокомиссии, получающими бонусы за евдорасширение даже тогда, когда в реальности происходит евдорассыпание.

Опекуны Евромайдана сами напрашивались на насмешки: уж больно заметны были шкурные интересы. В пункте Соглашения об ассоциации, который открывал неограниченный ввоз на Украину европейскому, сиречь польскому углю. В чередовании на трибунах Евромайдана кандидатов на кресла в очередном составе Европарламента от Европейской народной партии. В шипении «продвинутой» украинской прессы на Берлин, который, в отличие от Брюсселя, не желает Украину пускать на порог, и готов на паях с Путиным поделить влияние а-ля Молотов-Риббентроп.

На фоне этих крепких задним умом европейских дядечек ветераны борьбы с диктатурой Милошевича выглядели прямо-таки беззаветными романтиками. Но у «евромайданутых» возникли с ними эстетические разногласия. Сколько бы сербские инструктора с американским гражданством ни агитировали украинскую массовку за «безлидерную революцию» и «горизонтальные структуры», массовка хотела знать имя того человека, который сменит Януковича. А революционные наставники не только не отвечали на этот вопрос, но даже не пытались сплотить хотя бы один революционный отряд для освобождения Юлии Тимошенко.

По дискуссиям на украинских порталах отчетливо прослеживается это противоречие между проектом хаоса и нормальным житейским, крестьянским расчетом на государственный порядок, на более справедливую, другую — но все равно, так или иначе, иерархию. 7 декабря инструктора выкатили идею референдума в каждой украинской области — за донецких или против. Но вот незадача — ответственность за такой вариант ускоренной балканизации не захотели взять на себя ни Арсений Яценюк, ни Виталий Кличко. А акция соблазнения «беркутовцев» цветочками от девушек, прилежно скопированная с прежних ненасильственных дизайнов, не возымела эффекта: к тому времени слишком много молодых спецназовцев лежало по больницам с травмами, и на агрессивное действие улицы нашлось — без всяких приказов — коллективное противодействие правоохранителей.

Во всем этом — и в сплочении спецназа, и в растерянности карьерных оппозиционеров, и в противоречивых действиях их местных спонсоров — сказалось культурное сопротивление материала. Имели ли значение действия государственных чиновников? Да, поскольку они не только занимались не только контрмобилизацией, но и контрпровокациями.

Эпизод первый был 1 декабря, когда «Братство» Дмитрия Корчинского устроило собственную потасовку со спецназом у здания администрации президента, перехватив знаковый элемент реквизита — трактор, по аналогии с Белградом. Статусные оппозиционеры от нее старательно отмежевывались, массовка была дезориентирована вместе с западными СМИ, а настоящие белградские инструктора сбиты с толку. Эпизод второй был 11 декабря: во время визита замгоссекретаря США Виктории Нуланд была предпринята вторая попытка разгона Евромайдана — на первый взгляд, категорически неразумная. Но именно после этого НАТО стало грозить военным вмешательством, что, в свою очередь, подействовало на Москву.

В высказываниях информированных западных экспертов в начале декабря звучал рефрен раздражения на Януковича, который в явно пиковой ситуации, политической и экономической, не только торгуется, но и пытается манипулировать сторонами, перетягивающими его друг от друга. Сам факт, что некая «непросвещенная» страна вместо того, чтобы брать то, что дают в зубы, выдвигает свои условия, характеризует состояние, в которое пришел мир в 2013 году. И особенно состояние той державы, которая по-прежнему считает себя единственным мировым полюсом.

Тонущие материки

В конце 2011 года левый Госдеп Хиллари Клинтон и правые сенаторы Маккейн и Грэхем, вопреки идеологическому и командному противоборству, действовали в Египте в унисон — например, когда пытались помочь Мухаммеду Мурси приватизировать собственность вооруженных сил и тем самым подорвать ее экономическую базу.

В 2013 году один и тот же Джон Керри сначала инициировал мирную конференцию в Сирии, потом склонился к военному решению, а три недели спустя перешел обратно в «партию мира». Республиканец Маккейн всей душой был за эту, еще одну американскую войну на Ближнем Востоке, а другой республиканец Рэнд Пол — категорически против. Речь идет не о периферии, не о маргинальных, а напротив, о системообразующих фигурах истеблишмента.

Весной 2012 года — как раз в то время, когда сербский ветеран и сотрудник National Democratic Institute Марко Ивкович был командирован в Киев — президент Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations) Ричард Хаас согласился войти в команду республиканского кандидата Митта Ромни, которая пообещала ему пост госсекретаря.

А бывший глава CFR Лесли Гелб, напротив, расписался в верности Обаме, но при условии, что он: а) сделает госсекретарем Джона Керри, б) начнет сближение с Ираном и гарантирует его от нападения Израиля.

После этого одни американцы подстроили другим теракт в Ливии; уволился спецпредставитель в Афганистане, турецкий лоббист Марк Гроссман; рухнул проект «умеренной исламизации» стран Магриба по турецкому дизайну; в Турции прорвался накопленный загодя экологический (плюс курдский, плюс кемалистский, плюс гейский) праведный гнев. Что получилось? Получилось, что годы кропотливого приручения катарской семьи и ее духовных наставников, миллиарды, вложенные в Город образования в Дохе и в вовлечение ученых, клириков, политиков и их родственников — все это было спущено в унитаз.

Смешно, однако, не только это. Смешно то, что госсекретарь Керри ничегошеньки от этого не выиграл. Когда он прилетел в Каир, чтобы уговорить генерала аль-Сиси воздержаться от диктаторских методов (которые сильно расстраивают желавшего стать президентом Мохаммеда аль-Барадеи), генерал его проигнорировал и стал делать все по-своему. Потом к генералу аль-Сиси приехал Маккейн и был точно так же проигнорирован. Эль-Барадеи с тех пор отдыхает, и несмотря на его принадлежность к могущественной ICG (где Бжезинский, Сорос и прочие властители умов), он не выиграет выборы у генерала аль-Сиси, поскольку этот генерал уже успел стать каким-никаким, а отцом нации.

О генерале аль-Сиси рассказывают, что его дядя (брат матери) был партийным деятелем в Израиле. Как бы то ни было, он действительно устраивает Иерусалим, поскольку его приход к диктаторской власти поставил жирную точку на вышеназванном турецком альянсе с движением «Братьев-Мусульман» (ихванов). И в то же время он столь же объективно устраивает Москву, ибо не настроен — в отличие от Мурси и особенно от его духовного попечителя Юсуфа аль-Карадави — на свержение Башара Асада в Сирии.

Естественно, что когда аль-Сиси, отвернувшись от Вашингтона, предлагает Москве крупные оружейные контракты, а заодно и роль посредника с Саудовской Аравией, то это не просто греет чье-то самолюбие в Москве, но и манит шансами на восстановление влияния России на Ближнем Востоке. Совсем недавно казалось, что подобные альянсы заведомо несовместимы с российско-сирийским союзничеством и тем более с российско-иранским партнерством. Но в этом году в Тегеране случился более судьбоносный сдвиг, чем в Каире.

Сдвиг в Тегеране состоит не только в том, президент Рухани хулит своего предшественника, что до сих пор в постреволюционной иранской традиции было не принято. И не только в том, что у нового президента иная точка зрения на холокост, чем у Ахмадинежада. Более важны два других обстоятельства. Одно из них на поверхности — это желание новой элиты открыть экономику, причем без разбора, *holus bolus*. Второе обстоятельство, напротив, не афишируемое, а скрываемое Тегераном столь же тщательно, сколь тщательно скрывает официальный Каир свои отношения с израильянами — это вступление Ирана в конфиденциальный торг с Афганистану при участии американского Henry Stimson Center.

Нетрудно заметить, лишь взглянув на карту, что Иран — чрезвычайно удобная транзитная территория. И не только для собственной и туркменской нефти.

Нетрудно догадаться, что превращение Ирана в открытое общество по кальке ельцинской России создаст множество элитных искушений. Директора госпредприятий могут стать влиятельными частными владельцами, а политики и интеллектуалы — вступить в престижные международные клубы. Но эти искушения касаются не только верхнего этажа элит. Владелец подпольного эротического киноклуба тоже не прочь стать уважаемым человеком, а о тяге иранской молодежи к глобальной эстетике Джаред Коэн написал три монографии.

Постепенное открытие Ирана — это именно то, на что надеялось и чего добивалось так называемое левое, голосующее за Демпартию, большинство иранской диаспоры в США. Как и Хасан Немази — спонсор Джона Байдена и Барака Обамы, сын наркотрейдера и шурина посла Великобритании в США. Как и глава консультативного совета Национального ирано-американского совета Томас Пикеринг, соратник Немази и Гелба по фонду National Security Network, сопредседатель ICG и член совета директоров Henry Stimson Center. Как, само собой, топ-менеджеры IT-корпораций иранского происхождения Нушин Хашеми, Салар Камангар, Омар Курдестани, ставшие миллиардерами одновременно с Джеком Дорси и Марком Цукербергом.

Грустно, однако, не только это. И не только новые возможности манипуляции углеводородными ценами и трубопроводными приманками, которую открывает открытие Ирана. Грустно то, что его наиболее вероятные партнеры в Афганистане — хотя это не талибы, а их конкуренты — принадлежат к ветеранам вооруженной борьбы с нашей страной. Грустно, что даже если открывшемся Ирану (судя по тому, как он сей-

час открывается) удастся сохранить территориальное единство, самостоятельным полюсом силы он не станет — во всяком случае, если персидская идентичность будет принесена в жертву «открытому обществу».

На Валдайском форуме этого года была робко, но амбициозно озвучена стратегия о трех мировых полюсах — американском, китайском и российском. Года три назад она быть озвученной не могла, ибо тогда претендентов на полюсную субъектность была реально больше.

Например, правительство Турции уже считало свою страну системообразующим центром нового полюса миропорядка. То же самое думала о себе на другом континенте Бразилия. Но физические расстояния не столь существенны, когда в наличии имеется Facebook, зеленая идея и клиповое мышление готовых к употреблению бунтарей. Реджеп Тайип Эрдоган утверждал, что массовые беспорядки в Стамбуле и Рио устроила одна и та же сила. И в самом деле, есть такая организация, которая базируется в Латинской Америке, однако для одного из последних мероприятий избрала курдский город Диярбакыр в Турции. Она называется Всемирный социальный форум и рядится в антиглобализационные одежды. Вернее, рядилась, поскольку после ее действий в Бразилии не только у президента Русефф, но и у самых обычных футбольных болельщиков сложилось мнение, что ребята не против корпораций, а против наций. И ничего удивительного, коль скоро ее финансируют те же семейные фонды, что и CAP, и Occupy Wall Street.

Например, тот же Евросоюз. В пору французского председательства в ЕС казалось, что Николя Саркози станет не формальным, но реальным объединителем Европы и более того, мотором экспансии его влияния в Средиземноморье. Потом все эти иллюзии сдула арабская весна и последующий кризис еврозоны. При Олланде перед Францией снова открылись средиземноморские соблазны, но как только Париж влез в сирийскую авантюру семейства Тласс, захотевшего править на месте Асада лучше Асада, — так эти соблазны и превратились снова в иллюзии.

Где теперь реальная столица Европы — в Берлине? Но вице-канцлер новой правящей коалиции Зигмар Габриэль уже провозгласил главной внутривнутриполитической задачей Германии организацию «по возможности безболезненного» перевода всей экономики с традиционной энергетики на ВИЭ. Империя биогаза — это нонсенс, поскольку не может быть империей то, что смердит. Может быть, Папа Римский когда-то озаботится этим обстоятельством, и мы увидим его бесе-

дующим с физиками из Areva, а не целующим ноги больным СПИД. Но в такое зрелище мне верится с трудом, а наших иерархов с нашими ядерными физиками я видел в одной компании, и именно поэтому считаю, что наша цивилизация не потеряла стержень.

Стратегема о трех мировых полюсах не была пустым сотрясением воздуха, поскольку наша страна в самом деле смотрелась на мировой арене как субъект, а как гласит первое из правил Сола Алинского, власть — это не только то, что у вас есть, но и то, что враг думает, что у вас есть. Другое дело, что при оглашении подобной заявки следует быть готовым к самым разным сюрпризам. Как минимум — к Евромайдану или «нарынской революции». А если эти сюрпризы врага провалились, то благодарить за это и Господа, который хранил, но и живых людей, через которых действовала небесная воля.

Авансы и долги в Средиземноморье

Во французской периодике до сих пор проскальзывает обида на Владимира Путина, в сентябре этого года поставившего на место Олланда с Фабиусом и снискавшего лавры миротворца в Сирии. Именно эти лавры и послужили поводом для стратегемы о трех полюсах. Но эти лавры не свалились с неба сами по себе.

Вот, например, подсказка от Махмуда Аббаса — из выступления на Революционном совете ФАТХ 2 сентября: «Я выдвинул инициативу по решению сирийского кризиса, которая может быть принята и Россией, и США. Она включает в себя два этапа: взаимное признание друг друга сирийской оппозицией и правящим режимом и их совместная готовность последовать решению, согласованному между Россией и США».

А вот что 1 сентября в интервью «Едиот Ахронот» говорил экс-глава Управления планирования ЦАХАЛ Гиора Айленд: «Американские власти сделали ошибку, когда не привлекли Россию к решению сирийского кризиса. Все варианты, имеющиеся на сегодняшний день у США — плохие, но ситуацию можно исправить, если поговорить с Владимиром Путиным. Россия не должна быть частью проблемы, она может быть ключом для ее решения».

Как решение о войне, так и решение об отказе от нее не происходит в один день: оно созревает. Барак Обама, очевидно, сначала послушал Сьюзен Райс, Джона Бреннана и некоторых израильских генералов. Потом он послушал Джозефа Байдена, Дэвида Кэмерона и других израильских генералов.

«Когда я возглавлял СНБ, премьер Ариэль Шарон четко давал понять, что Израилю падение Асада не выгодно», — говорил генерал Гиора Айленд в 2011 году в интервью московскому portalу «Ежедневный журнал».

Нельзя исключить, что Обама прислушался и к новому Папе Римскому Франциску. Не по электоральным соображениям, а сугубо по политическим: взаимопонимание с Папой может пригодиться в кубинском вопросе или том же палестинском. 11 сентября, когда New York Times напечатала статью Владимира Путина с завершающим напоминанием о том, что Бог создал всех людей равными, лондонская Telegraph всерьез воздала похвалы Папе, считая, что влияние именно от него и исходило.

Но это был уже спор о частностях: Forbes присвоил высший рейтинг влияния Владимиру Путину, и в этом была своя логика: ни Кэмерон, ни Саркози, ни Ангела Меркель, ни Ариэль Шарон, будь он в своем уме, при самом негативном отношении к авантюре не могли бы изложить свою позицию в тех терминах, в которых была написана путинская статья. Примечательно, что обвинившие его в лицемерии американские сенаторы и обозреватели прицеплялись к отдельным аргументам, но никак не к заключительной фразе. Полемика Путина была обезоруживающей именно потому, что над ним не довели ограничения политкорректных реверансов.

И тем не менее факт остается фактом: статья не могла появиться в издании-рупоре CFR без отмашки этой структуры; такая возможность — результат не нашей, а внешней воли; в конечном счете это щедрый аванс от влиятельных игроков, в том числе от той части израильской военной элиты, которая ориентировалась на Ариэля Шарона, а уже в этом году помогла генералу Абдельфаттаху аль-Сиси стать египетским «отцом нации».

Мог ли Путин остаться в долгу? Часто ли он слышит о себе и о своей стране такие добрые слова, причем вразрез с мейн-стримом — как от восстановленного в должности главы МИД Израиля Авигдора Либермана? Много ли, наконец, в мире стран, предложивших России услуги по обеспечению безопасности Олимпиады? Их можно пересчитать на пальцах одной руки, и свободные пальцы останутся.

«Лабораторный персонал в Москве рассказывает, что получал прямые инструкции от МИД РФ о том, как должно звучать окончательное заключение. Им было сказано, что они должны ответить только на вопросы, поставленные МИД. При этом подчеркивалось, что задачей России является толь-

ко предоставление ответа на запрос Палестины, но при этом не нанести обиды Израилю, и не спровоцировать нового кровопролития на Ближнем Востоке. Иначе говоря, поставленная задача была в том, чтобы представить выводы без выводов», Так портал «Аль Джазира» комментирует результат российской экспертизы останков Ясира Арафата, не нашедшей признаков полониевого отравления.

Вполне естественно, что такой результат в Израиле считают собственной победой. Правда, избежание провокаций повышает шансы мирного процесса, то есть шансы на создания палестинского государства.

Если верить Izrus, Россия сделала Израилю еще один подарок: якобы в беседе с прибывшим к нему накануне женевской встречи по Ирану израильскому премьеру Нетаниягу было обещано, что Россия не будет поднимать вопрос о денуклеаризации Ближнего Востока. Такой результат Израиль, конечно, может читать своей победой. Правда, такой же победой этот результат могут считать и Иран, и Саудовская Аравия. Если такой разговор вообще имел место. А возможно, он имел место как раз потому, что в крайне неофициальной международной встрече в Швейцарии, пролоббированной пацифистской организацией Nuclear Threat Initiative, россияне (не чиновники, а околоМИДовские «голуби») участие таки приняли.

В итоге Россия от исхода спора вокруг сирийского химоружия вроде бы больше получила, чем потеряла. Больше того, мы сейчас может приписать себе и готовность Госдепа оставить Асада у власти — и никто не скажет, что это не наша заслуга. Правда, если в Бейруте происходит взрыв, то наш госканал должен сказать, что это сделала «Хизбалла», а о том, что в мире существует сектор Газа с миллионом населения, сидящим в темноте, желательно вовсе не говорить. И не говорится.

Зато помимо «Южного потока», которому европейцы могут поставить препоны, у нас есть теперь альтернатива в Средиземноморье — в месторождении «Левиафан». Правда, тот проект разработки шельфа в Средиземноморье, в который Израиль приглашает российскую корпорацию НОВАТЭК, не может, мягко говоря, обрадовать Турцию, так как затрагивает шельф Северного Кипра. А заинтересованность в том, чтобы мы не дружили с турками, Израиль проявил еще задолго до того, как Турция предложила нам контракт по безопасности Олимпиады.

На саммите СНГ в Минске, где обсуждались возможные партнеры Таможенного Союза, назывались три страны — Израиль, Индия и Турция. При этом Турцию назвал Нурсултан

Назарбаев, и это напомнило нам, на всякий случай, о существовании такого понятия, как тюркский мир.

Пренебрежимая ли это величина — Турция? Даже глава Компартии Геннадий Зюганов знает, что страна, желающая быть одним из самостоятельных полюсов мира, нуждается для поддержания своей промышленности в рынке сбыта не менее чем в 300 миллионов человек. Может быть, мы держим в уме Индию, а на крайний случай — хотя бы Египет. Но мы не сможем просто так перешагнуть тюркский мир, его не заметив — он рядом с нами и внутри нас.

Поэтому на сегодня придется признать, что заявка на третий мировой полюс была оглашена преждевременно. Что наш президент честно и признал в послании этого года:

мы не претендуем, сказал он, на звание сверхдержавы. Правда, сразу же после амнистии многие слова из послания из большой конференции были поставлены под сомнения пристрастными лицами: дескать, все это ситуационный камуфляж перед Олимпиадой, а вот она кончится, и тогда-то...

Ну что тут можно сказать? С волками жить без камуфляжа невозможно. И прикидываться добрым мягким мишкой иногда приходится, и своего битого волка выпускать — не то чтобы на радость международной стае, а для удобства потертой немецкой лисицы, по дружбе. Он обещал ей, а она — старшим волкам, от которых сейчас добивается, чтобы не совали нос в ее нору. Сам этот битый волк, таким образом — не волк, а пешка, о чем знает, иначе не сравнивал бы себя с лисицей-пешкой Тимошенко.

Это такая игра по волчьим правилам, на которых геополитика и построена. Толоконникова говорит о Путине, что Олимпиада для него — типа дело пацанской чести, и в конце того же интервью France Press гордо сообщает, что дочь считает ее «крутой эчкой». Само собой, это менее обидный статус, чем «агент».

Агенты или адепты?

Замдиректора НИИ востоковедения РАН Владимир Исаев произнес в этом году крылатую фразу: «Стране, которая считает себя великой, должно быть интересно все происходящее в мире». С этой позиции совершенно справедливо, что мы не безразличны к желанию других стран защитить свою безопасность самыми надежными средствами. Если вчера денуклеаризовали Ливию, а сегодня весь Ближний Восток, то завтра ту же операцию могут предложить России. А если мы не будем интересоваться происходящим в мире, то мы не заметим, что именно и как именно хотел бы сделать с нами.

Вопрос о том, «кто следующий», в 2013 году обрел особую остроту.

Турция — полюсообразующая страна. Беспорядки в ней начались не в столице, а в историческом городе, который помнит битвы цивилизаций. Их начали экологисты, потом присоединились гомосексуалы. Лейтмотивом для массы была тема о социальных правах (о квартплате и аренде в центре города, о праве покупать пиво ночью на автостоянке и т. д.), из которой, как бы само собой, вырастала тема произвола одной партии. Третий идеологический элемент касался этнических прав: на удачу, депутат от района, где находится парк Гези — курд по национальности. А еще этот город подавал заявку на Олимпиаду.

Бразилия — полюсообразующая страна. Беспорядки в ней начались не в столице, а в историческом городе, который помнит битву за независимость от Лузитанской монархии. Их начали экологисты (Сеть устойчивого развития) вместе с антикоррупционистами, потом присоединились гомосексуалы. Лейтмотивом для масс стала свобода передвижения, которую нарушало повышение цен на общественный транспорт, из которой, как бы сама собой, вырастала тема произвола одной партии. Третий идеологический элемент касался этнических прав: в министерство транспорта прибыли индейские вожди, сели там и отказались уходить. Им не нравился проект строительства шоссе через джунгли, потому что он нарушал их биоценоз. А еще этот город подал заявку на Олимпиаду, и как раз в это время шли региональные подготовительные соревнования.

Страна X — полюсообразующая страна. В ней есть город, который помнит битву имперской армии с местным непокорным этносом. В этом городе есть экологисты, объединившиеся в «вахту». Защита природы у них свободно переходит в установление принадлежности неких строящихся объектов — они тоже якобы царские. В этом городе решили снести уличные ларьки и ущемили тем самым предпринимателей, а продуктов не хватает из-за проверок на дорогах. А проверки из-за того, что этот город ждет Олимпиаду, на которую один мировой лидер за другим отказывается ехать. И точно так же, как в Бразилии, вокруг затрат на эти объекты ходят легенды. И точно так же общественные активисты скрупулезно подсчитывают, сколько детских садиков можно было построить вместо здешних дорог, канализации, стадионов, отелей и порта. И все это в центре мирового внимания — как и история непокорного этноса, который стал интересовать мир ровно тогда,

когда страна X выиграла олимпийскую заявку. Интерес проявил себя в международных мероприятиях, где самыми активными радетелями за суверенитет непокорного этноса в произвольно широких границах оказались не местные активисты и не потомки пострадавших от имперских военных операций, а вполне благополучные граждане США соответствующего этнического происхождения. Интересно, что в то же самое время американские и европейские радетели за другой, соседний, исторически более непокорный и в разные времена пострадавший этнос, которых еще недавно разве что не нянчили, почти перестал привлекать внимание мирового правозащитного сообщества.

Отгадать с первого раза страну X — не сложнее, чем предвидеть, в какой точке мира может произойти #евромайдан. В рекламном ролике египетские волнения намеренно противопоставляются нашему будущему спортивному успеху, исходя из чувства заведомого превосходства перед египтянами. Но эта спесь совершенно неуместна, поскольку славянский массовый молодежный инфантилизм ничем не отличается от арабского, что #евромайдан и показал.

Разница только в том, что в тех местах мира, где раньше прошла деиндустриализация вкупе с интернетизацией, и, соответственно, родилось поколение digital natives («рожденные в интернете»), клиповое мышление более развито. С этой точки зрения устроить Олимпиаду в промышленном городе было более разумно, чем в курортном. Поскольку культура промышленного региона предполагает уважение к результату труда — в отличие от «общества услуг», где эта ценность просто не воспитывается. Почему? Потому что в виртуале построить и разрушить одинаково легко, а в реале построить тысячекратно труднее, зато память от созидательного усилия сохраняется в мышцах и суставах. И это то чувство, которое digital native недоступно, и именно по этой причине digital native — неполноценное, недоделанное человеческое существо, что бы он о себе ни воображал.

Другое дело, что в момент розыгрыша места проведения Олимпиады-2014 никто не предупреждал, что спортивное сообщество не гарантировано от наезда «прозрачников», а сами игры из источника почета для страны превращаются в рычаг ее международного шантажа. А может быть, такой план и обсуждался в кругу стратегов, и даже публично.

Например, деофшоризация на Кипре вполне публично готовилась. Тем не менее, в эту западню попал не только российский частный бизнес, но и госкорпорации. Премьер-ми-

нистр тогда, помнится, посетовал, что евронадзиратели вкупе с МВФ «трясут» почему-то один Кипр, а не трогают Большие Вирджинские острова. А ровно через десять дней организация «Центр общественной честности» (CPI) обнародовала список бенефициаров Больших Вирджинских островов, а мейн-стримная пресса, выдернув из него самые интересные имена, нашла среди них двух топ-менеджеров «Газпрома». О том, что такой список готовится, газета Guardian черным по белому писала в ноябре 2012 года. Но премьер-министру никто не удосужился положить на стол этот номер.

Например, кампания Greenpeace по спасению Арктики от ее освоения презренным человеческим видом стартовала в 2012 году и целилась не только в «Газпром», но при разработке абордажа газпромовской платформы активисты озадачились не изучением местной фауны, а выяснением обстоятельств покупки «Газпромом» верхней части платформы, ценой этой покупки и затраченными суммами. А тот «общественный контролер», который помог Greenpeace с пересмотром обвинения (раз платформа — не судно, значит, нет и пиратства) год назад «общественно контролировал фонд Храма Христа Спасителя, чтобы призвать к смещению Патриарха. В фильме НТВ «Под зеленой крышей» Greenpeace выведен как агентство влияния, обслуживающее конкурентов. И не сделано выводов даже из звучащего в кадре объяснения Патрика Мура о том, почему он вышел из Greenpeace: «Я думал, что эта организация — ради людей, а она — против людей».

В вышеупомянутой Национальной стратегии публичной дипломатии и стратегических коммуникаций США есть такой термин — «уязвимые среды». Речь идет о сообществах, объединенных по какому-то общему признаку занятий, функций или образа жизни. В Турции уязвимым сообществом оказались любители попить пива на автостоянке в жаркую ночь — таких, как можно догадаться, в этой стране немало, а Эл Гор, обещая этой стране превращение в пустыню, жажду тем самым только провоцирует. В нашу страну те самые исследователи из Гарварда, что изучали блогосферу Египта и Ирана, приехали в 2009 году и занялись именно выявлением уязвимых сред. Нашли — младший персонал правоохранительных органов; офицерство, не дождавшееся жилья; автомобилистов. С тех пор сменилось руководство Минобороны, и по крайней мере с одной уязвимой средой стало попроще. Зато появились две другие — сотрудники Академии наук и курильщики. И этим двум средам чрезвычайно легко объяснить постигшую их дискриминацию произволом одной партии — не-

смотря на то, что со времен Болотной эта партия остается в непонятном межеумочном состоянии, как многоквартирный дом, который начали расселять, а потом передумали.

Намечалась еще одна уязвимая среда — собственники недвижимости, неспособные оплатить новый имущественный налог. Спас случай — скандал в Росреестре с бегством заместителя начальника. Ему вменяется не только растрата, но и привлечение генподрядчика, не проверенного органами госбезопасности. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что такой генподрядчик, независимо от полученной или неполученной подписи, за версту не мог допускаться к гостайне, поскольку по убеждениям директора этой организации, гостайны вовсе не существует, ибо разделение мира на государства устарело. А супруга этого персонажа посвящает себя экологизму и «прозрачности» в одном флаконе.

Не окажись замглавы ведомства вором, все бы продолжалось своим чередом, и любая спецслужба была бы бессильна перед генподрядчиком. Поскольку по Конституции у нас равноправны все идеологии, в том числе и мальтузианский «гуманизм», осуждающий «разделение человечества по признаку наций» и выдвигающего им на замену мировое «транснациональное федеративное правительство с поощрением культурного плюрализма и разнообразия».

Закон об иностранных агентах здесь бессилен. Нет такого закона, который регулировал бы убеждения. Но привлекать к государственной службе человека, который считает, что государства быть не должно — это логический нонсенс. Специальные ведомства потому и называются специальными, что в них не может служить (и с их материалами работать) кто попало. Событием этого года не стали изменения в Конституции, поскольку мировоззренческие принципы, созвучные духу нашей цивилизации, не удалось адекватно сформулировать. И немудрено: мы не разобрались окончательно сами в себе. Второй Гуманистический манифест Пола Курца (1973), выдержки из которого приводятся выше, был подписан от нашей страны академиком Сахаровым. Пока его гротескно изможденный силуэт, непристойно пародирующий образ генерала Карбышева, будет выситься у Санкт-Петербургского университета, мы можем гарантировать, что мы сами в себе не разобрались и не в состоянии декларировать никаких мировоззренческих принципов. Потому что христианство и марксизм внешне противоположны, но сходятся в этике труда ради совершенствования человека, и наш президент сам говорил об это сходстве. А та идеология, которую представляет ма-

нифест Курца, противоположна тому и другому, потому что под прогрессом она понимает путь к смерти человеческого рода. Это различие — достаточный повод для того, чтобы не-взирая на стоны глобальной правозащитной «княгини Марьи Алексеевны», отречься от псевдогуманистического юродства и отряхнуть его прах с наших ног.

Наш президент не желает стране пути назад и вниз — о чем он и сказал, воспользовавшись цитатой из Бердяева. Но этот тезис не доведен до конца — и эта недосказанность позволяет господину Сванидзе самоуверенно вещать о несовместимости консерватизма с прогрессом. Увы, оппонентам не приходится в голову проиллюстрировать пример того консерватизма, который вперед и вверх, динамического (по В. Н. Лосскому). А вот он, на ладони, еще один итог этого года — выигрыш «Росатомом» тендера на строительство АЭС в Финляндии. Это общая победа русских и финнов, и она стала возможной потому, что финны, в отличие от немцев, не отравились мальтузианским идеологическим ядом, не приняли мертвечину за прогресс, а философию уничтожения человека — за заботу о природе. Что послужило для них антидотом? Во-первых, здравый крестьянский ум, во-вторых — интерес к той реальной экономике, которая служит человеку в трудных условиях жизни, в-третьих, опыт нашего мира после нашей войны, который был прежде всего опытом совместного труда.

Последний турецкий «звонок»

Что происходит, когда уязвимые среды формируются в силовых структурах? Ответ на этот вопрос иллюстрируют последние события этого года в Турции. Премьер Эрдоган, слышущий диктатором, давно не чистил авгиевы конюшни своих ведомств — и дождался того, что этим занялись вместо него питомцы его собственного духовного попечителя Фатхуллы Гюлена.

Эта история на первый взгляд кажется исключительно турецким феноменом новейшего времени. Но если присмотреться, детали турецкого ландшафта, созвучные нашей реальности, не исчерпывающиеся параллелью «произвола одной партии». В Турции был тандем — очень гармоничный — премьера Эрдогана и президента Гюля. Но президента поманили на высокую международную должность, а премьер, вынужденный задуматься о посттандемной перспективе, решил преобразовать парламентскую республику в президентскую. Но оказалось, что президента Гюля никто никуда не назначил. То есть тандем «развели» — а потом обиженного стали сводить с другими обиженными.

Клич о том, что Эрдоган должен уйти, испустил проходящий по делу «Большая взятка» министр экологии Байрактар, буквально накануне встречавшийся в израильском коллегой Амиром Перецом. Накануне о главе разведки Хакане Фидане написали, что он сдал израильских агентов Ирану. Глава разведки был стратегом разоблачения генеральской оппозиции, а непосредственно генералами занимались высшие чины полиции, в то время как право-левые журналисты, сочувствующие генералам — коль скоро они пострадали от диктатора — доказывали, что полицейская верхушка сплошняком состоит из адептов философа Фатхуллы Гюлена. Премьер и философ долго не общались, потом премьер закрыл курсы образования, спонсируемые Гюленом, и между ними возникла размолвка. Вот тут доброжелатели и нажали на спусковой крючок давно заготовленного разоблачительного дела, а американский посол Фрэнк Риккардоне с удовлетворением сообщил европейским коллегам: «Сейчас вы увидите, как падает империя».

Наш истэблишмент — вроде бы не такой террариум единомышленников, как турецкий. Но нельзя сказать, что он свободен от клановых конфликтов, которые затрагивают не только представителей кланов, но и массы непричастных людей, причем не только на уровне региона или ведомства. Любому непредвзятому наблюдателю видно, например, то убийство жителя многоэтажки в Бирюлево не имело никакого отношения к конфликту вокруг соседней овощебазы. А если вспомнить медиа-кампанию против таджиков накануне выборов в Душанбе, то нельзя не прийти к выводу, что какие-то авторитетные лица играли против Эмомали Рахмона, а какие-то — наоборот. Такая же конкуренция легко читалась во время выборов в Южной Осетии, Приднестровье, Молдавии, Азербайджане и, наконец, Украине. И ее последствия встали во весь рост перед саммитом «Восточного партнерства», когда цивилизационное предательство политиков, которые в наших ведомствах считались партнерами, назвало реальную цену эффективности этих ведомств.

Нельзя сказать, что эта, на американском политическом языке, *turf war* не обходится без издержек. Нашему президенту потребовалось в Риме обменяться мнениями с экс-премьером Романо Проди по вопросу о проблеме иммиграции. А обострением этой проблемы в России он обязан не потеплению климата и даже не интригам американского посольства, а эксцессам не афиширующих себя местных исполнителей. И каждый такой эксцесс бьет по нервам межэтнических предубеждений, которые естественны и никуда не могут деваться от

граждан, пока граждане не заняты делом, в котором эти предубеждения уходят на далекий задний план. А тут еще Олимпиада и ее зависимость от спонсоров. А тут еще тандемные отношения с разными ставками этих и других спонсоров.

Устоев это пока вроде бы не касалось. Но представим себе, что кто-то задался целью поссорить между собой нашего главу государства с патриархом нашей Церкви. Год назад диакон Кураев намекал, что некие трения имели место. И не так сложно представить себе типаж доверенного лица, доносящего одному высокому лицу о том, что другое против него интригует. Я представляю себе альфу и омегу этого направления — это лица, дослужившие до генералов к моменту, когда отставной подполковник стал президентом, и с тех пор не избавившиеся от тайной мысли, что они ничем не хуже.

Turf wars существуют в Соединенных Штатах и Китае, в Индии и Саудовской Аравии, в Израиле и Северной Корее, в Ватикане и в университете аль-Асхар, поскольку никакая раса и цивилизация не свободна от личных интересов, личной зависти и обид. Но с этим можно бороться, а поучиться на практике можно у нашего ближайшего соседа и самого надежного союзника в части обороны. А еще у белорусов можно поучиться способу обращения с второразрядной агентурой культурной войны. Когда в Минск прибыла попясничать группа Femen, всю эту группу просто упаковали в машину и вывезли в лес, чтобы они паясничали дальше наедине с природой.

Нас вот уже 18 лет старается развести с Белоруссией одно и то же племя, во множестве населяющее телеэфир. Сейчас это племя негодует и по поводу «растраты» Фонда национального благосостояния на кредит Украине, сопровождая свое шипение бухгалтерским крючкотворством. Однако в общественном мнении выигрывает не тот, кто жмотится, а тот, кто дарит. Римский кардинал Тарчизио Бертоне, который выступал против однополярной мировой системы и потому подвергался самым дотошным проверкам европейских крючкотворов-«прозрачников», писал в своей книге, переведенной на русский язык, о том, что акт дарения, как и отношения дружбы, отличают человека от прочих живых существ. Думаю, мы с украинцами ничего не потеряем от того, что Владимира Рыжкова с его бухгалтерией, как и братьев по разуму из Союза правых сил, будут транслировать на канале РБК-ТВ хоть целые сутки кряду. С каждой такой трансляцией либеральный жмот все уменьшается и уменьшается в размере — до той категории друзей старшего бухгалтера Кролика (Кудрина или Яценюка), на которых можно случайно наступить и этого не заметить.

О жизни после Олимпиады

Салют из успешно запущенных МБР, завершающий 2013 год, напоминает о том, что это был год завершения бесконечно унижительного контракта ВОУ-НОУ. Одним атрибутом колониального положения стало меньше. Это было еще одно событие года. И еще одно событие года того же разряда — прецедентное решение Конституционного суда о том, что в вопросе о правах человека отечественная судебная система не обязана идти на поводу у Европейского суда. И еще одно событие года того же разряда — пересмотр навязанной извне реформы строительной отрасли. Новым министром строительства назначен глава региона, заведомо пораженного в правах в процессе насильственного перевода отрасли на саморегулирование: в Ивановской области не могло быть требуемого числа строительных компаний, чтобы основать собственную СРО. Так было и с Псковом, и с Сахалинской областью, где строители немыслимым образом переподчинились Москве. Реформа по европейской кальке стоила отрасли и бюджетам регионов трудно измеримых и главное, совершенно бессмысленных затрат — не объяснимых ничем, кроме желания поевропейничать.

Пересмотр Ревизия реформы самой социально значимой индустриальной отрасли, локомотива целого ряда смежных отраслей — хорошо, только этого мало. Пересмотра глупостей недостаточно, если этот пересмотр не сопровождается справедливыми мерами в отношении наших «проевропейцев». Исчислимый ущерб от их инициатив мог быть возвращен в казну путем хотя бы обыкновенной конфискации личного имущества. Это не абстрактный, а практический вопрос.

И такая практика может быть обращена и на многие другие ответственные виды деятельности. В том числе на публичную дипломатию — если ее результат противоположен целям. Если эффективность ведомства, претендующего на российский аналог USAID, определяется арифметической суммой (по тому же принципу, как в подходе к науке) культурных центров, а не местом, в котором эти центры открываются, и не результатом их деятельности. Если основной функцией публичной дипломатии является не распространение идей и высоких чувств принадлежности к цивилизации, не создание в своей стране общественных и экономических моделей, интересных для других народов, а всего лишь формальное обучение языку для абстрактного диалога. Если политический партнер в других странах подбираются по столь же формальному

критерию «авторитетности», отождествленному с экономическим влиянием. Если другие ведомства работают с другими партнерами, корпорации — с третьими, а диаспора существует сама по себе, как и самостоятельные группы и организации, активные и заинтересованные, но не проходящие по ведомственным спискам.

800-тысячная толпа на киевском Майдане — несомненно, детище активной пропаганды геополитических конкурентов, вкупе с их агентурой в российской столице и особенно в блогосфере (о чем на страницах формально российской деловой газеты «Ведомости» прямым текстом похвалялся главред формально российского телеканала «Дождь»). Столь же несомненно, что инструментарий технологий 2.0 приумножает возможности этой пропаганды и ее диверсификации по целевым аудиториям. Из всех аудиторий, как и в каждой из стран-мишеней, легче всего поддается сетевому внушению «родившаяся в интернете» и соответственно, интеллектуально одиозная и морально несформированная молодежь — субстрат политического инфантилизма, готовый одним кликом в твиттере переформатироваться под новую внешнюю задачу, как сборно-разборная игрушка Lego.

Этому организационному оружию помогло накопить ударную силу сама украинская власть — как своей неспособностью преодолеть зияющие социальные противоречия, так и своими политическими метаниями, подталкиваемыми слишком заметным внутриэлитным торгом. Но русским и украинцам грозят еще годы таких метаний по замкнутому кругу, если мы будем игнорировать еще одну, пятую составную часть проблемы — барьер между российской властью и украинским обществом или даже не барьер, а гигантский завал, нагроможденный за двадцать два года чванной самоуверенностью и топорной тактикой корпоративных игроков, коммерциализированной толкотней ведомственных кланов и эпическим начетничеством профильных чиновников, годами выдававших на-гора (в том числе и средствами приукрашенной социологии) фантомы позитивной динамики.

В наступающем году федеральной власти придется расплачиваться и за другой совокупный итог безответственного чиновного верхоглядства — уже не в Киеве, а в Сочи. Зимняя Олимпиада-2014 — в самом деле серьезный вызов не из-за приписок, разбазаривания и кланового соперничества и не оттого, что успех или неуспех игр затрагивает амбиции государственных лиц, а ввиду последствий тех геополитических игр, для которых спортивные игры служат только пово-

дом. Счет этим последствиям был открыт не в городе Сочи, не в близлежащих главных городах кавказских республик, не в центре федерального округа (как то Пятигорск или Ростов), а в городе Волгограде. Исполнителями оказались, как ни странно, не представители того этноса, который неумеренно увлекает внешних экспертов, а русские люди, перешедшие в радикальный суннитский ислам.

Максим Шевченко пишет о том, что суннитский радикализм подпитывался «активно и в полном взаимопонимании и сотрудничестве» элитными группами Саудовской Аравии, Израиля и американскими неоконсерваторами. Он говорит о недавно могущественной «партии войны» в Сирии, к которой следует отнести также правящие французские круги и в первую очередь погрязшее в лоббизме в сфере вооружений (особенно авиации) руководство МИД и Минобороны Франции. Но ситуативная «партия войны» после отказа Белого Дома от силовой операции в Сирии распалась и частично переориентировалась, а на сцене осталась более укорененная «партия анархии». Она паразитирует и на этнорелигиозных чаяниях, обидах и комплексах, и на углеводородных (золоторудных, алмазных) корпоративных вождениях. Она еще более интернациональна, чем любая из ситуативных «партий войны», и может выступать под разными флагами, в том числе по разные стороны боевых действий (благо теневые экономические бенефициары — одни и те же). Соответственно, ее субстратами-инструментами могут быть и сунниты-ханбалиты, и курды-алевиты, и исмаилиты, и друзья, и бахаисты, а вне ислама — последователи раннехристианских ересей, каббалисты-лурианцы, буддисты-сектанты (субстрат-инструмент тайландских суррогатных революций), разнообразные огнепоклонники и центрально-африканские язычники.

Транснациональный теневой, в том числе финансовый бизнес, поддерживающий «партию анархии», включает как международных воротил, годами пребывающих в розыске, но при этом неуловимых, влиятельных транзитеров, предпочитающих «не светиться» и лишь изредка фигурирующих в мировых полицейских отчетах, и, наконец, VIP-персон, «полезных» мировому сообществу в открытой духовной войне и потому наделенных долгосрочным иммунитетом. В числе этих VIP-персон есть условные государственные деятели, а именно представители королевских семейств Залива (это в той же степени саудовский элемент, что кувейтский и эмиратский), бывшие члены ряда европейских, латиноамериканских и африканских правительств, ветераны разведывательных и во-

енных сообществ, давно сменившие государственные должности на прибыльный глобальный бизнес, и условная культурная интеллигенция — в частности, французские «новые философы», — концептуализирующая перманентную войну при публичной приверженности космополитизму и извлекающая коллективный барыш из государственных концептов вроде «войны с террором» Джорджа Буша или «мировой войны сетей» стратегов из RAND Corp.

Если прародителем «партии анархии» была Великобритания с ее первыми частными военно-карательными корпорациями, то первостепенным имплементатором в XX веке послужил Джимми Картер в компании со своим личным другом, основателем банка BCCI Агахоссейном аль-Абеди. «Полное взаимопонимание и сотрудничество» между арабскими и еврейскими спонсорами суннитской «партии анархии» фактически сложилось, таким образом, под эгидой не Республиканской, а как раз Демократической партии США. Точно так же в Израиле агентство «партии анархии» локализуется не в среде прямолинейных ликудников-исламофобов, а в дуэльном сообществе «центра», на уровне риторики всегда декларирующей мир, а на уровне практики использующей теневые исламские контракты для производства вялотекущих войн (что и является основной функциональной специализацией «партии войны» вообще), из которой извлекают прибыль воротилы вне зависимости от этнорелигиозного аффинитета. Дуэльное «сообщество центра» притягивает братьев по мизантропическому разуму из других стран и цивилизаций, что отражается, как в зеркале, в личном составе Международного совета Центра Переса за мир (Peres Center for Peace). Здесь соседствуют «голуби мира» Джимми Картер и Михаил Горбачев, поджигатель боснийской и ливийской войн Бернар-Анри Леви и бывший партнер BCCI Брюс Раппапорт, спонсор антиликудовского и антиклерикального «кефирного восстания» в Тель-Авиве Дэниел Абрахам и основатель Ближневосточного центра Brookings Хаим Сабан, почетный президент CFR Лесли Гелб и ветераны французской политики Валери Жискар д'Эстен, Лионель Жоспен и Жак Аттали, почетный посол Туркменистана в Израиле Йосеф Майман и «гений менеджмента» Ли Якокка, президент Исламского центра Индии М. Вахидуддин Хан и экс-глава МИД Турции Ахмет Четин, экс-президент ЮАР Фредерик де Клерк и епископ-экологист Десмонд Туту, экс-генсек ООН Бутрос Бутрос Гали и имеющий обширный бизнес в Африке польский олигарх Ян Кульчик, телемагнат Владимир Гусинский и экс-президент Индонезии Абдуллах

Вахид. В том же Международном совете Peres Center for Peace мы находим лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к Евромайдану: здесь присутствует экс-президент Польши Александр Квасьневский и два международных посредника с обширными теневыми связями — экс-министр культуры Венгрии Андраш Кноп и лоббист сланцевого газа в Польше и на Украине Зеэв Фурст.

Учитывая, что первый из этих двух посредников возглавлял EuralTransGaz, а второй лично представлял американскому послу Уильяму Тэйлору своего друга Дмитрия Фирташа, можно как минимум предположить, что метания украинских олигархов осенью этого года было результатом не только их внутренних расчетов или прессинга со стороны Еврокомиссии.

Экс-управляющий Банка Израиля Яков Френкель одновременно присутствует в Peres Center for Peace и Международной кризисной группе (ICG). Помимо единомышленницы Картера Луизы Арбур и проводника иранской перестройки Томаса Пикеринга, помимо Джорджа Сороса и Збигнева Бжезинского, в руководстве ICG фигурирует экс-глава внешней разведки Саудовской Аравии принц Тюрки аль-Фейсал, в разное время партнерствовавший как с демократической командой Ричарда Холбрука (ныне часть команды Керри), так и с неоконсерваторами. В революционном 2011 году принц Тюрки был почетным гостем конференции Люксембургского форума, основанного вице-президентом ВЕК Вячеславом Кантором. Одним из экономических поводов для опалы Михаила Ходорковского был конфликт на рынке фосфатов между ЮКОС и корпорацией «Акрон» Вячеслава Кантора. Есть по крайней мере повод для размышлений о том, кому было адресован пассаж реабилитированного Ходорковского о том, что Олимпиаду срывать не следует.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что своим пассажем об Олимпиаде Ходорковский расстроил не только мировых «прозрачников» и их отечественных агентов (заседающих в том числе в президентской Комиссии по правам человека), но и украинских «майданутых», а также активных участников их хэппенингов, где романтики «Великой Черкесии» соседствовали с активистами крымского организационного центра «Хизб ут-Тахрир», десантирующего своих адептов в российские регионы, как-то Башкирию, Волгоградскую, Челябинскую и Пермскую области. Иначе говоря, в регионы с особо интенсивной внутренней клановой борьбой — и соответственно, особо развитой оппозиционной блогосферой. Посев «микробной культуры» радикализма, неважно какого

оттенка зеленого цвета (экологистского, суррогатного исламского), дает самые развесистые всходы в вакууме доверия между обществом и властью, а бытовая социальная зависть служит этому урожаю самым эффективным удобрением.

Что касается Северного Кавказа, то здесь грань между «партией войны» и «партией анархии» видна не хуже, чем в Сирии: любому специалисту по антитеррору хорошо известно, что «Имарат Кавказ», в отличие от павшего правительства Ичкерии и от доморощенных мечтателей о великой Черкессии, заточен не на образование новых государств, а на уничтожение любой государственности — якобы (как говорят непосвященным adeptам) ради суннитского Халифата. Посевы имаратской агитации закономерно дают самый интенсивный рост в тех кавказских регионах, где вакуум рабочих мест сочетается с хронической клановой конкуренцией за федеральные дотации, суррогатно компенсирующие отсутствие политики развития.

Отличительные преимущества суннитской «партии анархии» (как и прочих партий этого направления) состоят в том, что она: а) не подотчетна никаким официальным правительственным структурам и публичным религиозным иерархиям, б) легко проникает в оппозиционные «горизонтальные структуры» в множестве стран, в) не ограничивает себя никакими правилами игры как в выборе средств, так и в подборе радикальных кадров. Все, кто находил в YouTube обращения Доку Умарова, могли заметить, какой язык он преимущественно использует — не татарский, не арабский, а, естественно, русский, поскольку это язык межнационального общения в бывшем СССР. Такой же подход использует крымско-татарский центр «Хизба». Все, кто по службе или в силу журналистского интереса сопоставлял террористические вылазки имарата на протяжении последних лет, не могли не заметить, что исполнителями все чаще оказываются славяне, перешедшие в ислам. Такой подход, с точки зрения оргорукия, особо эффективен, поскольку и российские, и западные правоохранительные ведомства выработали условный рефлекс на кавказскую внешность, в то время как славяне не являются первоочередным предметом подозрений.

Таким образом, первый урок, который следовало бы извлечь хотя бы из последних масштабных терактов, равно как из последних событий на Украине, в Молдавии, Грузии и даже в Казахстане, состоит в том, что ставка на русский язык как на средство приобщения к цивилизации ошибочна и ущербна. Одной из самых свежих доказательств того факта, что та-

кой подход относится к разряду «простота хуже воровства», было обращение спикера литовского Сейма к Майдану на русском языке. К великому сожалению, «великий и могучий» — не только язык Пушкина и Достоевского, но и язык современных суррогатных революций и вялотекущих — в том числе суннитских по эксплуатируемому религиозному средству — региональных войн. Что из этого следует? Всего-навсего вывод о том, что самый опасный для государства общественный элемент — это в том или ином смысле оборотни; что если человек, в силу тех или иных обстоятельств противопоставленный власти, подкрепил эту оппозиционность переходом в другую веру, то он относится к особой категории цивилизационных предателей. И это лишь одна из разновидностей распространённого феномена. Человек, подающий иск на свою страну в ЕСПЧ, — тоже цивилизационный предатель. Увы, депутат, группа депутатов и даже фракция, проталкивающая законодательное «европейничанье», тоже совершает акт цивилизационного предательства. Я не говорю о том, что все эти разные случаи заслуживают однотипной кары. Они для начала нуждаются по крайней мере в однозначной квалификации.

Второй урок, которому мы учимся на крови сограждан, состоит в том, что террористические удары, в отличие от боевых ударов в регулярной войне, наносятся не обязательно прямо по мишени. Самыми чувствительными ударами по России со стороны «партии анархии» в первую чеченскую войну наносились по кубанскому Буденновску,

после второй чеченской войны — по североосетинскому Беслану, а сейчас — по городу Волгограду. Все три города-мишени — ключевые транзитные узлы; все они имеют особое военно-стратегическое значение; все три региона на момент совершения терактов были слабыми местами с внутриполитической точки зрения. Последний аспект особенно касается Волгограда: с одной стороны, это город-символ, и его символическое значение эксплуатировалось при учреждении Общероссийского народного фронта; с другой стороны, в этом городе имеет место элитный конфликт, по напряженности не уступающий украинскому. Примечательно, что «на подступах» к Волгограду имели место волнения в городе Пугачев со своей весьма специфической индивидуальной историей. Что из этого следует? Всего-навсего вычисление других возможных уязвимых точек. Чем символичнее близкий к Северному Кавказу населённый пункт и чем больше внутренняя обстановка в нем отягощена клановой рознью, тем более вероятно его избрание в качестве мишени.

Третий урок состоит в том, что международное массовое спортивное зрелище в текущей геополитической конъюнктуре — ловушка для страны, его организующей. И первый напрашивающийся вывод на будущее очень прост: при всем уважении к спорту, нельзя полагаться на Олимпиаду и подобные действия как на драйвер развития. Это суррогатный драйвер: ему придают особое значение тогда, когда в данной системе экономического управления другие драйверы не действуют.

Но этого мало. Бессмысленно вводить особые налоговые условия для регионов, объективно нуждающихся в догоняющем развитии, если мы понимаем развитие в постиндустриальной парадигме — то есть, например, рассматриваем развитие Дальнего Востока исходя из прогноза его депопуляции (по П. Г. Щедровицкому), а не из приоритета создания рабочих мест в физической экономике (по Ю. Л. Трутневу).

Но этого мало. Бессмысленно сетовать на низкую производительность труда, если рабочая сила используется неэффективно (что признает замминистра экономики), а доля людей, работающих по призванию, не превышает трети работоспособного населения (что фиксируют мейнстримные социологи).

Олимпиады приходят и уходят, а страна остается. Вопрос о том, как будут использованы построенные олимпийские объекты, как мне представляется, — более существенный показатель выбора государственной стратегии, чем успех или неуспех самой Олимпиады и число российских наград (хотя число этих наград несомненно влияет на уровень социального оптимизма, и потому дай Бог этому числу быть рекордным). Сочинские стадионы могут быть превращены в казино или в объекты реальной экономики. Это две разных перспективы, характеризующие два разных образа будущего не только для Сочи и не только для Северного Кавказа, но и для всей России и ее роли и места в мире.

Речь идет о стратегическом долгосрочном выборе — колониального или суверенного статуса, подчиненного или субъектного целеполагания, ущербного или полюсообразующего будущего России, капитуляции или прорыва, бесчестия или чести. Речь идет о том, что если мы хотим полноценного развития, не сталкивающего властные группы и народы между собой и не подставляющего государство под удар, система экономического управления должна быть изменена, сверху и авторитарно. Если уж ясно, что нынешняя модель роста исчерпала себя, значит, нужна другая модель роста. Такая, которая не делит страну на элитные центры услуг и погибающие

моногорода. Такая, которая вдохновляет людей на освоение пространств и создание своими руками нового качества, новой стоимости. Такая, в которой изобретения средств развития, не приравняются к изобретениям средств релакса; в которой средства оглуления и уродливого воспитания не причисляются к экономике, а выводятся за ее скобки; в которой государство своими распределительными рычагами проводит барьер между тружениками жизненно важных, необходимых, вспомогательных и сугубо паразитических профессий.

Я не стал бы в очередной раз поднимать вопрос о системной деколонизационной трансформации, если бы считал, что у действующей власти нет для этого возможностей. То, что они есть, доказывается от противного: наши внешние недоброжелатели не стали бы с такой энергией, достойной лучшего применения, ставить нашей стране разнообразные палки в колеса, если бы не чувствовали за ней потенциала полной деколонизации и выхода на твердый, разумный и достойный суверенный курс. У Владимира Путина есть довольно редкое отличие от многих политиков современного мира: он употребляет в своей речи термины «добро» и «зло». И чем дальше, тем чаще: видимо, к этому располагает опыт. При этом, когда решительно, на весь мир, говорится «А», хочется слышать и «Б». В связи с этим нельзя не вспомнить об еще одном большом отличии нашего президента от американских и европейских коллег: он не уходит, он остается. И это значит, что ему придется брать ответственность за следующий этап нашей жизни, когда стратегический выбор станет более жестким, чем сегодня. Это не хорошо и не плохо — это факт, с которым, хоть и неохотно, но вынужден считаться мир. И отечественная интеллигенция в частности.

29.12.2013

КОКТЕЙЛЬ РИББЕНТРОПА

Удар пяткой в грудь

Я догадывался, что это начнется, но не думал, что так быстро.

Стоило Владиславу Иноземцеву, директору Центра исследований постиндустриального общества, призвать к союзу российско-американского Севера с китайским Югом, как у него отыскились еще более пафосные адепты в столичном экспертном мейнстриме.

Василий Колташов, заместитель директора Центра изучения глобализации и социальных движений, забил тревогу в газете «Взгляд»: «Китай обошел США по объему импорта и экспорта. Об этом с гордостью поведало на неделе Главное таможенное управление КНР, забыв добавить, насколько опасным является такое положение для Поднебесной и всего мира. Китай сохранил ставку на экспорт. Все разговоры о том, что Поднебесная меняет ориентир с внешнего на внутренний рынок, есть лишь повторение официальной пропаганды КНР. О „зеленом повороте“ Китая тоже не стоит говорить. Производство в этой стране остается грязным, а условия труда большинства рабочих — адскими. Так правительство КНР добивается приемлемого для инвесторов климата, в число которых входят в основной массе китайские компании».

Климат в индустриальной части Китая вообще-то муссонный. Поэтому над городами висит так называемый смог, который представляет собой совершенно естественный природный туман, разве что — ну что тут поделаешь? — с добавками городских эманаций. Сужу об этом по личным впечатлениям: прокатившись позапрошлым летом от Пекина до Великой китайской стены, я ничего, кроме самой стены в двадцати шагах от себя, там разглядеть был не в состоянии: туман над зеленой туристической зоны был плотнее, чем над самим мегаполисом. А после того, как небеса на полдня разверзлись, превратив улицы в реки, с колоннады храма в парке Бэйхай был виден не только Запретный город, но и пекинские пригороды. Таковы гримасы природы, китайцы с этим свыклись, в респираторах по улицам ходят только иностранцы.

Наверное, не все китайские работодатели прониклись идеями «зеленого поворота». Однако такие есть. Вот, например, мультимиллионер Чэнь Гуанбао, объявив о намерении купить газету The New York Times, заявил, что это ему нужно не ради политической выгоды, а исключительно ради мира на планете, защиты окружающей среды и в целях филантропии. Чэнь известен тем, что в период борьбы с промышленными выбросами и загрязнением окружающей среды раздавал свежий воздух в банках.

Возможно, Чэнь — нетипичный магнат, тем более что добычей угля он не занимается. Уголь Китай, кстати, частично закупает в России. А китайский экспорт, масштабы которого тревожат аналитика Колташова, — это готовая продукция, в первую очередь машиностроения. И этим экспортом, по убеждению аналитика, китайцы коварно задушили Европу. «Разрушение европейской промышленности — вот цена китайских успехов. Рост армии безработных, снижение уровня жизни европейцев и демонтаж социального государства в ЕС — это тоже составные части цены. Речь не идет о конкуренции! Рост китайского ввоза в Европу — это результат сделки, которую народы ЕС не ратифицировали. Они не одобрили бы ее никогда, если бы знали: те же силы, что разрушают европейское производство, поощряют китайский импорт».

Что это за силы? Может быть, те элитные американские семейства, которые сначала спонсировали движение New Age и «бунт молодежи» 1968 года под лозунгом «Нельзя влюбиться в рост промышленного производства», а потом, вполне последовательно — Greenpeace, Earth First!, Conservation International и т. п.? Те семейства, которые лоббировали зубодробительное экологическое законодательство и выводили из хозяйственного оборота огромные территории, ныне числящиеся на балансе самого состоятельного и никогда не подозреваемого в коррупции ведомства — Environmental Protection Agency? Те семейства, которые продолжают травить оставшихся производителей-химиков с помощью «ментальных экологов» вроде основателя Occupy Wall Street Калле Ласна? Те семейства, которые состоят в одних клубах с Далай-ламой, Десмондом Туту и Михаилом Горбачевым?

Никак нет! По Колташову, в деиндустриализации Запада виноваты отнюдь не друзья Тибета, не какие-то там особо избранные меньшинства и их покровители, а, наоборот, большинство самого большого в мире народа. «Покупатели китайских товаров поставлены на колени корпоративным биз-

несом, нормами ВТО и требованиями МВФ. Потребление китайских фабричных товаров велико, но платить за них аналогичной продукцией не выходит. А именно ее стоило бы наращивать», — учит аналитик европейцев.

Вообще-то как раз европейцы традиционно руководят МВФ, а также пересаживаются из кресла ЕБРР в кресло главы ВТО. И ни в одно из этих кресел, равно как и в кресло главы Всемирного банка, ни одного китайца, как это ни поразительно, до сих пор не пустили. Но китайцы все равно виноваты.

Но еще не вечер, радуется читателя Колташов. Ибо «в пятую китайской экономики угодит стрела реиндустриализации других стран. Она, скорее всего, начнется на основе новых технологий. Эта перспектива реальна, поскольку уже сегодня десятки экономик платят кризисом за китайский индустриальный успех. Эта плата уже так велика, что породила вялую вторую волну кризиса. Она-то и может поразить Китай в слабое место. Но для этого страны — потребители китайской продукции должны сделать выбор в пользу собственного промышленного развития».

Вы все поняли? К мировому финансовому кризису американские банкиры, оказывается, не причастны. Это они «нагнали волну», и эта же волна их поразит, поскольку другие страны наконец-таки зачешутся и начнут индустриально возрождаться. Но как же так, спросите вы — ведь если они начнут возрождаться, то у них и покупательский спрос, наверное, повысится? Понять логику автора можно единственным образом: потребители, то есть прежде всего европейцы, должны освоить какие-то такие технологии, чтобы этот кризис, дабы задуть Китай, еще более усугубился.

Я, конечно, понимаю, что в средней и высшей школе давно не преподают марксизм. Но с другой стороны, наша культура в своей основе как-никак христианская, и даже в ценностном смысле сохранилась несколько лучше европейской. А в христианстве тоже существует такая ценность, как преобразующий человеческий труд, начиная с отделения зерен от плевел. А также такая ценность, как общественное благо. А также представление о человеке любой расы, будь то с Севера или Юга, как образа и подобия Божиего.

Пресловутая победа над Америкой, кстати сказать, не с неба на Китай свалилась, а стала результатом труда сотен миллионов людей. С какой колокольни мы смотрим, если заведомо заявляем о своем неуважении к этому труду? С колокольни того богатства, того интеллектуального и трудового результа-

та, который стался нам от Великой России и Советского Союза? Или с колокольни неуточненных «новых технологий»?

Нельзя сказать, чтобы Китай, который аналитик Колташов считает по определению и навечно презренной «периферией», не научился осваивать и внедрять новые технологии, имеющие отношение именно к индустрии в прямом смысле этого слова — то есть к производству продукции, обеспечивающей общественное благо, а не к ложно отнесенным к индустрии — ради дутых показателей — средств болтовни и релакса.

Даже Анатолий Чубайс, более причастный к перераспределению, чем к производству, пришел на саммите АТЭС во Владивостоке в полный восторг от китайских фуллеренов, многократно удлинняющих срок эксплуатации традиционных строительных материалов. Но как уже было отмечено, исключительно исходя из логики мышления аналитика-синофоба, Европе и нам (то есть, по Иноземцеву — «Северу») такие изыски ни к чему: нам надо что-то такое удумать и внедрить, чтобы сначала разориться до степени неспособности приобрести даже китайский товар, а потом по какому-то волшебству возродиться. То есть, чтобы уморить мастеров кунг-фу, сначала сами себя вобьем в землю пяткой в грудь.

Бандеровцы не краснеют. они зеленеют

Мечта о возрождении из ничего, на пустом месте, по манию какого-то незаслуженного небесного подарка, по украински называется «мрія». Корень «замирать» — от того же, что и «умереть». Сначала в качестве мрії, если вспомнить, фигурировало золото гетмана Полуботко, которое Лондон якобы должен и почему-то хочет отдать незалежной державе. В дальнейшем мрія всплывала в разных формах — то это был Черноморско-Балтийский нефтяной коридор, то чудесное спасение от наркомании путем отправления культа «Слово Веры», привезенного африканцем из Америки, то создание поместной церкви, то препарат «Тамифлю» от мошенников из ВОЗ, то сланцевый газ, то евроинтеграция.

Сланцевый газ объективно антиэкологичен. Иначе говоря, он в процессе добычи не просто нарушает некий трудно измеримый «баланс», на который уповают гринписовцы и им подобные. Он делает территории непригодными для жизни, поскольку на этих территориях почвенные воды становятся негодными к употреблению. И как раз по этой причине даже Франция, не боящаяся мирного атома и меньше прочих со-

братьев по ЕС отягощенная экологистскими предрассудками, запрещает этот вид добычи углеводородов. Польша не запрещает — но не потому, что поляки гордые люди, а по причине устоявшейся за 20 лет привычки опираться на Америку для «пидтрымки» собственных позиций в Евросоюзе.

А в Америке вокруг сланцевого газа, как известно, ломаются копыя. Саботировать его добычу и транспорт пытались, естественно, активисты с «зелеными ценностями», составляющие ныне ядерный электорат Демократической партии. Идеолого-пропагандистский ресурс Демпартии, Центр американского прогресса (CAP), солидаризировался с Occupy Wall Street именно потому, что эта массовка легла костями на пути нефтепровода Keystone XL в защиту драгоценного подземного Огалалайского водовода. И на публичных мероприятиях по этой же причине ужимки и прыжки вождей индейских племен чередовались с выступлениями почтенных профессоров так называемого левого толка. И Барак Обама воспользовался этой массовкой, чтобы выиграть выборы. А потом, проказник, возьми да и подпиши проект этого самого Keystone, для пущей определенности назначив специалиста по сланцевому газу Эдварда Мониса главой департамента энергетики. Поскольку идеология идеологией, а геология — геологией: лет на двадцать сланцевого газа хватит и для производства бензина, и для давления на мировые рынки.

Кстати о зеленом повороте: мировой рекорд по количеству ветряных мельниц принадлежит Америке, и в то же время упрямый средний потребитель желает заправляться бензином, благо обычное авто, хоть вывернись наизнанку, дешевле электромобиля. А поскольку Америка — это не Дания, то велосипед заменяет авто ничтожному меньшинству. Поэтому «прогрессистам» волей-неволей приходится наступать на горло собственной песне.

Вышеназванные проблемы — от природных до сугубо политических — неизменно всплывают на выборах любых уровней в США. Левые голосуют за ветряные мельницы, а правые, то бишь, республиканцы — наоборот, за сланцевый газ. А власть поступает исходя из целесообразности.

А поскольку Соединенные Штаты не забыли, что некогда были индустриальной страной, и догадываются на опыте кризиса, что производством волей-неволей заняться придется, то американская мечта, при всей чудовищной перестановке смыслов, еще теплится — о чем и свидетельствовала инициатива Трансатлантической зоны свободной торговли. Тя-

гаться с Китаем архисложно, но флаг не спущен. Другое дело, что если эта зона-таки возникнет, то от европейской индустрии не останется почти ничего. Но мечта требует жертв, на то она и мечта.

Мрія отличается от мечты тем, что не предполагает каких-либо созидательных усилий. Кроме сугубо теоретических — о том, где бы отыскался благодетель чудесного расцвета нации, и какого внутреннего врага треба от этой манной небесной отстранить, чтобы на всех хватило. И здесь-то и возникают парадоксы логики, труднодоступные равно китайцу и американцу.

Так, на Украине существует целый куст общественных организаций, отстаивающих одновременно освобождение от олигархии и экономическое возрождение. Само по себе это не парадокс: если обобществить крупную индустрию, повторив опыт большевиков, и ввести на какое-то время военный коммунизм, то можно и в самом деле обойтись без олигархов. Однако приверженцы анти-империалистической борьбы категорически ненавидят большевиков. Или жидобольшевиков, как выражаются их интеллектуальные лидеры, собирая юную аудиторию на мероприятия памяти Украинской повстанческой армии и Организации украинских националистов.

Однако массовый националистический пафос, подобно вирусу массово охвативший юношество, пропагандистски оснащен отнюдь не только портретами Степана Бандеры.

И антибольшевизм, и даже антимоскальство хотя бы и в преобразенной форме антипутинизма — не единственный и не центральный смысловой элемент как идеологии, так и пропаганды новой националистической поросли. Это видно хотя бы по программе организации «Третья позиция», где провозглашается «пятиединая революция». Пять ее опор, столпов или ипостасей — это национализм, социализм, интегральная экология, культурный традиционализм и самоуправление.

Вы все поняли? Берутся две ценности из одной идеологической кучки, так называемой прогрессивной, две — из другой, одна — из третьей, взбалтывается, и получается коктейль. Многие заподозрят, что первые два ингредиента не зря перечисляются именно в таком порядке, как в названии НСДАП. То есть это уже готовая субстанция. Допустим. А как быть с другими элементами?

Самоуправление — из арсенала «европейских левых». С социальной справедливостью этот анархический императив, как и любые другие анархические императивы, успешно сочетает-

ся исключительно в теории, поскольку на практике социальную дискриминацию может преодолеть исключительно государство. Либо все общество — после как бы ненасильственного разбора по камушкам сегодняшнего мира — должно построить на его обломках первобытнообщинные отношения.

И вот ведь что интересно: Бандера в новейшей идеологической иконописи не столько военачальник, сколько самоуправленец и именно поэтому борец с империями, равно русской и германской. И ровно такие же чаяния, приукрашенные архаическими элементами культур, выражают иностранные обитатели того идеологического сектора глобальной Сети, который интересен новейшим украинским националистам.

Третий, средний элемент в списке, интегральная экология, вроде бы прямого отношения к реальному нацизму не имеет — если, конечно, игнорировать то обстоятельство, что профессора евгеники, обслуживавшие рейх, учились у англичан, а Международный союз за консервацию природы был основан вице-президентом Британского евгенического общества сэром Джулианом Хаксли. Поднимают ли экологическую тематику на знамена современные ультраправые? В 1995 году мне довелось общаться с австрийским правым радикалом по имени Лукас, который входил в оргкомитет альтернативной «зеленой партии». Он был поклонником Герда Хонзика — активиста с нацистским бэкграундом, как и у Йорга Хайдера, но с более радикальной антииммигрантской программой; на тот момент Хонзик скрывался в Испании от уголовной статьи за призывы к насилию. Запомнились три детали из того короткого разговора — о том, что белая раса нуждается в особо экологичном питании; что Хонзик встречается с некими очень влиятельными людьми в испанских замках; что германской и русской нациям следует справедливо поделить Евразию, но при этом Украина должна достаться германской расе (в дискуссии по этому поводу я вступать не стал, но сам тезис, исторически неудивительный, запомнил).

Во-вторых, один из предводителей так называемого «правового сектора» Олег Голтвянский по прозвищу «Кесарь» ратует одновременно за солнечную энергетику и за сланцевый газ. Что в Америке полный политический нонсенс, то в украинской тусовке «катит»: лучше мы сожжем ее (неньку Украину) до нитки, но «Газпрому» не отдадим.

Нельзя сказать, что с добычей сланцевого газа окружающая среда станет дружелюбной для человека. По отравленному лесу гулять придется осторожно. Но даже отравленный дикий лес этому направлению дороже, чем, например, медицина:

«Рідна Земля. Вінниця. Увага! Завтра, 30 березня, в суботу, біля центрального входу в Лісопарк, що навпроти літака, відбудуться збори всіх небайдужих людей до долі парку, в якому за попередньою інформацією мають вирубати 7 гектарів лісу для будівництва приватної лікарні. Збори та обговорення подальших дій для збереження паркової зони почнуться о 12-00. Закликаємо всіх не байдужих приєднатися!»

Телеканал «Россия» обратил наше внимание на еще один парадокс. Горящие на улице Грушевского автомобильные шины, которые создают в вестибюле станции метро «Хрещатый» смог похлеще китайского, есть творчество персонажей с вышеназванным идеологическим коктейлем в голове. И как же интегральный экологизм в ультраправой башке совмещается с отравлением атмосферы с образованием доказано канцерогенных бензпиренов?

Однако, во-первых, пропагандистские СМИ могли бы поймать на парадоксе не только украинских эпигонов, но и мейнстримных экологистов, которые производство бумаги признают страшным грехом перед Матерью-природой, а производство электроники — нет, хотя электронный мусор разлагается не за полгода, а за полвека. Их агитация за солнечные батареи исходит из того, что углеводороды скоро исчерпаются, а между тем металлы, из которых делаются солнечные батареи — куда более редкий природный ресурс. И таких несуразиц множество. А что касается местных эпигонов, то ниспровергатели устоев по определению не склонны к ипохондрии, а главное, для среднестатистического гоппника с киевской окраины улицы Грушевского, Банковая, Лютеранская и т.п. — это центр, где окопалась ненавистная элита, монополисты и бюрократы, сиречь жулики и воры, в лучшем случае — владельцы «приватных клиник» для узкого круга, и если они все заболеют онкологией, то туда им и дорога.

Поскольку, если дать постоять вышеописанному коктейлю, то самая большая из расслоившихся фракций все-таки будет не коричневая, а черная, что бы не было прицеплено на рукаве или нарисовано на стяге. «Правый сектор» — в глубине души прежде всего самоуправленцы, сиречь «анархи». Что и было продемонстрировано струей из огнетушителя в физиономию боксера Кличко, как только стало понятно, что он метит в кресло, коль скоро так зациклен на досрочных президентских выборах.

Представитель России в ЕС Владимир Чижов, 24 января по телемосту советовавший западным политикам не лезть на

Майдан, предупреждал, что если вначале там доминировали флаги ЕС и лозунги об евроинтеграции, то теперь «флаги там другие — красно-черные». Намеренно или случайно дипломат привел одних европейцев в недоумение, других в смущение. Так уж совпало, что красно-черный флаг использовала Украинская повстанческая армия, имевшая дело с нацистами, а с другой стороны, на современном общепринятом политическом жаргоне «черно-красной» называют победившую в Германии коалицию ХДС и СДПГ.

Единственный депутат германского бундестага украинского происхождения Андрей Гунько высказался без двусмысленностей: «Кличко поет в унисон с неонацистской частью оппозиционного движения, которая уже несколько недель проводит насильственные акции и уже открыто ставит под сомнение его лидерские амбиции. Их бы больше устроил „свой“ предводитель, чтоб управлять яростью народа. Правительство Меркель несколько месяцев заявляло о поддержке оппозиционных партий, в том числе неонацистской «Свободы». Теперь в правительстве говорят, что имели в виду только мирных демонстрантов. Хотя внешнеполитическое ведомство Германии и фонд Конрада Аденауэра уже давно подстрекали оппозиционные движения Украины к тому, чтоб образовать комфортное для себя правительство».

Трудно себе представить, чтобы канцлер была в большом восторге от подобной ситуации. Интересно, что агитаторы за евроинтеграцию, преобладавшие на «первоначальном» Майдане, еще до отказа Виктора Януковича подписать Соглашение об ассоциации подозревали Ангелу Меркель в том, что она втайне ставит препоны на «шляху до Европы» и предпочитает закулисную сделку с Путиным на двоих — промелькнул даже образ «договора Лаврова-Вестервелле» по аналогии с договором Молотова-Риббентропа. Более того, преемник Гидо Вестервелле на посту главы МИД Германии, Франк-Вальтер Штайнмайер, имеет репутацию лояльного к России политика, как и другой социал-демократ — новый куратор российского направления германской внешней политики Гернот Эрлер. За эти назначения немецкое правительство уже успело получить выговор от бдительных американских обозревателей и экспертов. Причем у них был дополнительный повод для геополитической ревности: в ответ на незаконное кибервторжение американцев немецкая сторона тормозила создание вышеупомянутой Трансатлантической зоны свободной торговли.

По ту сторону смены декораций

К саммиту Россия-ЕС, в повестке дня которого энергетический конструктив сменился геополитическим раздраем, спичрайтеры Владимира Путина (лучше поздно, чем никогда) подготовили справку об идейных приоритетах «изменившегося Майдана». Очевидно, они не поленились изучить ультраправую блогосферу и, в частности, веб-творчество Украинского национального союза (УНС), руководимого Голутвянским-Кесарем, з которого легко убедиться, что тот элемент коктейля, который в программных документах именуется «национализм», не тождественен утверждению превосходства украинцев над «москалями». Я бы даже сказал больше: к рядовым москалям у ультраправых бунтарей претензий вообще нет.

Цитирую с веб-страницы УНС в социальной сети «ВКонтакте»: «Каждая черная мразь умрет. Власть белым. Оставайся белым. Мы должны сохранить настоящее нашего белого народа. Обеспечить будущее наших белых детей». Я считаю необходимым заметить, что написано это по-русски, так как для русской улицы ряды «Правого сектора» не закрыты. Аббревиатура СС в названии организации «Парни СС» расшифровывается как «славянское сопротивление». Речь идет о сопротивлении не только олигархам местным и москальским: до «изменившегося майдана» пацаны разминались на митингах против нелегальной иммиграции. Короче, против «черных». И было бы странно, если бы в таком деле у них не нашлось сочувствующих далеко за пределами славянства. И вполне логично, что уже в 2012 году на базе УНС была провозглашена Международная национальная ассамблея. И столь же логично, что 20 января, как только в «самоуправляемом» Мариинском парке зачадили автопокрышки и вознеслась двухметровая катапульта для метания «коктейля Молотова» в милицию, по восточноевропейским социальным сетям пронесся клич поддержать Майдан, адресованный фанатским группировкам. Тоже — так уж повелось, и довольно давно — близким к «фа», а не к «антифа».

Расовая заикленность «изменившегося Майдана» была уже замечена многими экспертами, в связи с чем в отечественных СМИ зародилось воодушевление вкупе со злорадством: возрадовались, дескать, вот тут-то Майдан и прокололся, сейчас Запад им надерет по заднему месту, а Янукович, даже если примет жесткие меры, уже признан меньшим злом — по аналогии с «Аль-Каидой» и Асадом в Сирии. Этот восторг проник даже в эфир либерального РБК-ТВ.

Свастики, руны и бандеровские песни про отпор жидобольшевикам были действительно замечены в Германии. Больше того, послужили поводом для политических подколов. Член комитета бундестага по делам ЕС украинец Андрей Гунько напомнил в интервью Die Welt: «Внешнеполитическое ведомство Германии и фонд Конрада Аденауэра уже давно подстрекали оппозиционные движения Украины к тому, чтоб образовать комфортное для себя правительство. Теперь они готовы пожинать плоды пакта с фашистами». «Черно-красная коалиция» была искренне смущена соседством Кличко на трибуне Майдана с Олегом Тягнибоком — который, как припомнил Юлиан Феттен с телеканала N-TV, в мае прошлого года встречался с лидерами непарламентской Национал-демократической партии Германии. Тем не менее симпатий к Майдану в западном истеблишменте не особо поубавилось: позиция правительства Германии отнюдь не совпадала с подходом Европейской народной партии, включая европарламентариев от германской ХДС.

Отечественный экспертный мейнстрим возлагал еще большие надежды на осуждение украинских националистов Израилем. В самом деле, Олег Тягнибок и его партия «Свобода» были предметами неоднократного негодования израильских политиков и общественных деятелей. Но, как и в Германии, в Израиле у них нашлись и поклонники. Публицист Гарик Мазор, член совета иудейского национального движения «Дом Давида», своих симпатий не скрывал: «Украина на сегодняшний день единственная страна в мире, народ которой вступил в открытую схватку с кремлевским империализмом. В свое время сионисты в борьбе за иудейскую национальную независимость, точно так же, как и украинские националисты-патриоты открыто противостояли британским империалистам. Борьба была и открытой, с оружием в руках, и скрытой, дипломатической. В какой-то момент сионистам для достижения государственной независимости пришлось пойти на компромисс и согласиться с разделом Эрец Исраэль, проведенным в 1946-1948 годах. Очень похожая ситуация складывается сегодня и на Украине. История учит нас, что стремление народа к национальной свободе победить невозможно. Украинская партия «Свобода» стала сегодня той силой, которая и приведет украинцев к независимости. Мы выражаем свою полную поддержку украинцам, всем национальным силам Украины, партии «Свобода» и ее лидеру Олегу Тягнибоку».

И нельзя сказать, что такой братский привет смутил «майдановцев». Напротив, 18 января от имени Майдана в соцсе-

тях был распространено обращение к евреям со следующим пассажем: «Современные украинские националисты (если не трогать одиозных высказываний) являются дружественными относительно евреев — и, в первую очередь, самого Израиля. Нам всем нужна свобода и равноправие, возможность быть собой, евреем или украинцем. У нас общий интерес, и мы надеемся, что еврейская община поймет это и примет за основу отношение «Дома Давида», а не старые страхи. «Бригада войны» во властных коридорах Банковой решила использовать антисемитскую тему. Уважаемые евреи! Прошу вас, не поддавайтесь на провокации. Этот сценарий пишут на Лубянке! Помните, что только русские шовинисты-черносотенцы выступали с антисемитскими призывами».

Под использованием антисемитской темы, которое авторы послания приписали Банковой (то есть администрации президента), подразумевалось избиение двух учащихся киевской ешивы, одного из которых доставили в синагогу без сознания в результате кровопотери. Первое нападение произошло еще 11 января, но целую неделю обычно чуткая община хранила молчание, заговорив лишь после того, как о происшедшем стало известно президенту Европейского еврейского конгресса Вячеславу Кантору. Но и после этого пресс-секретарь еврейской общины Одессы Болеслав Капулкин развеял старые страхи: «Я сомневаюсь, что здесь есть политический подтекст. Сейчас такая ситуация в стране, маловероятно, что представители каких-либо политсил будут бегать по Киеву и выслеживать евреев. Эти нападения (в Киеве) были подготовлены. Но отмечу, что никаких политических лозунгов при избииении евреев не звучало».

Утром 22 января, когда неустановленное лицо, неизвестно откуда узнав мобильный телефон днепропетровского активиста Сергея Нигояна, попросило его прийти к зданию библиотеки Академии наук, где его и ожидали четыре пули из охотничьего ружья, политических лозунгов тоже не звучало. Однако политический смысл был с ходу найден. Солист группы «Океан Эльзи» Святослав Вакарчук ударился в лирические параллели на тему этнических (и не только) меньшинств: «Когда-то армянин Параджанов снял фильм, который стал символом украинцев. Сегодня армянин Нигоян отдал жизнь, которая стала символом Украины».

В тот же день, впрочем, выяснилось, что шанс получить приглашение под охотничий залп имел не только Нигоян — поклонник армянской террористической сети ASALA. Не успело еще тело Нигояна остыть, как известный либеральный

публицист Виталий Портников, накануне уличенный в нетрадиционной ориентации, сообщил, что сбежал из Киева в Варшаву, поскольку некие сочувствующие из Москвы предупредили его, что он может стать в этот день «вторым Георгием Гонгадзе». Через пару часов Портникову в Варшаве, очевидно, вкрутили мозги, и в интервью «Радио Свобода» он поспешил уточнить, что в жертвы его назначили режиссеры не революции, а, наоборот, диктаторского режима.

Любопытно, что этого либерального публициста, ранее столь же далекого от национально-культурной тематики, как Валерия Новодворская или Виктор Шендерович, 4 января — когда он еще не был осведомлен о своем предназначении ритуального животного, прорвало текстом религиозного содержания:

«Украинские конфессии за последние недели пережили настоящее чудо единения пастыря и паствы. В дни испытаний храм — это убежище. И только от самих священников зависит, смогут ли они спасти авторитет церкви или же оставят ее на цивилизационных задворках в качестве домашнего храма цинично богобоязненной номенклатуры. Украинские священники спасли. Я многие годы писал о патриархе Филарете как об искушенном церковном политике, но когда Михайловский собор в центре Киева стал убежищем для избитых молодчиками из “Беркута” студентов, а потом его колокола драматично звонили в ночь второй попытки разгона Майдана, я понял, что церковная политика уступила место пастырскому подвижничеству. Так будут писать историки и о другом престарелом пастыре, кардинале Любомире Гузаре, и о находящемся на одре болезни митрополите Владимире. Я верю в чистоту помыслов священника, стремящегося приободрить верующих и неверующих. Иудеи, празднующие свои главные дни вне Израиля, хорошо понимают, что это такое — праздник внутри тебя, тихий огонь сопричастности, который важнее ритуала. Именно поэтому для меня так опасен бездушный ритуал, за которым нет этого едва заметного огня. Возможно, это новое Рождество из Киева рано или поздно придет в Москву, придавленную чиновничьим государством, чиновничьим безверием и чиновничьей церковью с ее надуманными проблемами и заменившей веру вычурностью холодного ритуала. В конце концов, один раз в истории так уже было».

Прорыв религиозного сознания в нетрадиционном теле с коротким либеральным умишком можно было бы считать чудом, и так бы и сказали пресловутые историки, если бы портки Портникова выдержали перспективу самопожертвования

ради изменившегося Майдана. Но поскольку этого не произошло, вряд ли можно считать чудом и кассандровское предвидение дня 19 января, который уже записывают в исторические анналы как «крещенскую ночь».

Вы все поняли? Есть «первоначальный» Евромайдан, уповающий на всем известные «европейские ценности», абсолютно конгруэнтные прогрессивным ценностям Демократической партии США. И есть «изменившийся» Евромайдан, на котором из этих ценностей присутствует на заднем плане только «интегральная экология», а все остальное соответствует не набору Демпартии, а, догадайтесь с одного раза, чему?

Напомню самый чистый образец из всех известных нашей аудитории революционных суррогатов — день «революции роз» под новым, откуда-то взявшимся флагом с крестами, приуроченный к дню Святого Георгия. Тогда немэйнстримные грузинские оппозиционеры вроде Шоты Нателашвили подумали было, что Святой Георгий — это Джордж Сорос. А оказалось — Джордж Даблю Буш с неоконсерватором Диком Чейни впридачу.

Как раз когда публициста Портникова потянуло на крестоносную тему, с вкраплениями лирики еврейского изгнания (тема Крещения столь же дорога американским протестантам-фундаменталистам, в обилии импортированным на Украину к 2004 году, как и тема защиты Израиля), в рядах украинской парламентской оппозиции стали происходить специфические брожения. Анатолий Гриценко, министр обороны при ставленнике революции 2004 года Викторе Ющенко, стал так хамить лидеру «Батькивщины» Арсению Яценюку, что был выставлен за двери фракционного заседания. Он же оказался единственным парламентарием, показательно покинувшим Верховную Раду после протаскивания диктаторских законов 16 января. И он же был признан наиболее воинственными публицистами «крещенской фазы» одним из подлинных лидеров революции — в противоположность, прежде всего, Яценюку.

На «первоначальном», «прогрессивном», «демпартийном» Майдане самый большой оргресурс был за Яценюком: именно с ним еще в марте 2012 года заключили контракт ветераны «белградской весны» во главе с сотрудником Национального демократического института США Марко Ивковичем. В крещенскую ночь Яценюк оказался совершенно не при делах, тщетно призывая к мирному диалогу. Что и зафиксировала организация «Автомайдан», признавшая единственным «правильным» парламентским лидером Виталия Кличко. «Авто-

майдан», как пишут авторы украинских досье на «грантоедов», был изначально проектом, финансировавшимся отдельно от других. Что касается самого Кличко, то из всех партийных вождей нового поколения он один демонстрировал политическую солидарность с Михаилом Саакашвили после событий лета 2008 года. А его первый визит в США, буквально сразу же после создания партии УДАР, ознаменовался встречей с сенаторами-республиканцами Маккейном и Грэхемом.

«Правый сектор» настолько не переносил Арсения Яценюка, что на Майдане его на всякий случай отгораживала от «парней СС» цепочка из ветеранов-афганцев. И неудивительно: он был из другого муравейника.

О «терках» между партией «Батькивщина», доверенной Яценюку на время заключения Юлии Тимошенко, и партией УДАР Виталия Кличко писали давно. Самым показательным был эпизод с внесением именно депутатом от «Батькивщины» проекта поправки в Налоговый кодекс, не допускающий лиц, имеющих вид на жительство и основной заработок за рубежом. «Мишень» мгновенно узнал в самом себе Виталий Кличко, имеющий вид на жительство в Германии и платящий налоги там же, а также в США, но не на Украине.

Впрочем, в самой «Батькивщине» завелись «засланные казачки». 12 декабря на вакантное место во фракции от Волынской области был избран писатель из Черкасс Леонид Даченко. И с ходу заявил, что Яценюк заинтересован в том, чтобы Тимошенко никогда не вышла волю, дополнив описание Арсения Петровича характеристикой «жидок». А также добавил, что на бывшего вице-премьера Александра Турчинова, ближайшее доверенное лицо Тимошенко, «еще больше материалов» о сомнительных связях. Когда вскорости после этого Волынская организация УДАРа в полном составе вышла из партии, это было расценено как ответный удар Яценюка. Хотя повод состоял в появлении в Сети скандального порновидео с участием публициста Портникова. «Гомосексуализм и педофилия несовместимы с религиозными и нравственными традициями Волыни», — сообщала возмущенная парторганизация. Вряд ли Арсений Петрович согласился бы портить себе репутацию в Европе такой рискованной «подставой». Скорее можно было заподозрить в интриге против Кличко некую «третью силу».

О «третьей силе» еще 2 декабря сообщала Financial Times. В статье о перспективных лидерах Майдана называлось не три фамилии, а четыре. Четвертым был экс-министр экономического развития, бывший глава МИД, владелец холдинга

«Укрпроминвест» Петр Порошенко. Накануне он «обозначился» на Майдане, 12 декабря посетил Брюссель, где беседовал с экс-главой Европарламента Эльмаром Броком, а 13 декабря его принял в Вашингтоне сенатор Джон Маккейн. Эта встреча состоялась как раз за день до прибытия самого Маккейна в Киев, где сенатор счел нужным пообщаться не только с оппозицией, но еще с какой-то целью — с главой Совета нацбезопасности Украины Андреем Клюевым. Осталось неизвестным, что именно сенатор-республиканец хотел донести до Клюева. Факт состоит в том, что то же самое агентство INSIDER, которое активно занималось пиаром Петра Порошенко, собирало компромат на Андрея Клюева и его семью.

Пиар Порошенко расцвел пышным цветом в канун «крещенского бунта». И именно Петра Алексеевича называли главным спонсором «Правого сектора». Хотя еще недавно пределом его амбиций считался пост мэра Киева. 14 января информгентства со ссылкой на INSIDER сообщали: «Порошенко якобы договаривается с Кличко о поддержке лидера УДАРа на будущих выборах (президента) в обмен на должность премьер-министра. Его соратник Игорь Грынив подчеркивает: Порошенко и Кличко действуют на одном электоральном поле. По его словам, оба политика пользуются поддержкой не только в центральных областях страны, но и в восточных и западных. Понятное дело, Кличко будет делать все, чтобы создать тандем с Порошенко. Такой союз выглядел бы очень мощно. Слухи о союзе с Кличко выгодны и Порошенко. Ведь в таком случае, как минимум, до активной фазы президентской кампании лидер УДАРа продолжит аккумулировать на себе поток негатива со стороны конкурентов. В то же время Порошенко будет оставаться в тени самого рейтингового из глав оппозиционных фракций. И если ЦИК не зарегистрирует Кличко кандидатом в президенты, он (Порошенко) попытается завоевать его электорат».

Пиарщики не скрывали, что Петр Порошенко и «Батькивщина» — две вещи несовместные. Действительно, именно из-за Петра Алексеевича случился раскол в «оранжевой» команде осенью 2005 года, когда Юлия Тимошенко была вынуждена оставить пост премьера. И хотя Петр Алексеевич на словах хлопотал об ее освобождении, его телекомпания «Пятый канал» блокировала все новости, связанные с опальным экс-премьером. И как раз потому, что «Пятый канал» был самым энергичным ньюсмейкером Майдана, иностранной аудиторией казалось, что о Юлии Владимировне Майдан просто забыл. «Сдержанно относятся к Порошенко и соратники

Олега Тягнибока», — сообщил INSIDER. Действительно, лидер «Свободы», как ни парадоксально, чаще появлялся в компании умеренного Яценюка. При этом «Свобода» и «Правый сектор», несмотря на схожесть фразеологии, на Майдане мало соприкасались. «Свободу», как и электорат «Батькивщины», тренировали ребята Ивковича. «Свободу», как и «Батькивщину», «крещенский бунт» застал врасплох.

По существу за фасадом политической демагогии вырисовывались контуры двух явно несовместимых группировок. 31 января, когда «афганцы» и «Правый сектор» вдруг согласились на «сепаратные переговоры» с силовиками об освобождении всех заключенных и выполнении принятого Радой закона об амнистии, в события пытался вмешаться Александр Турчинов — на что представитель Афганцев Олег Михнюк раздраженно заявил, что экс-вице-премьер в правительстве Тимошенко «пытается приватизировать Майдан». Неожиданно «смягчение» «Правого сектора» совпало с Мюнхенской конференцией по безопасности, где украинскую оппозицию представляла уже видоизмененная «тройка» — Яценюк, Кличко и Порошенко.

В ту пору, когда Александр Турчинов руководил Службой безопасности Украины, его пресс-секретарь Станислав Речинский накопил на Порошенко компромат, который был выложен на портал ORD. Рассказывалось, что Петр Алексеевич имеет связи с крупными контрабандистами оружия, которое поставлялось в горячие точки, в частности в Сербию и в Абхазию. В качестве одного из бизнес-партнеров назывался советник Виктора Ющенко по международной торговле, гражданин Сирии Юсеф Харес. Эти подробности циркулируют на многих сайтах и разумеется, не могли не доходить до западных спецслужб. Как и фото его особняка в стиле Белого Дома, только с большим числом колонн. То ли эти сведения не были приняты всерьез, то ли связи Петра Алексеевича в Одессе и на Днестре, в Белграде и Сухуми представляли интерес для внешних лоббистов, а в антикоррупционной борьбе для него, в отличие от членов семьи Януковича, делается особое исключение. А эмоции либеральной молдавской организации PRO EUROPA, на досье которой ссылался Речинский, этих внешних лоббистов ничуть не интересуют.

Почему? Потому что эти внешние лоббисты — не про-Егора, а совсем наоборот. У организации «Тризуб», проводник (председатель) которой Дмитро Ярош выступает от имени «Правого сектора», очень интересный перечень союзников по антиимпериалистической борьбе. Он приведен на их портале «Бандеровець» вот таким столбиком:

Австрія
Білорусь
Болгарія
Грузія
Естонія
Ірландія
Іспанія
Італія
Кавказ
Каталонія
Країна Басків
Курдистан
Литва
Мексика
Ольстер
Палестина
ПАР
Татарстан
Угорська революція 1956 року
Україна
Урал
Франція
Хорватія
Чилі
Шотландія
Японія
Квебек

Вот такой коктейль. Сербии с Абхазией здесь нет. Есть те, кто в них стреляет. Частным поставщикам оружия в таких случаях бывает все равно. Зато есть Курдистан (мина под сразу две империи), Кавказ, Урал и Татария.

Потому что главное, чтобы империй не было. И в том числе ЕС. Как это так — антиевропейцы на Евромайдане? А они появлялись, между прочим, и на Майдане 2004 года. Одна из западных структур, поддерживавших тот Майдан, имела на своем сайте флаг ЕС, на котором звезды соединялись в колючую проволоку.

Правда, если быть последовательным борцом с «західним ліберально-космополітичним імперіалізмом», то следовало бы вместе с Квебеком подумать, например, о Техасе. Но это слишком смелая мысль для «тризубцев». У них даже на Трансильванию смелости не хватает. Впрочем, в тексте М. Михновского «Украинские этнические земли и границы» упоминается с до-

садой, что «чимало етнічних українських земель було включено до складу Польщі, Чехо-Словаччини, Угорщини, Румунії». Это на запад. А на восток — Ставрополь, Майкоп и Краснодарский край до Геленджика. А вы думали, Сочи — исконно черкесский город? Отнюдь нет. Украинский.

Польская пресса на претензии «Тризуба» с компанией уже отреагировала, поинтересовавшись у партии Качинского, как же ее угораздило поддержать таких гопников. Католики оторопело молчат. Есть от чего оторопеть: в коктейле на портале «Бандеровець» присутствуют: присяга рыцаря-тамплиера; цитаты из Фомы Аквинского; статьи об *Opus Dei*, тевтонах и мальтийцах («Тризуб» также считает себя орденом); очерк о крестовых походах — и тут же документы Чеченской Республики Ичкерия, включая наставления амира Хаттаба; и тут же советы бойцам по самомассажу энергетических точек на кистях рук (точка «хэ-гу») и в промежности (точка «хуей-ін» — я прошу прощения, так написано).

Но и «Тризуб» бледнеет перед громадьем планов Социальной Национальной ассамблеи: она требует национализации земли и недр, жесткого протекционизма в сельском хозяйстве, создания аэрокосмических сил, возвращения Украине статуса ядерной державы. Если еще никто в Еврокомиссии не упал в обморок, продолжим: «Ведущими приоритетами Великой Украины будет создание под эгидой Киева Центрально-Европейской конфедерации — блока стран, расположенных в треугольнике Балтика-Балканы-Кавказ, что обеспечит доминирование на евразийском континенте с установлением контроля над всеми важными транспортным и трубопроводными артериями. Следующим шагом будет присоединение западноевропейских стран, поочередно вызволенных из-под диктата демолиберализма и финансового капитала. Потом включить треба уже европейскую конфедерацию России. А на Ближнем Востоке Великая Украина будет опираться на сотрудничество с антисионистской державой Иран, породненной с европейской цивилизацией культурно и частично расово, и располагающей ресурсами, необходимыми для украинской промышленности».

Это вам не «хэ-гу». И даже не интегральная экология, которой пропитаны тексты структур-партнеров. Майдан борется с российским и китайским империализмом, отдельно взятый «Тризуб» — с империализмом вообще, а социал-националисты за что? Правильно, за Четвертый Рим. О котором в 1991 году писалось в журнале «Державність», который в Львове финансировал фонд «Видродженне» Джорджа Сороса.

Тот же фонд до настоящего времени финансировал издание популярной газеты «Наши гроші», где разоблачались олигархи и чиновники в партнерстве или попросту знакомстве. Да и вообще любых предпринимателей. Кроме тех, кого поддерживал фонд АСВА Александра Данилюка и учрежденная на его основе организация «Спільна справа» («Общее дело»). Она поначалу была «зачинщиком» так называемого Налогового майдана, а к Евромайдану выросло в самостоятельного игрока, который обитал рядом с «Правым сектором» отдельным лагерем. Праворадикальных лозунгов «Справа», на самом деле, не выдвигала. Другое дело, что с Данилюком дружил Павел Нусс, участник пиара Петра Порошенко и известный исполнитель политических заказов — в том числе прицельно против Юлии Владимировны.

27 января «правозащитные юристы» взяли и оккупировали три здания министерств. Этот эпизод беспокоил многих западных либеральных авторов. Саймон Шустер в журнале Time забил тревогу о том, что «бандиты» (thugs) правого толка, дескать, перехватывают на Майдане инициативу у либералов. К либералам он отнес, как ни странно, и «Свободу». А к правым радикалам — организацию «Общее дело».

Казалось бы, совсем запутался американский автор: Сорос же на Западе считается спонсором левых! Но это на Западе. А в Восточной Европе, в Средней Азии, в Центральной Африке он везде — и слева, и справа. По меньшей мере со времен альянса с Габсбургами по осуществлению «бархатных революций».

Правда, не успели западные обозреватели осмыслить происшедшее, как супруга Данилюка вдруг устремилась в аэропорт «Борисполь» со своими чадами. И при посадке на чартерный рейс стоимостью 25 тысяч евро предъявила британские паспорта. А потом некими партизанскими тропами с Украины бежал и сам Данилюк — тоже в Лондон.

К этому времени в сети уже тиражировалась видеозапись, из которой следовало, что активист «спалился», и не один, а с куратором. Блогер Алекс Вербенко уже 28 января огласил текст SMS, который Данилюк получил накануне: «Здравствуйте, Александр — еще раз спасибо за встречу с нами вчера. Я слышал, что кто-то от оппозиции добивался от вас освобождения Министерства юстиции? Есть ли правда в этих слухах?? Проверьте, чтобы здание было надежно защищено (достаточно ли баррикад?) У меня нет доступа к этому телефону в моем офисе, но я буду периодически проверять. Да, и звоните свободно на мой городской телефон (044-521 — 5238) (посольство США). Спасибо. Тим». Согласно комментарию СБУ, авто-

ром SMS был второй секретарь политического отдела посольства Тимоти Пергальски, а гонорар от его офиса на захват одного министерства составлял 200 тысяч долларов.

Три дня спустя последовало не менее скандальное разоблачение. Предводитель «Автомайдана» Дмитрий Булатов — который, как сообщалось в мировых СМИ, восемь дней подвергался пыткам — был также вынужден стремительно отправиться якобы на лечение в Литву, поскольку тоже был разоблачен. Активистка движения «Спаси Киев» Ксения Шкода сообщила: «Все это время Булатов находился на одной из дач миллионера Юрия Зозули, расположенной в Киеве в микрорайоне «Русановские сады» по ул. Спортивная! Этот увеселительный комплекс с баром, сауной и прочими атрибутами именуется «Зозулино гнездо»! Его там видели, он там был! В этот период времени это «гнездо» посещал Анатолий Гриценко — друг и приятель Зозули и Булатова! Просьба к следователям МВД и ГПУ в полном объеме остановиться на версии инсценировки, допросить Гриценко и Зозулю, установить личности, входящие в близкий круг Зозули и, наконец, поставить точку в гнилом фарсе гнилой чмОППОпозиции!»

Это было 2 февраля. В этот день из Мюнхена возвращался покровитель Гриценко, Данилюка и «Правого сектора» Павел Порошенко. Целый хор обозревателей и экспертов твердил: Запад якобы достиг консенсуса: премьером делают Петра Порошенко. Более того, эксперт Berta Communications Тарас Березовец утверждал 2 февраля, что кандидатура якобы согласована и с Москвой. В это время Петр Алексеевич через депутата Рады Давида Жванию усердно продвигал вопрос о возвращении к конституции 2004 года — то есть к политическому устройству, в котором реальная власть принадлежит премьеру. А лидеры «Правого сектора» от внесистемных действий внезапно захотели перейти к внутрисистемным. То есть к созданию новой, радикальной, но легальной партии.

А сенатор Джон Маккейн 2 февраля с трибуны Мюнхенской конференции «троллил» не только Москву, но и госсекретаря Джона Керри. «Наш госсекретарь носится туда-сюда, как заяц-энерджайзер», — подтрунивал свысока республиканец-экспансионист. А затем от иронии легко переходил на осуждающий тон: «Я считаю позором тот факт, что мы пригрозили оппозиции прекратить ей помогать, если она не направит делегацию в Женеву! Так нельзя работать с людьми». Речь шла не об украинской оппозиции, а о сирийской. Пока что о сирийской.

Направления главных ударов

«Похоже, на днепровских берегах будут выяснять отношения не только украинские, но и американские кланы», писал автор этих строк в начале декабря в статье «Пидманула, пидвела» для «Санкт-Петербургских ведомостей». Республиканская партия США к тому времени подобрали себе наконец компромиссного кандидата на 2016 год, которого зовут Тед Крус — об этом, а вовсе не о бюджете, был изматывающий спор в Конгрессе в сентябре. Кстати, этот кандидат публично отстаивает ценности семьи, одобряет движение против абортов, ратует за смягчение экологического и ужесточение иммиграционного законодательства в США. А также, что естественно для республиканца — за опережающее развитие ВПК и за свободную торговлю личным оружием.

Две американских партии традиционно начинают выяснение отношений за два года до выборов. Но я не догадывался, что выяснение отношений так быстро достигнет экстремума, причем не только на днепровских берегах. Не догадывался потому, что слишком уверенно держалась буквально до последних недель команда Джона Керри.

Команда Керри внушала уверенность правительству Ирана в снятии санкций и приглашала Иран на «Женеву-2», а на недовольных просаудовских оппозиционеров и впрямь покрикивала.

Команда Керри осторожно допускала, что Башар Асад может остаться у власти в Сирии, и это мнение дублировали самые авторитетные эксперты по Сирии, включая уроженца Саудовской Аравии Джошуа Ландиса.

Команда Керри предъявила правительству Израиля план создания палестинского государства в границах 1967 года, и этот план предусматривал право палестинцев на самостоятельную разработку недр и на Западном берегу Иордана, и — после разрешения внутрипалестинского конфликта — на шельфе сектора Газа.

Команда Керри рассчитывала на благополучное подписание Соглашения по безопасности в Афганистане, где Хамид Карзай подписывал трехсторонние соглашения с Ираном и Индией по использованию контейнерного порта Чабхар.

Столь же уверенно, если не сказать самоуверенно, чувствовала себя российская дипломатия. Считалась вполне реалистичной игра на двух досках сразу — с Тегераном и Дамаском, с одной стороны, и с треугольником Саудовская Аравия-Израиль-Египет с другой. Считалось вполне безопасным делом

принимать Армению в ТС вопреки несовпадению реальной и признанной географической восточной границы. Считалось даже уместным «дергать за усы» Пекин, заигрывая с Токио и Вьетнамом. Это поведение подкреплялось первым местом по влиянию, которое щедро присваивали Владимиру Путину один западный рейтингист за другим.

Эту уверенность подточил первоначальный, «проевропейский» Майдан, после которого лидеры западных стран стали друг за другом отказываться от посещения Олимпиады. «Эпидемии» бойкота не подвергся президент Швейцарии Ули Маурер. Зоркие украинские обозреватели тут же вывели штрейкбрехера-швейцарца на чистую воду: дескать, как раз в Швейцарии зарегистрировал свои зарубежные активы «Газпром», спрятав их от европейского антимонопольного расследования, и там же осели активы «Роснефти» и «Башнефти», и, само собой, «Росукрэнерго». Однако Швейцария крупно подыграла не только нашим нефтяникам, но и команде Керри: она приостановила действие запрета на торговлю ценными металлами с Ираном, а также ослабила ограничения, связанные с транспортировкой и страхованием нефтепродуктов из этой страны.

Следующий звонок для России прозвучал 29 декабря — в Волгограде. Нельзя сказать, что он не был принят всерьез. Но так или иначе, он был списан на региональных экстремистов, благо на тот момент никто в нем не признался. А намеки радио «Свобода» на тему о том, что против губернатора Боженова, которому на выборах якобы помогал дагестанский бизнес, сработали какие-то наши же персонажи в погонах, воспринимались в порядке вещей — как очередная инсинуация. Однако день в день с украинским Крещением и день в день с приглашением Ирана на «Женеvu-2» общественность дождалась автографа от организации «Ансар ас-Сунна». Дождалась и не очень поверила. «Скорее всего, эта организация не имеет к теракту никакого отношения», — успокаивал портал РБК. Западные обозреватели думали иначе, но их было легко и уместно заподозрить в «торговле страхом», благо это делается накануне Олимпиад последних 20 лет практически регулярно.

Вообще-то «Ансар-ас-Сунна» — брэнд организации «Ансар аль-Ислам», использовавшийся в 2003-2007 годах, в пору оккупации Ирака. Если не поленишься и покопаться в ее истории, мы найдем там немало парадоксов. Сама она известна диверсиями с сотнями жертв и похищениями с пытками и обезглавливаниями, однако ее духовный лидер Мулла Крекар, этнический курд и при этом суннит, с 2002 года по сей день

обладает статусом беженца в Норвегии, а все его семейство — гражданством. Много раз и норвежские политики, и премьер Ирака, и премьер Иракского Курдистана, который не в лучших отношениях с премьером Ирака, требовали привлечь его к суду за моральную и материальную поддержку терроризма. Но несмотря на то, что он включен в «черные списки» и в Вашингтоне, и в Лондоне, и даже в Канберре, он всякий раз чудесным образом избегал суда. Даже в 2009 году, когда призвал в интервью арабскому телеканалу воссоздать Халифат, а главой его сделать либо великого Усаму бен Ладена, либо Айзмана аз-Завахири, либо афганца Гульбеддина Хекматиара. И только в 2012 году его наконец приговорили к пяти годам (тут же сокращенным до двух лет и десяти месяцев) за угрозы убийством бывшему норвежскому министру Эрне Содберг. При этом без лишения статуса беженца — как лица, будто бы пострадавшего от Саддама Хусейна.

Чудо неуловимости, которой пользуется мулла Крекар, упало, конечно же, не с неба. В 2002 году, когда его арестовали в Нидерландах, с ним провели длительную беседу офицеры ФБР, и только после этого он получил свой статус беженца. А когда в Белом Доме его записали было в связные «Аль-Каиды», на президентский стол лег доклад военной разведки (DIA), где объяснялось, что это не так. Три года спустя военные записали его организацию в «умеренные» и якобы враждебные пресловутой «Аль-Каиде», и даже глава Пентагона, неоконсерватор Дональд Рамсфилд не скрывал, что вел тайные переговоры с группировкой, официально занесенной в списки террористических организаций.

А что касается Гульбеддина Хекматиара, который с кем только не знаком, то он как раз призвал свой актив участвовать в афганских выборах. И вот ведь совпадение — как раз в этот день было совершено покушение на Исмаил Хана, экс-губернатора провинции Герат, хорошо знакомого иранской команде Хаттами (пересевшей в правительственные кресла при Хасане Рухани). Это был сюрприз для Джона Керри, причем далеко не первый за этот месяц.

По мере приближения к «Жене-2», российской Олимпиаде и афганским выборам сюрпризы сыпались на Керри один за другим. Накануне Нового года президент Франции Франсуа Олланд заключил в Эр-Рияде «сепаратную» — то есть в интересах французских производителей — сделку по снабжению оружием ливанской армии за счет саудитов. Стороной сделки в Ливане является партия Саада Харири, враждебная шиитам и друзьям и в то же время имеющая неформаль-

ные связи с нынешним руководством Пакистана. После чего неустановленные лица убивают одного из влиятельных соратников Харири, это убийство в израильской прессе приписывают «Хизбалле», а затем израильские ВВС совершают очередной налет на Газу. Воодушевленный «Ликуд» призывает премьера Израиля продолжать застройку Восточного Иерусалима, не слушая ни Вашингтон, ни Брюссель, а министр обороны Моше Яалон высказывает пожелание, чтобы Керри, опостылевший своими визитами, наконец получил Нобелевскую премию мира и оставил Израиль в покое.

Правая израильская пресса откровенно издевалась над хлопотами Керри над палестинским урегулированием, предвещая, что сделать на этом политический капитал ему не суждено. Но у главы Госдепа была головная боль посерьезнее — в Кабуле. И в тех же числах января он получает удар в спину от экс-главы Пентагона Роберта Гейтса, в «революционном» 2011 году публично не согласившегося с планами «арабской весны» для Саудовской Аравии и Бахрейна. Только теперь Гейтс поставил Госдепу подножку уже в самом чувствительном месте, рассказав в своих мемуарах, как в 2009 году Барак Обама и тогдашний спецпредставитель (и давний соратник Керри) Ричард Холбрук разработали операцию по устранению от власти Хамида Карзая, окончившуюся неуклюжим провалом. И это в то время, когда Госдеп обхаживает Карзая, пытаясь выклянчить у него подписание Соглашения о безопасности — то есть об условиях сохранения в Афганистане американского контингента! Но и это не все: 14 января о себе напоминают талибы. Сначала их пресс-секретарь после долгого молчания сообщает корреспонденту ВВС Джону Симпсону, что «Талибан» непременно сорвет афганские выборы, а двое суток спустя в строго охраняемом правительственном квартале Кабула в упор расстреливают группу работников ООН, включая двух американцев и одного русского. Символичнее всего — название ресторана «Ливанская таверна» и ливанское же происхождение самой статусной жертвы — представителя МВФ в Афганистане.

Еще 16 января Керри оказывал прямое давление на сирийских оппозиционеров-суннитов, именуя их людьми, которые «хотят переписать историю и замутить воду». Куда более добродушно он ввел себя с официальным Тегераном, представители которого были им лично приглашены на «Женеvu-2». Но уже спустя несколько часов заместитель его же пресс-секретаря пояснила, что его «не вполне поняли», а 21 января сам генсек ООН, уже успевший отправить приглашение Ирану, за-

вернул его обратно. В тот же день глава МИД Сирии Валид Муаллем просидел пять часов в греческом аэропорту по пути в Монтре. А генсек ООН, с которым у него на этот день была запланирована встреча, беседовал в это время не с ним, а, наоборот, с саудовским ставленником Ахмедом аль-Джаброй.

Как раз в этот день, 21 января, на «шиитскую партию» свалился еще один сюрприз. Об этом смутно и скороговоркой упоминалось на гостелеканале «Россия-24»: в новостном эфире несколько раз с досадой было упомянуто про некие интриги государства Катар. Несмотря на то, что в интервью тому же каналу глава Института Ближнего Востока Евгений Сатановский изобличил в интригах саудовского принца Бандара и уже по традиции свел все проблемы Ближнего Востока к семисотлетнему противоборству суннитов с шиитами. И поразительно совпал в своей логике с русскоязычным порталом «Иран.ру». Поскольку, что совсем неожиданно звучало из уст Евгения Яновича, смысл в Женеве, по его оценке постфактум, был бы только в том случае, если бы — как и настаивал Сергей Лавров — там сидели бы за одним столом иранцы с саудитами.

Так в чем же провинился Катар, о котором уже на следующий день забыли? Очевидно, речь шла о действительно совершенно неожиданном событии, которое Евгений Янович то ли не заметил, то ли не решился интерпретировать. 21 января в газете Guardian, а также на портале «Аль-Джазира», сообщалось о некоем докладе, представленном мировой общественности. Докладе, который один из его составителей сравнили ни много ни мало с материалами Нюрнбергского процесса.

Очередные параллели с Второй мировой войной были проведены влиятельным британским прокурором Джоном Крэйном, который готовил доклад вместе с двумя другими профессиональными обвинителями. Из трех соавторов доклада его имя, впрочем, наименее громкое. Куда более солидная фигура — автор, имя которого стоит первым — доктор Десмонд Лоренц де Сильва, рыцарь ордена Святого Иоанна Иерусалимского и член королевского Тайного совета. А в недавнем прошлом — специальный помощник генсека ООН Кофи Аннана, по его поручению успешно уговоривший премьера Сербии Воислава Коштуницу сдать в Гаагу всех сербских генералов.

Напомним, на пост премьера после свержения Милошевича претендовали либерал Зоран Джинджич и так называемый националист Коштуница, но Джинджича, на которого работала команда Института Эйнштейна, внезапно убили. Очень похожая история случилась после «революции роз» в Грузии:

президентом давно рассчитывал стать постоянный клиент демократов, либерал до нетрадиционности Зураб Жвания, но когда правящие неоконсерваторы сделали ставку на мужлана и бабника Саакашвили, Зураба с партнером нашли угоревшими до потери пульса. Как раз сейчас продемократическое правительство Грузии подняло эту историю, и в ней вскрылись неожиданные подробности: обиженный Зураб перед смертью, оказывается, «стучал» по своей партийной линии не только на Саакашвили, но и на министра обороны Давида Кезерашвили, конкретно — на тему о скандальной теневой ракетной сделке правых республиканцев с иранцами в 2003 году.

Спецдоклад рыцаря де Сильвы и был тот лом, против которого у Джона Керри, не говоря о Сергее Лаврове, не оказалось приема. Нельзя исключить, что и заявка от «Аль-Сунны» была воспринята госсекретарем, как и покушение на Исмаил Хана, как персональное «предупредилово». И оба соавтора идеи «Женевы-2» вели себя на открытии «Женевы-2» довольно нервно. Керри отмежевался и от иранцев, и еще энергичнее от Асада, и вообще его будто подменили: как и летом этого года, он вдруг перескочил в партию войны. Дипломатическим влиянием саудитов это объясняться не могло: Керри гостил у короля 5 января, а не 17-го и не 21-го. То есть отнюдь не принц Бандар выбил из его рук магический меч, предназначенный для разрубания сирийского гордиевого узла. И внезапное освобождение Кезерашвили французами также вряд ли имеет отношение к суннитскому заговору. Это — для сведения особо подозрительных иранцев и особо ретивых отечественных иранофилов.

Десмонд Лоренц де Сильва, пэр Англии и сопредседатель Землевладельческого общества, преподает в колледже Святого Антония Оксфордского университета. Это учебное заведение — по существу высшая структура в интеллектуальном аппарате суррогатных революций как в Восточной Европе в конце 1980-х, так и в арабском мире. В это учреждение из Центра международных отношений Гарварда отправляли учиться Джина Шарпа. Из этого учреждения профессор Тимоти Гартон Эш ездил в Египет в гости к Гамалю аль-Банне. Здесь концентрируется исторически опыт британских международных операций, которые много веков были прежде всего идеологическими, а затем уже политическими. И такое понятие, как «право-левые операции», для этих специалистов — рутина. Благо такие операции инструментальны как для подрыва той или иной империи, когда-либо конкурировавшей с Британией, так и для стравливания империй между собой.

Источником информации для рыцаря де Сильвы было малоизвестное Сирийское национальное движение. Для разведывательных целей удобны и крайне правые, и крайне левые. Поэтому, когда глава русской редакции Deutsche Welle Уве Мантойфель сравнивает Украину с Сирией, это не паникерство, а констатация факта: здесь есть такая же разница потенциалов этноконфессиональной ментальности, как и на перекрестке цивилизаций Ближнего Востока, и она столь же легко электризуема. И по той же причине здесь проще, чем где-либо, задействовать одновременно городских ультралибералов и провинциальных ультраконсерваторов. И даже искусственно соединить их на ограниченном пространстве. Есть и третье сходство: в Сирии есть Банияс, Тартус и Латакия, а на Украине — порт Одесса, порт Ильичевск, порт Южный, не считая Николаева и Феодосии. В Сирии — исторически сложившиеся контрабандные маршруты в Ливан и Ирак, на Украине — столь же накатанные дорожки через Молдавию. В Сирии претендует на власть племянник сахарного короля, на Украине — сахарный король собственной персоной.

Многие сопоставления по тем или иным поводам конъюнктурно невыгодны игрокам политического процесса. Особенно если внешние игроки выбирают самый простой способ решения своих задач — или «ку», или «у», как в известной пьесе Шварца. Такой способ удобен для сиюминутных решений: чиновник, которому важно поставить «галочку» для отчета о проделанной работе, такой путь обычно и выбирает. Американцам-эпигонам такая логика более свойственна, чем британцам-стратегам, поскольку так устроена их политическая система. Если республиканцы уже близки к окончательному выбору, то в демократическом стане конкуренция между командами Хиллари Клинтон и Байдена-Керри в полном разгаре. А поскольку у Джона Керри много проблем и без Украины, то он предпочел здесь путь наименьшего сопротивления. А именно — соединить несоединимое из двух элементов — «своего», «продемократического» Арсения Яценюка и «чужого», но договороспособного Петра Порошенко.

Кто мог подсказать госсекретарю подобную комбинацию? Вряд ли он стал бы полагаться на одних лишь киевских экспертов, меняющих ориентацию с большей частотой, чем киевские политики. Он мог полагаться только на своих специалистов — причем таких, которые имеют прочные контакты и в своей, и в соперничающей партии, и в лондонских интеллектуальных кругах, и в московской дипломатической среде.

Посол США в Российской Федерации Майкл Макфол ездил в командировку в родной Стэнфорд в ноябре прошлого года. Его ближайшие коллеги принадлежат к обеим американским партиям. Коллеги-демократы реализуют свои способности и знания в продолжающей действовать с 2011 года программе «Технологии освобождения». Коллеги-республиканцы трудятся в Рабочей группе по энергетике, причем некоторые из них одновременно «стратегиируют» в Институте анализа глобальной безопасности (IAGS) и в британском Джексонском обществе. Сам же Майкл Макфол, как и его ближайший коллега по вышеназванным структурам, экс-глава ЦРУ Джеймс Вулси, принадлежит к так называемым джексонским демократам. Это неформальная фракция в Демпартии, позиция которой по международным вопросам почти тождественна республиканцам-неоконсерваторам. Во всяком случае для согласования надпартийного выбора удобной фигуры в чувствительном регионе «джексонские» — самый удобный мостик. Тем более что по части теневых операций они также универсальны, то есть имеют выходы хоть на правых турок, хоть на левых курдов. В чем Керри с джексонскими заведомо расходился — это в отношении с правящей коалицией Израиля. Но в украинском вопросе эта тема была (или казалась) второстепенной. Хотя «после этого» не значит «вследствие этого», уместно зафиксировать то обстоятельство, что засветка фигуры Петра Порошенко в Financial Times имела место вскорости после командировки Макфола.

Опция казалась выигрышной во всех отношениях. Керри был заинтересован одновременно в продолжении своей роли «перезагрузчика» и в дипломатическом успехе своей команды. Если в регионе, заведомо чувствительном для Москвы, находится политическое решение, одновременно можно поставить две «галочки», иными словами, и волки оказываются сыты, и овцы целы. С барского стола доставалось и насекомым: в кампанию Порошенко включился, например, столь почтенное киевское аналитическое учреждение, как центр Разумкова.

Шерше ля фам

Как раз в то время, когда в мировых СМИ начали с особым усердием изощряться на тему Сочи карикатуристы и фотографы, Барак Обама демонстрировал решимость пойти навстречу европейским партнерам и залечить то непонимание, которое возникло в связи с откровениями Эдварда Сноудена.

Однако европейские партнеры проявил неожиданное упорство. Переговоры по ТПР были отложены, а смена руководства АНБ европейцам показалась недостаточной. Столь солидное издание, как *Süddeutsche Zeitung*, заговорило на языке Владимира Жириновского: «Позиция США показывает, что борьба с терроризмом — только повод для шпионажа, в том числе союзников».

Столь неожиданная жесткость имела политический подтекст. В текущем году меняются ключевые фигуры Евросоюза, а одновременно проходят выборы в Европарламент, на которых каждой партии по понятным экономическим причинам проще набирать очки на внешнеполитической тематике, а если касаться болезненных внутренних проблем, то опять же ссылаться на угрозы извне. О кризисе мейнстримных партий не пишет только ленивый. Как и об обострившейся суррогатной конъюнктуре «фа»-«антифа».

Если всерьез говорить о противостоянии англосаксов и континентальной Европы, не заходя в мистику, то самым инструментальным средством подрыва как общеевропейской идентичности — в любой форме, классической или постиндустриальной — является метод право-левых операций. И когда привычное политическое пространство дополняется новой плеядой игроков, у которых на знаменах написан одновременно евроскепсис и антииммигрантский пафос, в европейском истеблишменте, политическом и финансовом, возникает более серьезное беспокойство, чем от привычных уже истерик розово-зеленых.

Первая фаза украинского «Евромайдана» была поводом не только для критики «Русского империализма», но и для самоутверждения на киевской площадке действующих и потенциальных членов Европарламента от мейнстримного спектра — от ЕНП до «зеленых». Когда декорации сменились, зазвучали голоса об «угрозе Европе», исходящей от Украины. Специалисты из европейских институтов заглянули в программы украинских национал-революционеров и с ужасом обнаружили там буквальные перепевы тезисов собственных «фа». Перспектива выхода «Правого сектора» в легальный политический процесс в этом отношении выглядела более чем несвоевременной. Ведь эти люди, чего доброго, появятся и в структурах Совета Европы, и на трибунах «Восточного партнерства». И будут не заискивать, а требовать. Не стонать о нарушениях прав человека, а требовать особого отношения к своей, по их мнению, державной нации.

Не жаловаться на происки Москвы, а требовать немедленных военных действий. Они будут требовать всего и вся. И заражать других, очень похожих. Ответственный за Украину президент Польши Бронислав Коморовский взял на себя — а кому еще? — выражение позиции Брюсселя: «Невозможно сочетать между собой лозунги о европейской интеграции с ксенофобскими лозунгами, и невозможно получать поддержку польских соседей в европейском курсе Украины и при этом пропагандировать антипольские лозунги».

Утром 4 февраля в кресло украинского премьера должен был уверенно водрузиться Петр Порошенко. Вместе с оперативной корректировкой конституции предполагалось объявление досрочных парламентских выборов, раз и навсегда ликвидирующих «гнет» Партии регионов. Тем более что фракция ПР должна была расколоться по мановению рук влиятельных олигархов. Но не произошло ни того, ни другого, ни третьего.

Вместо этого на трибуну вышел Сергей Власенко, адвокат Юлии Тимошенко, и зачитал ее письмо. В письме говорилось, что оппозиции не следует соглашаться на сделку с властью. И в том числе не обсуждать с нею возвращение к конституции 2004 года.

Никто не успел спросить у адвоката, как Юлия Владимировна, пребывая в изоляции, смогла так быстро сориентироваться в ситуации. Никто не успел спросить у олигархов, почему они не подчинились инструкциям Давида Жвании. Поскольку в это время фракция «Батькивщина» объявила, что лишает Арсения Яценюка права выступать от ее имени. Об этом объявил Александр Турчинов, верный оруженосец Тимошенко.

Встревоженный Кличко заспешил к Януковичу. И получил ответ: конституцию мы, может быть, и переделаем, но для этого потребуются полгода. А досрочных выборов парламента не будет, потому что нецелесообразно.

Ранее судимый Павел Нусс, уже освоившийся в роли рупора Петра Порошенко, немедленно объявил, что Юлия Тимошенко «срывает примирение по заказу из Москвы».

Очевидно, эти сетования были адресованы Белому Дому — чтобы он, наконец, разобрался с этим саботажем саботажа.

Но Белый Дом не стал развенчивать Тимошенко. Это было бы слишком нелепо после рек слез, пролитых по ней не только газетчиками, но и весьма авторитетными «прогрессистами» — вплоть до Далай-ламы. После встреч с конгрессменами и диаспорой. После кампании 2010 года, в которой она пользовалась услугами политтехнологов-демократов.

Белый Дом поступил иначе. В 16.30 стало известно, что посол США в РФ Майкл Макфол досидит в своем кабинете до конца сочинской Олимпиады, после чего отправится восвояси. В те же минуты помощник президента Украины Анна Герман сообщила, что Виктор Янукович готов продолжить диалог с оппозицией, но лишь после того, как вернется с Олимпиады в Сочи.

Наверное, не только Павлу Нуссу в этот момент почудился ветер из Москвы, переворачивающий так удобно разложившиеся карты. Но не прошло и двух часов, как Майя Косьянич, официальный представитель леди Кэрин Эштон, объявила, что Арсений Яценюк что-то неправильно понял в Мюнхене: никаких 15 миллиардов Европа Украине выделять не собирается. И «перебежчик» Яценюк, вместе с другими украинскими гостями Мюнхена, получил еще один гвоздь в гроб своей карьеры.

Так московский это был ветер или европейский?

5 февраля корреспондент российских «Вестей» Владимир Синельников, чуткий знаток украинской сцены, озаглавил свой репортаж полувопросом: «Тимошенко возвращается?» И этот вопрос был удивительно созвучен еще более выразительному вопросу Дэвида ван Дреля из журнала «Тайм» от 27 января: «Может ли кто-нибудь остановить Хиллари Клинтон?»

Вопрос — еще не утверждение. Виктор Пинчук, зять Леонида Кучмы и председатель «Ялтинской европейской стратегии», регулярно проводит в рамках Давоса свой «украинский вечер». И этот вечер, и ежегодные ялтинские мероприятия достаточно регулярно посещают Билл Клинтон и Шимон Перес. В совете Пересовского центра за мир представлены два ближайших партнера еще одного украинского олигарха первой величины — Дмитрия Фирташа. На последнем Давосе «украинский вечер», вопреки традиции, не состоялся. Но это не значило, что их завсегдаги ушли с мировой сцены.

В 2000 году, когда к власти пришел Джордж Буш-младший, в «самой демократической стране мира» ходили слухи о некоей поллюбовной договоренности между семьей Буш и семьей Клинтон. Когда Хиллари нацелилась на выборы в 2008 году, в мире успела сложиться конъюнктура «матриархата»: во Франции рассчитывала на успех Сеоглен Руаяль, в Израиле — Ципи Ливни, а на Украине, естественно, все политтехнологическое сообщество сулило победу Юлии Тимошенко.

Вопрос — еще не утверждение. Но заявка Клинтон в противовес Керри-Байденоу — это факт. Серия провалов команды Керри-Байдена — это тоже факт. В том числе и последний —

киевский, который определился отказом украинских олигархов от двухпартийного сценария, одобренного и в Давосе, и в Мюнхене.

И наконец — этот абзац я вписываю в готовый текст — вечером 5 февраля Джон Керри заявил, что лично он на пост президента в 2016 году выдвигаться не будет.

Много ли это меняет для других мировых игроков? Для тех, кто определяет свою внешнюю политику самостоятельно, например, для Китая — почти ничего не меняет. Для тех кто стремится встроиться в конъюнктуру, а свои успехи конструирует из внешних инициатив — очень многое.

Расстрата козырей

Главными достижениями российской политики прошлого года считалось предоставление убежища Эдварду Сноудену, предотвращение войны в Сирии и фиаско саммита Восточного партнерства в Вильнюсе. В самом деле, России пришли в руки уникальные карты, при помощи которых можно было качественно укрепить свои позиции в мире.

Эдвард Сноуден был просто синей птицей, свалившейся в руки. Он не нанес репутационного ущерба американской разведке — наоборот, продемонстрировал ее мощь. Зато он начал делать поистине великое дело. Он раскрыл миру истинное лицо глобальных интернет-монополий. Он продемонстрировал, что они ничем не отличаются от AIG, Halliburton или Lockheed, то есть являются глобальными инструментами англоамериканского влияния, а не участниками свободного рынка. И в отличие от вышеназванных, лезут хоть во вражеский, хоть в союзнический, хоть в соседский дом, нарушая фундаментальное право на личную тайну — право большинства. Его имя потому и стало иконой в Америке, что он выступил от имени большинства. В то же время его разоблачения стали поводом для открытой фронды крупного капитала, который подвергся тотальному шантажу Федерального казначейства и ФРС — и потому совпали с заседанием Бильдерберга. И значит, имея в руках такой ресурс, как Сноуден, им можно было воспользоваться для самых разных целей, при этом не пытаясь его вербовать, а работая с ним в партнерстве.

Сноуден мог послужить не только полезным инструментом для противопоставления Европы Штатам, что было необходимо прежде всего системообразующим, субъектным европейским странам. И не только посредником в контактах с финансовыми кругами, не подчиняющимися ФРС. Сноуден мог стать той веревочкой, с помощью которой можно было

решить и внутренние российские проблемы. Поскольку с того момента, как мы вместе с ним последовательно дезавуируем право Цукербергов и Шмидтов на монополизм в информационном пространстве, мы получаем безупречный рычаг для очистки собственного госаппарата и медиа-сферы от культа Google и Apple. Мы используем на всю катушку аргументы для защиты национального информационного пространства, мы договариваемся с теми странами, которые уже выдвигали такие инициативы — с Китаем, с Казахстаном, мы поддерживаем движение «Европа против Facebook», мы требуем от мировых охотников за коррупцией равного подхода к ИТ-сфере и всем прочим — и эти мировые охотники сами себя разоблачают, а мы вместе с другими полюсообразующими странами учреждаем свои институты, защищающие базовые личные права. А если мы всерьез взялись за очистку элиты от подобиюстрастия перед Цукербергами, то мы ротируем свое правительство, и особенно те ведомства, которые отвечают за образование и культуру. Ротируя правительство, наша верховная власть получила бы возможность и реанимировать правящую партию, которую продолжает топить и дробить нерешенная «тандемная проблема».

Однако Сноуден был воспринят у нас как некий заведомо антигосударственный элемент, как профессиональный правозащитник, что давно приравнено к защитнику прав меньшинств — несмотря на то, что мы не видели его ни на гей-парадах, ни кривляющимся в храме, ни тусующимся с Людмилой Алексеевой или прочими «деятелями третьего сектора». И в результате он оказался вытолкнут именно в эту сферу. Его услугами с нашего ведома воспользовались немецкие «зеленые», чтобы троллить собственного канцлера. При том, что с этим канцлером, которая сознательно включила в правительственную команду людей, настроенных на честное партнерство с нами, мы собирались в том числе решать и проблему Украины, и рациональный выход из правового энергетического тупика.

Когда Россия протянула руку колеблющемуся Керри, в самом деле помогая ему выпутаться из сирийской «партии войны», некоторые скептики предрекали, что эта наша забота о Сирии в итоге не приведет ни к чему, кроме одностороннего разоружения Дамаска. На самом деле такой исход отнюдь не был предрешенным — стоило тогда или чуть позже поставить вопрос о полном освобождении региона от ОМУ, и израильтяне согласились бы вместе с нами тайком оставить Асаду часть его потенциала, только бы не трогали их собственный

потенциал. Однако нас слишком заворожила перспектива участия в разработке средиземноморского шельфа, в том числе и палестинского, под некие личные гарантии Джона Керри. Не в меньшей степени соблазнительной показалась перспектива партнерства с военной диктатурой Египта, где мы рассчитывали уже не на Керри, а на саудитов и тех же израильтян.

«Женева-2» была фактически сорвана. При этом МИД России не прислушался к предупреждениям собственных многолетних партнеров по переговорам, предлагавшим отложить мероприятие, а государственные СМИ снисходительно именovali людей, ходящих под пулями, ненужными интеллигентами, которых кормит Саудовская Аравия. Зато в это время руководство МИД РФ почему-то особенно занимал курдский вопрос. Сирийские курды первыми согласились прибыть в Женеву, но в самый канун встречи оказалось, что организаторы решили обойтись без них. В связи с чем глава нашего МИД с трибуны предположил, что именно поэтому курды оперативно самоорганизовались на контролируемой ими сирийской территории в региональное правительство. По совпадению целую оду народу курдов вскоре исполнил в эфире канала «Россия» Дмитрий Киселев — напомним, ныне не просто телеведущий, а директор всей службы внешней пропаганды. «Курды — народ с мощной культурой, их 40 миллионов, искусные воины, а в бой идут с лозунгом: «Долой арабов, долой турков, долой джихадистов!» Американцев они презируют за то, то они покрывали курдский геноцид. Но сейчас курдские политики ведут активную дипломатию! Масуда Барзани принимал президент Австрии Хайнц Фишер. На прошлой неделе британские парламентарии призвали признать операцию Enfal геноцидом курдов».

Курдское движение за самоопределение — несомненно сильный инструмент в политике Ближнего Востока. В 1990-х, когда Абдулла Оджалан имел базу на российской территории, заинтересованные группы лиц имели возможность воспользоваться этим инструментом. Но с тех пор, как Оджалан был добровольно сдан — как утверждал аналитик Шамсуддин Мамаев, в качестве размена на освобождение из чеченского плена представителя Бориса Ельцина в Чечне Валентина Власова — этот инструмент был в чьих угодно, но только не в российских руках. Единственный эпизод из новейшего времени, когда Москва «задействовала курдский фактор», относится к медведевскому 2011 году: тогда портал Izgus сообщал, что некие московские курды одновременно помогают МИД налажи-

вать контакты со своим собратями в сирийском Камышлы и с правительством Израиля.

Утверждение о том, что курды презируют американцев, в отношении курдского большинства, возможно, справедливо, а в пропагандистском эфире звучит как некое суверенное предложение о дружбе и забвении довольно сомнительной истории с Оджаланом. Но вот против кого мы собираемся дружить? Против джихадистов, которых поддерживают американцы? Однако среди них есть, как упоминалось выше, и курды. Против арабов, которые присутствуют в том числе в новорожденном курдском правительстве, и от которых мы вроде как не собирались отмежеваться? Против Турции, которая «затуркана» сегодня и радужной оппозицией, и наоборот, суннитами-радикалами? Против персонально премьера Эрдогана, которого сравнили с его духовным учителем и одновременно навесили ярлыки не только автократа и коррупционера, но и тайного сообщника одновременно иранцев и тех же радикалов-суннитов? Чтобы что? А выходом Казахстана из ТС мы готовы за такие интриги заплатить?

Усилия по борьбе с «Восточным партнерством», заслуживавших лучшего применения, окончились полной невнятицей на саммите СНГ в Минске, где нас честно предупредили об издержках приема в ТС Армении, на что мы странным образом ответили, что к партнерству в ТС стремятся также Индия и Израиль, а Турция осталась за скобками как пренебрежимая величина. Мы в самом деле не считаем ее значимым партнером, отталкивая руку не просто соседа, а сопоставимой цивилизации? Или мы признали зыбкую конъюнктуру момента за установленный всерьез и надолго порядок? Нам кто-то гарантировал, что в 2016 году президентом станет Керри? А если его через полгода отправят вслед за Макфолом?

Даже если мы удивительным образом не замечали три месяца, что Керри «сливают», почему бы не задуматься хотя бы над таким вопросом: как будут вести себя с Турцией Хиллари Клинтон или Тед Крус, как только один из них победит на выборах 2016 года? Я уже сейчас могу сказать на сто процентов — принципиально не так, как команда Керри. Ровно противоположным образом. Они будут энергично восстанавливать статус Турции как ключевого партнера США в регионе (будь то во главе с Эрдоганом или, например, с экс-главой генштаба Илькером Башбугом). Как, разумеется, и от каких-либо мыслей турецкой элиты об участии в ТС или особенно в ШОС. В Египте у Хиллари и Круса будут разные приоритеты. Но «клинтонизация» автоматически означает восстановление ставки на Катар.

И с большой вероятностью — возвращение пренебрежительно отвергнутых Россией «Братьев-Мусульман».

Почему ситуация на Украине казалась нам достаточно безопасной, чтобы не удерживать команду Януковича от копирования в один день целого пакета законов, которые у нас вводились отнюдь не одновременно? С самой командой Януковича понятно: она, как и Башар Асад, преувеличивала возможности Москвы. На что же рассчитывала сама Москва? На то, что 15 миллиардов магически подействуют на заведомо иррациональное мышление левых, правых и право-левых активистов? Но этим активистам платили много лет из самых разных источников, и сумма вложений в украинский национализм — величина намного больше, чем наш изрядно запоздавший дар. На некие гарантии от партнеров по перезагрузке? Но в украинский национализм многократно больше вкладывали республиканцы, чем демократы. Мы вообще забыли об их существовании? А те ведомства, которые пристально отслеживают националистические сети в нашей стране, не знали о существовании их украинского аналога?

В итоге последующей право-левой, или хронологически лево-правой операции на Украине мы как-то

легко и безмятежно именуем ее несостоятельным государством. В чем мы расписываемся? Элементарная геополитическая логика требовала оберегать от несостоятельности именно Украину. Разумная внешняя политика начинается с гарантий спокойствия у ближних границ, к тому же лишь символически оборудованных. И чтобы с соседом не случилась несостоятельность, принято прилагать некие усилия — поэтому Турция и отказала американцам во время иракской войны в использовании Черного моря.

Нельзя сказать, чтобы Россия на Украине 20 лет бездействовала. Если перечислять многочисленные инициативы, то наберется довольно внушительный ряд действий. Одни действия совершал МИД, другие — российские корпорации и лично Анатолий Чубайс и Алексей Миллер, третьи — Евразийская комиссия, четвертые — конкурирующие между собой и не несущие никакой политической ответственности политехнологи. И поверх всего этого — Россотрудничество, публично провозгласившее себя российским аналогом USAID. Одни московские игроки имели теневые отношения с «донецкими», другие собирали на «донецких» компромат в интересах «киевских» или «днепропетровских»; одни в канун выборов 2004 года возили Януковича на Афон, другие внедряли корпоративных представителей в список партии Ющенко;

одни в канун выборов 2010 года обхаживали «Батькивщину», другие — Партию регионов. А отдельно от всего этого производились героические усилия по внедрению русского языка в страну, где большинство политиков и так если не говорят, то думают по-русски.

Что мы имеем с этих гусей? Сначала — глубокое недоумение искренних друзей России, тщетно пытавшихся довести до высоких московских кабинетов простую истину о том, что один политик, начинающийся на «М» и оканчивающийся на «К», имеет непреодолимо высокий антирейтинг и соответственно, никаких перспектив. Следующая стадия — разочарование. Следующая, после прохлопанной «оранжевой революции» — просто презрение к отечественным ведомствам, политикам, специалистам и экспертам (показатель — выбор в 2010 году американских политтехнологов как «Батькивщиной», так и Партией регионов). И, наконец, на фоне ценового упрямства «Газпрома» и молочнокислого крючкотворства Роспотребнадзора — желание делать ровно наоборот, саботировать и «троллить» любые московские начинания, и как минимум — не верить ни единому слову, исходящему из России, при этом продолжая думать и очень метко и язвительно высказываться о России на блестящем русском языке, далеко превосходящем по образности занудную канцелярщину интеграционного официоза.

На вышеописанной ведомственной, корпоративной и политтехнологической разнуж*пице весьма успешно играло евроатлантическое сообщество, где тоже делалась ставка на разных лиц, но другими средствами и в другом стиле. Начиная с проектов Джорджа Сороса во Львове и заканчивая агитпоездами в поддержку Соглашения об ассоциации, украинцам любого этнического происхождения внушалось чувство собственного достоинства, далеко выходящее за рамки трезвой самооценки; внушался миф об особой, защищенной мировым сообществом роли в мире, то заведомо предполагало особую, уникальную возможность шантажировать Москву этой ролью; внушалось, превыше всего этого, столь высокое доверие Запада, что каждый рядовой гражданин, предприниматель, пенсионер, наемный работник, при любых невзгодах, внешних и внутренних, должен поделиться своим несчастьем с Западом, и оттуда придет спасение от несправедливости, творимой хоть российскими «агентами влияния», хоть местными олигархами и чиновниками. И эта неустанная альтернативная деятельность имела внушительный результат: опекуны имеют сегодня досье не только на любого украинского оли-

гарха и чиновника, но даже на всех сотрудников украинского МВД. Так работает «мягкая власть», принцип которой, по определению Джозефа Сэмьюэла Ная, состоит в создании завоевателем привлекательного образа в завоевываемой стране.

Эта же мягкая власть на надпартийном уровне выискивала в русскоязычной блогосфере социальные «слабые места», которые в России и на Украине были одними и теми же. В докладе Беркмановского центра по России самыми перспективными «уязвимыми средами» признавались автомобилисты и футбольные фанаты, и в то же время подчеркивалось, что националистические движения имеют на сегодняшнем этапе несравнимо больший политический потенциал, чем либеральная оппозиция. Украина в этом отношении ничем не отличалось, кроме градуса общественного недовольства. На этом и играло лобби ультраправых — от фонда Форда, традиционно кладущего яйца в «либерально-прогрессивную» и «национал-анархическую» корзины, до National Endowment for Democracy, работающего в Крыму и с русскими, и с крымскими татарами.

План этого лобби провалился — но это не значит, что для технологов «мягкой» и «жесткой» власти украинский опыт прошел зря. Опыт ультраправого Майдана — идеальная заготовка, например, для стран Латинской Америки, для того момента, как президенту Крусу захочется насадить более управляемые и экономичные в управлении военные диктатуры на место нынешних умеренно левых режимов. Чтобы предупредить такое развитие, корпоративных проектов России в Венесуэле недостаточно. Для этого следует — точнее, давно следовало — работать с левыми режимами на левом же идеологическом поле. Вместе с Китаем или отдельно.

Кстати, в конце января в Крыму вдруг с опозданием на три месяца возник «общественный» протест против китайского портового проекта. Объект критики — конечно же, «донецкий» губернатор и экс-глава МВД Украины Анатолий Могилев, «уязвимая среда» — не украинцы, а русские. «Мягкая власть» держит руку на пульсе и востока, и запада Украины, поскольку имеет очень солидный стаж деятельности и здесь, и там. Раздел «несостоятельного государства» наверняка найдет сторонников в России — и это столь же легко спрогнозировать, как заинтересованность Саудовской Аравии в разделе Сирии, а Франции — в разделе Мали. Но кто нам гарантировал, что при этом разделе из одного Крыма не образуются три, по модели (в лучшем случае) Боснии-Герцеговины? Крым — территория, очень подходящая для многолетних боевых действий.

Депутат Олег Царев, выполняющий вместо ответственных российских ведомств работу по сбору информации об американской агентуре, сообщает, что украинский «ультрас» подготавливает захватывать здания американский гражданин Брайан Финк. Для справки: раньше младший офицер USAID Брайан Финк трудился в государстве Руанда, где готовил инструкторов по интеграции лиц, зараженных вирусом иммунодефицита, в «здоровое общество». В отличие от Россотрудничества, USAID тренирует свои кадры на самых несостоятельных государствах. Кто справится с задачей в субэкваториальных джунглях, для того украинские «шляхи» — просто курорт. Кстати, мальтийский рыцарь де Сильва не гнушался работой в Либерии, а подрывники из Western Goals — в Сальвадоре и Анголе.

Отечественный экспертный официоз легко рассуждает о несостоятельности славянского соседа, не утруждая себя *fact-finding missions*. В эфир телеканала «Россия» Вениамин Попов называет «арабскую весну» спонтанным явлением. Вслед за ним Владислав Иноземцев именует «спонтанным» и украинский ультраправый бунт. Я аплодирую Александру Привалову, который задал Владиславу Леонидовичу (и косвенно — Вениамину Викторовичу) простой вопрос: а бегство капитала из охваченных бунтами стран — тоже спонтанный процесс? И направление этого бегства, в том числе и из нашей страны — тоже спонтанное?

Эксперты и политтехнологи по определению ответственности за свои оценки и прогнозы не несут. Все «шишки» за провальную внешнюю политику главы государств возлагают на ответственные ведомства. Действительно, это их прямая обязанность — воспитывать кадры, учить агентурной и контр-агентурной, пропагандистской и контрпропагандистской работе. Об эффективности судят по результату.

Результат конца января состоит в том, что российские ведомства не справились с ключевыми, приоритетными, жизненно важными для репутации стран и ее руководства задачами одновременно на Ближнем Востоке, в Европе и в самом ближнем соседстве — на Украине. Сыграло роль и перетягивание канатов между американскими кланово-партийными группами, и предололимпийская конъюнктура, парализующая возможности активных внешнеполитических действий. Однако опустошительный итог для репутации государства и его главы, равно как и экономические издержки, за которые неизбежно расплатится российский налогоплательщик, невозможно списать на внешний форс-мажор. Просчитывать

форс-мажоры обязаны не только экономисты, но и все ведомства, обслуживающие внешнюю политику.

Вполне закономерно, что вышеназванный результат вызывает восторг в нашей стране прежде всего у того круга интеллектуалов и культуртрегеров, которая автоматически отождествляет государство с насилием и находит для того аргументы не только в сегодняшней геополитике. Для этого круга конфуз парализованного «своей» Олимпиадой главы государства — повод «потроллить» не только его самого и его партию, но и его родной город, в том числе 90-летних свидетелей его 900-дневной осады. И в этой связи мне представляется существенным одна неочевидная современная параллель, которая не в пользу интеллектуального сообщества России. Посмотрите, чем занимаются украинские ультраправые вместе с аффилированными гуманитариями: они конструируют из реального и привнесенного материала новый популярный миф о Бандере, из второразрядного коллаборациониста трансформируя его в символ свободного украинства. Теперь посмотрите, чем занимается целая плеяда отечественных, в том числе петербургских гуманитариев: они расчленяют куда более масштабные трагедийные смыслы совокупностью нелицеприятной фактуры и вероятностных домыслов, притягивая за уши нечаянные слова измученных людей, которые с того света не могут им ответить. Петербургское радио в годовщину блокады устами ведущего Дмитрия Филиппова старательно доводило до аудитории, что: а) Петербург спас своим невмешательством финский маршал Маннергейм, б) Ольга Берггольц писала патриотические стихи, а в то же время в дневнике писала о братании с немцами, в) вымирающее осажденное население и оккупанты в равной степени находились в ловушке. Вы все поняли? Насилие — это плохо, а значит, захватчиков и захватываемых следует судить по одному ранжиру. Кто запретит комментатору так видеть историю, даже если его философское резание по едва живому породит большее количество инфарктов, чем пресловутый опрос «Дождя»? И кто гарантирует, что дебаты о новом учебнике истории на фоне дискредитации главы государства — пусть и по совершенно иным поводам — не превратится в очередную вивисекцию памяти и долбежку ценностей до измельчения в порошок?

Возвращаясь к вопросу о чистке системы масс-медиа, стоит напомнить, что на начальной («левой» или проевропейской) фазе Майдана главред «Дождя» похвально на страницах «Ведомостей» ролью своей референтной группы в раскрутке хэштега «Евромайдан». Тогда поведение «Дождя» никто не

обсуждал. Впрочем, обсуждать не обязательно: более рационально, подсчитывая прирост наших расходов на Украину в результате ее «омайданивания», взыскать соответствующую долю с отечественных пособников украинскому несчастью.

Стоит напомнить, что провалом «опции Порошенко» украинское несчастье не закончилось. Оно продолжится, в том числе и за пределами украинской территории. «Опция Тимошенко» слишком многим дорога на Западе, чтобы использовать эту фишку в игре и против «донецких», и против России. Тем более что для команды Клинтон это еще и подача (точнее — подачка), брошенная запаниковавшим перед «коктейлем Риббентропа» евробюрократам. И соответственно, дополнительные средства затаскивания в тот же ТТIP.

Что касается самих украинских ультраправых, то за свое фиаско они будут мстить не Европе и не Штатам, а тоже России. И это удачно, что «опция Порошенко» провалилась всего за три дня до Олимпиады, поскольку месть тоже требует подготовки.

Похоже, что глава нашего государства готовится к новым вызовам: очень выразительным было его общение с леопардами в компании президента МОК. И хотелось бы надеяться, что в Кремле в полной мере осмыслен тот контекст, в котором президент МОК заявляет:

«Сочи готов к лучшей в мире Олимпиаде». Ведь нельзя сказать, что это убеждение навеял на него только сам преобразившийся Сочи или его собеседник. Скорее это был президент Китая Си Цзиньпин, сообщивший 28 января о своем намерении приехать на Игры. Причем это был не случайный момент, а именно тот день, когда проходил саммит ЕС-Россия. Если некоторые арабские авторы считают Китай главным игроком на Ближнем Востоке, то что говорить о Европе, особенно Восточной?

Чем выше взлетишь, тем больше падать. Маловероятно, что по итогам этого года имя Путина будет стоять первым в каком-либо из авторитетных рейтингов влияния. Это повод не для обиды и уныния, а для извлечения уроков. В том числе в форме самых безжалостных оргвыводов — которые, Впрочем, сами по себе окажутся совершенно бесполезными без радикального пересмотра внешнеполитической стратегии. Такой пересмотр потребовался бы и в том случае, если бы России удалось избежать (как в прошлом году) ущерба собственным интересам. Хотя бы по той причине, что «изменившийся мир», зеркалом которого стал «изменившийся Майдан», не позволяет нам больше такой роскоши, как небрежение союз-

никами. Экспертный официоз может и дальше тешить себя иллюзиями принадлежности России к избранному «Северу» в противовес непросвещенному «Югу», но подобные соображения в практической политике становятся не только неуместны, но и самоубийственны. То, что на наших глазах сделано с Украиной, — во-первых, прямое доказательство того факта, что «прогрессистский» и «неоконсервативный» подходы имеют общее мальтузианское целеполагание и трансплантуются посредством одних и тех же технологий, а во-вторых — что англо-американский истэблишмент как в середине прошлого века, так и сегодня относит славян к таким же «унтерменшам», как и арабов, и турков, и китайцев. А настоящий, не ситуационно-конъюнктурный, а прочный и бесспорный авторитет приобретет лишь такой субъект в мире, который вступится перед бесчинством мальтузианской братией за все остальное человечество.

07.02.2014

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

*Мировое сообщество рассказывает Крыму,
как много он потерял*

Когда один из международных наблюдателей на крымском референдуме, профессор-серб Срджа Трифкович произнес фразу: «Крымских татар многие на Западе изображают как вымирающий вид животных» (endangered species), юная симферопольская переводчица не поняла, о чем идет речь, и перевела как «опасный элемент». Ошибка оказалась не лингвистическая, а смысловая. И, как мне кажется, закономерная.

У крымчан такая судьба, что они привыкли мыслить исторически. Севастопольские укрепления для них — не просто камни. И точно так же Бахчисарайский дворец — не только архитектурный памятник, а напоминание о Крымском ханстве, которое несколько веков внушало страх соседям. О чем, как им представляется, не могут не знать историки и эксперты просвещенного Запада.

Но на просвещенном Западе общественное мнение формируют не историки, а глобальное неправительственное комьюнити, которых история этносов и цивилизаций интересует не больше, чем духовные ценности народов, а сам человек — не более чем представитель животного царства. В их представлении существует одна на всех мировая цивилизация с едиными усредненными для всех ценностями. Включая права меньшинств. В том числе и этнических. Некоторые из них являются предметом ежедневной трогательной заботы — например, тибетцы, об иных вспоминают только по случаю действительного или мнимого угнетения неким неправильным режимом. А неправильный режим — это по определению (rogue) непослушное государство. То есть такое, которое не хочет признавать универсальных правил. И там меньшинства — жертвы уже по факту своего наличия. Как «угрожаемые» виды фауны.

Нельзя сказать, что добросовестные публицисты, ознакомившиеся с предметом своей заботы на месте, не извлекают из своих fact-finding missions неких знаний. Вот, например, корреспондент международного портала Slate Ноах Снайдер лично побеседовал с крымскими татарами и узнал, что, оказывается, их этнос сложился из многих, что действи-

тельно существовало ханство. Но рассказали ему, мягко говоря, не все. И Ноах Снайдер уехал из Крыма с таким представлением о «подверженном опасности» этносе: «Независимое ханство, оставшееся осколком Золотой Орды, жило относительно спокойно до пришествия Екатерины II». То есть жили себе, не совершали никаких походов и набегов, и Москва при Иоанне Грозном горела сама по себе, и Астрахань в Смутное время. Только Екатерина все испортила. Ну и еще, конечно, советская власть: здесь корреспондента просветили чуть подробнее. И об украинской власти что-то рассказали: как она не мешала возвращению депортированных, но и не помогала приезжим. И пришлось заниматься «самовозвратом», а некоторым — сверлить дырки в земле и там жить (так у автора).

Возможно, не пришло (их бы спросили, что их сюда пригнало — тяга к родным местам или постперестроечная резня в Средней Азии), а местные, коренные крымские татары-старички корреспонденту рассказали бы больше. И о ханах Гиреях, и о Крымской народной республике, которую сменила Таврическая ССР, даже, может быть, о таких сыновьях крымскотатарского народа, как дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан — ведь в самом деле, не каждый из народов Евразии мог бы похвастаться такими именами летчика-испытателя. Но у fact-finding журналистов есть неписаное правило — беседовать с сырыми и убогими, чем убоже, тем лучше.

У тех, кто соболезнает «угрожаемому этносу» издали, представление о нем еще более скромное. Так, Рами Пайэт, доцент Катарского университета, сообщает на «Аль-Джазире» следующее: «Крымские татары — исходно шаманское племя. Некоторое время они входили в состав Османской империи. В конце XVIII века Крым оккупировала Россия, после чего крымские татары приняли ислам. В период СССР они подвергались много десятилетий систематическим гонениям, и тем не менее, до сих пор составляют 12 процентов населения Крыма».

Вот какие люди, оказывается, крымские татары. Жили в чумах, жгли костры и били в бубен, а тут пришла Екатерина и все испортила. И пришлось оставить камлания, уходить в подполье и с горя уповать на Аллаха.

Если публицисты оплакивают полудикое этническое меньшинство, трясущееся от ужаса в подземелье, то высокие лица из мировых правозащитных организаций смотрят шире. 22 марта в Киеве генсек Amnesty International Салил Шети просветил аудиторию о горестях, которые теперь ожидают всех крымчан под российским гнетом. Не забыл ни одного пункта.

Правозащитный топ-функционер поведал, что коль скоро теперь на полуострове воцарились российские законы, то теперь крымчан принудят придерживаться «совсем других правил» — то есть не тех, которые у них были в изобилии еще вчера. А именно:

а) они будут ущемлены в правах на протестные митинги и демонстрации: за это в России накладываются штрафы, которые не придерживаются ограничительного списка правил и норм. Эта угроза иллюстрируется чудовищной, по оценке правозащитника, цифрой: в Москве в 2013 году было задержано 600 человек. Если экстраполировать на Крым, то есть поделить на пять, получается тоже внушительно: 120 человек в год. Просто апартеид.

б) на них распространится Закон об иностранных агентах. То есть просто, незаметно, так фонд Сороса на полуострове не регистрируется. Вот обида!

в) на них распространятся новые российские гомофобные законы, которые «сегодня используется для ограничения прав на свободу выражения мнений и собраний для лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей (ЛГБТ) и уже вызвало волну гомофобного насилия во всей России.

г) вместе с этим законом в Крым придет и другой, расценивающий богохульство как уголовное преступление (имеется в виду Закон о защите прав верующих). Правозащитник поясняет, что зловещий закон был принят «после короткого, мирного, однако провокационного и политического выступления панк-группы Pussy Riot в главном соборе Русской православной церкви в Москве».

д) следующее, не менее страшное поправление прав человека, которое будет угнетать крымчан — уголовная ответственность за клевету.

Наконец, последний пункт — крымчане «не будут участвовать в информированной общественной дискуссии по поводу этих *made-in-Russia* репрессий, поскольку этому воспрепятствует государственный контроль над СМИ».

Вот такие беды, в представлении г-на Шети, свалились на несчастных крымчан. А они-то доселе наслаждались свободой от таких ограничений и только искали место, где бы еще побогохульничать и поклеветать, а также продемонстрировать миру и друг другу (в том числе вышедшим из подполья мусульманам с бубнами) свою бисексуальность и трансгендерность. И как же они теперь обойдутся без этих неотъемлемых и требующих регулярной реализации универсальных прав на самовыражение?

Мировое сообщество любит Крым, но странную любовь. Эту странную любовь крымчане вне зависимости от национальности уже ощутили с отключением от электричества и железнодорожного сообщения. Может быть, эти старания преследовали целью приближение к образу жизни шаманского племени.

Но некое шестое, сугубо связанное с культурой чувство мне подсказывает, что крымчане переживут без глобальной трогательной заботы вообще. Как и любой многонациональный народ, у которого есть что-то за душой. В том числе и историческая память во всей ее сложности. Хотя бы просто потому, что это люди, а не просто биологический подвид, живущий одним днем. Кроме того, это люди, у которых память о подземном гарнизоне Аджи-Мушкая в 1942 году накрепко отбила толерантность к нацистским символам. Такой человеческий материал в жалости не нуждается и к извращениям не склонен. И если его подспудная энергия выходит на поверхность и вершит судьбу, то миру приходится с этим считаться.

«Русская интеллигенция плакала и слюнявилась о рабочем классе, пока рабочий класс не встал и не сел ей на шею», — говорил персонаж из «Тихого Дона». Неудивительно, если у крымчан, о которых плачет и слюнявится неправительственное комьюнити, формируется в итоге здоровое чувство собственного превосходства над транснациональным паразитическим классом.

27.03.2014

КТО СТРЕЛЯЛ ПО ВАЛЬКИРИИ?

Через игольное ушко

Политический процесс выходит за рамки повседневной борьбы больших, малых и мелких групп влияния, когда в него вмешивается трудно измеримый фактор личной воли. Владимиру Путину много раз приходилось отступать перед обстоятельствами — начиная с 2007 года, когда он, по многим свидетельствам, думал о третьем сроке (пример конституционной реформе тогда подавал ему Нурсултан Назарбаев), но был вынужден пойти на тандем. Цена этого компромисса поныне не измерена, но его влияние на процессы в ближнем зарубежье несомненна. Можно вспомнить хотя бы интриги в апреле 2011 года, когда — после встречи некоторых влиятельных лиц в Санкт-Петербурге с украинской делегацией — в Киеве распространился слух о неких мерах, которые тогдашний премьер задумал против Януковича. И именно украинский истэблишмент в пору казавшейся прочности власти «донецких» подтрунивал над Москвой: дескать, мы поменялись местами: у нас — единство, у вас — раздраз.

Владимиру Путину было что вспомнить в конце января 2014 года. Например, 2004 год, когда встречу с Виктором Януковичем в канун выборов пришлось отменить из-за сведений о подготовке теракта в Петербурге. Или 2006 год, когда Джордж Буш перечислил цветные революции в Грузии, на Украине и в Киргизии в ряду собственных достижений. Или 2009 год, когда Барак Обама снисходительно назвал его политиком, стоящим одной ногой в прошлом. Или, наконец, ноябрь прошлого года, когда

украинские олигархи решили — как теперь понятно, себе же на голову — сыграть в антироссийский пасьянс, чтобы гарантировать себе долю влияния при власти Януковича.

Для кого-то 18 марта был днем годовщины падения французской второй республики. Для кого-то та же дата — день вступления российских войск в Париж. Исторические аллюзии зависят от намерений мечтателей больше, чем от их реальных возможностей. Чтобы они реализовались, мало собственной решимости и согласия элит, догадывающихся о

корпоративных и персональных издержках. Нужны еще и дополнительные факторы уязвимости противника.

Они были налицо. 4 марта Путин в разговоре об Украине напомнил о последних решениях американского Федерального резерва не для того, чтобы оправдаться перед бизнесом или Банком России. Речь шла о том, что сворачивание программы количественного смягчения нанесло удар по множеству мировых экономик. Другими словами — о том, что США решают собственные проблемы за счет всего остального мира. Озвученному намерению отозвать посла РФ из США придавалось основание, выходящее за рамки только российских интересов. Это был разговор от имени всех наций мира, которых не устраивает однополярная система.

Между тем спор о сворачивании программы QE3 сказался не только на мировой валютной конъюнктуре, но и на американской политике. Компромисс в Сенате был достигнут ценой раскола в республиканской оппозиции. Тед Крус, которого многие считали надеждой республиканцев, был обманут гибкими соратниками во главе с Джоном Маккейном, которых в узком кругу собирали, по его словам, «лица, выражавшие интересы Уолл-Стрит». Республиканцы пожертвовали недавним фаворитом ради сделки с банкирами.

Впрочем, в сделке по обмену сворачивания QE-3 на повышение потолка госдолга были заинтересованы не только банкиры, но и Пентагон. Сразу же после сделки одним из заместителей главы Департамента обороны стал Роберт Уорк, лоббист программы строительства новых кораблей береговой охраны по контракту с Lockheed Martin. Лобби концерна спешило воспользоваться слабостью оппонентов из Boeing, близких к команде Джо Байдена и Джона Керри. Программа строительства кораблей была ранее урезана с 52 до 32 единиц. Теперь корпорация получила зеленый свет на возобновление контракта в полном объеме. Это к вопросу о том, кому еще, кроме Хиллари Клинтон, были выгодны политические провалы Керри.

Пентагон оказался в плюсе, а в минусе оказались и без того небезоблачные отношения Вашингтона с Пекином. Пройшей весной, готовясь принимать Си Цзиньпина в рокфеллеровском калифорнийском имении Sunnylands, Обама посетил Никарагуа и дал зеленый свет сандинистскому правительству на контракт с Китаем по строительству дублера Панамского канала. Та же китайская корпорация в канун Вильнюсского саммита подписала декларацию о намерениях с Украиной

по строительству нового порта в Крыму, который был назван составным элементом Шелкового пути. Однако Виктор Янукович, подписавший декларацию о намерениях, был вынужден уйти со сцены.

Утром 22 февраля Янукович — встретился в Харькове с Юлией Тимошенко накануне ее освобождения. Он рассчитывал, что она выступит в качестве лица, гарантирующего его неприкосновенность — как, возможно, и некоторые его обязательства. Однако Юлия Владимировна таким гарантом выступить не только не хотела, но и не могла: на тот момент она явно не была уверена в собственном будущем. Ведь далеко не весь революционный авангард хотел ее возвращения в политику. И ей это дали понять буквально сразу же: на Майдане ее речь, театрально поставленная и прочувствованная, была трижды прервана как бы по случайным обстоятельствам, а на следующий день пять тысяч демонстрантов потребовали от недавней узницы убраться вон. Зато «сахарному королю» Петру Порошенко, ни дня не побывавшего под судом и в наручниках, «Правый сектор» почтительно аплодировал.

Только 28 февраля, буквально накануне смены власти в Крыму, Виталий Кличко рассказал со слов Тимошенко, что вот теперь, когда с нее наконец сняты все судебные обвинения, она готова баллотироваться на пост президента. Сказала в частном порядке, что готова — и тут же самоустранилась в германскую клинику «Шарите». А по пути туда, на съезде Европейской народной партии в Лондоне, сделала все возможное, чтобы выставить «друга» Виталия Кличко политической пустышкой.

Все то время, когда обезоруживался украинский флот в Крыму, Юлия Владимировна провела на физиотерапии по поводу радикулита. Все то время она ждала сигнала от «вашингтонского обкома». А там шла борьба бульдогов под ковром.

Наркоджентльмены и нарколеды

Напомним, клановое противоборство американских экспансионистов дошло до апогея в канун Мюнхенского саммита по безопасности. Там Джон Керри запечатлел себя на фото с двумя украинскими политиками — Арсением Яценюком и Петром Порошенко. Госсекретарь, на которого обрушился целый град ударов в Вашингтоне, вписался в альянс с Джоном Маккейном. У Маккейна якобы был некий уникальный ключик от Украины. Точнее, от одесско-румынского контрабандного коридора.

Джеймс Карден, экс-советник президентской комиссии по двусторонним российско-американским отношениям при Госдепартаменте в 2011-2012 годах, весьма выразительно описал поведение Маккейна на сенатских слушаниях в середине января на страницах изоляционистского *American Conservative*: *«Заявив, что Украина — это страна, которая хочет быть европейской, а не российской, и что украинский народ открыто просит о помощи, он (Маккейн) дважды повторил — в рамках довольно странных отступлений — что Россия ввела эмбарго на украинский шоколад. Казалось, что этот запрет на импорт украинского шоколада в Россию беспокоил его больше всего».*

Маккейна уже многократно ловили на эпизодах лоббизма, выходящего за все границы приличий. Кто вывел его на производителя кондитерских изделий под маркой Roshen (без «по» в начале и «ко» в конце, для маскировки)? Возможно, его многолетний помощник Рэнди Шойнеман, официально числившийся лоббистом интересов нескольких балканских стран, а также Грузии. Во всяком случае, если верить тем источникам, на которые ссылались разоблачители Порошенко из окружения Александра Турчинова, Шойнеман присутствовал в августе 2008 года в Тбилиси вместе с сотрудниками управления «Р» Главного управления разведки (ГУР) Минобороны Украины. А оттуда отправился в Ялту, где его ждал президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас.

Но к тому времени в украинском ГУР сменилось руководство, что очень расстраивало украинских друзей Шойнемана: генерала Александра Галаку сменил бывший представитель Украины в Боснии Виктор Гвоздь по рекомендации тогдашнего главы секретариата президента Виктора Балоги. И в связи с этим украинская сторона не могла оказать группе Маккейна какой-то важной для нее логистической поддержки. А в Госдепе, как мы знаем из опубликованных материалов Кондолизы Райс, грузинская авантюра республиканских теневигов — хотя партия была еще при власти — воспринималась с негодованием.

Теперь тот же Рэнди Шойнеман больше всех сокрушается в связи с безвременной отставкой посла США в России Майкла Макфола. Это неудивительно. Шойнеман был одним из лоббистов этого назначения в 2011 году, сразу же поле саммита G8, вместе с коллегами-неоконсерваторами Робертом Каганом и Дэвидом Крамером, а также экс-директором ЦРУ Джеймсом Вулси.

Дэвида Крамера, нынешнего директора Freedom House, Тимошенко хорошо помнит в его прежней ипостаси помощника госсекретаря по Европе и России. Именно после беседы с ним Виктор Ющенко в 2007 году внезапно инициировал роспуск Верховной Рады. Хотя мишенью этой акции, на первый взгляд, был ненадолго вернувшийся на пост премьера Виктор Янукович, вокруг «леди Ю» тоже творилось что-то странное: по пути к сторонникам на Восточной Украине ей пришлось резко сменить маршрут, ибо ее предупредили о покушении. У нее были основания заподозрить, что ее тогда готовили на роль ритуальной жертвы. Вроде, скажем, Политковской или Старовойтовой (а из нынешней майдановской хроники — вроде армянина-романтика Сергея Нигояна).

Роберт Каган, неоконсерватор-теоретик и брат экс-советника генерала Петреуса по Афганистану Фредерика Кагана, является супругом заместителя госсекретаря и экс-спикера Госдепа Виктории Нуланд. Эта дама странно себя вела во время визита в Киев в конце января. Она зачем-то растолковывала послу-демократу Ричарду Пайятту, что с Кличем (Кличко) дело иметь нельзя, а с Яцем (Яценюком) — можно. Озвучена была запись 6 февраля, но сделана была неделей раньше — сразу же после отставки Николая Азарова.

На тот момент опция «Яценюк-Порошенко» еще была предметом консенсуса. Но некие «неведомые силы» дважды сорвали план раскола Партии регионов, от которого должен был выиграть претендент в премьеры (на тот момент) Петр Порошенко.

В первый раз — 29 января. Как сообщал украинский портал «Левый берег», на закрытом заседании своих однопартийцев Виктор Янукович в этот день заявил: *«Весь мир, Европа (он повысил голос), ООН, все-все одобрили мой план мирного урегулирования. Затыгивание с подписанием отмены законов о диктатуре — один из пунктов этого плана. Это — инструмент для сдерживания радикалов».*

Информированный источник «Левого берега» далее сообщает: *«Понимания в глазах депутатов он (Янукович), однако, не обнаружил. Пришлось — по завершению «разбора полетов» — подзвать Ивана Фурсина, сунуть ему в руку телефонную трубку, внутри которой уже звучал голос Дмитрия Фирташа. «Дмитрий Васильевич, объясни своим», — предварительно было сказано трубке. Трубка — объяснила, Фурсин — послушал и изрек значительно: «Мы будем голосовать так, как скажет Президент».*

Таким образом, сорвал план тогда (вопреки интенсивнейшей пиар-кампании Порошенко) — Дмитрий Фирташ, спонсор Виталия Кличко. Мадам Нуланд увидела в этом происки «Евросоюза». Она не сказала «Германии» — но обиделась больше всего Ангела Меркель. .

Как мы помним, к этой прослушке была механически присовокуплена еще одна — запись беседы Хельги Шмид и Яна Томбинского. Немка жаловалась поляку на давление американцев и панибратски называла — как общего покровителя — Кэти Эштон.

Кэти Эштон также присутствовала на Мюнхенской конференции. Общалась там она, действительно, не с Яценюком и не с Порошенко. Но и не с Кличко! Она общалась с Евгенией Тимошенко, дочкой «узницы», и с экс-вице-премьером Григорием Немирой, «личным министром иностранных дел» той же узницы в период ее последнего премьерства. То есть фактически глава европейской дипломатии окучивала группу влияния, самым острейшим образом конкурировавшую с Маккейном и компанией — к которым примкнул загнанный в угол госсекретарь.

Субъективизм баронессы Кэти проявился вскоре и в другой точке европейской периферии — в республике Босния. Там в начале февраля — только-только Джон Керри успел сообщить о своей политической капитуляции! — возникли какие-то массовые бунты, почему-то вкупе с сожжением госархивов. И бунтовщиков, как и странно, поддерживал глава МВД Боснии и Герцеговины Фахрудин Радончич, по совместительству — бизнесмен-строитель.

На Украине говорят, что экс-глава администрации президента Украины Сергей Левочкин — человек олигарха Дмитрия Фирташа. В Боснии, где социально-экономическая модель неотличима от украинской, Фахрудин Радончич слывет человеком Насера Кельменди. Об этом олигархе украинский портал «Послезавтра» сообщал следующее:

«В региональных (балканских — Авт.) СМИ пишут, что Насер Кельменди разбогател, торгуя наркотиками, и что в последнее время контролирует наибольшее количество наркотиков, которые из Турции через Албанию транспортируют в Черногорию и Сербию, затем в страны Западной Европы. Утверждают, что он тесно связан как со своими земляками-албанцами, так и с отдельными сербскими и черногорскими бизнесменами. Формально Кельменди — владелец строительной компании и отелей в Сараево и на Адриатическом море в Черногории. Н. Кельменди и его три сына своего времени за-

нимались **контрабандой золота**, а в девяностые годы войны торговали сигаретами, оружием и нефтью. Гражданином Боснии и Герцеговины Н. Кельменди стал 15 лет назад. Он часто заявлял, что и в Черногории чувствует себя как дома. Сараевская пресса пишет, что он был фактически неприкосновенным через огромное богатство и дружеские отношения с отдельными политическими деятелями, прокурорами и полицейскими».

После задержания Кельменди в Приштине весной прошлого года (в зените влияния Джона Керри) Радончич хлопотал за него, настаивая на его выдаче Боснии, «чтобы он смог доказать свою невиновность». А в этом году Радончич хлопотал за «повстанцев». И вот какое странное обстоятельство: сначала чиновники ЕС одобряют меры полиции, а потом, точно получив ценные указания, начинают их оправдывать. Откуда поступили указания? От Кэти Эштон.

Обводка слева

Как вела себя «левая баронесса» Кэти на других фронтах политики?

Накануне Кэти Эштон флиртвала в Женеве с делегацией Ирана, продавливая промежуточное соглашение, открывающее новые возможности для европейских компаний в Ираке. Эта активность не очень соответствовала планам американо-европейской зоны свободной торговли (ТТIP). Зато было вполне созвучно интригам Хиллари Клинтон, видевшей себя уже не просто фаворитом гонки 2016 года, но и гарантированной хозяйкой Белого Дома. На той же Мюнхенской конференции она заявила о нецелесообразности введения новых санкций против Ирана. Глава иранского ИД М. Д. Зариф был так впечатлен, что не нашел времени для встречи с Сергеем Лавровым. Возможно, ему объяснили, что формат Лавров-Керри больше ничего не решает — поскольку Керри выходит из игры.

В самом деле, едва Керри вернулся из Мюнхена в Вашингтон, как на него посыпались все шишки. Оказалось, что именно он (а не Хиллари с Кэти) виноват в проникновении европейских концернов в Иран. И в потворствовании европейскому бойкоту Израиля — ибо неосторожно употребил в мюнхенской речи слово «бойкот» — не как намерение, а как угрозу. И в кулуарной критике Обамы в узком республиканском кругу, которую сами же республиканцы и слили. Госсекретарю пришлось униженно защищаться от всех этих нападок

в интервью CNN, больше напоминавшем допрос (несмотря на личное благоволение к нему Теда Тернера). Уже впоследствии выяснилось, что к Керри была еще одна претензия — от Пентагона. Госсекретарь был уличен в том, что намеренно закрыл глаза на брешь в американо-российском договоре ДСНВ, что позволило русским — без нарушения буквы этого закона — начать производство новой крылатой ракеты наземного базирования РС-26. В январе Россия провела успешные испытания РС-26, и это стало поводом не только для присовокупления стратегической халатности к «персональному делу» Керри, но и для блокирования назначения его протеже Брайана Маккеона на пост заместителя главы Пентагона. Оказалось, что Маккеон был в курсе «компромисса Керри», позволившего подписать договор — но не просигнализировал об этом наверх, за что теперь несет ответственность как военный специалист. Бедняга Маккеон много лет делал карьеру под крылом Джо Байдена, будучи его помощником еще в Сенате.

Напомним, Байден и Керри, два давних приятеля с общими спонсорами, в 2016 году намеревались идти в паре. О том, кто пойдет в президенты, а кто в «вице-», предполагалось договориться «по результату» — то есть по рейтингу. Керри старался заработать рейтинг как внешнеполитический «голубь» — то есть как архитектор перезагрузки с Россией и Ираном, а заодно и как архитектор палестино-израильского «решения о двух государствах». Но безусловной победы эта пара могла бы добиться только через решение ключевого вопроса теневой политики США — афганского.

И именно там ему перешла дорогу партийная конкурентка Хиллари — руками своей ближайшей протеже Сьюзен Райс. Подписание Соглашения о безопасности с Кабулом было уже на мази — удалось добиться поддержки от Лояя Джирги. Но едва высокое собрание старейшин успело устно высказаться в пользу договора, как в Кабуле появилась госпожа Райс. Содержание ее беседы с Хамидом Карзаем не разглашается, но факт состоит в том, что именно после этой беседы Карзай уперся рогом и в итоге отложил подписание Соглашения на «после» выборов.

Саботаж Карзая стал удобным предлогом для проталкивания на пост преемника Карзая не той фигуры, которая его устраивала (то есть либо своего сына Каюма Карзая, либо

шейха Абдул Расула Сайяфа, партнер которого Исмаил Хан имел хорошие отношения с иранскими чиновниками из бывшей команды умеренного Мохаммеда Хаттами), а как раз наоборот. С января одни мейнстримные западные СМИ рас-

кручивали Сайяфа, а другие — полутаджика Абдуллу Абдуллу, к которому у Карзая были серьезные личные счеты.

Фигура Абдуллы Абдуллы была также достаточно приемлемой для Ирана — во всяком случае, менее одиозно, чем фигура суннитского клирика Абдул Расул Саяйфа. Между тем пара Хиллари-Кэти начала предлагать Ирану «конфетку» за «конфеткой», намеренно стараясь в этом флирте перешагнуть команду Керри-Байдена.

Этот флирт ничуть не мешал Хиллари и Райс разворачивать активность по линии Катар. И молодой шейх Тамим на это поддался, увидев в этом благоволении шанс на совместную с Ираном (и за спиной Саудовской Аравии) разработку залежей «Парса» и экспорт его продукции — благо содействие европейских концернов было гарантировано стараниями Кэти. Профессиональные публицисты-иранофилы были обескуражены парадоксом: ведь Катар еще полгода назад проталкивал в состав сирийской оппозиции откровенных радикалов, а теперь вдруг переметнулся на сторону покровителя сирийской власти!

Флирт с Мохаммедом

Между тем администрация Обамы отнюдь не была настроена на конфликт с Саудовской Аравией. Напротив, когда в Вашингтон — сразу же после заявления Керри о том, что его карьера окончена — прибыл министр внутренних дел и безопасности королевства Мохаммед бен Найеф, не он ходил по офисам американских ведомств, а, напротив, их начальники по очереди посещали его в посольстве.

Для того была причина: принц Мохаммед оказался в фаворе у короля, в отличие от принца Бандара. И в противоположность Бандару, демонстрировал готовность к партнерству. В том числе в упорядочении ситуации в Сирии и Ираке, где чрезмерно разгулялись группировки, подконтрольные Бандару, а также принцу Тюрки.

В американской прессе визит освещался с оттенком подчеркнутого почтения к королю и гостю и без всякого почтения к Бандару, который вдруг (как Керри с бойкотом Израиля) оказался единолично виноват в сирийском, иракском, а заодно и йеменском хаосе. О принце Тюрки, посетившем Мюнхенский саммит, не говорилось ни хорошего, ни плохого. Зато зазвучало имя принца Мутаиба бен Абдуллы — сына короля и главы Министерства национальной гвардии. Утверждалось, что возвышение Мохаммеда бен Найефа — это подготовка к приходу Мутаиба на престол.

Основные фигуры на переговорах, Сьюзен Райс и глава ЦРУ Джон Бреннан, еще в прошлом мае — лоббисты военного вторжения в Сирию, теперь разделяли с принцем Мохаммедом взвешенный и благоразумный подход. Это был совсем не такой подход, как тот, что предлагали накануне правоконсервативные составители лондонского «доклада о сирийских узниках». Действительно, коль скоро команда Хиллари начала флирт с Ираном, призывы «раздавить Асада» были бы неуместны.

Очевидно, по той же причине еще одним предметом умолчания в мейнстримных СМИ были связи Катара с одной из ключевых радикальных сирийских группировок — «Джабхат ан-Нусра», которая уже вступила в вооруженную борьбу не только с «умеренной оппозицией» и курдами, но и с группировкой «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) — хотя в пропагандистском обиходе обе назывались «ветвями Аль-Каиды».

Более того, Саудовскую Аравию усиленно призывали к разрешению противоречий с Ираном и Турцией. Эта «теория треугольника» была подкреплена рядом взаимных реверансов в Мюнхене и сразу после Мюнхена. Но подвел Катар, развивший чрезмерную активность в регионе. Встреча глав МИД Ирана и Катара, где был поднят вышеупомянутый нефтяной вопрос, вызвала гнев саудовского монарха — и не его одного.

3 марта, вслед за серией волнений в Бахрейне в ознаменование годовщины «арабской весны», Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн дружно отозвали своих послов из Катара.

7 марта Эр-Рияд официально включил в перечень террористических организаций радикальные суннитские группировки в Сирии, в отличие от умеренных — как и было условлено в ходе визита Мохаммеда бен Найефа в Вашингтон. Однако список оказался с «нагрузкой», совсем не соответствующей замыслам Хиллари.

Во-первых, публикация списка на официальных ресурсах королевства сопровождалась справкой, полученной из Вашингтонского Института Ближнего Востока (MEI), близкого к традиционно прореспубликанскому Джорджтаунскому университету. В этой справке разъяснялось, что ветвь пресловутой «Аль-Каиды», действующей на территории королевства в подполье и именующей себя «Аль-Каидой Хиджаза», только рядится в суннитские одежды, а на самом деле представляет собой секту, воспитанную одним из иранских аятолл.

Во-вторых, вместе с так называемыми дочерними структурами «Аль-Каиды» (в Сирии — и «Джебхата», и ИГИЛ) в пе-

речень террористических организаций была включена про-иранская «Хизбалла» и египетские «Братья-Мусульмане». Одновременно королевство подчеркнуло свою приверженность партнерству с режимом Абдулфаттах аль-Сиси в Египте, который «крошил» «Братьев» с удвоенной силой.

Примечательно, что к этому времени переориентировка произошла и в Афганистане. Карзай отказался от обеих опций, проталкиваемых конкурирующими демократическими кланами в Вашингтоне, собрал пуштунских старейшин и объявил им, что его сын Каюм снимает свою кандидатуру в пользу главы МИД Залмая Расула — бывшего главы канцелярии короля Захир Шаха и родственника королевского семейства.

Иначе говоря, заявил: «чума на оба ваших дома».

Это произошло 10 марта. К этому времени Владимир Путин успел побеседовать по телефону с председателем КНР Си Цзиньпином, а Верховный совет Крыма (два дня спустя) вынес на референдум вопрос не о суверенитете (то есть не об образовании еще одного заведомо непризнанного государства), а о присоединении к России.

Приспособительно-наступательная тактика

Три дамы — Хиллари, Сьюзи и Кэти — рассчитывали обхаживать Джона Керри «слева» не только в Иране, но и в Израиле. Еще в начале февраля целый ряд местных СМИ начал усиленно сталкивать премьера Нетаниягу с главой религиозных сионистов (партия «Байт Йехуди») Нафтали Беннетом. Ссора была чревата развалом коалиции. Оказалось, что из этой интриги торчали уши спецпредставителя США на Ближнем Востоке, посла в Израиле в клинтоновский период Мартина Индика. Того самого Мартина Индика, который в 2002 году возглавил Центр ближневосточной политики Brookings, где потихоньку готовилась передача власти в Египте «Братьям-Мусульманам».

Премьеру рассказали, что господин Индик готовит форменный заговор в пользу старой подруги Хиллари, экс-премьера и председателя партии «Ха-Тнуа» Ципи Ливни. Которая уже сговорила одновременно с левыми партией «Авода» и МЕРЕЦ и даже с религиозной партией ШАС, чтобы получить власть, как только правящая коалиция рухнет.

4 февраля Нетаниягу дал команду подчиненным: прекратить критику Джона Керри! Иначе говоря — лучше иметь дело с ним, чем с командой Хиллари. Он разглядел в интригах Индика классическую «право-левую операцию»: одна и та же рука манипулировала СМИ, раздувавшим конфликт внутри правой

коалиции, и левым лагерем, который устроил беспрецедентную саботажную забастовку персонала МИД за спиной министра Авигдора Либермана. Закоперщиками этой забастовки управляла предшественница Либермана в должности Ципи Ливни.

Другое распоряжение касалось срочной подготовки закона, повышающего проходной барьер в кнессет до 3,25 процентов. Это был привет именно госпоже Ливни: рейтинг «Хатнуа» (которую она сколотила, со скандалом выйдя из рядов «Кадимы» только потому, что ее там не избрали председателем) — существенно меньше. Помимо этого, поправка в закон отныне допускала роспуск правящей партийной коалиции лишь в том случае, если оппозиция уже успела сформировать альтернативную коалицию. Это был привет и Ливни, и министру финансов Яиру Лапиду из «Еш атид». Обе леволиберальных партии входят в правящую коалицию, но смотрят «налево». Смотреть не вредно, но если, господа, вы желаете составить политическую альтернативу, то извольте раскрыть карты еще до выборов. Чтобы избиратель рассудил, зачем вам потребовалась религиозная ШАС — по идейным соображениям или в качестве довеска.

Законодательные «подарочки» для оппозиции готовился «Ликудом» вместе с партией НДИ Авигдора Либермана, которого супруги Клинтон физиологически не переносят, считая русским мафиози. Чтобы перетянуть и умеренных из партии «Еш атид» Яира Лапид, требовались новые реверансы перед палестинцами. И в то же время нужно было гальванизировать американское неоконсервативное лобби. Это требовало настоящей политической акробатики, в которой дополнительными рычагами служили привходящие, как бы «самостоятельные» внешнеполитические обстоятельства.

Первое обстоятельство — понятное дело, Иран. Как раз в день закрытия ежегодной конференции Американско-израильского комитета по общественным связям (АИРАС) в Вашингтоне, где традиционно присутствовал премьер, израильские ВМС перехватили груз оружия, следовавшего — по официальной версии Минобороны Израйля — хитроумным кружным путем из Ирана через Эфиопию (!) в сектор Газа. Иранским козням в Израйле пытались приписать и исчезновение лайнера Boeing, следовавшего из Малайзии в Китай — и даже смогли заинтересовать в этой версии неподкупный Интерпол.

Второе — Украина. Послу Украины в Израйле Григорию Надоленко не пришлось долго просить Иерусалим о медицинской помощи майдановцам. Предложения посыпались на-

перебой и бесплатно — от ведущих клиник и крупного бизнеса одновременно. Общая потребность была оценена не менее чем в 300 человек только с одной стороны фронта. Посол особенно благодарил уроженца Харькова, ликудовца и заместителя главы МИД Зеэва Элькина. Такая тактика была совершенно беспроектной. Как и показательное уклонение от антифашистских заявлений российского еврейства как главного раввина Украины Моше-Реувена Асмана, так и главного киевского раввина Якова Дова Блейха. Не говоря уже, само собой, о главном днепропетровском рабби, гражданине США Шмуэле Каменецком.

О нападениях национал-революционеров на еврейских учащихся и просто на евреев сначала говорилось мало, пока жертвой не стал раввин Гилель Коэн. Между тем риск новых нападений возрастал — по той простой причине, что бизнесмены-евреи собственноручно взяли в руки бразды правления в Днепропетровске и Одессе. И чем больше был этот риск, и чем больше число реальных жертв ксенофобии, тем больше козырей было в руках у Биньямина Нетаниягу. В самом деле, кто, как не еврейские олигархи, взяли на себя нелегкую заботу об охваченной хаосом территории? Разве за океаном не должны это ценить? Разве при этом друзья-республиканцы не должны видеть, какому риску неустойчивая временная власть в Киеве подвергает украинское еврейство?

Канал ТСН, принадлежащий Игорю Коломойскому, на глазах местной и мировой телеаудитории ставил между собой неумную экспроприаторшу Татьяну Чорновил с вице-президентом Европейского еврейского конгресса Евгением Червоненко. Это было несложно: клиническая (с диагнозом от психиатра) психопатка Татьяна Чорновил воспринимала общественного деятеля прежде всего как олигарха. А сам Червоненко, у которого пытались экспроприировать вертолет, картинно сетовал в камеру: «Это не я насылаю бандитов на бизнес! Это вы! Вы!»

В то же время о прямой причастности протезе республиканцев Петра Порошенко к вооружению «Правого сектора» израильским телезрителям не сообщалось. Напротив, его бизнес-партнер Владимир Гройсман, бывший мэр «сахарной» Винницы, позиционировался как ближайший союзник Израиля: он здесь уже бывал и устанавливал побратимские связи между Винницей и Бат-Ямом. На пиар-уровне этому содействовала его супруга Елена — главный редактор газеты «Киев еврейский».

Более того, на сайте Евразийского еврейского конгресса «Правый сектор» аттестовался положительно — как составная часть Майдана, свергнувшего диктатуру. Пропагандисты ЕАЕК замечали, разумеется, что в состав правых радикалов входили персонажи вроде Игоря Мосейчука, неоднократно поносившего евреев с трибуны. Более того, и сам Мосейчук, и целые организации вроде «Патриота Украины» назывались антисемитскими, и осенью прошлого года еврейский общественный портал изобличал «злочинную» власть Януковича в том, что она выносит этим нехорошим людям недостаточно суровые приговоры. Когда во второй, бандеровский период стояния на Евромайдане начались нападения на евреев на улицах, на том же сайте они приписывались не национал-анархистам, а беркутовцам. Потом, когда беркутовцы были выброшены со сцены вместе с Януковичем, а новая временная власть не ужесточила наказание ранее осужденным антисемитам, а наоборот, выпустила их на волю, публицисты ЕАЕК взялись разъяснять, что в «Правом секторе» есть разные элементы — от вполне толерантных к евреям до отдельных («кто-то кое-где у нас порой») ксенофобов. Дмитрий Ярош был отнесен к положительной категории: в самом деле, он же не обращался к Умарову за просьбой о содействии в еврейских погромах. А кроме того — это считалось особо убедительным аргументом — Ярош лично принял в своей резиденции посол Израиля Реувен Динэль, и «значит», на нем как бы поставлен некий штамп, как на кошерном продукте.

Более того, израильская дипломатия могла на полном основании зачислить в свой актив дерадикализацию Правого сектора. Ведь «правосеков» ждали братья по разуму в Латвии на марш легионеров, причем не когда-нибудь, а 16 марта — так совпало, что традиционный день мероприятия эсэсовских ветеранов совпал с днем освобождения Крыма. Но праворадикальная партия «Все-Латвии» осталась в недоуменном разочаровании: ребята Яроша не прибыли, а пресс-секретарь «Правого сектора» Артем Скоропадский даже идеологически это обосновал: дескать, мы вовсе не ксенофобы, как некоторые.

Третьим фронтом изоощренной израильской дипломатии была Турция. Нетаниягу долго торговался с Анкарой по поводу компенсаций членам экипажа судна «Мави Мармара» из миссии «Свободу Газе». Но 13 марта он заявил, что настроен на возвращение отношений с Турцией к временам «до 2010 года». Имелся в виду тот год когда была запущена флоти-

лия «Свободу Газе». И тот год, когда был отправлен в отставку глава Генштаба Турции и сторонник тесных связей с Израилем генерал Илькер Башбуг.

Как раз накануне неожиданного заявления израильского премьера, 8 марта, Башбуг был освобожден из турецкой тюрьмы, куда был помещен как участник военного заговора «Эргенекон» против Эрдогана. Его с ликованием встречал актив патриотического крыла Национальной республиканской партии Турции (СНР). И это вполне устраивало Эрдогана в канун муниципальных выборов, которые считались решающим испытанием для его собственной карьеры.

Во-первых, накануне Эрдогану пришлось провести жесткую чистку как в своей партии справедливости и прогресса (АКР), так и в правительстве. Поводом был заговор, более опасный, чем раздутое дело «Эргенекон». Его ближайший духовный соратник, теолог Фатхулла Гюлен, живущий ныне в американском штате Пенсильвания, «разочаровался» в Эрдогане и стал вести против него пропаганду через свою обширную образовательную сеть «Хизмет». Это была еще одна интрига «валькирии» Клинтон. Однако именно Гюлен, будучи в союзе с Эрдоганом, настраивал его против военного истеблишмента и инспирировал дело «Эргенекон». Освобождая Башбуга, Эрдоган в очередной раз действовал наперекор учителю-предателю. Искренняя радость патриотического крыла «кемалистов» из СНР его также вполне устраивала, благо усугубляла раскол в этой партии. Ведь большинство в ней принадлежало либерально-проевропейскому крылу, к которому принадлежал и нынешний председатель Кемаль Кылычдароглу.

Казалось бы, у противников Эрдогана были на руках все карты, чтобы его свалить. Но они были в разных руках: карта Гюлена — в руках Хиллари, а «ключи» от анархической тусовки стамбульской молодежи с обильным присутствием этно- и сексменьшинств («площадь Таксим») — в руках Джона Керри и его лондонского партнера и родственника его иранского спонсора — Питера Вестмакотта. Теоретически Керри мог бы подарить этот ресурс Хиллари. Но конкуренция теневых лобби была сильнее интересов Демократической партии США.

Правая коалиция Израиля с 2008 года ждет и не может дожидаться, когда же в Вашингтоне придут к власти республиканцы. Вообще говоря, этой американской партии израильский «Ликуд» обязана даже своим возникновением. И эта американская партия традиционно не только блокировала попытки Палестины добиться суверенитета, но и обеспечивала стабильность светских режимов в Египте, Турции, Сирии и Иордании.

Более того, все интеллектуальные центры республиканцев — от Heritage до Hudson Institute — работали на укрепление турецко-израильского формата связей. Претензии Израиля к американским демократам опять же связаны не только с их иным подходом к палестинской проблеме. Куда более болезненно — и не только для «Ликуд», но и для Израиля вообще — был тот факт, что Билл Клинтон задумал преобразовать Катар в витрину арабской модернизации, а при Обаме «арабская весна» предоставила этой маленькой абсолютной монархии эксклюзивные преимущества, по сути сделав его ключевым партнером Америки в регионе — вплоть до попытки «переключить» афганских талибов с Эр-Рияда на Доху. И чем дальше катилась эта «арабская весна», тем активнее израильская дипломатия продвигала новые форматы связей взамен утраченных — в том числе с Пекином и Москвой, а на фоне размолвки с Анкарой форсировалось освоение альтернативных рынков по другой сторону Черного моря — от Греции до Украины.

Однако «весна» докатилась и до Украины, где в марте 2012 года развернула деятельность именно демократическая агентура влияния. Если процесс не удастся остановить, остается только его возглавить — или по меньшей мере войти в совет директоров нового акционерного общества «Украина» и компенсировать потери прибылью при восстановлении рынка. Что осуществимо только через тех лоббистов в Вашингтоне, что выются вокруг Маккейна. Такие маневры не порадуют Москву, но зато — что для правой коалиции Израиля несопоставимо важнее — помогут наконец-то активизировать республиканцев. Что уже абсолютно необходимо, коль скоро демократы формируют уже совсем вызывающую для Израиля треугольник Катар-Иран-ЕС.

Нокаут от «Удара»

Европейские политические и разведывательные ведомства просчитывали мировую ситуацию куда хуже, чем стратегические структуры Китая, Израиля и Турции. Больше других опростоволосилась Германия, где вплоть до середины января истеблишмент пребывал в благодушной уверенности в том, что Евромайдан плавно и бесконфликтно перетечет в досрочные выборы, на которых, как целый год подсказывали социологи, победит удобный Виталий Кличко. Который, разумеется, звезд с неба не хватает, зато худо-бедно владеет немецким (в отличие от английского) и даже пишет свою фамилию через немецкое “tsch”, а младшего сына окрестил в честь немецкого боксера Максимилиана Шмеллинга.

Фамилия Порошенко, появившаяся в одном ряду с «большой тройкой» Яценюк-Кличко-Тягнибок» 3 декабря в Financial Times, не была принята всерьез в Берлине. Равно как и силовой ресурс «Правого сектора», который вышел на сцену 19 января, якобы из-за серии «антинациональных» законов Януковича. Хотя можно было заметить, что к тому времени весь цвет киевских социологов и политтехнологов увлеченно мастерила Порошенко рейтинги, одновременно «предсказывая», что «Правый сектор» станет партией, которая вытеснит «Свободу» Тягнибока.

Европейских политиков больше смущал и раздражал другой факт: с 19 января, когда на фоне горящих покрышек над Майданом взвился уже не европейский, а бандеровский красно-черный флаг, Майдан перестал быть удобным местом для пиара Европейской народной партии накануне выборов в Европарламент. И более того, превратился в место для пиара радикальных правых структур, также желающих занять свое место в том же парламентском органе, чтобы оттуда «наезжать» и на Брюссель, и на Берлин, требуя всего сразу — от вытеснения иммигрантов до запрета на аборт.

Страны Вышеградской группы изменившееся лицо Майдана беспокоило по иным причинам: претензии ярошевского «Тризуба» на части «Югорщины, Словаччины та Румунии» были прямым вызовом государственности восточноевропейских стран. На экстренном саммите были подвергнуты критике не только подобные призывы, но и отмена Закона о языковой политике, которая касалась не только русских, но и венгров, румынов и поляков. Не говоря о том, что название тризубовской газеты «Бандеровец» для Польши, где Бандера сидел в тюрьме за сепаратизм, было красной тряпкой.

Консенсус Берлина и Варшавы материализовался в совместной поездке Штайнмайера и Сикорского в Берлин 21 февраля. С ними был и французский коллега Фабиус, но предсмотрительно «отчалил», оставив заместителя коротать ночь с Януковичем и «большой тройкой». Очевидно, на месте он убедился (с помощью коллег из DGSE), что «большая тройка» ничего не решает.

Вторично Берлин и Варшава убедились в этом при окончательном формировании украинского правительства, куда представители Кличко не вошли, а полученной квотой на заполнение губернаторских мест просто «торганули». «Контрольный пакет» получила команда «старой Батькивщины», то есть лица, приближенные к Тимошенко и Турчинову. Сама же Юлия Владимировна как ни в чем не бывало лечилась в кли-

нике Шарите. При том, что бесконфликтную смену власти (а не ту, которая произошла, с позоров для Берлина и Варшавы) гарантировала вовсе не она, а как раз ее газовый недруг Дмитрий Фирташ, спонсор Кличко.

Нельзя сказать, что высшая европейская бюрократия оказалась при этом в более выгодном положении. Временное правительство не было в состоянии ни «вернуть обратно» языковую реформу (разве что от Ирины Фарион кое-как избавилось), ни наладить элементарный порядок в экономическом управлении (в Миндоходов по очереди врывались банды с мандатами от разных лиц, по банкам шастали правые радикалы с экзотическими названиями и неопрятной внешностью).

Отдуваться за все это перед Брюсселем приходилось его спецпосланнику Яну Томбинскому. Имя Томбинского мы вновь услышали в интервью свергнутого директора Службы безопасности Украины Александра Якименко. Честного служачи, который, произнося слова «Таможенный союз», ступавался и отводил глаза от камеры. Зато очень вдохновенно называвшего ушедшую, несостоявшуюся Украину Януковича мостом между Европой и ЕС. По его словам, Томбинский не вылезал из американского посольства, то есть от посла-демократа Пайэтта. Как и два генерала спецслужб — Николай Маломуж и Виктор Гвоздь.

Честному служаче Якименко кто-то крепко внушил, что самая коварная угроза Украине исходит от Польши. Поскольку Польша мешает Украине стать мостом между Россией и «Европой» (т.е. Германией). В этом суждении был несомненный резон, когда в Польше правили «братья-картошки» Квасьневские. С приходом Туска многое изменилось. Но стереотипы честных генералов не меняются вмиг.

Якименко говорил то, что видел — или то, что ему честно докладывали его агенты на Майдане. Например — что коменданта Майдана Андрея Парубия, члена фракции «Батькивщина», «прибрал к рукам Порошенко».

Для генерала Якименко — что Порошенко и Гриценко, что Маломуж с Гвоздем одним миром мазаны. Ведь он имеет оперативную информацию о их частных визитах в посольство США. Правда, если поинтересоваться биографией Николая Маломужа, то мы обнаружим, что этот человек не только не имел ничего общего с ГУР и его управлением «Р», но даже напротив, ранее едва не стал жертвой интриг тех, кто вместе с генералом Смишко (покровителем Галаки) пришел «с Острова», как именуют ГУР по месту его локализации. Этот человек — совсем не из компании Порошенко и Гриценко. А в по-

сольстве он регулярно появлялся хотя бы потому, что первоначальный проект «Евромайдана» — без красно-черного флага УПА — готовила американская команда из Национального Демократического института США (NDI). Эта команда работала, условно, с «баптистами». И тот, кто внимательно смотрел хронику «России-24» с места событий, помнит некоего активиста Игоря Ткаленко, который сидит на Майдане и при этом жалуется в российский телеэфир на некую американку, которая ищет «способных вождей» в Правом секторе. Игорь Ткаленко — ближайший политический и религиозный собрат Александра Турчинова.

Суррогатная революция 2004 года отличается от нынешней не только своей бескровностью. Оранжевая революция осуществлялась при полном надпартийном консенсусе в рядах агентуры влияния. Если уж совсем точно — надпартийном и надклановом. Чего никак нельзя сказать о нынешнем суррогатном процессе, ибо в нем столкнулись непримиримые лоббистские интересы. И бедняга Пайэтт, как и некоторые его предшественники, попал между этими интересами как кур в ощи. Он не знал, кому подчиняться — людям Керри или мадам Нуланд. Он покрывал Данилюка, поскольку это был агент Сороса, и потому что он должен был не просто штурмовать Минюст, но и добыть там некие регистрационные документы. Но Данилюку помешала «Свобода» — не спрашивая Пайэтта. И Данилюк сбежал в Лондон. Испугался режима Януковича? Или других охотников за теми же документами? Отчего не спрятался в посольстве? А может быть, сам посол чувствовал себя не более уверенно, чем сам Данилюк? Ведь был же такой дипломат Крис Стивенс в Ливии, который задохся в пожаре, при полном бездействии своих соотечественников.

Хельга Шмид была столь откровенна с Томбинским, поскольку знала, что это надежный человек, у которого «крыша» — леди Эштон, а не какие-то «неправильные» американцы вроде Нуланд с супругом, или Маккейна с Шойнеманом. И считала, что у этих «неправильных американцев» нет окончательного мандата на Украину. В самом деле, февраля письмо от Юлии Тимошенко, волшебным образом материализовавшееся в Раде, парализовало сценарий «Яценюк-Порошенко», уже благословленный в Давосе и Мюнхене. Казалось, что крылья «Валькирии» прочны как никогда. Немка Шмидт была лояльна не Ангеле Меркель, а «Валькирии».

В самом деле, линия Клинтон побеждала. «Твердые тимошенковцы» получили президентскую администрацию, руководство Радой, контроль над МВД, все возможности для на-

значения губернаторов и для контроля над экономикой, в том числе и над экспроприацией. Важный пост получил только один номинальный УДАРовец — новый-старый глава СБУ Валентин Наливайченко. А если он при Буше помогал белорусской оппозиции, то разве не ради «европейских ценностей»?

Зато в экономику «ударовцев» не пускали. Депутат Сергей Аверченко пытался посадить «своих людей» на Министерство доходов — то есть на налоговую и на таможенную, для чего использовал давнего конкурента бежавшего министра — некоего Андрея Головача. Но подозрительные майдановцы в этом разобрались и Головача выгнали. Скандаль не помешал Аверченко стать временным гендиректором концерна «Укроборонпром». Но через пару дней в руководство концерна указом Турчинова был введен Сергей Пашинский — и.о. главы администрации президента, надежный тимошенковец, сожитель и протеже кураторши «антикоррупционного» передела собственности Татьяны Чорновил. И вскоре бедный Аверченко был вторично катапультирован — теперь уже на хлопотную должность управления делами временной президентской администрации.

Точку над і поставила ФБР, которой руководит Джеймс Коуми — представитель группировки «прокуратуры Южного округа Нью-Йорка», хитроумно обыгравший в борьбе за пост Лайзу Монако, ставленницу Байдена-Керри. 12 марта Дмитрия Фирташа взяли под белы ручки в Вене. Случилось это ровно в день визита главы «Газпрома» Алексея Миллера в Вену. Напрасно в этот день канцлер Ангела Меркель напускала на себя строгость на трибуне Бундестага и подставлялась под едкие реплики лидера Левой партии Грегора Гизи. На неприятности, грозившие Фирташу, венская Der Standard откровенно намекала еще 7 марта. Но олигарх не поберегся — очевидно, рассчитывая как на Берлин, так и на Иерусалим, где его партнеры Фурст и Кнопп заседают в международном совете Фонда Переса за мир. ФБР пришло и за ним, и за Кноппом. Если придет и за Фурстом, то в Варшаве могут добраться до его зятя — олигарха Александра Гольдберга, иммигранта из Австралии (где поныне числится в розыске как крупнейший в истории этой страны мошенник).

Кто-кто, а Юлия Тимошенко восприняла арест Фирташа как признак собственного всевластия. По возвращении в Киев 18 марта она заявила, что возвращается «во всех отношениях», а тем, кто этого не ожидал, посоветовала «пенять на себя». Но те, кто этого не хотел, позаботились раньше, без особых церемоний записывая ее телефонные беседы из клиники. Одна из

них, беседа с бывшим любовником Нестором Шуфричем, показала особо любопытной. Узнав об итогах референдума в Крыму, Юлия Владимировна высказала все, что думала о Владимире Путине, а также об украинских русских. И очень нехотая упомянула ядерное оружие.

Между тем 24 марта открывался ежегодный Международный саммит по ядерному разоружению. И именно в этот день «доброжелатели» пустили по миру неpolitкорректную аудиозапись. Она была вброшена на портал «Кибер-Беркут» — то есть разоблачителями предстали пророссийские «мстители». Однако пленка была тут же растиражировала СМИ Петра Порошенко. Осведомленные киевские источники сообщают, что вброс принадлежал никаким не беглым беркутовцам, а Валентину Наливайченко — тому самому генералу, который в 2005 году сменил в должности главы СБУ оскандалившегося Александра Турчинова (тот имел неосторожность поинтересоваться сделкой с ракетами Х-55, проданных с Украины Ирану при прямом участии республиканцев из KBR — дочерней структуры Halliburton Дика Чейни).

И действительно, трудно себе представить, чтобы беглые беркутовцы имели большие возможности для подключения к разговору, чем кураторы Валентина Александровича из ЦРУ. Нестор Шуфрич тем более не мог быть заинтересован в дискредитации «принцессы» — и не только из-за старой интимной дружбы, но и по той причине, что в свое время публично разоблачал Порошенко и совсем не был заинтересован интриговать в его пользу.

Германский политический класс пришел от неpolitкорректности Юлии Владимировны в тихий шок. И снова не догадался, что с ним играют ту же самую жульническую игру во второй раз. Когда благодный боксер Кличко в Лондоне публично согласился «лечь» под Петра Порошенко, Берлину оставалось сделать только хорошую мину при отвратительной игре: все-таки боксера вышестоящие инстанции взяли во власть хоть кем-то, а не вовсе выкинули.

Теперь глава германской редакции Deutsche Welle Бернд Йоханн натужно пытается внушить аудитории, что Порошенко — заведомо более подходящий кандидат, чем «несдержанная» Юлия Владимировна. Однако степень уверенности германского истеблишмента в сдвиге к лучшему при Петре Порошенко лучше иллюстрируется не словами, а делами: 1 апреля Германия подключила Польшу к поставкам газа, получаемого по «Северному потоку», страхуя от «неопределенности» украинского транзита.

Лондонскому бенефису Порошенко-Кличко предшествовал ряд событий, на первый взгляд мало связанных между собой. 13 марта делегация сенаторов во главе с Джоном Маккейном встречалась в Киеве с Порошенко, Кличко и Тягнибоком — но игнорировала «вернувшегося к Юле» Яценюка. После этого Маккейна вдруг заволновал вопрос не шоколада, а Приднестровья. После этого Белый Дом, накануне поездки Обамы в Европу, в страшной спешке, с ошибками, приготовил указ о персональных санкциях. Список замечателен обилием украинских фамилий — Матвиенко, Тимченко, Ковальчук, Фурсенко. Бандеровские дедушки в Штатах и Канаде нуждались в перечне национал-предателей. Они его получили.

23 марта глава МИД Великобритании Уильям Хейг озабитился возможной агрессией России в Приднестровье. На следующий день Виталий Кличко принял в Киеве делегацию Всемирного конгресса украинцев — той самой организации, которая исправно финансировала «Тризуб» (не зная о приятельских отношениях ее вождя Дмитрия Яроша с бывшим чекистом Наливайченко и уголовным авторитетом Семеном Яхимовичем). А 26 марта бандеровские дедушки уже рукоплескали Петру Алексеевичу и Виталию Владимировичу на Трафальгарской площади.

Юлия Тимошенко была убеждена в своем всевластии еще 21 марта. И не только она, но и генералитет, традиционно работавший под покровительством американских республиканцев. В созданный ею «постоянно действующий штаб» поспешили войти такие «зубры», как вышеназванный Александр Галака (успевший на пенсии побывать под следствием за контрабанду алмазов), его предшественник в ГУР Александр Скипальский, адмирал Игорь Кабаненко (который ранее безуспешно мылился на Минобороны, но по разнарядке «Свободы» провели Тенюха). И даже Анатолий Гриценко, пытавшийся расколоть «Батькивщину» и вместе с Порошенко «спасавший» якобы изувеченного Дмитрия Булатова, в этот день писал письмо «лично» Юлии Владимировне, готовясь ей служить душой и телом.

В свою очередь, подчиненный «тимошенковцу» Авакову спецназ «Сокол» ликвидировал в Ровно одного из главных силовых фигур «Правого сектора», экс-заместителя главы УНА-УНСО Сашко Билого (повод был: в Ровно готовился путч местного значения, что могло закончиться уже второй по счету попыткой захвата АЭС). И сам Аваков очень решительно при-

казывал «Правому сектору» разоружиться, и даже после убийства Сашко осада Верховной Рады не закончилась ее захватом: «Правый сектор» отступил. А в самой Раде, продолжавшей заседать при запертых изнутри засовах, был поставлен на голосование вопрос об отмене амортизационного сбора с автомашин — чего очень не хотелось владельцу «Богдана» Петру Порошенку.

Команда Тимошенко свято верила гарантиям трех дам — Хиллари, Сьюзи и Кэти. И не принимала всерьез откровенный шантаж Урмаса Паэта, приятеля Михаила Саакашвили и ставленника тех же республиканских боссов. Паэт по телефону «на пальцах» объяснял Кэти Эштон две вещи: первое — что **«гражданское общество Украины доверяет только Петру Порошенко»**, второе — что загадочные снайперы, стрелявшие одновременно по майдановцам и беркутовцам, были подконтрольны не Януковичу и даже не пресловутой ФСБ, а «кому-то из действующей коалиции». Кто это ему напел? Профессор Ольга Богомолец, певица и профессор-дерматолог. Это она курировала лечение президента Виктора Ющенко в австрийской клинике, а оплачивал это лечение партнер Петра Порошенко и владелец соседнего особняка в Козине — гражданин Сирии и Франции Юсеф Фарес, о контрабандных операциях которого Александр Турчинов много лет копил досье.

И вдруг 26 марта — рраз! — и все правила игры меняются. Окончательно — 28 марта, когда Порошенко и Кличко провозглашают свой альянс уже в Киеве, а все как один респектабельные социологические центры пророчат этой новой «Большой двойке» не просто перевес над командой Юлии Тимошенко, а победу с разгромным счетом.

Нельзя сказать, что такие прогнозы ласкают слух Арсена Авакова. Как и офицеров спецназа «Сокол»: одного из них уже через несколько дней похищают, другим угрожают по домашним телефонам.

Есть повод побеспокоиться и группировке Виктора Балогги, которая во временном правительстве Турчинова заняла ряд весьма ответственных силовых постов (СВР — Виктор

Гвоздь, Государственное управление охраны — Валерий Гелетей и др.). При уличной стрельбе у кафе «Мафия» 1 апреля ранение получает финансист Богдан Дубас — еще один человек Балогги, по договоренности с его командой занявший пост первого вице-губернатора Киева.

Ветер подул в другую сторону. На сайте Group DF появилось краткое сообщение о том, что Дмитрий Фирташ, тщетно ожидающий в Вене суммы для выкупа, вслед за Кличко

поддержал Порошенко. И наконец, Арсений Яценюк повторно развернулся спиной к Юлии Владимировне, покинув ряды партии «Батькивщина».

Ветер подул в другую сторону не только в Киеве.

Совсем недавно, в начале марта, экс-президента Грузии Михаила Саакашвили попросили вернуться в Тбилиси, чтобы дать показания об обстоятельствах смерти своего бывшего соратника Зураба Жвания. Очень кстати в YouTube появились снимки его тела с обилием кровоподтеков — хотя по официальной версии он скончался от отравления газом. А затем и разоблачительная аудиопленка, уже прямо связывающая убийство с Саакашвили. На допрос вызвали медицинского эксперта, состряпавшего фальшивое судебно-медицинское заключение. Тогда же был вынесен весьма суровый приговор экс-премьеру Вану Мерабишвили, а ее одному близкому другу экс-президента, Кахе Бендукидзе, было вменено в вину получение «по дешевке» здания Технического университета.

И вдруг 26 марта правозащитница Ирма Инашвили выступает с сенсационным заявлением о боевых отрядах, готовящих переворот с целью возвращения Михаила Саакашвили к власти. Ей не верят: ведь новое руководство Грузии явно на хорошем счету в Америке; премьер Гарибашвили (преемник и любимец Бидзины Иванишвили) всего месяц назад лично встречался с Обамой, чтобы обсудить использование азербайджано-грузинского коридора (вместо российского) для вывоза техники из Афганистана.

7 апреля эту версию подтверждает уже не общественный активист, а заместитель главы МИД Грузии Александр Чикаидзе. По его сведениям, команда Саакашвили на манер Киева заготовила покрывающие его «зондеркоманды» обучаются захватывать здания, а в качестве массовки рассматриваются свежереабилитированные уголовники.

Кому нужно возвращение команды Саакашвили? Не Маккейну ли с компанией, привыкшей доить мелкие, то претендующие на особую транзитную роль юные государства?

Ветер подул в другую сторону не только в бывшем СССР, но и на Ближнем Востоке.

В Иерусалиме должна была завершиться первая фаза палестино-израильского мирного процесса. Барак Обама должен был иметь на руках хотя бы промежуточный вариант соглашения между сторонами, чтобы привезти его в Эр-Рияд и убедить короля в собственном влиянии и воле. Но документа не было. В самый канун визита Обама, прибывший из Брюссель в Рим, отправил находившегося с ним Джона Керри

(срочно, безотлагательно!) в Иерусалим и Амман, для встречи соответственно с Нетаниягу и Аббасом. Дальше происходили удивительные вещи. Мэйнстримные агентства сообщили, что Керри прямо из самолета беседовал по телефону с Нетаниягу, и что это беседа заняла три часа — после чего самолет не стал садиться в Иерусалиме и направился прямо в Амман. Однако путь от Рима до Иерусалима по воздуху занимает явно меньше трех часов. Получается, что самолет несчастного главы Госдепа **описывал круги**, пока Керри просил, умолял, уговаривал. И ничего не получил.

Мало того, что Обама явился в Эр-Рияд с пустыми руками. Его ждал еще один сюрприз: ровно в день визита король определился наконец со своим наследником. Вторым наследным принцем (после престарелого министра обороны принца Салмана), то есть фактическим наследником, был объявлен отнюдь не сын короля Мутаиб, а экс-глава разведки (в промежутке между Тюрки и Бандаром) принц Мукрин бен Абдулазиз.

«Король Абдалла усвоил урок смены власти в Катаре, однако все еще не определил время передачи короны и престола своему брату Салману бен Абдул-Азизу. Когда это все же произойдет, принц Мукрин займет место наследника, а потом станет и королем. Между тем состояние здоровья нынешнего короля Саудовской Аравии Абдаллы не позволяет ему продолжать руководить страной», — популярно поясняет «Аль-Кудс аль-Араби». Интересно, что в Тегеране еще надеются, что это какое-то недоразумение: безымянные —

очевидно, разведывательные — источники портала «Табнак» настаивают, что это такой хитрый ход короля: дескать, целью назначения Мукрина заместителем наследника является передача власти Мутаibu (после того, как престарелый Салман откажется от трона).

И в самом деле, у иранского МИД есть повод для расстройства. Только что речь шла про какой-то «треугольник», и так заманчиво, что даже встречаться с господином Лавровым господину Зарифу было недосуг. И Турция по всем расчетам должна была потерять статус регионального лидера, и радикалов-суннитов обещали приструнить. И некоторые удобные американские публицисты вроде Симура Херша и Роберта Перри очень кстати разоблачали Турцию в применении химоружия. И вообще Иран должен был, как новый лидер региона, навязывать свою игру, параллельно ставя условия и Эр-Рияду, и Дохе.

А тут вдруг Мукрин. Который накануне, 18 марта, принимал в своем дворце делегацию Консервативной партии Вели-

кобритании во главе с председателем межпарламентского комитета дружбы Дэниелом Кавчинским. Поскольку в Палате общин есть не только иранское лобби, но и саудовское. Да и к кому прислушиваться молодому королевству, как не к старшему королевству?

Во многих уважаемых изданиях, включая левую британскую Guardian и израильскую Haaretz, распространился слух о том, что Обама якобы подговорит короля обвалить цены на нефть, чтобы таким образом наказать Россию. Эти перепевы угроз Джорджа Сороса на украинских и израильских порталах, связанных с именем политтехнолога Антона Носика, были дополнены еще более интригующим слухом: якобы Обама собирался попросить у короля не только обрушить цены к ущербу для собственной экономики, но еще и выделить Киеву ни много ни мало \$15млрд! (Примечательно, что портал newsru.ua, «экспортировавший» эту байку в Израиль, в этот период поставил все свои пропагандистские силы на службу Юлии Тимошенко и Арсену Явакову).

Однако все это оказалось пшиком. Мало того, что король, и без того опасавшийся падения цен из-за «открытия» Ирана (усилиями сначала Керри, а потом конкурирующих дам), и не подумал командовать ни своей нефтяной компанией, ни тем более странами ОПЕК по соросовскому щучьему велению. Он даже не отказал в кредите военному режиму Египта — тому режиму, который американских демократов (и прежде всего Хиллари) не устраивал; тому режиму, который начал флиртовать с Москвой в пику Вашингтону. И сам режим генерала Абдулфатаха аль-Сиси — хотя он еще не стал президентом — был настолько самоуверен, что за день до появления Обамы в Эр-Рияде отправил делегацию в Москву, где тут же было объявлено о возобновлении переговоров о зоне свободной торговли Египта с Таможенным союзом.

У генерала аль-Сиси есть повод для уверенности в свои возможностях. Еще в августе прошлого года глава Разведывательного проекта Brookings Брюс Ридель называл именно принца Мукрина главным покровителем Абдулфаттаха аль-Сиси в саудовском семействе. А 1 апреля Дэвид Кэмерон распорядился провести расследование деятельности «Братьев-Мусульман» в Великобритании. Путин ему не друг, но Суэцкий канал Лондону дороже — со времен Дизраэли и Лайонела Ротшильда.

По своим соображениям генерал аль-Сиси устраивает и правящий израильский истеблишмент, особенно военный. И вот ведь еще какое совпадение: вышеупомянутый план раз-

вала израильской правящей коалиции с ее последующей заменой на союз левых сил, который готовил Мартин Индик в интересах Хиллари Клинтон, тоже обернулся пшиком. Мало того, что кнессет успешно принял все законопроекты, невыгодные для оппозиции. Один из главных спонсоров этой оппозиции Эхуд Ольмерт (еще в начале прошлого года пытавшийся «перетасовать» колоду коалиции так, чтобы премьером стал не Нетаниягу, а Яир Лапид) находился под уголовным преследованием по делу, как две капли воды похожему на дело Кахи Бендукидзе — оп предоставлении участка земли «по дружбе». Прокуратура намекала Ольмерту, что ему было бы выгоднее затянуть процесс, но он отказался, считая, что дело благополучно закроют. Однако 30 марта суд сформулировал приговор таким образом, что наказание тянет лет эдак на десять, причем судья счел нужным патетически заявить, что коррупционный случай Ольмерта не просто серьезен, а (это в Израиле-то!) «беспрецедентен».

«С большой грустью» воспринял весть о проблемах Ольмерта «голубь мира» Шимон Перес. Он только успел рассказать австрийскому канцлеру, что сделка с палестинцами была отложена только на пару дней и вот-вот состоится.

Действительно, Керри уже 31 марта возвращался в регион, и не с пустыми руками для Израиля: чтобы Нетаниягу согласился освободить 40 арабских заключенных, Белый Дом, как он сообщил, готов наконец освободить моссадовца Полларда, томящегося в американской тюрьме за особо злостный экономический шпионаж в пользу Израиля.

На этот раз встреча с Нетаниягу состоялась, а с Аббасом нет. Глава Палестинской автономии отказался принять госсекретаря США!

«Даже если утечки о возможности досрочного освобождения Джонатана Полларда окажутся только слухами, само их появление свидетельствует о серьезном кризисе американской дипломатии на Ближнем Востоке. Отказ Абу-Мазена от встречи с Керри и угрозы продолжить односторонние действия по объявлению независимости аналитики рассматривают как демонстративный плевок палестинцев в сторону Белого дома. По мнению экспертов, теперь палестинцы вполне могут переориентироваться на Россию, которая начинает рассматривать Ближний Восток как еще одну линию фронта противостояния США», — сообщает израильский портал «Курсор». Такая интерпретация, очевидно, происходит из того факта, что Махмуд Аббас, отклонив предложение о встрече с Керри, через несколько часов принял в Рамалле спецпредставителя гла-

вы МИД России по ближневосточному урегулированию Сергея Вершинина.

Ветер подул в другую сторону, однако, и на Дальнем Востоке, и здесь МИД РФ был ни при чем. В январском номере *Foreign Policy* за 2012 год (напомним, тогда это издание «раскручивало» команду Керри) были перечислены страны-мишени суррогатных революций в Юго-Восточной Азии, а именно Мьянма, Таиланд, Малайзия и Сингапур. Автором статьи был Ларри Даймонд, сопредседатель программы «Технологии освобождения» и автор трех книг, высмеивающих грубую политику команды неоконсерваторов в Ираке.

В своей статье Даймонд специально пояснял, что целью суррогатных революций в названных странах является окружение Китая кольцом из «демократизированных» стран. Впрочем, Китай не терял времени зря. Гражданская война в Мьянме не стала препятствием для завершения строительства Бирмано-Китайского нефтепровода. В Сингапуре премьером стал преемник Ли Куан Ю, а не его «демократический» однофамилец. В Таиланде «желторубашечники», отчаявшись получить большинство в парламенте, были вынуждены сменить тактику и саботировать выборы.

В начале марта студенческая толпа оккупировала правительственные здания в Тайбэе, требуя отказа от программы партнерства с материковым Китаем. Что было после этого, мы знаем. Был длительный и содержательный телефонный разговор Владимира Путина с Си Цзиньпином.

Вскоре после этого американская корпорация Bloomberg стала вилять хвостом перед Китаем. Дескать, наш автор, опубликовавший статью о личном состоянии семей Си Цзиньпина и Ли Кецяна, вышел за пределы подобающего жанра. И вообще, он больше в Bloomberg не работает. А компания очень заинтересована присутствовать в Китае и сожалеет о том, что из-за глупости бывшего сотрудника доступ к ее сайту для китайских клиентов заблокирован.

Затем — буквально за две недели — сдулась революция в Таиланде. А лайнер, капитаном которого был малайзийский революционер, не исполнил миссию а-ля 11 сентября в Китае, а был сбит малайзийской же ракетой.

Так что же, в самом деле, случилось в промежутке между 21 и 26 марта? Отчего мир так внезапно «качнулся вправо, качнувшись влево»? И как случилось, что обе конкурирующие демократические команды США оказались в состоянии полной беспомощности?

А случилось вот что. 25 марта в калифорнийской столице отмывания денег городе Лас-Вегасе состоялось мероприятие для узкого круга очень платежеспособных лиц. Не просто платежеспособных, но и настроенных на вложение немалых средств в изменение американского внешнеполитического курса. Организатором встречи в собственном отеле был традиционный спонсор республиканцев-неоконсерваторов Шелдон Адельсон. Напомним, этот игорный король является также личным спонсором Биньямина Нетаниягу.

Адельсон был режиссером мероприятия. А главным героем был Джеб Буш — младший брат Джорджа Буша-младшего и бывший губернатор штата Флорида. Именно в его честь был созван благотворительный обед, где Джеб объявил о намерении выдвинуться на пост президента, а все присутствующие рукоплескали. На следующий день Джеб Буш выступал на конференции Республиканского еврейского комитета (RJC). Там же выступал и его конкурент Крис Кристи. Но конкурент сдуру употребил в речи слово «оккупированные территории». После чего организаторы и спонсоры заявили, что Кристи либо не понимает, о чем говорит, либо является недружественной Израилю персоной. Бедняга Кристи специально бежал к Адельсону объясняться. Но было поздно.

На следующий день после бенефиса на RJC о Джебе Буше очень сочувственно отозвался ветеран внешней политики Генри Киссинджер: он увидел в Джебе «опыт, умеренность и взвешенность». Еще через два дня Washington Post сообщила, что на Джеба согласилась работать «практически вся» бывшая команда Митта Ромни. А 30 марта в честь Джеба Буша устроил обед экс-мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг, владелец вышеназванной Bloomberg.

Республикацы-экспансионисты предпочли (как и следовало ожидать) не палео-, а неоконсерватора. По формуле Билла Кристола, это такой политик, для которого на первом месте стоят три ценности: американское превосходство; интересы военного бюджета; интересы Израиля. Точка. Все остальное — потом.

Такой выбор был с энтузиазмом встречен в Лондоне. Дэвид Кэмерон совершенно не был настроен ни на трансатлантическую свободную зону США-ЕС, ни на навязанную ему демократическим Белым Домом деофшоризацию. Великобританию устроила бы роль приоритетного военного союзника США, как это было при первом и втором Буше, — но при независимости финансовой политики как от Вашингтона, так и от Брюсселя. Мало того, старейшей британской партии, тесней

всего связанной с королевским семейством, этот особый статус Лондона предпочтительнее «места под солнцем» в ЕС, бюрократия которого своим вмешательством в банковские дела, в энергетику, в стандарты надоела Даунинг-стрит хуже горькой редьки. Лондон предпочел бы совершенно самостоятельные отношения и с Пекином, и с Москвой. И поэтому Кэмерон, как и Нетаниягу, начинает действовать по принципу «каждый спасайся сам».

Хейг «наезжает» на Москву, но дрожь проходит по континентальной Европе: там уже понятно, что через два дня (25-го) скажет Обама на саммите США-ЕС. И он говорит: «Почему европейские страны тратят на оборону только 1-3 процента ВВП?»

Кэмерон принимает Порошенко и Кличко. И опять же отбирает у Брюсселя и Берлина инициативу, вручая ее неоконсерваторам, которые фактически и отобрали именно этих двух номинантов (Кличко — еще в 2011 году, Порошенко — в прошлом декабре).

Лондон решает свои проблемы за счет Брюсселя и Берлина. Паны дерутся — у холопов чубы трещат. В холопы попадает Европа. А самый крайний холоп самой Европы — «победившая» контрэлита Украины — попадает как кур в ощиц.

Диалектика случайности и правды

О том, сколько дней, месяцев или лет назад Путин задумал вернуть Крым, а желательно и Восточную Украину, мировой медиа-мэйнстрим спорит долго и бесплодно. Эта дискуссия задевает самолюбие американских спецслужб, честно признавшихся, что заметили какие-то приготовления лишь на последней неделе февраля.

Как ни парадоксально, усыпили бдительность ЦРУ и Пентагона те самые персонажи, которые собирали для Вашингтона компромат на бизнес-окружение президента. Они

авторитетно внушали, что Кремль «по самое не могу» увяз в Олимпиаде и вообще не в состоянии думать о чем-либо другом. И что соответственно, Олимпиада создает очень удобное «окно возможностей» для Запада.

А с другой стороны, отдельные лица перестарались в бомбардировке Вашингтона тревожными депешами о планах Москвы захватить Крым. В ноябре 2011 года об этом поднял панику Мустафа Джемилев. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что глава Меджлиса крымских татар по каким-то экономическим мотивам не хотел назначения лавой области бывшего главы МВД Украины Анатолия Могилева — человека не московского, а просто «макеевского». Не прибавилось до-

верия Джемилеву в июне 2013-го, когда его же ближайшее окружение попросило его уйти на покой после того, как его

сын-наркоман убил человека выстрелом из окна. Еще одним хроническим паникером был экс-советник Путина и член правления Международного центра демократического перехода (ICDT) Андрей Илларионов. Нам неизвестно, сколько раз его сигналы проверялись, но в конечном итоге случилось то же самое, что в известной притче про мальчика-пастуха, который слишком часто попусту кричал «Волки, волки!»

Из Москвы все виделось иначе. По меньшей мере и для Кремля, и для МИД России не мог остаться незамеченным тот факт, что в истэблিশменте Демпартии США происходит раздрай, а республиканский кандидат пока — на последнюю неделю февраля — «не нарисовался». Это из внешних, «объективных» условий. А из субъективных: два факта: отмена Верховной радой Закона о языках и беспредел «Правого сектора» в Киеве, в том числе не в последнюю очередь — захват здания Минюста со всеми документами о собственности. После в которого в Крым вдруг одновременно устремились экс-глава местной «Батькивщины» Андрей Сенченко и его непримиримый конкурент Петр Порошенко.

Военный аспект крымской операции был к тому времени действительно подготовлен — как и сообщалось в отдельных утечках в украинской прессе, в нескольких вариантах. Политический, особенно пропагандистский аспект готовился в явной спешке. Во всяком случае, экстренное заседание Совета Федерации не было адекватно ситуации ни по форме, ни по содержанию. Единогласное поднятие рук напомнило всей Восточной Европе типичное партсоборание брежневского времени — а тот факт, что Валентине Матвиенко с трудом удалось набрать кворум, на фоне этого впечатления «единодушного одобрения» осталось незамеченным. Но ладно бы суконовый стиль — куда хуже было озвученное обоснование вмешательства России в украинские дела. Спикер поставила вопрос о правах всего лишь 60 процентов населения Крыма, а в международном праве сослалась на право нации на самоопределение на примере Косова — то есть на том же примере, к которому совсем недавно апеллировала бандитская Ичкерия.

К счастью для Крыма и не только для Крыма, грубейший и опаснейший политический «ляп» Валентины Ивановны был оперативно исправлен. И помогла этому не многомесячная подготовка, а совокупность случайных обстоятельств.

Во-первых, нашлись два человека, которые выступили в качестве, говоря американским языком, *whistleblowers*. Это

был Максим Шевченко, в яростной статье «Украинский предел русской истории» сказавший все, что думал о твердолобом начетническом подходе к «собиранию русского мира» по этническому принципу. И это был Владислав Третьяков, который в открытом письме к Михаилу Горбачеву построил параллель не с самоопределением Косово, а с объединением Германии. Их никто не просил вмешиваться в процесс. Они вмешались сами, движимые только собственным равнодушием и персональной ответственностью за Крым, за Россию и за Украину — за то, как пишется история. То, что таких два человека нашлись и безотлагательно сформулировали свои тезисы, было случайностью. То, что Владимир Путин их услышал (см. текст его выступления от 18 марта), доказало раз и навсегда, что Владимир Путин — не случайный человек на своем месте, что бы ни кричала толпа немцовых и конкурирующая толпа навалых, и что бы ни хотелось думать их конкурирующим покровителям. А сами немцовы и навалыные из политических фигур стали в глазах нации тем, кто они есть — банальными стукачами в вашингтонский обком, и все вложенные в них и в Болотную средства мгновенно помножились если не на ноль, то на десятичную дробь. И эта потеря минус-качества стоила убытков, понесенных страной от введенных и планируемых санкций. Тем более что одновременно плюс-качество принесли победившие паралимпийцы — люди, доказывающие себе и всем нам (включая пострадавший от потери западных заказов бизнес), что невозможное становится возможным, когда человек преодолевает себя, и что вообще, на всякий случай, он жив не хлебом единым.

Во-вторых, по случайному совпадению, волжско-татарская часть российского истеблишмента оказалось ближе, чем когда бы то ни было, к принятию решений. Как раз в это время в кремлевских коридорах обсуждался вариант выдвижения главы Татарстана Рустама Минниханова на пост премьер-министра России. Именно эта часть истеблишмента мобилизовала уже полузабытых российским и украинским общественным мнением аксакалов — Минтимера Шаймиева и вслед за ним — Юрия Лужкова. Именно связи руководства Татарстана с российской исламской духовной иерархией позволила изменить повестку дня задуманного Джемилевым курултая крымских татар. А с другой стороны, благодаря той же элитной группе манифестация на Воробьевых горах была выдержана в красном цвете.

Если бы к Владимиру Путину обратился Геннадий Зюганов, он не был бы воспринят как *whistleblower*. Глава госу-

дарства, не имеющий внутреннего тяготения к коммунистическим идеалам, был поставлен — не старческими стонами и жалобами, а трезвыми, ясными и честными аргументами — перед тем фактом, что апеллировать Россия должна сейчас именно к этатистскому интернационализму. Ибо это и прямая антитеза национал-анархии, и основа общей идентичности пророссийской среды на Украине — поверх языков и конфессий, и наконец, тот реальный, а не воображаемый «мотор» остро необходимой мобилизации в самой России, в том числе и перед лицом легко прогнозируемого прессинга извне.

Только это исправление «формулы правды» дало тот результат референдума, с которым был вынужден считаться мир. Только интернационалистский императив мог вдохнуть новую энергию в едва сложившееся освободительное движение Восточной Украины. Только подъем этого движения вынудил Запад, и в том числе Белый Дом, признать, вопреки бандеровским дедушкам, «культурную неоднородность» Украины и вмешаться в ее конституционный процесс.

Алармисты и скептики предупреждали Кремль о том, что присоединение Крыма дает в руки нашим оппонентам очень много карт. Это так и было. Но одно дело — получить в руки карту, а другое — ею воспользоваться.

Правящий истеблишмент отдельных европейских стран воспользовался тем обстоятельством, что вопрос о Крыме расколол «правый край» всего европейского политического класса. На фоне пронизавших СМИ фобий в связи с российской «игрой без правил» самая мощная из партий этого спектра, французский Нацфронт, получил только 7% голосов на местных выборах после того, как Марин Ле Пен поддержала Россию. Зато вперед вышли традиционные консерваторы-голлисты. Паника, возникшая в ЕНП из-за эксцессов украинского «Правого сектора», сошла на нет: электорат традиционных консерваторов мобилизовался на предубеждениях к России. По существу Россия, присоединив Крым, дала фору европейскому правому мейнстриму.

Демократический Белый Дом тоже пытался использовать крымский фактор во внутренней политике. Так, вопрос о помощи Украине был «пришпилен» к законопроекту по реформе МВФ. Обама был настроен на выполнение обещаний, данных Китаю, и в том был резон — надо же хотя бы остановить сброс Китаем американских гособлигаций! Но республиканцам нужно было лишний раз продемонстрировать миру слабость правящего режима. И конгрессмены-республиканцы са-

ботировали реформу МВФ. Она была опять отложена, в чем Обама осталось лишь признаться Си Цзиньпину в Гааге.

Наконец, Турция могла по-разному воспользоваться крымской ситуацией. Украинские аналитики пугали Москву: сейчас, мол, Анкара вступится за крымских татар, и несдобровать Москве. Но для кого как, а для Эрдогана крымскотатарская община — это активный участник либеральных манифестаций на площади Таксим, вместе с национальным телеканалом АТР. Иначе говоря, часть антигосударственной, подрывной массовки Керри-Вестмакотта вместе с курдами и гомосексуалами.

И Эрдоган не стал разыгрывать перед выборами украинскую карту. Напротив, как писали многие турецкие авторы, Эрдоган действовал в стиле Путина и по его примеру. Более того, он предпринял средство, к которому Россия пока ни разу не прибегала — в канун выборов отключил доступ к Twitter и YouTube. И это спокойно пережил фондовый рынок — более того, едва стало известно об убедительной победе правящей АРР, как акции турецких компаний пошли вверх.

Эрдогана хотели убрать со сцены американские экспансионисты из обоих лагерей — консенсус был тот же самый, что и по поводу Путина. Команда Керри разваливала Турцию на части, команда Клинтон взялась пуще прежнего стравливать суннитов с шиитами. Неоконсерваторы были заинтересованы, напротив, в сильной Турции, но обязательно в союзе с Израилем, и поэтому их бы устроило, чтобы Эрдоган уступил место Абдулле Гюлю. Но англо-американская клановая война создала для Эрдогана то же самое «окно возможностей», через который России удалось «пронести» Крым.

Фарион Бандерович Пупс

Генри Киссинджер не зря сожалеет обо всей эпопее с Евромайdanом. Исход этой эпопеи дискредитирует не только Европу, но и Америку — и не какую-то из партий или групп, а Соединенные Штаты как государство. Поскольку теперь Европа, озабоченная ненадежностью транзита через Украину, а также желающая «поставить нам место» Россию, ждет от Америки давно обещанных поставок сланцевого газа. И Америка вынуждена теперь либо делать поставки себе в убыток, либо честно признаться, что давно разрекламированная альтернатива является дутой, ибо добычи в США хватает только для внутреннего потребления, и то ненадолго. О чем лишний раз свидетельствует нежелание Обамы перечить саудовскому королю.

Некоторые отечественные авторы сопоставляли сегоднешнюю ситуацию с временами Картера, когда Москва использовала слабость Белого Дома, а в итоге пришел Рейган. Предупреждение вроде как сбылось: на горизонте появился Буш номер три. Но во-первых, Крым — не Афганистан. Во вторых, Джеб — не Рейган: очередной римэйк Буша уже сейчас американскую аудиторию скорее смешит, чем вдохновляет. В-третьих, за два года на выборах республиканцы так или иначе должны были найти фаворита. В-четвертых, Джеб Буш появился на сцене в связи с иранским, а не российским фактором мировой политики. В-пятых, и по действиям его союзникам, и по оценке его личности тем же Киссинджером видно, что он вряд ли будет строить внешнюю политику исключительно на конфронтации.

Но главная проблема состоит в том, что как бы того ни хотелось хоть Маккейну, хоть Кэмерону, а до прихода Джеба Буша к власти остается еще два с половиной года. И поэтому хотя неоконсервативное лобби получило-таки перевес в американской внешней политике, он не является ни полным, ни прочным. Более того, те режимы, которые были прямо приведены к власти американскими демократами, совсем не обязательно настроены сдавать власть только потому, что некие джентльмены собрались в Лас-Вегасе и за них что-то решили.

Так, например, грузинское правительство не собирается сегодня же закрывать все дела команды Саакашвили и встречать его хлеб-солью. И нельзя сказать, что Юлия Тимошенко и ее ближний круг, равно как и мобилизованные и призванные ими силовики из «группы Балог», горят желанием уже 25 мая досрочно уйти на пенсию, уступив дорогу Петру Порошенко и его креатурам.

Еще 11 января этого года Виталий Кличко после первоначальных переговоров с Порошенко составил такой «компромиссный» список своего правительства на случай, если вдруг они с ним пойдут в паре (тогда такую возможность рассматривали только одесские политологи), и если он, Кличко, станет президентом:

Председатель Верховной Рады Украины — Яценюк Арсений Петрович;

Премьер-министр Украины — Порошенко Петр Алексеевич;

Первый вице-премьер — Иванчук Андрей Владимирович;

Вице-премьер — Матиос Мария Васильевна;

Вице-премьер — Кривецкий Игорь Игоревич;

Министерство аграрной политики и продовольствия — Кириленко Иван Григорьевич;

Министерство внутренних дел — Боднар Ольга Борисовна;

Министерство доходов и сборов — Черкасский Игорь Борисович;

Министерство здравоохранения — Донец Татьяна Анатольевна;

Министерство иностранных дел — Наливайченко Валентин Александрович;

Министерство инфраструктуры — Сольвар Руслан Николаевич;

Министерство культуры — Лыжичко Руслана Степановна;

Министерство молодежи и спорта — Палатный Артур Леонидович;

Министерство обороны — Каплин Сергей Николаевич;

Министерство образования и науки — Фарион Ирина Дмитриевна;

Министерство промышленной политики — Фаермарк Сергей Александрович;

Министерство регионального развития, строительства и ЖКХ — Парубий Андрей Владимирович;

Министерство социальной политики — Денисова Людмила Леонтьевна;

Министерство финансов — Пашинский Сергей Владимирович;

Министерство экологии и природных ресурсов — Тягнибок Андрей Ярославович;

Министерство экономического развития и торговли — Кужель Александра Владимировна;

Министерство энергетики и угольной промышленности — Мартыненко Николай Владимирович;

Министерство юстиции — Агафонова Наталья Владимировна.

Генпрокурор — Чумак Виктор Васильевич

Председатель СБУ — Ковальчук Виталий Анатольевич

Секретарь Совета национальной безопасности и обороны — Турчинов Александр Валентинович

В этой замечательной конструкции Арсений Яценюк должен был довольствоваться скромной ролью спикера Рады, Александра Турчинова задвигали туда, куда после «оранжевой революции» был задвинут Порошенко — в СНБО, энер-

гетика делегировалась ближайшему партнеру Порошенко, с которым он в свое время «осваивал» Крым — Николаю Мартыненко, наука и образование — искрометной Ирине Фарион, один из постов вице-премьера — «ночному губернатору» Львова Игорю Кривецкому, известному также как «Пупс», промышленная политика — Игорю Фаермарку, бизнес-партнеру нового одесского губернатора Владимира Немировского.

И никакой Юлии Тимошенко. И никакого Арсена Авакова. И никакого Юрия Продана. Ничего хорошего этим персонажам не обещано. Уже на примере с отрядом «Сокол», с осадой Рады «Правым сектором», с вторжением его в Верховный суд, со сварой Чорновил и Червоненко видно, что задуманная смена фигур не будет бесконфликтной.

А речь идет, между прочим, о замене силовиков. В том числе и на тех должностях, которые в списке не обозначены, но не менее важны. Внешняя разведка, государственная охрана. Их сегодня тоже занимают не любезные Порошенко и его покровителям генералы, а отнюдь наоборот.

И помимо этого, в вышеприведенном списке за километр не пахло ни Партией регионов, ни вообще представителей Востока — будь то из корпоративных или административных структур. Вообще. Если Аваков как-никак несколько лет был харьковским губернатором, то вышеозначенную компанию совершенно ничего не связывает с русскоязычными промышленными регионами. Теперь, на одну секундочку, представьте себя на месте Рината Ахметова. Или нынешнего куратора Партии регионов Бориса Колесникова, которого в 2005 году Петр Порошенко (его конкурент в том числе на сахарном рынке) предлагал выручить из тюрьмы за 2 миллиарда, а взять их явочным порядком у того же Ахметова.

Интересно, приходило ли это в голову благостному Бернду Йоханну, когда он так легко по лондонской (и лас-вегасской) указке приветствовал «новые ориентиры» от имени Германии? А Франку-Вальтеру Штайнмайеру, посетившему Донецк за несколько дней до выхода на сцену Армии Юго-Востока? Они понимают, что замена одного имени на другое — на лондонском острове росчерк пера, а на украинской земле — предвестие уже не кукольно-притворной, с имитацией отрезанного уха, а полномасштабной клановой войны, переходящей в гражданскую? И что цена нашего присоединения Крыма — это цена его спасения от этой войны?

Они помнят или уже запамятовали, как они хотели в Косово благостного католика Ибрагима Ругову, а получили в итоге полевого командира Хашима Тачи? Они обрадуются, когда на

месте Арсена Авакова, замеченного в однополном сексе и тем самым близкого к евроценностям, невзначай образуется ночной губернатор Пулс?

Они знают, что пожар у наших границ и у их собственных границ не затухает, а наоборот, разгорается? А если не знают, то освобождает ли такое незнание от ответственности?

Заковыривайте обратно!

На самом деле «окно возможностей» было не только у Путина и Эрдогана. Ту прореху американского влияния, которая разверзлась в результате американского же кланового столкновения, могла использовать в своих интересах и Европа. Более того, и на саммите по ядерной безопасности в Гааге, и на саммите США-ЕС в Брюсселе были заготовлены серьезные возражения Америке (особенно по созданию Трансатлантического торгового партнерства). Мир не услышал этих аргументов по трем причинам. Первая, лежащая на поверхности: повестка дня саммитов была искусственно замещена украинской темой. Вторая, менее очевидная: мейнстримные масс-медиа как Центральной, так и Восточной Европы находятся под достаточным англо-американским контролем, чтобы целиком диктовать редакционную политику. И третья: европейские элиты не настолько легко могут расстаться с привилегиями корпоративного бизнеса и личных свобод в Америке, чем российские или турецкие.

Мировая экономическая и геополитическая реальность давно требует от Европы большей самостоятельности. Но во-первых, нынешнее руководство европейских структур ни за что не отвечает, поскольку в этом году сменяется. Во-вторых, кампания в Европарламент для европейских элит оказалась куда более парализующим фактором, чем Олимпиада для России. В-третьих, как нам уже известно по аудиопленкам, евробюрократия всецело полагалась на Кэти Эштон — в том числе и корпорации, уже наострившиеся осваивать Иран. И пока Хиллари Клинтон казалась однозначным «кандидатом выбора» в Штатах, евроэлиты были готовы идти на поводу у Вашингтона по очень многим вопросам — в том числе и тем, которые касаются России и ее корпораций.

В идеале евробюрократию бы вполне устроило, чтобы Россия вообще не замечала происходящего на Украине. Чтобы в Киеве пришла к власти Тимошенко под золотыми звездами на синем фоне. Чтобы она подписала удобное для европейских компаний соглашение об ассоциации. Чтобы дальше Украина под теми же знаменами благополучно деиндустриала-

лизировалась вслед за Восточной Европой — кроме узкого круга производств, которые востребованы в ЕС, но слишком грязны для драгоценного европейского климата.

В том, что такой *business as usual* не получился, евробюрократии проще всего обвинить в Россию. Несмотря на то, что смена флагов на Майдане 19 января этого года была задумана отнюдь не русскими — как и отмена Закона о языках, как и уличный беспредел группировок с мечтами о переписывании европейских границ в пользу Украины.

Европейской пропаганде сегодня крайне удобна теория всемирного российского заговора.

В том числе и версия о том, что Джеба Буша «им на голову» приводит не король казино Шелдон Адельсон и не банкир Майкл Блумберг, а Путин, сменивший правила игры. Но какие фрейдовские механизмы ни применяй, а реальность останется.

Эта реальность состоит в том, что с Россией по-прежнему придется жить и покупать у нее газ, ибо все альтернативы несравнимо затратнее. А с другой стороны, теперь придется по принуждению, под тем же предлогом защиты от России, отстегивать на содержание НАТО и его новых военных операций. Не только в Африке, но и на Балканах, а затем и в Карпатах. И само собой, на Памире и Гиндукуше. Везде, где американские кланы не смогли поделить наркотранзит — не просто неотъемлемый, но и жизненно важный источник выживания постиндустриальной экономики. Ведь вовсе не из-за Крыма Хамид Карзай призвал называть афгано-пакистанскую границу вовсе не границей, а демаркационной линией. Крым был только предлогом, а причиной была серия предвыборных театров в Пакистане, из-за которых пришлось отменить церемонию празднования Новруза в специально построенном для этого дворце — в чем в Кабуде подозревают не талибов, а пакистанскую разведку ISI.

Эта реальность состоит в том, что Европе придется-таки раскошелиться на Украину, не отделавшись подписанием филькиной грамоты (половины (!) от политической части Соглашения об ассоциации). Более того, придется содержать такой режим, который содержать совсем не хочется. Во-первых, за Петром Порошенко стоят не «носители европейских ценностей», а как раз наоборот, и флаг их, черно-красный, — тот самый флаг, под которым бандеровцы подрывали режим Пилсудского. Во-вторых, как уже было сказано, смена власти 25 мая влечет немалые дополнительные издержки — от геополитических до экономических.

Эта реальность состоит в том, что украинская ткань продолжает расплываться, и в этом есть прямая вина евробюрократии. Ведь не стала же Кэти Эштон перечить в Лондоне Дэвиду Кэмерону 26 марта. И берлинский истеблишмент не стал. И в результате та едва сформировавшаяся власть, которая призвана защищать украинский суверенитет, не справляется и не может справиться: она же временная. И в результате по Украине, как раньше по Косово и Боснии, ходят ботинки частной военной американской организации с опытом в Ираке. А танки в Луганск посылает не Турчинов и не Аваков, а почему-то олигарх Коломойский. Так за что боролась Европа на Украине? За то, чтобы собственность «донецких» досталось «одесско-днепропетровско-цюрихско-иерусалимским»?

Реальность состоит в том, что Европа повела себя не как инструмент, не как посредник, а исключительно как прокладка или подстилка англо-американского истеблишмента. Как и во многих других случаях — взять хотя бы избирательную деофшоризацию Кипра. Только вылезать из украинских неприятностей будет посложнее, чем из кипрских и греческих.

Центральная Европа могла убедительно попросить Белый Дом не начинать «мутить» Украину, пока не построен «Южный поток» (вариант — турецкий TANAP). Или — пока не открыты, не временно, а надежно, иранские рынки. Или — пока не построен китайский «Шелковый путь». Или — пока не представлены, с цифрами в руках, гарантии адекватной замены российского «натурального» газа «альтернативным» американским.

Не говоря о гарантиях невмешательства Агентства национальной безопасности США в государственные, корпоративные и личные дела европейцев.

Не говоря о справедливом подходе к деофшоризации: если США эта проблема так беспокоит, почему бы не начать с себя? То есть — с офшоров Джорджа Сороса на Нидерландских Антильских островах?

Но Центральная Европа занималась другим. Она навязывала Турции, России и Китаю заведомо неприемлемые для них стандарты управления, экономической политики и понимания прав человека. Даже когда Си Цзиньпин прибыл в Берлин с однозначно выгодными предложениями, Ангела Меркель не нашла ничего лучше, как вручить ему географическую карту Поднебесной периода упадка. Интересно было бы посмотреть на реакцию хоть Клинтон, хоть Керри, хоть Буша, если

бы мадам Меркель вручила им карту Америки того же времени — Америки, разделенной на воюющие Север и Юг.

Нельзя сказать, что системообразующие страны Европы совсем не перечат США. Иногда такое бывает. Но достаточно было одного случая с Домиником Стросс-Каном, чтобы не только Францию, но и весь ЕС поставить в положение согбенного вассала.

Если Великобритания и Израиль выторговывают себе исключительные роли, расставляя нужных людей на третьи страны или отдельные территории, то континентальная Европа приспособляется по типу реагирования. Испанская корона «сдает» принца-консорта наднациональному полицейскому аппарату. Швейцария вслед за UBS «сдает» Credit Suisse. Французский президент сразу же после мероприятия в Лас-Вегасе выбирает нового премьера, идеально соответствующего критериям неоконсерватора по Биллу Кристолу. Евросоюз впопугу переименовывать в «Содружество зависимых государств», но слово «содружество» уже не подходит. Общеввропейский социал-демократический портал Social Europe без комментариев перепечатывает рецепт отделения Франции, Нидерландов, Испании, Италии, Португалии и Ирландии от европейского валютного союза с введением «параллельного евро», а Германии предлагается тащить на себе дальше Восточную Европу без участия этих избранных стран. Автор рецепта — Стивен Хилл из New America Foundation — подсказывает Франсуа Олланду «бросить вызов» Ангеле Меркель.

Европейский дом не просто трещит — его деловито делят на части. И как только эти части разделятся, каждая из них будет освобождаться от балласта, прежде всего — от периферийных нахлебников. Среди них больше всего головной боли доставляет Украина. Но через ее территорию течет в Европу газ. Мало того, на ее территории — четыре потенциальных новых Чернобыля. И именно это обстоятельство позволяет «Правому сектору» вести себя перед Европой как хрестоматийный беспризорник-вымогатель: «Дяденька, дай пять копеек, а то я в рожу плюну, а у меня сифилис».

Выдавленную зубную пасту трудно загнать обратно в тюбик. Трудно, но если очень захочется, то возможно. Санация Западной Украины, ее околотамуженных и припортовых пространств, где «пупсы» вербуют банды, для сочувствия бандеровских дедушек прикрытые символами «Тризуба», — это прежде всего задача Европы. Не только по справедливости — кто расковырял, тот и должен заковыривать обратно. Эта са-

нация — вопрос самосохранения Европы. Не interest, а self-interest. Разрешить его Европа вместе с Россией еще может. Через прореху американского влияния еще можно пронести Украину над пропастью, если захотеть — тем более, что эта прореха американского влияния после «судьбоносного» заседания в Лас-Вегасе не закрылась.

6 апреля мировое сообщество поздравило Афганистан с успешным проведением президентских выборов. Но с чем именно поздравлять, непонятно: победитель не назван. Пока американские республиканцы предавали своего фаворита в банковских интересах, чтобы подобрать номинанта поприличнее и поудобнее, «валькирии» не теряли времени зря в евразийском центре наркопроизводства. Как и в Центральной Африке, социальные сети за последние три года в Афганистане развивались быстрее, чем водоснабжение и канализация. Что и дало фору «прогрессивному» доктору Абдулле Абдулле. Как показывает практика, окончательный итог может подводиться еще несколько месяцев. А если во второй тур выйдет не Залмай Расул, а выпускник Johns Hopkins University Ашраф Гани, то афганская территория станет полем для финала американской политической битвы. Плох будет тот Лас-Вегас, который проиграет в Кабуле.

А пока до финала еще далеко, вопрос о власти остается в «зависшем» состоянии во всех регионах, где политика определяется транзитной теневой экономикой. То есть и в Мали, и в Ливии, и в Боснии, и в Пакистане, и в Киргизии, и в Грузии (добровольно нанизывающей себя иглу альтернативного «северного коридора»), и на юго-западной Украине. И чем дольше тянется эта неопределенность, тем больше шансов у Одессы стать новой Мисуратой.

Очень символично плацдарм сопротивления хаосу — местному, региональному, глобальному — называется в Одессе Куликовым полем. Магия цифр и названий не возникает случайно. Семидесятилетие освобождения Одессы, произведение двух магических цифр, приходится на время новых сражений — не только и не столько за этот город. Столетие Первой мировой войны, первого противоборства глобальных кланов, наступающее в августе (не до августа ли протянется подведение итогов афганских выборов?) — уместная и трагическая, но не самая высокая аллюзия. Образ Куликова поля — выше: по ту сторону запутанных этнических взаимодействий (столь же запутанных в русском мире и сегодня),

это колыбель суверенной цивилизации; это та самая точка отсчета, из которой исходит наша заявка на статус полюса мирового влияния; это то место, где Господь нас сохранил. И повестка дня возвращения Крыма и стояния на одесском Куликовом поле — не вопрос отношений русских и украинцев, а вопрос противостояния добра и зла. И только сейчас слова Ахматовой «мы знаем, что нынче лежит на весах» приобретают заверченный смысл, притом в большем смысловом масштабе, чем 70 лет назад.

ГРЫЗНЯ ПО ДОВЕРЕННОСТИ

Торговля сланцевым воздухом

Когда Барак Обама на саммите США-ЕС в Брюсселе 26 марта объявил, что Америка готова поставлять в Старый Свет сжиженный природный газ, дабы спасти ее от российской зависимости, он поставил себя в странное положение сразу перед тремя американскими аудиториями.

Во-первых, перед производителями обещанного газа, которые вполне естественно заподозрили, что их будут некими нерыночными средствами принуждать торговать на грани себестоимости: ведь в цену газа, доставленного в Европу, входит сжижение, доставка и разжижение. А чтобы сравняться по цене с «Газпромом», надо еще учесть, что ведущие экономики Европы уже договорились с «Газпромом» о снижении цены.

Во-вторых, перед той частью традиционного электората Демократической партии, которая ложится костями — в переносном или буквальном смысле — поперек любой трассы проектируемого газопровода, вопия о нарушении баланса Матери-Земли, притеснении прав индейцев, и само собой, о пресловутых пределах роста, усугубленных глобальным потеплением.

И наконец, в-третьих — перед украинской диаспорой, поскольку большая часть российского газа в Европу поставляется доселе именно через Украину. Сама Украина потребляет (если не считать врезок и откачки из газохранилищ) все меньше газа, а доля транзита остается прежней. Диаспора может не знать таких мелочей (сужу по личному знакомству с ее представителями в 1990-х), она может представлять себе некий огромный вентиль, который злочинная Москва закручивает и закручивает. Но сама постановка вопроса тревожит. Хотя бы потому, что тем меньше транзитная роль, тем меньше и важность украинского вопроса для мирового или хотя бы европейского истеблишмента. А украинскому вопросу, в представлении диаспоры, и так уделяется обидно мало внимания. Был, например, финансовый кризис в Мексике — так ей МВФ сразу же «отвалил» \$60млрд.

Европейцы, однако, поймали Обаму на слове и предложили включить поставки альтернативного газа в Трансатлан-

тическое соглашение о свободной торговле, если он действительно хочет его заключить. Он хотел, но ради совсем другого сектора экономики — для производителей готовой продукции, а никак не сырья. Ради тех же интересов было предназначено анонсированное с такой же помпой Транстихоокеанское партнерство, в рамках которого он собирался в конце апреля заключить договор с Японией.

Поездке Обамы на Дальний Восток, казалось бы, дули все попутные ветры. Ей предшествовали оглушительные маневры ВМС с Южной Кореей, которые вызвали естественную реакцию северных соседей, вплоть до ядерных испытаний, то лишний раз подчеркивало жизненную необходимость постоянного присутствия США в регионе. Ей

предшествовал визит в Китай главы МИД России, готовившего встречу Владимира Путина с Си Цзиньпином. Не говоря уже действиях самого Китая, явочным порядком установившего режим контроля воздушного пространства над спорными с Японией островами Сенкаку.

Но правое правительство Японии, в отличие от политических соперников, не требовавшее от Обамы свернуть базу на Окинаве, тоже поймала его на слове. Если уж Обаме столь дороги отношения с Японией, что он посещает в регионе Японию, Корею и Филиппины и при этом игнорирует Китай, то и экономические сделки, которые предлагаются Вашингтоном, должны быть в интересах японских производителей — да и японского госбюджета, до сих пор страдающего от последствий Фукусимы (да, кстати, развалившийся реактор был американского производства). А по условиям Транстихоокеанского партнерства получается все наоборот.

Мало того, с решимостью сдерживать Китай как-то не очень соотносилось одергивание японского премьера, в очередной раз посетившего святилище японских имперских фантомных болей — храм Ясукuni. К чему такое вмешательство во внутренние дела? Не к тому ли, что Соединенные Штаты побаиваются всерьез ссориться с Пекином, чтобы Пекин не решил еще раз сбросить крупный пакет американских гособлигаций, как это было сделано в начале марта?

В те же самые дни глава МИД РФ Сергей Лавров посетил наоборот, западное полушарие. Сначала Кубу — что комментариев не требует, затем Никарагуа и Чили. Что общего между Никарагуа и Чили? В обе страны проторило дорогу Министрство чрезвычайных ситуаций, глава которого ныне является министром обороны. А кроме того, Чили больше других стран заинтересована в скорейшем сооружении Никарагуан-

ского канала, который проектирует китайская HKND. Та же компания, которая проектирует также порт в Крыму.

О том, что еще в конце марта Россия, Никарагуа и Бразилия обсуждали с Китаем этот проект, в прессе сообщалось мало. Однако уже по экологической озабоченности судьбой далекого Никарагуанского озера, которая вдруг обуяла орган секты «Фалуныгун» — издание «Великая эпоха», можно было догадаться, что слухи о некоем соглашении имеют под собой почву. О том же говорила и внезапно появившаяся в российских же СМИ реклама конкурирующего проекта реконструкции Панамского канала. 5 мая факт переговоров был публично подтвержден Сергеем Рябковым — в тот же день, когда стало известно об участии Госкорпорации железных дорог Китая в строительстве Керченского транспортного коридора.

Барак Обама хотелось бы, чтобы его внешняя политика была результативнее. Но по итогам апреля ни одной «галочки» в свою пользу он поставить не смог.

Сирийская оппозиция, а вслед за нею французский МИД, криком кричали о том, что Башар Асад, вопреки всем примененным ненасильственным и прочим, нелетальным и летальным средствам, не проигрывает, а устанавливает контроль над всеми стратегическими регионами, включая бывшую «столицу революции» город Хомс.

Египет, вместо того чтобы устраивать политический диалог с оппозицией, душил ее изо всех сил, невзирая на отказ в американских кредитах.

Израиль и Палестина, вместо того чтобы замиряться по сценарию команды Керри, или наоборот, команды Клинтон, также вели себя так, будто никакой Америки не существовало вовсе. Израильское правительство подписывало новые проекты застройки Восточного Иерусалима, Аббас в отместку подписывал одно за другим соглашения с ООН, вплоть до Римского статута (то есть присоединялся к Международному уголовному суду). Обиженный Керри пригрозил от имени Вашингтона, что в таком случае всякая мирная дипломатия будет свернута. «Мы старались, старались, а тут — пуффф.» — разводил руками хмурый госсекретарь.

Но оказалось, что его угрозы выйти из игры не только не действенны, но и несвоевременны. Поскольку, откуда ни возьмись, в Рамалле материализовался заместитель главы ХАМАС Абу Марзук с предложением о создании коалиционного палестинского правительства. Можно было себе представить лица ведущих израильских лоббистов в Вашингтоне, особенно когда выяснилось, что прибытию Марзука предшествовала не-

спешная дипломатия российского МИД с Иорданией и Ливаном, а затем и непосредственно с Палестиной. Где российского представителя приняли в тот самый день 27 марта, когда Аббас отказался принимать Керри.

Включение ХАМАС в палестинское правительство ту же одобрили одновременно два соперника на статус региональной державы — Иран и Турция. Здесь уже пора было кусать локти по поводу неудачи с операцией «Эрдоган должен уйти». 28 апреля выяснилось, что кусать те же локти надо по второму разу. Поскольку правительство Турции, вопреки ожиданиям американских друзей из Еврокомиссии, равно как и дипломатов в регионе, не стало использовать украинский кризис для ссоры с Россией, а напротив, договорилась с ней о параллельном строительстве «Южного потока» и Трансанатолийского нефтепровода (TANAP) с разделом рынка стран-потребителей, устраивающим обе стороны.

По своей мощности, соответствующей запасам азербайджанского газа, TANAP и не собирався претендовать на монополию вместо «Газпрома». О том, что предложение Европе сланцевой альтернативы было пустой фразой, свидетельствовала возобновившаяся суета вокруг проекта Транскаспийского газопровода — ради подключения туркменский газовых запасов (кто-то фантазировал даже про иранские, несмотря на тот факт, что северный Иран снабжается как раз из Туркменистана, а дот южного трубу еще тянуть и тянуть). В связи с чем не было придумано ничего лучшего, как отправить в Ашхабад представителя НАТО. Как раз накануне вышло в свет как бы сугубо академическое исследование, доказывающее недостаточность у Туркмении современных вооружений. Очевидно, представитель НАТО господин Винников слегка перестарался, увязав газ с ненавязчивой военной помощью под афганским предлогом. «Туркменистан — нейтральное государство», — напомнил Гурбангулы Бердымухаммедов и отправился в Пекин.

На Американо-азербайджанском форуме был аншлаг: таких дружных похвал Баку еще в жизни не слышал. Пришла даже твердокаменная армянская лоббистка Нэнси Пелоси. А куда деваться, если «транскаспийской» темой занялся теперь и Джордж Сорос, забыв о борьбе с диктатурой Алиева? Между тем буквально в дни этого мероприятия из Азербайджана выставили вон местных друзей Фатхуллы Гюлена, а заодно арестовали многолетник сотрудников Национального демократического института. Любопытно, что и гюленисты, и агенты Демпартии спасались бегством из Баку почему-то в эмирате

Катар. В том самом эмирате, через который команда Клинтон строила свою «иранскую ось» в пику Саудовской Аравии.

«Наезд» на гюленистов был публично анонсирован не кем иным, как Реджепом Тайипом Эрдоганом во время визита в Баку. Его «метла», включенная с новой силой после победных местных выборов, дотянулась до азербайджанской столицы. Что лишний раз демонстрировало, что не Америка ставит Турции условия, а напротив, Турция ставит условия Америке. И Анкара вместе с Баку сами будут решать, заниматься им транскаспийскими экспериментами или же, наоборот, инфраструктурными проектами с Ираном.

Нельзя сказать, что ответных мер на этих фронтах не было вовсе. Или, по крайней мере, заподозрить такие контрмеры — в несостоявшемся покушении, например, на короля Иордании вскоре после появления Марзука в Рамалле. Или в автомобильной пробке на границе Крыма с Херсонщиной, куда решил прибыть так называемый лидер крымскотатарского народа Мустафа Джемилев.

Но король остался цел, а Джемилев снова выкинут вон из Крыма. И Анкара, о поддержке которой хлопотал глава европейского департамента МИД Украины Виктор Бондарь, Джемилеву не помогла. Логике Эрдогана можно понять: чем занимался прошлым летом в Турции вольнолюбивый крымскотатарский телеканал АТР? Пиарил разнообразные меньшинства в парке Гези. Ты все пела? Это дело.

Афганская фрустрация неоконов

Барак Обама находится в положении Гамлета — так сказал бы Линдон Ларуш, если бы он этого человека еще уважал.

Барак Обама не хотел враждовать с Си Цзиньпином. Он хотел с ним строить тот самый Никарагуанский канал. Но его зажали слева и справа. Слева — вышеназванные экологисты, они же воспользовались его предвыборной проблемой 2012 года, чтобы сабоировать канадско-американский нефтепровод Keystone XL. Им в отместку после выборов он продвинул на Департамент энергетики специалиста по сланцевому газу Эдварда Мониса.

Справа — республиканцы.

Барак Обама честно пытался провести через Конгресс реформу МВФ, которой добивались страны БРИКС. Последний раз — искусственно притянув за уши помощь Украине. Думал — прокатит. Не прокатило. 6 марта «неведомые силы» сбросили пакет гособлигаций, и в тот же день Крым переформатировал вопрос референдума.

Кто саботировал реформу? И левые, и правые.

Левые раздувают экологические страхи вокруг Keystone в Штатах и того же Никарагуанского канала. Они же саботируют Олимпиаду в Бразилии. 9 мая Бенедикт Мур-Бриджес из Evening Standard сообщает, что Олимпиаду могут перенести в Лондон, поскольку стадионы готовы только на 10%. На фото — толпа забастовщиков.

МОК официально опровергает утечку Standard, а информированный участник форума подсказывает: если бы они в самом деле собирались переносить игры, то перенесли бы в США. Однако в бразильских изданиях пишут, что лидер анархо-экологистов, глава Сети устойчивого развития Марина Сильва, «дружит с влиятельными людьми в Лондоне». То есть источник саботажа, очевидно, — даже не Rockefeller Foundation, а непосредственно Фонд дикой природы. Похож на «разборку между своими» — в отместку за погром в Тоттенхэме в канун лондонских Игр.

Анархо-экологи в Бразилии выходят на акции с плакатом, изображающим перечеркнутый крестом футбольный мяч. Он очень похож на земной шар в центре государственного герба страны. Они не Олимпиаду, разумеется, топят, а саму Бразилию. Как раз в то время, когда Бразилия вместе с Германией задумала было бросить вызов американскому АНБ. В то время, когда страны БРИКС начали создавать альтернативу МВФ. Идеологические интересы не впервые пересекаются с групповыми обидами в ведомствах.

Впрочем, у двухпартийного саботажа реформы МВФ в Конгрессе и Сенате есть и другие корни. И растут они тоже частично из Лондона — если вспомнить прошлогоднюю Бильдербергскую встречу. Она была приурочена к калифорнийским переговорам Обамы с Си Цзиньпином. И тогда же, как черт из табакерки, заявил о себе бежавший в Гонконг Сноуден. Ему сочувствовала South China Morning Post. Сейчас это издание так пишет о ЦК КПК, что трудно поверить, что она выпускается на китайской территории.

Морин Дод в New York Times обращается к «Барри» (намек «ниже пояса», на безродность — так Обаму называли в юности в Индонезии): «Что мы слышим от тебя во внешней политике? Ноль лидерства. И это человек, который изображал себя моральным маяком мира, еще не успев стать президентом?»

Президент Совета по международным отношениям республиканец Ричард Хаас одновременно (конец апреля) сетовал на страницах правого Wall Street Journal: «Мы наблюдаем все более ускоряющийся процесс перехода к такому мироуст-

ройству, в котором правительства стран принимают решения с меньшей оглядкой на приоритеты Соединенных Штатов. Неэффективная внешняя политика Обамы часто приводит нас в такое положение, когда администрация вынуждена отступать от объявленных целей, в результате чего Америка выглядит слабой, что поощряет повсеместное непослушание. По моим наблюдениям, в разных частях мира лидеры стран испытывают все больше сомнений в том, стоит ли им встречаться с президентом или вице-президентом США, так как чувствуют, что от этого может оказаться больше вреда, чем пользы».

Это намек уже не на историю с Махмудом Аббасом, который предпочел госсекретаря Керри российскому спецпредставителю Богданову. Речь идет о вице-президенте Байдене, который что-то наворотил в Киеве. Что именно — рассмотрим ниже.

Ричард Хаас был выдвинут на свою влиятельную должность Джорджем Бушем, а в 2012 году Митт Ромни пригласил его в команду, пообещав в случае победы предложить пост госсекретаря. От его лица должна говорить политическая альтернатива. Но с кандидатурой на президентский пост от Республиканской партии как раз в апреле вышла заминка: она «зависла», как бадминтонный волан в густой и запутанной кроне.

Напомним, в конце марта игорный магнат Шелдон Адельсон пригласил на званый обед бывшего губернатора Флориды Джеба Буша, а *Washington Post* написала, что на этого человека, сына одного экс-президента и младшего брата другого, республиканцы уже сделали ставку. Причем не только неоконсерваторы в узком смысле, но и прочие влиятельные группы, включая ближнее окружение Митта Ромни. Но именно неоконсерваторы «застолбили» его первым — впрочем, они им и роднее.

Увереннее в своих силах Нетаниягу — прямая креатура Шелдона Адельсона — не ощущал себя, наверное, с 2008 года, что и проявилось в его полном пренебрежении к хлопотам Керри вокруг Палестины.

Эту уверенность разделял и британский премьер-консерватор Дэвид Кэмерон, лично принявший на Даунинг-Стрит дуэт из Петра Порошенко и Виталия Кличко. И на тот момент у Кэмерона были все основания полагать, что на эту пару ориентируется вся республиканская клиентура на самой Украине и в диаспоре — а он, Кэмерон, использует эту оказию для построения особых отношений со следующим обитателем Белого Дома.

Эту уверенность разделял воспрянувший духом Михаил Саакашвили и его друзья в Вашингтоне, Таллине, Анкаре, Баку, Ереване и даже Бишкеке. Экс-президент зачастил по международным мероприятиям. Его гуттаперчевый преемник Георгий Маргвелашвили, готовясь сдать своего же патрона Бидзину, на всякий случай прогнулся в Таллине перед Урмасом Паэтом.

Эту уверенность вплоть до середины апреля разделяли американские социологи, уже прочившие разгром старушки Хиллари Бушем-Самым-Младшим.

Вот только у самого Самого Младшего этой уверенности почему-то не хватало. 7 апреля он заявил, что примет решение о своем выдвижении только в конце года. А 24 апреля Барбара Буш, отвечая на назойливые вопросы прессы, отрезала: «Хватит Америке президентов Бушей!»

Почему неоконсерваторы в такой момент для Америки, и в такой вроде бы выгодной внутривластной обстановке для себя не берут на себя ответственность, а уходят в кусты? И что за проблемы требуют разрешения до конца года?

Джеб Буш отложил свое решение сразу же после первого тура президентских выборов в Афганистане. Республиканцы строили разные сценарии в связи с развитием событий в этой стране. В сентябре прошлого года сообщалось о намерении республиканцев протолкнуть кандидатуру экс-посла Залмая Халильзада (он настолько близок к неоконсерваторам, что даже входил в состав Проекта за новый американский век Фрэнка Гаффни), причем за это президенту Карзаю обещали обеспечить мир и с афганскими, и с пакистанскими талибами. Когда это не выгорело, началась работа с Ашрафом Гани Ахмадзаем, которого свели с популярным генералом-узбеком Рашидом Дустумом. В феврале Дустум совершил тур по странам Средней Азии. Его появление в Кулябской области очень насторожило таджикское руководство.

Однако Хамид Карзай уже привык работать с бывшей холбрукской командой, она же команда Керри. Поэтому он публично напутствовал приемлемую для него пару богослова Абдула Расула Сайяфа с экс-губернатором Герата Исмаил Ханом. Все смешалось, когда Керри отказался от выдвижения на президентский пост. Карзай переключился на доктора Залмая Расула и уговорил собственного сына отказаться в его пользу. Тем не менее ему активно навязывали кандидатуру Ашрафа Гани. 8 марта и Расул и Ашраф Гани были приглашены на узкую семейную вечеринку. Туда же был приглашен первый вице-президент, бывший министр обороны генерал Карим Фахим — таджик, бывший глава Северного альянса и очень популярный политик.

На следующий день после встречи генерал Фахим скончался. И эта история оказала такое влияние на выборы, которые заинтересованные лица в конкурирующих американских кланах вряд ли могли просчитать.

Во-первых, перед смертью Фахим успел сказать своему сыну, что ему очень не нравятся какие-то высказанные в узком кругу намерения.

Во-вторых, еще раньше Фахим успел высказаться в пользу того кандидата в президенты, которого Карзай больше всего не хотел видеть своим преемником — своего бывшего соперника, полутаджика-полупуштуна доктора Абдуллу Абдуллу. После их предыдущей предвыборной схватки (когда Карзай под нешним давлением был вынужден объявить выборы повторно, а Абдулла, издеваясь над ним, в последний момент отказался в них участвовать), он мог ждать для себя после смены власти если не открытой опалы, то откровенных личных унижений.

В-третьих, сторонники Абдуллы немедленно начали распространять версию о неслучайной смерти маршала Фахима, и эта версия — скорее всего, справедливая — бросила тень также на Залмая Расула, считавшегося преемником. Роковую роль сыграло его присутствие на злополучном ужине. А предшествующие покушения на Абдуллу эту версию только подтверждали.

В-четвертых, ответственным за безопасность выборов был глава МВД Омар Даудзай, бывший посол Афганистана в Иране. Он тоже раньше считался потенциальным преемником и был весьма лоялен президенту. Но летом прошлого года, накануне старта кампании, Карзай сказал ему «нет». Именно в это время его обхаживали посланцы от Залмая Халильзада.

И в-пятых, на исход первого тура оказало влияние то обстоятельство, которое Карзай не учел — как и все приемлемые для него кандидаты. Буквально за два последних года Афганистан стремительно интернетизировался. Он стал уникальной страной в том смысле, что горожане осваивали одновременно и интернет, и социальные сети. Даже более того, воспринимали интернет прежде всего как средство для общения в социальных сетях. А средний возраст пришедших голосовать оказался немногим выше 30 лет.

Из всех кандидатов самым молодым и самым европейским по манере поведения и общения был доктор Абдулла, и он же не был замаскирован ни в каких внутренних интригах. Абу Расул Сайяф, которого Карзай представлял перспективным именно по этому параметру «чистоты» (он бил неверных, но за пределами страны), был для большинства активного элек-

тората человеком вчерашнего дня — «отстоем». По существу, в Афганистане победил дух арабской весны. Парадокс заключался в том, что это не стало поводом для победных реляций в Белом Доме и Госдепе.

Казалось бы, Барак Обама должен был записать себе в актив огромный политический плюс. Но Белый Дом был очень осторожен в интерпретациях. Во-первых, сам Барак Обама политически ничего не выигрывал. Выигрывала Хиллари Клинтон и ее близкие кадры, включая помощника госсекретаря по инновациям Алека Росса. Во-вторых, второй тур обещал стать самым конфликтным из возможных.

Складывалось впечатление — в том числе и по последним назначениям в Госдепе — что Обама уже настроился на передачу власти в 2016 году республиканцам. А тут такой сюрприз. И как было его предупредить? Кто бы мог подумать, что Карзай устроит превентивное устранение сильной фигуры ради ослабления конкурента, да еще и самым неловким образом, какой можно было себе представить? Кто мог рассчитывать, что афганская городская молодежь вдруг проявит такую активность?

Если же говорить о внешнеполитическом аспекте неожиданного результата, то Обама оказывался в самом неловком положении перед Эр-Риядом. Поскольку Хиллари, создав катарско-иранскую ось, теперь продолжала ее в Афганистан.

А кроме того, в Белом Доме хорошо представляли себе, как яростно теперь Карзай будет цепляться за любую возможность предупредить смену власти в пользу неудобного конкурента. Это означало, что он будет тайком искать связей с талибами, не ставя в известность Белый Дом. И если в прошлом сентябре Соглашение о безопасности было на мази и сорвалось только из-за склоки между командами Керри и Клинтон, то теперь сроки подписания этого документа окутывались мраком. Между тем союзники — от англичан до эстонцев — уже помахали ручкой. Сознательность проявили разве что стойкие грузины, благодаря недавнему соглашению с премьером Ираклием Гарибашвили.

Мало того, прорыв Хиллари должен был теперь неминуемо отозваться на всех чувствительных фронтах непубличной экономики. То есть на перекрестках контрабандных путей Северной Африки, Ближнего Востока, Балкан и наконец, этой чертовой Украины.

Так оно и получилось. В Вене на переговорах с Ираном прониклась эйфорией Кэтрин Эштон, в Иерусалиме — Ципи Ливни, а в Киеве — команда Юлии Тимошенко.

Уже в начале апреля команда Тимошенко захлопотала о ее поездке в Вашингтон. В свою очередь, верный силовик Аваков объявил антитеррористическую операцию и призвал с военной пенсии бывшего командира украинской «Альфы» Василия Крутова. Как рассказывал Владимир Рогов на «России-2», этого персонажа именовали «Гориллой», а заниматься различными миссиями он соглашался только за большую круглую сумму. Правда, то время, когда подворачивались такие миссии — как-то освобождения украинских судов от пиратов — уже прошли, а сам Василий Васильевич с возрастом сделался болтлив и глуповат. То даст интервью об угрозах Украине со стороны крымских татар, то разразится огромнейшей статьей в защиту педофилов «Артека», называя их критиков не иначе как террористами, и еще подробно объясняя, почему в канун выборов (а педофилы были как один из фракции Тимошенко, Олег Ляшко вышел из фракции уже после выборов) есть не иначе как терроризм! Непосредственным поводом для назначения было еще одно обильное словоизлияние, причем без коммерческого повода: выходящую в тираж «гориллу» разобидела крымская капитуляция, и он инициативно выступил с пространнным телемонологом. Возможно, на этот раз, чтобы использовать Василия Васильевича, нужна была не столько круглая сумма, сколько согласие его супруги, певицы Надежды Шестак, поскольку генерал, как большинство украинских политиков (и все президенты, кроме Януковича), был подкаблучник.

Одновременно Аваков форсировал охоту за бесхозной собственностью. То есть такой, до которой не дотянуться объявленным в розыск владельцам из «банды Януковича». И такой, которая могла дать мгновенный навар.

От обычных бандитов турчиновские отличались тем, что были прихожанами Церкви Христа. Глава штаба Юлии Тимошенко в Одессе, юрист Александр Дубовой, еще с 1997 года был заместителем директора по общим вопросам христианского Благотворительного Фонда «Доверие» в городе Измаил, а спустя десять лет возглавил всеукраинский протестантский «Фонд добра и любви». Что не мешало ему параллельно заниматься рейдерством, причем объектами юридических «наездов», за которыми следовали силовые, были, как правило, агонизирующие предприятия машиностроения, которые буквально разбирались на металлолом. Собственно, Дубовой и был участником теневого рынка металлического лома.

Видимо, лояльность в сочетании с умением выбивать долги столь привлекло Юлию Тимошенко, что в период ее последнего премьерства Дубовой неофициально курировал госкомпанию «Энергоатом». А в качестве главы американско-украинского СП «Международная инвестиционная группа» отвечал за усилия по части «атомной энергонеzáвисимости».

Связи в милицейской иерархии у Дубового были еще в 1990-х, а назначение Авакова главой МВД создало новые возможности. Сразу же после формирования правительства в Одессе должности начальника и замначальника ГУВД заняли лица, близкие к Дубовому — Петр Луцок и Дмитрий Фучеджи. Задача в Одессе у команды Тимошенко-Турчинова было несколько, и все было связано с «освоением» собственности, брошенной объявленными в розыск соратниками Януковича. Вопреки распространенному представлению, самым «высоколиквидным» активом в Одессе является не порт, а рынок «Седьмой километр». Он не только был сопоставим во всех отношениях с московским «Черкизоном», но даже имел с ним общего собственника — Тельмана Исмаилова. А второй и главный владелец был земляк Януковича и его главный «неофициальный силовик» — Юрий Иванющенко («Юра Енакиевский»). Тот же Иванющенко контролировал в Харькове рынок Барабашово.

Об устойчивых теневых нитях между Одессой и Харьковом широкая публика узнала в тот период, когда МВД возглавлял Юрий Луценко. Тогда задержанный наркокурьер из Одессы дал показания на харьковского мэра Геннадия Кернеса.

Известно, что у ранее судимого Геннадия Адольфовича, который плохо относился к Майдану, были собственные боевики из клуба «Оплот», готовые защищать Харьков от «Правого сектора». Разногласия были не только идеологические. В марте, когда в восточных регионах власть уходил из рук губернаторов, филиал «Оплота» на несколько дней занял горсовет Донецка, при этом ополченцы от этого филиала отмежевывались.

Назначенный главой администрации Игорь Балута, медик по профессии и креатура Авакова, получил от шефа задание, о котором мы уже знаем из опубликованных распечаток с личного сайта министра: Кернеса было велено ликвидировать. На форумах харьковчане, знающие обстановку, поясняли: «Кернес спелся с Коломойским и уступил ему рынок Барабашово».

Из другой обнародованной распечатки — электронного письма личного секретаря Тимошенко личному секретарю

Турчинова — было известно, что Юлия Владимировна подозревает Коломойского в манипуляции с «печатным станком» с ведома премьера Арсения Яценюка и его «эффективных менеджеров» из международной бизнес-ассоциации. Если конкретно, что Нацбанк намеренно «опустил» гривну в интересах двух конкретных структур — Приватбанка и «Дельта-банка (его владелец Николай Лагун ранее приобрел украинские дочерние банки Swedbank и Bank of Cyprus).

Те времена, когда Коломойский лебезил перед Тимошенко и использовал ее покровительство для получения Никопольского завода ферросплавов, давно ушли: теперь они играл свою игру поверх голов околупартийных команд. И в конце марта его внешние покровители верили в то же, что и американские социологи — в мощь поднимающейся на ноги в США команды неоконсерваторов. Главного его внешнего покровителя зовут очень просто — Рональд Лаудер; еще с 1990-х тогда еще кандидат в президенты Всемирного еврейского конгресса кооптировал Коломойского в правление Central European Media Enterprises (напомним, для Коломойского свои СМИ — более важное оружие, чем собственные банды и подчиненные им государственные военнослужащие). Если говорить о Госдепе, то в период Майдана особую заботу о Днепропетровской еврейской общине проявила замгоссекретаря Венди Шерман. Причина была отнюдь не идеологической и этнической — но об этом чуть ниже.

Разнос, которому подвергся Балута, когда Кернес остался не только жив, но и вменяем, причем уже через несколько дней, напоминает спортивную выволочку из песни Александра Галича: «Что ж ты, мля, не сделал рыжего? Где ж, твоя квалификация? Вас, за**нцев, опекаешь и растишь, а вы, с*ки, нам мараєте престиж. Ты ж советский, ты же чистый как кристалл: начал делать, так уж делай — чтоб не встал!»

Здесь шутки уместны, благо закончились малой кровью. В Одессе ставленнику Турчинова было на два порядка труднее выполнить стратегическую задачу — взять «Седьмой километр». Он бы и взял, и даже с криками «Аллилуйя!» Но тут вмешался не один, а сразу три других интереса.

Новые любимцы Бреннана

Блогер-химик Александр Башкуев, который — в отличие от сотен других авторов — рассматривал все одесские события именно с точки зрения противоборства на наркорынке, обращает внимание, что в конце апреля местные транспортные менеджеры данного рынка были очень недовольны воз-

никновением многочисленных КПП на границах областей, где непонятные люди, называющиеся «Правым сектором», слишком дотошно контролировали проезжающих. Действительно, региональные веб-ресурсы сообщали даже о «рогатках» на границе Одесской области с Винницкой, где располагаются сахарные заводы кандидата Порошенко.

В это же самое время и сам «Правый сектор», и не входящие в него образования, связывающие себя с партийным брендом «Свобода», весьма публично высказывали свой «зуб» в отношении министра Авакова в связи с ликвидацией его людьми ровенского авторитета Сашка Билого. Сашко к тому времени успел оседлать не только боевые отряды и партию УНСО, но также «серое» табачное производство и даже конвертационные площадки банков, доставшиеся от сбежавшего главы МВД Захарченко. Впрочем, широкой массе львовской гопоты, разумеется, не докладывалось, какую роль Сашок играл в теневой экономике. Им было достаточно того факта, что «наших бьют», на чем их и мобилизовали. И они осаждали не только Верховную Раду, но даже загородный дом Александра Турчинова. 9 мая они собирались порезать ветеранов в Львове, а на следующий день физически выкинуть из власти и Турчинова, и Авакова, и даже главкома «Самообороны Майдана» Андрея Парубия.

Но гораздо больше, чем Аваков и Турчинов, узнал об этих планах Игорь Коломойский, поскольку некое очень заинтересованное лицо «зашухарило» ему всю львовскую малину. Сам факт, что Коломойский раскрыл некий разговор, вскользь освещался на наших гостелеканалах. По непонятной причине не освещалось — несмотря на доступность в интернете, если погуглить — та переписка, которую слили Коломойскому.

А переписка была такая:

From: Alex Ivanov 26 апреля 2014 г. 15:37

Итак, что мы имеем сейчас:

1. Начинаем с 15 по 20 мая, точную дату определим позднее.

*2. нас поддержат вооруженные силы и СБУ, **Наливай также будет с нами, как уверяют американцы.***

3. Финансирование обеспечит КИИ.

4. Вам известно, что я был против, но меня избрали лидером. Я согласился, но с условием, что в случае успеха я через полгода отдам свои полномочия достойным патриотам. Но сейчас я требую беспрекословного подчинения.

5. Я разговаривал с Олегом, он все понимает. Его ребята поддержат нас в Киеве в нужный момент. — ТИИ.

26 апреля 2014 г. 20:35 **Судьба Турчинова, Яценюка, Авакова и Парубия решена.** Они имели достаточно времени. **П. П. и Ю. В. надо будет изолировать. Можно Паночку и вернуть на прежнее место.** — ТП.

27 апреля 2014 г. 18:30 Все начнется с толпы недовольных и штурма ВР. Оружие будет внутри. Ребята Олега заблокируют милицию. Военные примут правительственный квартал под свой контроль. Аккуратно зачистят его. Ну а дальше вы сами все знаете. У каждого свой маневр. — ТИИ.

27 апреля 2014 г. 23:45 **Выборы будут к Новому Году. Обещая.** Олег должен быть первым, никаких сомнений. Мою судьбу он сам решит. У меня одно желание, быть где-то рядом. — ТП.

from: zzz zzzzzz 27 апреля 2014 г. 17:19

Разговаривал с Павловым. Он обещал помочь ребятами из 10 отдельного отряда. Это на Рыбальском. Спецназ там очень хороший. ГВІ

24 апреля 2014 г. 20:52 Как сообщают мои люди в Европе и Соединенных Штатах, ЕСу уже надоела эта головная боль. Железно нас поддержат Испания, Франция и Италия. Кстати, в Канаде тоже имеем прочную поддержку. ГВІ

from: your doom 25 апреля 2014 г. 14:18

Я переговорил с друзьями. Нас точно поддержат 101 и 72 бригады. МЮВ.

27 апреля 2014 г. 2:55 А как с Мих. Володим. и Мих. Мик.? МЮВ.

from: blaise blaise 27 апреля 2014 г. 16:38

Министр — вряд ли. Надо думать.

Мих.Мик. — С нами. Все проговорено с ним. Но кажется, он дрищет. ББЕ

26 апреля 2014 г. 0:27 После разговоров с Дж.Бр. и помощниками Байд., нам дали понять, что мы имеем шанс. Кстати, они очень недовольны мягкими действиями Турчинова на юго-востоке. ББЕ

from: Svoboda Vsem 26 апреля 2014 г. 13:56

Как и договаривались, я перечислил деньги на известные вам счета в Лондоне, Вене и Люксембурге. Наличные можно будет получить у Банкира. Карты также через его людей. КП

27 апреля 2014 г. 20:15 Мы настаиваем — выборы через полгода, не позже. КП

Публикатор, который перевел украиноязычную часть переписки на русский, расшифровал большинство аббревиатур: ТИИ, ТП — это смещенный министр обороны Игорь Тенюх, ББЕ — первый замминистра обороны (рассчитывавший занять его место) Богдан Буца (он из города Самбора, поэтому Коломойский повелел своему визави «прошерстить» Самбор), МЮВ — полковник Ю. В. Мамчур (единственный герой вялого сопротивления «вежливым людям» в Крыму, Павлов — начальник ГУР Ю. А. Павлов, ГВІ — председатель Службы внешней разведки В. И. Гвоздь (год назад в подробном интервью он рассказывал о своих французских знакомствах в период службы в Боснии), Олег — это Олег Тягнибок, которого вся компания намеревалась установив вначале диктатуру типа египетской, двигать потом в президенты.

Дополняем белые пятна. Мих.Мик. — Михаил Николаевич (Миколайович), который «дрищет» — начальник Генштаба М. Н. Куцин. Легко догадаться, кто такой КП, который «не дрищет», а финансирует — если знать, кто делает погоду в городе Львове и в партии «Свобода». Самое влиятельное лицо и там, и там — то лицо, которое контролирует Львовскую таможню. Зовут его Игорь Кривецкий, он депутат той самой ВР (Верховной Рады), которую предполагается штурмовать. В львовской газете «Экспресс» (ее многолетний главред Богуцкий — меценат в медиа-империи Виктора Пинчука, то есть из другого «муравейника») рассказывалось, что этот гражданин — наследник криминальной империи Владимира Дидука по прозвищу «Вова Морда»; что у покойного Морды он унаследовал контроль над наркотранзитом; что менты именуют его «Пупс»; что его непосредственными выдвиженцами во власть были не только Тенюх и Буца, но и действующий генпрокурор Олег Махницкий.

То, что на Украине бригадир становится генпрокурором, вряд ли кого из украиноведов сильно удивляет. Куда забавнее ссылка на Дж. Бр. (Бреннана) и «людей Байдена» (то есть неких сопровождавших его функционеров), которые на словах обещали «львовским» поддержку их заговора, предусматривавшего отмену выборов «явочным порядком» и их перенос

на конец года (Панночку, то есть Тимошенко — под замок, П. П. — просто отодвинуть, как предмет).

Аутентичность переписки могла бы показаться сомнительной, если бы не некоторые детали — от исторических до графических.

Историческая деталь: господин Бреннан уже пускался в групповые авантюры в партнерстве с влиятельными людьми в Париже: именно он настаивал на военном вторжении в Сирию под предлогом химической атаки в интересах (сегодня почти позабытого) Манафа Тласса, родственника сирийского «сахарного короля».

Графическая деталь: аватар «блез-блез» замминистра, а ранее крутого бизнесмена Буцы никакой фальсификатор бы не изобрел. Это слишком первозданно.

И Коломойский воспринял эту переписку всерьез. А хакеры из «КиберБеркута» сочли нужным озвучить именно переписку Коломойского — то есть показать львовским, кто под них копает. И Александр Турчинов тоже воспринял вышеназванный текст всерьез. По этой причине 2 мая Игорь Тенюх перестал быть членом Совета безопасности и обороны, а вместо него в СНБОУ был кооптирован «Мих. Володим.» — действующий министр обороны, экс-замглавы Погранслужбы Михаил Коваль.

Андрей Парубий, также ознакомившийся с вышеприведенной перепиской, повелел «Самообороне» отменить «народное вече» 3 мая. В итоге, если бы на Майдан вышли одни «львовские», они бы тут же и засветились. И никакой Бреннан им бы не помог. Благо Коломойский уже позаботился о том, чтобы о странных посулах Бреннана было известно по месту его работы. Это следует из того факта, что 6 мая, когда отрезать Турчинова от власти было проще всего, фракция «Свобода» эту инициативу не поддержала. Инструктор «Наливай», то есть глава СБУ Валентин Наливайченко, не велел.

Одни американцы — те, о ком писал Тенюх, столкнулись в рядах одной и той же Республиканской партии с другими американцами. Если точнее, то палеоконсерваторы-экспансионисты столкнулись с неоконсерваторами. Отличаются два племени тем, что у первых (преимущественно военных чинов) на уме крестовый поход в буквальном смысле, а у вторых на первом плане интересы Израиля. Понятно, что Коломойский «настучал» второму племени.

«Крестоносцы», однако, успели напакостить Юлии Тимошенко: ее визит в США сорвался. Как раз в это время New York Times сообщила, что новым послом США в России ста-

нет Джон Фрэнсис Теффт, в конце 80-х работавший главой военной миссии в Риме, а при Буше-младшем — в Литве и Грузии. Нельзя сказать, что Украина, куда его отправили при Обаме (что было понижением, поскольку отправка из Госдепа на Украину — все равно что из Политбюро на сельское хозяйство: хлопот много, скандалы и бессонные ночи обеспечены, о карьерном росте после этого можно забыть) была ему душевно близка — так, в Wikileaks промелькнул такое его пассаж: *«Особенно невозможно было слушать их (украинский) гимн. Это как какая-то пытка! Они как затянут хором: «Ще не вмэрла Украина...» Будто тебя живьем отпевают. Нападает какая-то гнетущая, душераздирающая тоска, что порой кажется, что в округе от этого завывания дохнут мухи. Слушать этот вой до того невыносимо, что порой казалось — легче было бы умереть»*. Единственным политиком, который интересовал Теффта на Украине, был Олег Тягнибок. Видимо, тот казался ему не дохлым, не подкаблучником и не склонным к панической клаустрофобии (как генерал Крутов). Что касается Бреннана, ранее работавшего в Саудовской Аравии, то ему импонировал опыт «свободовцев» в Ичкерии и «египетский» проект, вопреки крестоносной сверхидее, не исключал вспомогательного суннитского участия.

Тот факт, что львовская малина зашухарилась, снимал прессинг с Турчинова и Авакова. Чего нельзя было сказать о турчиновском религиозном собрате Александре Дубовом: у него был дедлайн не к концу года и не к 25 мая, а раньше, «здесь и сейчас». Тем более что и ситуация была благоприятная. 2 мая по городу должны были пройти фанаты, а вместе с ними, как было заранее понятно, «самооборонцы». И у Александра Федоровича был в кармане для них сюрприз. А именно — собственный боевой отряд с символикой, одновременно похожей и на георгиевские ленты, и на цвета харьковского «Металлурга». То есть с двойным алиби — если бы не удалось списать на «колорадов» (то есть агентов Москвы), то на хозяев «Металлурга», то есть на беглого Курченко, который опять же агент Москвы. Или Кернеса, если он еще живой.

Предвыборное перебрасывание трупами

Александр Федорович Дубовой, разумеется, не хотел светиться сам и светить команду, почему «псевдоколорады» и были в масках. Он хотел драки, в которой люди Парубия (лояльного Порошенка) были бы побиты. Он не думал, что их будет много, и что в Одессе появится сам Парубий. Для острастки был заготовлен и снайпер, звали его Виталий Бутко, из-

вестный бандит с потугами на политическую карьеру. Из него мог бы получиться Ляшко, если бы все пошло по сценарию Александра Федоровича.

Но все пошло совсем по другому сценарию. Причем у всех на виду, в том числе и у иностранной прессы. Во всяком случае, спецкор Washington Post точно присутствовал. Правда, понял только то, что «проукраинская шайка» (mob) столкнулась с «пророссийской бандой», погналась за нею, сожгла палатки на Куликовом поле, а потом «пророссийская банда» ломала тяжелые двери, чтобы в него проникнуть, тут как бы случайно произошел пожар в Доме профсоюзов, и некоторые чувствительные представители «проукраинской шайки» помогли некоторым представителям «пророссийской шайки» спастись из огня.

Даже при таком понимании ситуации спецкор американской газеты не считал возможным делать из «проукраинской шайки» героев, а из пророссийской — злодеев. Слишком брутальной ему показалось происходящее — и не только ему.

Спецкор Washington Post поленился (или побоялся) обойти разгромленное здание со стороны двора. Он мог бы заметить, что у здания был черный ход — через туалет, который тоже кем-то использовался. А может быть, его туда не пустили.

Утром 3 мая в Одессу прибыли заинтересованные лица. В числе первых — Тимошенко и глава аппарата Турчинова Сергей Пашинский. И хором заявили, что во всем виноваты московские провокаторы из ФСБ.

Торопился вставить свои «пять копеек» и «Наливай»: он с ходу «установил», что «организаторы массовых беспорядков» в Одессе финансировались из банковского конвертационного центра, имеющего отношение к изгнанным соратникам Януковича и его сына — Сергею Арбузову и Александру Клименко.

Но тут же обоих посадил в лужу вице-премьер Виталий Ярема — персонаж весьма самодостаточный, со «старыми киевскими» криминальными связями. Он сказал вслух про некие отравляющие вещества.

Именно после этого побледневший Арсен Аваков поспешил уволить главу ГУВД Луцюка. А Александр Дубовой побежал объясняться с Яремой и настоял на том, чтобы на место Луцюка назначили его заместителя Дмитрия Фучеджи.

Дмитрий Фучеджи возглавлял ГУВД ровно сутки. За эти сутки успел произойти налет «неизвестных лиц» на рынок «Седьмой километр». По принципу: хватай мешки, вокзал уходит.

Утром ранее молчавшие спецблогеры проснулись от шока и разместили фото Фучеджи в компании предводите-

ля липовых антимайдановцев, а также кадр, где замглавы, избавив ранение, увозит Боцмана на своей машине. И Боцмана публика тут же опознала, несмотря на маску. И в тот же день его удивительно быстро нашли. Мертвым.

А днем 4 мая одесской милиции представили нового начальника Ивана Катеринчука из города Чернигова. Оно ранее обучался на курсах ФБР. А выйдя на пенсию, встречал освобожденного «узника» Юрия Луценко, и тем обозначил свою лояльность Майдану.

Сам Луценко заговорил на следующий день — в своей манере, с избыточными подробностями. Вот что он сказал: *«События в Одессе — это прежде всего результат партийных квот. Я сразу же сказал, что назначать экс-гаишника Закарпатья Луцюка начальником Одесского УМВД — абсолютная глупость. С этим все (в том числе Аваков) соглашались. Но депутат «Батькивщины» Дубовой решил, что Одесса — его квота за верность. Ни одного нового зама пан Луцюк так и не назначил, более того, начальником горуправления стал человек местного криминального авторитета, по совместительству — депутата Партии регионов. **Негласно всем в ручном режиме руководил заместитель по общественной безопасности Фучеджи. Аваков правильно сделал, что снял Луцюка. Но уже на следующее утро в Одессе высадился партийный десант во главе с Дубовым. Сначала они пытались добиться переквалификации приказа, вместо снятия — временное отстранение. Когда не удалось — пробили приказ на назначение одиозного Фучеджи исполняющим обязанности. Это назначение связано с попыткой захватить рынок «Седьмой километр», где уже вчера началась рейдерская атака, а также обеспечить победу мэра от мафии, который пообещал кинуть 20 процентов в нужную партийную корзину. Время прекратить партийные игрища! Депутаты должны писать законы, а не назначать начальников милиции и губернаторов».***

Немая сцена. Бледный Турчинов (вокзал ушел) делает единственное, что он в этой ситуации может сделать: подмывает бумагу о назначении на пост главы Одесской администрации Игоря Палицы — прямой креатуры Игоря Коломойского. То есть он готов уступить Коломойскому контроль над одесским бюджетом, только чтобы Коломойский — как источник силы — защитил его от некоей другой силы.

Но этим дело не кончается. Утром 6 мая на сайте «Украинской правды» дежурный правдолюб Сергей Лещенко сооб-

щает: «Александр Дубовой является невероятно влиятельной фигурой в нынешней власти, практически серым кардиналом, с которым считаются и и.о. президента Александр Турчинов, и фактический лидер страны Юлия Тимошенко. Дубовой стоял непосредственно за Ю. Тимошенко на Майдане, куда ее привезли после освобождения из колонии. Вскоре он **не отходил от Турчинова и Тимошенко во время заседания РНБО, где, как говорят, было принято решение о сдаче России Крыма и Донбасса.** Дубовой влияет на многие кадровые решения. В Одесской области он лоббировал назначение главы МВД Петра Луцюка, смещенного после массовых смертей 2 мая. На государственном уровне измайльский политик ставит своих людей на руководство госпредприятиями. При этом он, как и Турчинов, является баптистом. Очень интересный персонаж. Я думаю, мы позднее много о нем еще расскажем... **Киевляне могут видеть огромный дворец господина Дубового, даже не догадываясь, кому принадлежит эта недвижимость.**».

Следующие «пять копеек» в открытую вносит команда кандидата в мэры от Кличко и Порошенко — Эдуарда Гурвица. Рупор этой команды депутат Виталий Куренной разглашает секрет в эфире «Громадського ТВ»: «Сегодня в ходе закрытого заседания глава СБУ Валентин Наливайченко сообщил, что в бывшем Одесском обкоме КПСС (Дом профсоюзов) найдены емкости с особо опасным химическим веществом. Сейчас происходит химическая экспертиза. Более того: СБУ известно имя человека, кто привез в Одессу и готовил эту гадость в облсовпрофе. После проведения всех экспертиз и формальностей общественность получит информацию об этом и возможно, будет понятна природа страшной трагедии на Куликовом поле».

Так Куренной помогает «Наливаю», который нес пургу про министра Арбузова, исправиться и войти в соответствие с мейнстримной версией. Которая выгодна Порошенко и Гурвицу.

«Наливай», впрочем, не уточняет имя злоумышленника. Но в этот день в Одессу прибывает Коломойский. И вечером уходящий глава региона Владимир Немировский возвращается к скользкой теме на принадлежащем Коломойскому каналу ТСН: «Народный депутат Украины от фракции „Батьківщина“ Дубовой Александр — человек, который, по моему мнению, вел подрывную деятельность. Милиция саботировала рабо-

ту относительно сепаратизма. СБУ знала, что в здании находилось оружие и неизвестное вещество. Это все креатура Александра Дубового, так называемый смотрящий. Он подкупал местных силовиков, в результате чего у руководства области не было на них влияния. Его целью была дестабилизация обстановки для срыва президентских выборов».

В тот же вечер Дмитрия Фучеджи задерживают и допрашивают. И отпускают под честное слово офицера. На следующий день он исчезает. Многие блогеры подозревают, что туда же, куда и Боцман — на тот свет. Ему действительно выпала такая карта, но он выходит из игры, скрываясь сначала в Приднестровье, затем уже в России (где его труднее найти как тем, кому он был подчинен и не справился, так и конкурентам).

6 мая, когда Немировский откровенничает в телеэфире, в Верховной Раде, в повестку дня которой внесен проект об отставке Турчинова, пропадает кворум. Турчинов провоцирует скандал и требует от фракции КПУ покинуть помещение. И фракция Партии регионов устремляется следом за ней. Не из солидарности, разумеется. Просто представленные в этой фракции группы интересов догадываются, что Виталий Кличко не зря внес данный вопрос, а сугубо ради старшего партнера Петра Порошенко. В самом деле, имея в руках админресурс, проще обеспечить такой результат, который нужно. А заодно на выборах на пост мэра Киева, на который метит сам Кличко. Но лидеру УДАРа мало: он хотел сместить еще и министра обороны Ковалю. Это, видимо, был перебор — не только для Турчинова, но и для Порошенко.

Нельзя сказать, что другие версии авторства одесского зверства не появлялись в интернете. В блоге «Моя политика», имеющем почти три миллиона посетителей, был очень уместно задан вопрос: зачем же такая расправа понадобилась той команде, которая заведомо контролировала местные силовые структуры? Чтобы спалиться? В самом деле, по благостному лицу замглавы ГУВД Фучеджи, вполне открыто общавшегося с лицами в масках, было видно, что сам он совершенно не скрывается — более того, уверен в том, что держит ситуацию. Что пришедшие с ним ребята элементарно отмузуют этих фанов в трусах, да и «самооборонцев», если они с ними появляться. И, более того, напомнят разным амбициозным политикам в канун выборов, кто в городе хозяева. И теневому миру тоже напомнят.

И второй вопрос был задан в блоге «Моя политика»: а что делал в Одессе Андрей Парубий? И третий: а кто проник в зда-

ние Дворца профсоюзов с тыльной стороны — неужто никто не видел? Видели.

Этих людей направлял сюда Андрей Юсов, координатор местной «Поры» в 2004 году, а ныне глава местной организации партии УДАР. А показывал, как войти в черный ход, Юрий Борщенко — глава Ассоциации работодателей юга Украины, регулярно выступающий на местном телеканале «Крут» в поддержку Петра Порошенко. А кто открывал шампанское, ел конфеты и позировал на фоне трупов? Алексей Гончаренко, глава одесского штаба Порошенко.

Но в канун закрытого заседания Верховной Рады все стрелы телеэфира были направлены против Дубового и Фучеджи. И дополнялись тем объяснением, которое озвучил Немировский: дескать, команда Тимошенко хочет сорвать выборы, а значит, именно ей и нужен хаос в Одессе. Получалось складно и для многих убедительно. Ведь Юлия Владимировна и впрямь заявляла, что не согласится с победой олигарха Порошенко. Особенная ярость на «шоколадного короля» у нее вспыхнула в начале апреля, когда стало известно о тайной жене-невской встрече Петра Порошенко и Сергея Левочкина с ее «экзистенциальным» врагом — Дмитрием Фирташем.

В день заседания Рады, едва не ставшего судьбоносным, Аваков, тем не менее, смог дать сдачи. 6 мая в Одессе по инициативе главного следственного управления МВД был арестован еще один персонаж, засветившийся у Дома профсоюзов среди карателей. И в отличие от Гончаренко и Борщенко, он не хотел паблисити, а даже пытался изменить внешность и скрыться. Звали этого человека Сергей Долженков, а в Одессе он имел прозвище «капитан Какао» и репутацию «силови-ка» Эдуарда Гурвица.

Почему же Аваков и Юлия Владимировна не решились на более сильный контрудар — не обвинили «сахарного короля» в причастности к трагедии прямым текстом?

Ведь команда Тимошенко не отслеживала «под лупой» все назначения, которые делались в спецслужбах через голову Турчинова. Так, 24 марта на портале «ОРД», который ведет помощник Авакова (и пресс-секретарь СБУ в 2005 году, когда Турчинов руководил этим ведомством) Станислав Речинский, промелькнули такие комментарии по поводу новых назначений в «конторе Наливая»:

«Не менее опасным для „конторы“ (СБУ) стало назначение на заместителя начальника Главка „К“ Константина Брыля. Мы с удивлением восприняли это назначение, так как Брыль успел послужить практически во всех силовых структурах Украины и везде его пребывание было связано с корруп-

ционными скандалами. Ну да, чем черт не шутит, подумали мы, может изменился человек, встал на путь исправления и действительно намерен помочь Родине в тяжелое время. Увы. В один и тот же день Брыль был замечен в гостинице „Интерконтиненталь“ на переговорах с известным одесским контрабандистом Вадимом Альпериным, а двумя часами позже в ресторане „Рыбный“, что напротив офиса ЦА СБУ на Владимирской, 33, на переговорах с другим одесским контрабандистом». Далее автор отмечал, что Брыль получил должность по квоте партии УДАР, то есть по линии Кличко.

Возможно, Юлия Владимировна рассчитывала, что комиссия ОБСЕ, занявшись расследованием одесских событий, сама обратит внимание хотя бы на почерк расправы. Он очень напоминает почерк выяснения отношений между наркокартелями, когда один клан, вламываясь во владение другого, уничтожает всех, кто есть в помещении, невзирая на пол и возраст. Как-то уж очень по-латиноамерикански это делалось в Одессе.

Оперативные данные с портала ОРД — не из таких документов, которые можно «подшить к делу». Однако упомянутое имя Вадима Альперина вполне свежо на памяти экспертов ОБСЕ. Оно неоднократно упоминалась в связи с крупными транснациональными контрабандными операциями, при этом называлось имя партнера — экс-министр транспорта Украины Николай Рудьковский. В ноябре прошлого года в докладе миссии ОБСЕ в Косово сообщалось о связях Рудьковского с македонским наркобароном Даутом Кадриевским, албанцем по национальности, который считается главным спонсором Косовской освободительной армии (KLA).

После обнародования этого отчета Рудьковскому прочили интерполовский арест. Но он не только остается депутатом Верховной Рады, но и ведет в ней весьма активную деятельность. Так, накануне заседания фракции Партии регионов 29 января этого года, еще до переворота, он вместе с Давидом Жванией занимался агитацией за поддержку пересмотра конституции, а телодвижения эти были прямо связаны с расчетами на выдвижение Петра Порошенко на пост премьера.

Члены фракции, связанные с Фирташем и Левочкиным, на тот момент эту инициативу не поддерживали. Но когда власть (на пике рейтинга Хиллари Клинтон в США и на фоне активности Кэтрин Эштон передумали) досталась команде Тимошенко, Фирташ согласился поддержать союз Порошенко-Кличко. Это, казалось бы, давало Тимошенко и Турчинову возможность оглушить оппонента сокрушительным разоблачением.

Но проблема в том, что господин Кадриовский, хотя и числится в первой десятке наркобаронов мира, благополучно проживает в США с 1993 года и никаким репрессиям не подвергается. Возможно, имеет некий особый неприкасаемый статус. И если тот же Джон Керри в канун выборов 2004 года принимал некую делегацию косовско-албанских бизнесменов, то кто может гарантировать, особенно если вспомнить времена Дейтона, что та же самая публика не числится в «нужных людях» и у супругов Клинтон?

Лохидовские души боинговских

Так или иначе, команда Тимошенко-Турчинова поостереглась гнать волну: ведь ей пришлось бы объяснять и мотивы собственных исполнителей. И главный конкурент Порошенко, располагая медиа-преимуществом, остался с монополией на свою правду о событиях в Одессе. Более того, ее команду продолжали шантажировать на одесскую тему.

И тут же сразу два социологических института подсчитали: Юлия Тимошенко во второй тур не проходит. То ли история с Дубовым, обсуждавшаяся все-таки больше в отдельно взятой Одессе, так ей подкузьмила, то ли социологов кто-то смог заинтересовать помимо «сахарного короля».

На второе место, хором уверяли теперь рейтингисты, выходит днепропетровский банкир и кавалер ордена Почетного легиона Франции Сергей Тигипко. Вот что популярно разъяснял Дмитрий Коротков с Vesti.ua: *«В последние недели для Юлии замаячила еще одна опасность — не попасть во второй тур, куда, согласно некоторым соцопросам, вместе с Порошенко выходит Тигипко. Причем, что интересно, об этом не говорили, когда на Тигипко работала вся левочкино-фирташевская часть Партии регионов, но заговорили, когда эта команда ушла — зато появилась информация о поддержке, которую стал оказывать „сильному украинцу“ днепропетровский губернатор-олигарх Игорь Коломойский. <...> Губернатор-олигарх решил поддержать Сергея Тигипко, однако не столько для президентских выборов, сколько для ожидающихся осенью парламентских: как сообщил нам источник в штабе кандидата, Коломойский поможет земляку воссоздать „Сильную Украину“ с помощью связанных с губернатором Днепропетровской области экс-регионалов Виталия Хомутынника и Андрея Веревского. Одновременно источник сообщил об ухудшении отношений между Коломойским и группой Фирташа—Левочкина. Последняя, возможно, в ближайшее время начнет кампанию по дискредитации губернатора-олигарха».*

Виталий Хомутынник — это тот самый персонаж, что пролоббировал поправки в налоговый кодекс, не позволявшие Виталию Кличко выдвинуться в президенты по причине параллельного вида на жительство в Германии. Тогда боксер с характерным для него простодушием приписал подянку Януковичу, считая, что тот больше всего именно его, Кличко, и боится. На самом деле подянку устроил председатель комиссии Верховной рады по законодательству Виталий Хомутынник. А при временном правительстве он оперативно сколотил собственную подфракцию в Партии регионов, которая предложила премьеру Яценюку простой чейндж: мы голосуем за все твои предложения, а ты поставь наших людей на таможенную и на налоговую. Теперь, по всей видимости, Виталий Александрович нашел способ заинтересовать предложить и Игорю Валерьевичу сделку, от которой тот не смог отказаться. В самом деле, у Тигипко в Раде не так много людей, а если поторговаться...

Куда ушла пресловутая команда пресловутого газотрейдера Дмитрия Фирташа и его протеже Сергея Левочкина (который в последние полгода власти Януковича возглавлял его администрацию, в то время как супруга с донькою гарцевали на Майдане), уже говорилось выше. Если бы Дмитрий Коротков хорошо погуглил, он нашел бы на эту тему целое исследование еще от 2 апреля.

Другой вопрос, занимающий многих отечественных авторов: разве Фирташ может на что-то влиять, коль скоро его по доносу ФБР «закрыли» в Вене?

Здесь требуются уточнения: а) кто «закрыл» Фирташа, б) за что «закрыли» Фирташа, в) какова цена вопроса.

Закрыло Фирташа ФБР. Это ведомство возглавляет республиканец Джеймс Коуми, который получил должность при специфических обстоятельствах. На место однокурсника Керри Роберта Мюллера планировалась его протеже Лайса Монако. Но как назло, на тот момент Лайса, как заместитель советника президента по нацбезопасности, отвечала за анти-терроризм. А тут возьми и грянь «бостонское дело», невероятно раздутое в прессе, хотя не сравнимое по последствиям ни с 9/11, ни даже с одесской расправой. Кто виноват? Виновата Лайса. А самый перспективный и уже заранее раскрученный кандидат — Коуми. В юридическом сообществе его относят к выходцам из знаменитой прокуратуры Южного округа Нью-Йорка, где сидит особо въедливый к постсоветским олигархам прокурор Прит Бхарара. Но там он работал до 2002 года, а с 2005 по 2010 год Джеймс Коуми был ни много ни мало вице-

президентом Lockheed Martin. Между тем команда Керри, напротив, представляет лобби Boeing. Отношения между этими двумя лобби не менее братские, чем между армянской и турецкой диаспорами. И даже частично персонально совпадают с этими этническими лобби — ну так уж оно сложилось.

Дело Фирташа касается вовсе не Могилевича, как жужжала-прожужжала пресса, а индийской сделки. О какой сделке идет речь? Об освоении титанового месторождения в штате Андхра-Прадеш. В чьих интересах? В интересах корпорации Boeing. Партнер Фирташа украинский армянин Сурен Геворгян непосредственно вел переговоры с Boeing.

Он тоже проходит по делу.

Формально корпорация выкрутилась: она еще не заключила контракт, и поэтому не может быть уличена во взятке. Но она понесла как экономический, так и репутационный ущерб. Что и требовалось конкуренту.

Как это касается России? Главный поставщик металла для Boeing — российская корпорация ВСМПО-АВИСМА, при котором создано СП Ural Boeing Manufacturing.

И не только для Boeing, но и для бразильской Embraer (ау, экологисты!). А еще для Airbus, что уже касается Европы. Только что корпоративные французы вразрез с административными сообщали, что не хотят новых санкций для России именно из-за своей «АВИСимости». Но АВИСМА зависит от Фирташа, и это становится ее и самого Фирташа слабым местом, как только у «локхидовцев» расширяются лоббистские возможности.

Откуда поступает сырье на принадлежащий Фирташу «Крымский титан», а также непосредственно на ВСМПО АВИСМА? Из Днепропетровской области, с Иршанского и Вольногорского ГОКов. В этом году у него истекают договоры аренды на эти комбинаты. А 28 марта, как сообщает украинский Forbes, Днепропетровский облсуд аннулировал договор аренды на землю Демурино-ГОКа, которым «АВИСМА» владеет с 2012 года.

Поскольку Фирташа к тому времени уже «закрыли», «АВИСМА» решила признать это судебное решение, и, как сообщает украинский Forbes, согласилась перезаключить договор уже с новой администрацией Днепропетровской области, то есть с Коломойским, поскольку иначе она не сможет в 2016-м начать разработку Волчанского титано-циркониевого месторождения, лицензия на которое принадлежит Демурино-ГОКу.

Как упоминалось выше, Коломойского по линии Госдепа опекает Венди Шерман. Эта госпожа с 2007 года работала

в стратегическом исследовательском центре под названием «Центр за новую американскую безопасность» (CNAS). В совете директоров этого центра — экс-председатель и экс-гендиректор Lockheed Martin Норман Огустин, с именем которого связано объединение Lockheed и Martin Marietta и прорывные фазы американской космической программы (кстати, один из показателей наступления «локхидовских» — ситуация в Таиланде, где ввели-таки военное положение, как в 2006-м, благо республиканец Ричард Армитедж в составе CNAS вполне уживается с демократом Джозефом Наем).

Если бы Фирташа «закрыли» всерьез, то Игорь Коломойский и Петр Порошенко могли бы сговориться. Но в начале мая Фирташ дал несколько интервью солидным изданиям, в частности Bloomberg. А 15 мая стало известно, что судебное разбирательство по делу Фирташа откладывается до июня.

С главой корпорации Bloomberg и бывшим мэром Нью-Йорка в конце марта успел пообщаться Джей Буш. Но у Майкла Блумберга есть связи с командой Митта Ромни, о котором давно не было слышно. Если точнее — до 23 апреля, когда он обозначился как спонсор нескольких конгрессменов на довыборах. А 5 мая заявил о себе Комитет в поддержку Митта Ромни.

Буш и Ромни — из одной партии, но из разных кланов. На республиканских праймериз 2011-12 годов Шелдон Адельсон делал ставку не на Ромни, а на «чистого» неоконсерватора Ньюта Гингрича, пока не был принужден смириться с конъюнктурой.

Как мы помним, Митт Ромни был соучредителем компании Bain Capital (финансовые услуги) вместе с Биллом Бэйном, владельцем материнской компании Bain & Co., а в 1990-х выгнали саму Bain & Co. из проблем с кредиторами. Как раз тогда компанию возглавила дама по имени Орит Гадиш. Ее отец, бригадный генерал израильской армии, был родом из Германии, мать — с Украины. Она до сих пор возглавляет Bain & Co., а когда Митт Ромни выдвигался в президенты, ее связи обеспечили ему поддержку в Израиле не только от «Ликуд», но и от левого партийного спектра. Поскольку госпожа Гадиш входила в международный совет директоров Центра Переса за мир (Peres Center for Peace).

Благодаря WikiLeaks мы знаем, что «сомнительный олигарх» Дмитрий Фирташ был представлен послу Уильяму Тейлору, предшественнику Теффта на Украине, человеком по имени Зев Фурст. Этот персонаж возглавлял Международный совет Центра Переса за мир. Перечень политиков, которым Зев Фурст предоставлял политтехнологические услуги, занял

бы полстраницы. Среди них были четыре премьер-министра Израиля, из них трое — левые. Скажем точнее: он работал на всех оппонентов Биньямина Нетаниягу. Значит ли это, что в США он обслуживал Клинтонов? Отнюдь нет — Джеймса Карвилла так просто не сдвинешь. Он обслуживал Джона Андерсона, Джона Хайнца (вдова которого затем вышла замуж за Керри), Роберта Торричелли, мэра Нью-Йорка Эда Коха. А его партнер по компании Garth&Furst Дэвид Гарт работал на того же Эда Коха, а затем на Рудольфа Джулиани и Майкла Блумберга. Близость к этим республиканцам не мешала Гарту быть советником Эла Гора в период его вице-президентства (вспомним весьма обоснованные подозрения в том, что дело Моника Левински было раскрыто ради президентской кампании Гора; вспомним, с каким трудом и как непрозрачно его одолел Джордж Буш-младший).

Таким образом, лоббисты Lockheed бросили вызов не просто «приятелю Могилевича», каковым Юлия Тимошенко из всех сил старалась выставить Фирташа. Они бросили вызов клану с глубочайшими корнями в истеблишментах Великобритании, Швейцарии, Австрии, Израиля, Франции. И именно после того, как на американском горизонте вновь возник (пока еще сам не высказавший своих намерений) Митт Ромни, австрийская прокуратура начала «зажевывать» дело Фирташа-Кноппа-Геворгяна-Рао (кстати, Андраш Кнопп также входит в Международный совет Центра Переса за мир).

«Локхидовцы» в долгу не остаются: в Конгресс внесен законопроект о прекращении партнерства США с корпорацией ВСМПО-АВИСМА. Нельзя сказать, что у уральского предприятия нет альтернативных поставщиков. Они могут обойтись без Фирташа, только это будет дороже. В том числе и для клиентов. В том числе французских. Неудивительно, что Франция готова поставлять России свои «Мистрали». Тем более что на Украине имеет свои интересы AREVA. Французов интересует, например, Сафоновское урановое месторождение в Николаевской области.

Широкие руандийские перспективы

Как известно на примере многих стран, в том числе Израиля, бизнес может делаться как на войне, так и на борьбе за мир. В то же время — и это также видно на примере Израиля, хотя там очень не любят об этом говорить — крупным корпоративным боссам в самых прибыльных отраслях, а в теневом бизнесе особенно, непризнанный статус государства имеет свои преимущества. И очень возможно, что та же AREVA пред-

почла бы иметь дело с непризнанной Новороссией, чем с единой Украиной.

Если же говорить об украинских бизнес-акулах, то как ни парадоксально, единая Украина больше всех выгодна Ринату Ахметову, благо его энергетическая корпорация ДТЭК отнюдь не ограничивает свою деятельность Донбассом, а самые прибыльные его предприятия — Ингулецкий, Северный и Центральный ГОКи — находятся в той же злополучной Днепропетровщине. Но в то же время ему крайне необходимо вернуть утраченные льготы для добывающих предприятий, а терять что-либо жалко, два желания разбегаются между собой, и его без того невнятный кандидат Добкин проваливается и на востоке, и на западе. Мало того, внимательные социологи фиксируют такой любопытный феномен, как перебежание членов избирательных комиссий из команды Добкина в команду Тигипко и обратно. Из чего означает, что Допа, как и Гепа, по недосмотру своего опекуна Бориса Колесникова тоже лег под Коломойского.

Сам Коломойский удовлетворился бы и огрызком Украины, если бы не въевшийся принцип, который он сам излагал так: «Жизнь — это супермаркет, можно набрать себе чего угодно, но в конце зала будет касса». Он «сел» на Днепропетровщину, чтобы «отбить деньги», то есть компенсировать прежние потери. Но навар недостаточен: постоянно приходится тратиться то на покупку нужных людей в Раде и министерствах, то на батальон «Днепр». А теперь — еще и на кампанию Сергея Тигипко. И поэтому Коломойский, как и Аваков, занимается экспансией туда, идеи прибыльные активы плохо лежат. Поэтому 9 мая он обозначился в Мариуполе. Как с запозданием признался Олег Царев, поводом была смерть некоего члена Днепропетровской общины Шимкевича. А интерес сосредоточен на Мариупольском порте. И этот личный деловой интерес на редкость удобно совпадает с весьма внушительным военно-стратегическим интересом «сдерживателей Китая» — хоть в ЮВА, хоть в Крыму. А тут еще и Путин собирается в Китай, причем его помощник Юрий Ушаков не скрывает, что в повестке дня фигурирует и крымский вопрос.

Попытка Олега Царева на пару с главой Ассоциации поставщиков Таможенного союза Олегом Ногинским повлиять на израильских дипломатов, чтобы Израиль отвернулся от «Бени» (Коломойского), была не только нелепой, но и странноватой — и неудивительно, что эти беседы в эфире «России-24» капитально обрезали. Нелепой — по той причине, что при всем уважении к искренним друзьям Москвы нельзя не при-

знать, что они находятся с собеседниками, мягко говоря, не в равных весовых категориях. Странноватой — по той причине, что приписывая «Бене» одесскую трагедию, «народные дипломаты» отводили подозрение от команды Порошенко.

Стыдить израильтян пробовали куда более влиятельные лица — от германских парламентариев до руководства центра Визенталя. Но их веса также не хватило. Прежде чем глава правого израильского правительства Биньямин Нетаниягу отказался от поездки в Санкт-Петербург, левая (!) газета Haaretz в извиняющейся интонации объясняла, что на премьера сильно давят американцы. Не уточняя, откуда именно — из Вашингтона или из Лас-Вегаса. Как на это можно повлиять? Может, поменять главу Всемирного еврейского конгресса? Нельзя сказать, что такой российской попытки не было (год назад в Будапеште), но она не удалась. Альтернативный кандидат, Вячеслав Кантор, был не «слишком русским». Он был «слишком китайским».

Проще ли Москве иметь дело с Петром Порошенко? Проще, если сделать вид, что в Одессе ничего не произошло, или, вслед за Царевым, списать происшедшее там на Коломойского. Или, на худой конец, на Авакова. Но уши Порошенко и Гурвица слишком торчат из этой истории. И не только. Новым главой одесского ГУ МВД стал экс-начальник криминальной милиции, а потом ГУ МВД по Черниговской области (сформированный по велению Майдана Люстрационный комитет числит этого начальника по имущественным признакам в перечне коррупционеров). Черниговская область не относится к сфере влияния Коломойского. В этой области только один олигарх — экс-министр транспорта Николай Рудковский.

Тем не менее кто-то в Москве дрогнул и засуетился. 14 мая портал *ipress.ua* (не путать с *inpress.ua*) сообщил со ссылкой на источник, близкий к штабу Порошенко: *«Сейчас активно идут переговоры с Москвой о том, как будут складываться наши отношения после выборов. Позиция России состоит в том, что правительство должна возглавить понятная для них личность, которая может стать эффективным переговорщиком с Москвой. Со стороны россиян в качестве такой фигуры был назван Валерий Хорошковский. Это лишь предложение российской стороны, и никакой договоренности относительно кандидатуры будущего главы правительства не принято. Мы считаем, что стоит подождать, пока Порошенко станет президентом, а Украина также изберет новый парламент»*, — сообщил источник портала.

Из чего следует, что не какие-то люди в Москве что-то диктуют Порошенко, а, наоборот, он счел возможным диктовать, ибо по совокупности конъюнктуры (относительно не только украинской) считал себя хозяином положения. А в Москве кто-то счел было, что в эту конъюнктуру следует вписаться, даже на унижительных условиях. А в Киеве кто-то слил информацию об этих переговорах ровно в тот же день (ведь Дмитрий Фирташ предложил свои посреднические услуги между Россией и Европой всего днем ранее, 13 мая).

Несложно догадаться, кто сливает эту информацию для сведения всех адресатов (в том числе в США), у кого существуют вопросы в отношении как Фирташа, так и Хорошковского. Тем более, что в досье Турчинова уже отмечено, что замеченный в крышевании контрабанды господин Брыль — протеже господина Хорошковского. В некоторых служебных кабинетах эти тексты читают с выражением. И миссии ОБСЕ во главе с турком Эртугрулом Апаканом есть о чем задуматься.

Кстати, а что в это время происходит в Турции? Там взрывается шахта в нужном месте и в нужное время. В месте, где население преимущественно алавитское, и накануне запланированного визита президента Абдуллы Гюля в Китай, который приходится отменить. Почерк команды Керри легко распознается по мгновенному подключению (виртуальному и физическому) «парка Гези».

Турция не так зависит от российских газовых поставок, как некоторые страны Восточной Европы. Но сухопутный западный трубопроводный маршрут идет в Турцию через Украину и эти страны. И безопасность этого маршрута Анкару интересует не меньше, чем Берлин. И разрыв этого пространства на самостоятельные единицы ей столь же неинтересен.

В мае некоторые европейские эксперты уже рассуждали прямым текстом, что лучше уж Украину аккуратно разрезать на большие куски, чем дожидаться полного хаоса на ее территории. Вопрос был не праздный: некие вооруженные элементы обозначились не только на оптовых рынках, но и на Запорожской АЭС. Еще до недавних пор считалось, что вот пройдут выборы, придет легитимная власть — и все по команде устаканится. Но в начале третьей недели мая угроза превращения Украины то ли в Сомали, то ли в Руанду (где хуту и тутси бились, напомним, за металл) стала на порядок более реальной — и виной тому был вовсе не сепаратизм в Донбассе, а процессы в самом Киеве.

Как сообщали Vesti.ua, Коломойский вдобавок к Тигипко и Ко приобрел еще и подфракцию Хомутынника. Между тем Ар-

сений Яценюк, прислушиваясь к Европе, продолжал лоббировать поправки к конституции, урезающие полномочия президента в пользу полномочий премьера — поскольку, рассчитывая остаться в этом кресле, играл в ту же самую игру, в которую в январе играл сам Порошенко при содействии Рудковського и Жвани. И оказывалось, что у победно шествующего к трону «шоколадного короля» в действующей Верховной Раде собственная «база» таяла и таяла, как нагретая шоколадка.

Тогда обиженный «шоколадный король», в самом деле перегретый лучами славы, возьми да ляпни о своем намерении после избрания взять и распустить Верховную Раду. Вот именно после этих и воцарилось настоящее элитное беспокойство, благо буквально днями ранее непримиримая противница с косяй обещала «новую революцию» в случае своего поражения.

В то время, когда генсек НАТО продолжал вопрошать Сергея Шойгу о том, на каком расстоянии от границы находятся российские войска, «официальные» ВС Украины перегруппировывались от границ к столице. Даже из Одесской области, вопреки пресловутой «приднестровской опасности». Поскольку лояльному Порошенко министру обороны, выше-названному «Мих. Володим.», ближайшее окружение докладывало, что на 25 мая Тимошенко с Турчиновым заготовили некий план, с участием «собственных» силовиков.

Вот на таком фоне и началась серия «круглых столов» с участием не только Эртугрула Апакана, но и постоянного председателя Мюнхенской конференции по безопасности Вольфганга Фридриха Ишингера. Причем выбор его кандидатуры глава МИД Германии Франк-Вальтер Штайнмайер объяснил тем, что доктор Ишингер является превосходным знатоком Балкан. И никак нельзя сказать, что доктору Ишингеру не были знакомы те имена, которые фигурировали в прошлогоднем докладе ОБСЕ по поводу международных связей албанских радикалов.

17 мая на втором из этих заседаний был зачитан проект Меморандума о национальном примирении, где конституционная реформа была изложена близко к тексту Яценюка, а децентрализация — близко к предложениям Партии регионов. Текст зачитывал тот самый парламентарий и бизнесмен Вадим Новинский, которому Петр Порошенко в январе согреть бросил в лицо слова «С**ка православная!» — забыв о собственном диаконском чине. С Вадимом Новинским Петр Алексеевич не один раз оказывался по разные стороны конфликтов — как в самой церкви, где они поддерживали разных иерархов,

так и в более прозаическом вопросе о пакетах акций Молдавского металлургического заводом.

На следующий день в городе Донецке, в ресторане «Пушкин», изумленная публика лицезрела столь разных людей, как регионала Нестора Шуфрича, которому Юлия Тимошенко доверительно изливала свой гнев на Владимира Путина, и председателя партии «Украинский выбор» Виктора Медведчука, к которому, напротив, в гости приезжал российский президент. Дистанция между собеседниками была столь же далека, как между самой Юлией Владимировной и угольным королем Ринатом Ахметовым. Но эта дистанция была тем не менее по одну сторону баррикад — если считать, против кого дружба. И если подумать, зачем обоим политикам понадобилось оказаться в Донецке в канун обсуждения в Раде текста Меморандума о национальном примирении.

Наутро Ринат Ахметов призвал лояльных шахтеров к протесту против альтернативных правительств Донецкой и Луганской республик. Поскольку с утра донецкое ополчение потребовало платить налоги не в Киев, а в кассу ДНР, а главное — заблокировала экспорт грузов по железной дороге. «Ахметов с нами», — констатировал Аваков.

И в тот же день Аваков напомнил публике, что арестованный в Одессе человек по прозвищу «Капитан Какао» имеет прямое отношение к Порошенко и Гурвицу. В этот день, 19 января, была сформирована новая комиссия МВД по событиям в Одессе, и в этот же день был арестован старший брат «Капитана Какао» Олег Долженков, который возглавлял комиссию по международным связям горсовета, когда Гурвиц был мэром.

Одновременно главное следственное управление сообщило, что в Одесском доме профсоюзов найдены следы хлороформа. Что совпадало с данными областного УМЧС, глава которого Владимир Боделан был отстранен от исполнения обязанностей.

Блогеры сразу вспомнили версию, высказанную химиком Башкуевым: в одном из арендуемых помещений в Доме профсоюзов была лаборатория по производству синтетических наркотиков, в котором в качестве реагента применяется дихлорэтан. Свидетели вспомнили разбитые ампулы и желтый дым, стелившийся по полу.

Назначенный Коломойским губернатор Игорь Палица тоже пообещал какие-то сенсации относительно Дома профсоюзов, но не стал их оглашать до выборов — сказав только, что «два человека решили столкнуть в тот день одесситов,

придерживающихся различных идеологических взглядов», и при этом «депутат областного совета загонял людей в здание Дома профсоюзов, а потом сам оттуда сбежал». Осталось только уточнить, не делили эти «два человека» между собой наркомпроизводственное помещение, оставшееся от «третьего человека», отошедшего отдел смотрящего от «макеевских» при Януковиче.

Экспертиза Боделана категорически расходилась с версией нового милицейского начальства о том, что причиной мгновенного удушья у погибших был обыкновенный угарный газ. Генерал из Чернигова с избыточным старанием заметал чьи-то следы, а СМИ, подконтрольные Порошенко и Гурвицу, так же заметали» причастность к событиям депутатов от УДАРа.

Теперь люди Авакова признали, что Боделан был прав. Сам же Боделан заявляет, что его должность в вышестоящих инстанциях хотели просто продать. Фучеджи и вовсе вышел в эфир «России-24», где утверждает, что Турчинов с Парубием заодно — а что ему еще сказать, если за ним охотятся оба?

Команде Гурвица пришлось срочно искать «асимметричные» контраргументы. Юрий Луценко, говоря 5 мая о некоем сопернике Гурвица, готовом «отстегнуть 20 процентов», не назвал имя. Можно было подумать на разных состоятельных кандидатах — на Василия Цушко или на Геннадия Чикиту. Но как раз к 19 мая в интернете была распространена копия российского паспорта, выданного еще одному кандидату и реальному сопернику Гурвица — Геннадию Труханову. Утром 20 мая оказалось, что у этого кандидата есть еще и греческий паспорт, причем он фигурирует в некоем деле о торговле оружием. И Виталий Куренной, рупор Гурвица, выдал свое объяснение аресту Сергея Долженкова:

*«В духе заявлений представителей режима Януковича в недавнем прошлом, в событиях в Одессе 2 мая обвиняют каких то мифических руководителей штабов Гурвица. Все. Приехали. Господин Аваков, если ты думаешь, что мы не понимаем природу этой твоей брехни, то ты ошибаешься. Но так нельзя нивелировать себя и свою должность. **Нельзя работать агитатором у провинциального кандидата в мэры, тем более российского гражданина... Даже если „малка“ приказала...**»*

Если сказано «А», то за ним последует и «Б», и «В». А что за известный теневики вернулся из Лондона, едва только Гурвиц перестал быть мэром в прошлый раз, и заинтересован в Труханове? «Ангел», говорите? А кто у «Ангела» был старший парт-

нер? Помним, помним — Александр Жуков. А не он ли тесть Романа Абрамовича? «Мамка» Тимошенко работает на Путину, что и требовалось доказать.

Но «мамка» только что доказывала обратное: это не я, это Порошенко с примкнувшими олигархами работает на Путина! И это тоже кого-то убеждало: ведь в день отвода войск России от украинской границы — и в день отъезда Путина в Китай — Дмитрий Фирташ согласился платить налоги с «Крымского титана» в российский бюджет. Он же объявил себя «волшебной палочкой», уникальным посредником и дал об этом интервью в Bloomberg.

Через головы клановых тузов

Кому же решать, кто из двух «спасителей Украины» больший национальный предатель?

Может быть, Шимону Пересу? Ведь с одной стороны, в составе его «Центра за мир» присутствуют сразу два партнера Фирташа, а с другой стороны, он регулярно приезжал на форум «Ялтинской европейской стратегии» (YES) вместе с Биллом Клинтоном. И столь же регулярно обозначался на «украинском ланче» в Давосе, который спонсировало то же лицо, что и YES, а именно Виктор Пинчук. И вполне закономерно, что телеканал Пинчука продвигает Юлию Тимошенко.

Спусти три дня после того, как вместо мелькнувшей звезды Джеба Буша на американском небосклоне опять замаячила звезда Ромни, Биньямин Нетаниягу огорошил кнессет предложением продлить на полгода президентские полномочия Шимона Переса. Особенно расстроился идеально подходящий республиканцам-неоконсерваторам экс-спикер кнессета Реувен Ривлин (которого смещенный одесский губернатор Немировский именовал своим другом).

Не особенно обрадовался этому сдвигу и Михаил Саакашвили, уже заготовивший подпольные отряды для своего возвращения к власти в Тбилиси. Он так и остался изгнанником, а свои эмоции в адрес Москвы изливал в Днепропетровске в гостях у Коломойского. А теперь и Коломойский в новом украинском раскладе оказывается третьим лишним.

Если «третий лишний» определился в начале апреля в Кабуле, то кто из двух оставшихся на коне, ясности нет. А ясности украинским политикам — как и претендентам на власть во многих других странах, где выборы состоятся до осени 2016 года, ой как хочется.

В двух пропагандистских книгах Патрика Мендиса, расчитанных прежде всего на китайскую аудиторию, Вашинг-

тон изображался «городом на горе», откуда наследники построивших его масонов шотландского обряда вершат судьбы мира, зная судьбы мироздания на столетия вперед. Однако не похоже, чтобы масоны шотландского обряда были способны сегодня разрешить проблему американского госдолга, справедливо поделить наркопотоки или хотя бы «разрулить» аппетиты «боинговских» и «локхидовских».

Казалось бы, какой-то ясности можно было ожидать от «руководящей и направляющей» инстанции американской внешней политики — Совета по международным отношениям. Его президенту, Ричарду Хаасу, по душе возвращение Ромни. Но по меньшей мере с 2012 года слово главы CFR не является «последним словом». Белый Дом пока что не распорядился, чтобы ФБР оставило в покое Фирташа. И 21 мая редакции New York Times, мнение которой обычно отражает позицию CFR, приходится 21 мая предварить украинские президентские выборы комментарием, далеким от оптимизма:

*Лидером президентской гонки является Петр Порошенко — 48-летний магнат, также известный как „Шоколадный король“, прозванный так за его кондитерскую империю. У Порошенко есть свои сильные стороны с точки зрения политики: он был первым и единственным украинским олигархом, присоединившимся к протестам в Киеве, которые привели к свержению президента Виктора Януковича в феврале; он выступает за торговое соглашение с Европейским союзом; он принимал активное участие в украинской политике почти с самого начала. Но дело в том, что Порошенко также является членом небольшой группы **очень богатых бизнесменов, которые стояли у истоков коррупции** украинской власти. В Украине, в отличие от России, олигархи гораздо более активно участвуют в политике, **часто меняя стороны по мере изменения политических тенденций**. Вопрос состоит в том, будет ли олигарх-президент, которым, скорее всего, станет Порошенко, вести дела как обычно, или же новый лидер действительно сможет дать Украине новый старт. Таким образом, свободные и справедливые выборы в воскресенье — это первый шаг на пути к стабильности. Следующим шагом будет желание нового президента действительно быть готовым поставить точку в коррупции».*

На что больше похоже такое суждение — на рекламу или на угрозу? Не переключается ли такая оценка с условиями МВФ, согласно которым Нацбанк Украины обязан в конце каждого месяца предоставлять постатейную отчетность об использова-

нии кредита? А при этом — много для желанных дверей западных институтов откроется перед Украиной, если, как говорится в первых строках, *«в украинском кризисе рискованно искать обнадеживающие тенденции»*? А если ни в США, ни в Израиле не возникла определенность даже в отношении собственной власти, откуда еще Киеву ждать этой определенности?

Сегодняшние проблемы мировой власти порождены в том числе и ситуацией вокруг Украины — что для ее жителей, впрочем, совсем не почет, а горе.

Украина казалась очень удобным рычагом для воздействия на Москву. Но рычаг — это некий жесткий предмет, чего нельзя сказать о рыхлой, вязкой, ненадежной массе, некоем болоте, из которого выскакивают черти, на ходу меняющие цвета. Именно такова консистенция среды, надменно называвшей себя «украинский политикум».

Джону Маккейну хотелось, чтобы Украина стала Вьетнамом для России. Но «политикум» его подвел. Вьетнамскую войну в учебниках геополитики было принято именовать «войной по доверенности» (*proxu war*), хотя ее содержание не сводилось к разделу зон влияния. Украинская клановая война — это грызня по доверенности (*proxu brawl*) трансатлантических клановых групп, которые, сцепившись между собой, не могут вместе принести в Белый Дом «галочку» внешнеполитического триумфа — ровно наоборот, рейтинг американского президента рушится. На сегодняшний день в украинском болоте застряла не Россия, а как раз наоборот — сценаристы, технологи и исполнители Майдана. Как и весьма обширная когорта политической публики, которой хватило глупости использовать Майдан для собственного бесплатного пиара.

Так совпало, что вымученные президентские выборы, где сталкиваются лбами два взаимно истрепанных и непоправимо обгадивших друг друга украинских «национальных спасителя», накладываются на выборы в Европарламент. Какая из соревнующихся европейских коалиций сможет записать себе в актив пресловутый киевский Майдан, давно выродившийся в несколько враждующих караван-сараев? Кто из проводивших там дни и даже ночи еврорасширительных глашатаев, не моргнув глазом перед избирателями, скажет: вот какого моими стараниями Европа добилась успеха? Представители Европейской народной партии, где были одновременно представлены Тимошенко и Кличко? Кто из них в здравом уме будет агитировать за принятие в европейскую семью побитого инвалида без средств, весьма широкоформатного, да еще и с широкоформатными претензиями? Кто из них побьется об за-

клад, что выборы в Киеве избавят Европу от иммиграционной головной боли? Кто из них убедит своих сограждан в том, что раздавая печенки на площади с советской застройкой с наляпанными сверху вывесками «Макдоналдсов», делал благо Европе, а не тупо выполнял американские, а вовсе не европейские пожелания?

Если же взять саму Америку, то какая из партий, какой из государственных или частных стратегических институтов отчитается об успехе в отстаивании национальных интересов на украинском плацдарме? Демократический Белый Дом, для которого каждый из 46 российско-китайских контрактов — репутационный минус? Республиканские попечители консервативной диаспоры, для которых каждая из пунктов Меморандума о примирении звучит как соглашение о капитуляции — как и для опекаемых западенцев?

«Москва издевается над нашими санкциями», — жаловались конгрессмены на одной из многочисленных дискуссий о том, что делать с Украиной, расписываясь таким образом в том, что никакое не благо Украины их интересовало, когда они затевали очередной эксперимент по переделке чужой идентичности. Несомненно, они постараются оттоптаться на России дополнительными санкциями — хотя бы для того, чтобы отбить впустую истраченные средства на «антипутинизм», на выращивание в виртуале и реале «другороссов», «корпоративных активистов» и прочего болотного племени. И столь же несомненно, им придется объясняться перед налогоплательщиками за расходы на «сдерживание», которые оборачиваются в пользу самих «сдерживаемых».

Ни Ливия, ни Сирия, ни Бирма, ни Таиланд — ни одно из мест внешнеполитических экспериментов с задней конфискационной мыслишкой, какие бы свинцовые мерзости не творились на экспериментальных территориях, не становились поводом для того, чтобы признать, не где-нибудь, а на страницах Foreign Policy, что так называемый «новый мировой порядок, извините, мертв, и этот факт пора наконец признать в теории». Причем об этом факте изменившейся реальности, то есть конца однополярного мира, написано было еще до того, как появился на свет вышеназванный меморандум — итог совместных действий: а) России, б) Китая, в) Турции, г) Германии как самостоятельных внешнеполитических субъектов. Да, в окончательном варианте этого документа нет положения о внеблоковом статусе, но, во-первых, механизм взаимных обязательств в НАТО давно не функционирует, во-вторых, никому в здравом уме не придет в голову принимать в НАТО

государство, в котором самая дееспособная военная структура — это частная армия одного из олигархов (не зря отменены запланированные учения «Быстрый трезубец» во Львове). Да, Меморандум может быть исполнен лишь частично, или даже вообще не исполнен по воле очередных привходящих обстоятельств (как видно на вышеприведенном примере с озвученными Порошенко планами роспуска Рады, труднее всего прогнозировать глупость), но уже само его появление, как и оценка в New York Times результата эксперимента с Украиной, фактически начатого еще в марте 2012 года, — свидетельство нового качества мира.

Под этим делом, под этим изменением качества, струится кровь. Отличие Одессы и ее Куликова поля от Египта с его Тахриром, от Стамбула с его Таксимом, от Стамбула с его парком Гези состоит в том, что именно эта кровь, эти ожоги, эти судороги честных людей, умерщвленных конкурирующим транснациональным ворьем, стали той каплей в океане человеческих страданий, которая переполнила край подчинения деградированному миропорядку. Такого абсолютного контраста добра и зла не придумать ни в каком романе о дозорах и Мордорах, даже в классическом трагическом художественном жанре — он есть только в Священном Писании.

Россию систематически провоцировали на вооруженное вторжение. Активнее всего этим занимался Коломойский и «львовские», причем именно в марте, когда неоконсерваторы активизировались в Вашингтоне, а «локхидовец» Роберт Уорк получил должность замглавы Пентагона. Россия отвечала прежде всего в информационном поле — и так, что в мировом лексиконе возник термин «информационные войска Путина». Та зачистка медиа-среды, которая была произведена в 2001–2002 годах, предоставляет российской власти ту свободу, которой многие лидеры региональных держав могут только завидовать. Например, Ангела Меркель, которая не властна над Акселем Шпрингером. Например, Реджеп Тайип Эрдоган, авторитету которого бросают вызов не столько партийные конкуренты, сколько местные властители умов вроде колумниста Hürriyet Мурата Йеткина. В России нет такого колумниста, который был бы авторитетнее президента, и именно поэтому миллионам сограждан — в кои-то веки — не стыдно за власть.

Нельзя сказать, что арсенал «информационных войск» был задействован в полную силу. Например, российские телеканалы могли в конце апреля выдать в эфир, зачитав с выражением переписку львовских заговорщиков одновременно с официальным запросом МИД об отношениях Джона Брен-

нана с неким Игорем Кривецким по кличке «Пупс». Точно так же не использовано множество доступных сведений о криминальной иерархии Коломойского и одесских наркосудовладельцах: мы не портим нервы Иерусалиму и Берлину без особой нужды, но во всяком случае, Москва располагает несравненно большими возможностями для международного шантажа украинских кланов, чем сами украинские спецслужбы — для шантажа Москвы. Глава СБУ Наливайченко, он же «Наливай» из банды Бреннана-Пупса, пока не удосужился документировать ни одного из объявленных 25 задержаний офицеров российского ГРУ.

Команды Порошенко и Тимошенко обвиняют друг друга с тайном сотрудничестве с Россией на вполне справедливых основаниях. Кто бы кого ни одолел, и на какой бы короткий поводок этого победителя ни посадили МВФ, обновленный Брюссель и все тот же Белый Дом, строить отношения с Москвой все равно придется. А шантажировать уже не удастся. Не только ввиду договора «Газпрома» с китайской CNPC, но и ввиду того обстоятельства, что Москве удалось заставить европейских коллег, несущих свою долю ответственности за заваривание майданной каши, поучаствовать в ее расхлебывании. Это более справедливо и менее затратно, чем территориальная оккупация с насаждением наместников, чем пугали Европу колумнисты, по совместительству политтехнологи ЕНП.

Не стоит раньше времени подводить итоги информационной баталии: все еще впереди, в практике оружие закаляется, откровенных ошибок становится меньше. И что особенно важно, внешнее пропагандистское наступление ставит все больше требований перед участниками внутренней политики, на глазах создает «критерии соответствия» как для дипломатов, так и для партийных лидеров, министров, хозяйственных руководителей, ученых, капитанов бизнеса, звезд спорта.

Ни отвод войск, ни Петербургский форум не отменяют продолжения информационного наступления, что совершенно справедливо. В марте 2011 года Хиллари Клинтон шантажировала сразу несколько цивилизаций фразой «Мы ведем информационную войну» и сообщением о найме блогеров для российского, китайского и индийского направлений. Мы этого не забыли. Наши сегодняшние блогеры более эффективны, чем бойцы невидимого фронта — взять хотя бы оперативное разоблачение днепропетровской фальшивки с шантажом донецких евреев, которое посадило в лужу Джона Керри.

Заголовок Kiev Times в день «круглого стола» в Николаеве и возвращения президента России из Пекина гласил: «Пу-

тин обеспечил выборы». Мог не обеспечить, но решил обеспечить, взвесив все аргументы и ни у кого не спрашивая. Было обеспечено всего ничего — чтобы грызня по доверенности не превратилась в бойню по доверенности. Был дан шанс элитам удовлетворить свои прихоти, а простым людям избежать руандийской участи. Был дан шанс одновременно отношениям России с Европой, прежде всего с Германией — шанс на их превращение из бюрократических в стратегические. Это обеспечил не клан Керри, не клан Буша, не клан Клинтон, не архимудрый Перес и не архиловкий Фирташ. Это сделал Путин, не за просто так, а за конституционную реформу, допускающую децентрализацию и региональные референдумы и не допускающую авантюры президентской власти. Если это не будет исполняться — будет другой разговор; для принуждения элит к миру все возможности сохранены.

Любопытно, что те, кто на него шипит, не замечают, как сами ему же льстят. Сергей Алексашенко сравнил поездку Путина в Китай с путешествием к ордынскому хану за грамотой на княжение. Обижаться ли на параллель с Александром Невским?

Если же обратиться к вопросу, когда и при каких обстоятельствах наша страна была отброшена назад и в итоге отстала от восточного соседа, то у автора этого отставания есть имя. Этого автора миллионов драм распада отраслей, городов, народов, семей что-то еще носит по земле. И для него — Михаила Горбачева — тоже нашлось место в Международном совете Фонда Переса за мир. В каком-то болоте, с Божьей помощью, ему сгинуть и пожелаем.

ПРИНУЖДЕНИЕ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Победители на распутье

Итоги промежуточных выборов в США (ротация Палаты представителей, трети Сената и 36 губернаторов) ознаменовали политический реванш Республиканской партии. Этого сдвига ожидали и политические обозреватели, и социологи, и общество. Даже для середины второго срока, к которому любой американский президент растрчивает популярность, рейтинг Обамы был не просто низким, а рекордно низким.

Казалось бы, подобный перевес создает для оппозиционной партии весьма серьезные политические возможности к выборам-2016. Республиканское большинство наверняка постарается вытереть ноги о демократический Белый Дом, заблокировав пресловутую Обамасаре и закон о миграционной реформе, причем упомянутая Э. Люсом экспансия суннитских радикалов под брэндом «Исламского государства» послужит лишним предлогом для ужесточения въезда иностранцев в США. Можно ожидать полемики и по военным расходам. Так, Разведывательное управление Пентагона (DIA), после ухода Майка Флинна оставшееся без руководства, крайне обижено волокитой, а, точнее сказать, саботажем демократами своих предложений по созданию собственной Секретной службы. Тем более, что республиканцы получают Комитет по обороне Сената, демократический председатель которого Карл Левин и был одним из ключевых «саботажников», настаивая, что военные не должны подменять собой ЦРУ.

Но можно ли при этом сказать, что республиканцы решили свой главный вопрос — о своем кандидате на 2016 год, и что таким кандидатом станет обязательно неоконсерватор?

Желающих выдвинуться от Республиканской партии хоть отбавляй. Однако, в отличие от демократов, у которых Хиллари Клинтон — кандидат вне конкуренции, республиканцы вот уже девять месяцев не могут «родить», будь то на публичном или непубличном уровне, консенсус вокруг кандидата. Больше всего по душе неоконсервативной команде экс-губернатор Флориды Джеб Буш и бывший губернатор Арканзаса Майк Хаккаби. Во всяком случае, эти кандидаты более других привержены тому джентльменскому набору, которым Билл Кри-

стол характеризовал неоконсервативное направление: pro-exceptionalist, pro-military, pro-Israel.

Однако со всеми составными частями джентльменского набора у сегодняшних США есть весьма серьезные проблемы. В июле пресса внимательно отслеживала полемику между Диком Чейни, бывшим вице-президентом и центральной фигурой неоконсервативной команды начала 2000-х, и Рэндом Полом, сыном и идейным преемником либертарианца-изоляциониста Рона Пола. Вывод обозревателей был неблагоприятен для Чейни: полемические тезисы Рэнда Пола были убедительнее, причем не только для аудитории в целом, но и для республиканского электората.

Джеб Буш, появившись в конце марта на конференции Американского еврейского комитета в сопровождении игорного магната Шелдона Адельсона, главного спонсора Биньямина Нетаниягу в Израиле, в начале апреля пропал из поля зрения, в июне обозначился снова, в середине июля в очередной раз «ушел в кусты». Как только он начинал сомневаться в своих шансах, либертарианцы перехватывали инициативу и начинали «раскрутку» Рэнда Пола. В начале сентября вынырнул бывший соперник Обамы Митт Ромни — и тоже вскоре засомневался, хотя репортеры успели раструбить, будто к нему перебежали политтехнологи Джеба Буша.

Похоже, коллективный разум Республиканской партии (точнее, ее перманентный топ-менеджмент) раздирается сомнениями по поводу трех пунктов Билла Кристола. А именно: может ли сегодня Америка, вынужденная серьезно урезать бюджеты внешнеполитических ведомств, сосредоточиться на экспансии, утверждая свою *exceptionalism* — исключительность? Одобрит ли широкий американский электорат очередные военные авантюры, пусть даже в защиту союзников? Наконец, не слишком ли дорого обходится Соединенным Штатам поддержка Израиля, перессорившегося со всеми соседями в регионе, включая Турцию? Не сужает ли эта ставка возможности Америки в исламском мире, с которым все больше находят общий язык Китай, Индия, Россия?

Палка о двух концах

Казалось бы, появление на сцене «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) могло стать решительным аргументом в пользу «триады Кристола»: кого в первую очередь спасти от кровожадных исламистов, как не форпост американского влияния на Ближнем Востоке. Однако Израиль из всех стран региона меньше всего нервничал по поводу ИГИЛ.

Более того, некоторые израильские политологи были откровенно снисходительны к «халифатчикам».

«ИГИЛ — это, пользуясь сионистской терминологией, **государство в пути**. Приходя на место, они первым делом налаживают администрацию и берутся решать конкретные вопросы управления на местах. Их не стоит панически бояться. Со временем исламисты придут в стадию стабильности и тоже захотят мира, чтобы сохранить свои приобретения. «В этом отношении исламизм очень похож на сионизм, тоже воплощавший государственную идею на теологических основаниях, и повторяет его путь», — писал, например, Михаэль Дорфман. Другой израильский русскоязычный автор, Александр Непомнящий, обращался к любимой мистической классике московской (и киевской) интеллигенции: «Для Израиля халифат — безусловная стратегическая угроза. Но невольно он же становится той силой, что по-булгаковски, вечно стремясь к злу, неизбежно приносит пользу». Читателям оставалось догадываться, что же полезнее всего из действий халифатских «воландов» — похищение турецких дипломатов, угрозы шиитским святыням или сочетание одного с другим?

Лестные сравнения предводителей ИГИЛ с Герцлем и Воландом спустя несколько дней после их публикации оказались двусмысленными: один из обезглавленных «халифатчиками» репортеров оказался верующим евреем. Но Израиль и после этого не встал в первые ряды борцов с ИГИЛ. На Генассамблее ООН Биньямин Нетаниягу упомянул «халифатчиков» лишь для того, чтобы поставить знак равенства между ними и ХАМАС, а затем перешел на вечнозеленую тему об иранской угрозе.

Вплоть до прошлого года речи израильского премьера на Генассамблее слушал полный зал, а пустыми оставались лишь кресла иранской делегации, демонстративно покидавшей аудиторию. Но в прошлом году делегация Рухани нарушила традицию и осталась в зале. И это будто поломало безотказный механизм. На сессии этого года во время выступления Нетаниягу бури эмоций не было — был полный штиль. При этом пустовало ползала. «Еще утром обозреватели предсказывали: мировое сообщество устало от палестино-израильского конфликта, и поэтому слушать Нетаниягу остаются только уборщицы ООН и буфетчики», — резюмировала израильская редакция портала Newsru.

Возможно, мировая аудитория больше всего устала от неискренности. Искусственность продукта под названием ИГИЛ, с образцово современной интернет-агитацией в стиле амери-

канских фильмов-боевиков, слишком бросалась в глаза. Еще летом итальянская мейнстримная пресса писала о причастности генерала Дэвида Петреуса, которого постоянно консультировала супружеская пара неоконсерваторов — Фредерик и Кимберли Каган, к карьере главного халифатчика аль-Багдади. На этом фоне предложение Джона Маккейна вернуть Петреуса в Совет безопасности неловко повисло в воздухе. Особенно после того, как в Алжире израильтяне были замечены в оказании медицинской помощи боевикам ИГИЛ, а один марсельский таблоид и вовсе сообщил, что аль-Багдади проходил тренировку непосредственно на израильской территории.

Конечно, американские неоконсерваторы, традиционно симпатизирующие возглавляемой Нетаниягу партии «Ликуд», могут проигнорировать слухи о том, что главного халифатчика обучал МОССАД, да и вообще его настоящее имя — Эли Козн. Недоказанную версию легко заклеить как намеренную антисемитскую инсинуацию. А если, паче чаяния, эта версия документально подтвердится, можно в крайнем случае «перевести стрелки» на Лондон. Ведь легендой о своем мессианстве, которая распространяется через социальные сети среди исламской молодежи по всему Большому Ближнему Востоку, аль-Багдади обязан не «Ликуду», а Британскому музею, откуда саудовские адепты заимствуют ссылку на апокриф о мессии.

Проблема неоконсерваторов скорее том, что они не могут признаться вслух в симпатиях к ИГИЛ, а их кандидат не может на этом построить кампанию. Но и это не главное. Более важно, что неоконсерваторы привыкли делать ставку в регионе на альянс Израиля с Турцией, а примирение между Иерусалимом и Анкарой никак не вытанцовывается. Более того, когда Турция подтягивает свой флот к Кипру, это месседж не только Никосии, но и Иерусалиму. Поскольку это месседж о том, что эти две столицы в 2010 году неправомерно поделили между собой морской шельф, игнорируя интересы Республики Северный Кипр.

Казалось бы, на фоне «разгула исламского радикализма», в том числе в Европе, американское еврейство должно было озаботиться больше обычного проблемами Израиля, изобличить Белый Дом в предательстве его интересов и дружно проголосовать за противоположную партию. Ничего подобного! По данным Religion News, на промежуточных выборах американцы, идентифицирующие себя как Jews (что одновременно означает и евреи, и иудеи) проголосовали в той же пропор-

ции, что и четыре года назад. А именно — почти две трети за демократов, 65:33 (в 2010 было 66:31).

Известный американский юрист Алан Дершовиц, демократ, состоящий в элитном клубе *Elieser Society* вместе с экс-министром обороны Израиля Эхудом Бараком, пишет, что американцам было бы куда легче справиться с ИГИЛ, если бы они отказались от услуг Турции и заменили бы ее в коалиции на Израиль. Однако правительство Израиля возглавляет пока что Нетаниягу, и хотя его партия рассыпается, он по-прежнему рассчитывает на успех на выборах, инициируя досрочные праймериз. И при этом Нетаниягу в коалицию не рвется. Да и Эхуд Барак, хотя и вознамерился вернуться в политику, пока не предложил подобных услуг друзьям Клинтонам, по крайней мере публично.

И получается, что режиссеры проекта ИГИЛ, будь то американские, лондонские, проправительственные израильские или «отставные» саудовские, очень сильно подкузьмили неоконсерваторам. Будь в Анкаре в президентской должности, скажем, Абдулла Гюль, а еще лучше — кто-нибудь из правого крыла кемалистов, их игра бы складывалась без проблем: они сели бы на турецко-израильского коня и на нем вывезли Джебба Буша в президенты. Но это такая же гипотетическая ситуация, как мечты Дершовица о возвращении Эхуда Барака: реальность с ней не сходится. Реальность состоит в том, что образование под названием ИГИЛ, с одной стороны, очень сильно помогает правому израильскому правительству, с другой — ничуть не помогает Турции, а плюс к тому, вопреки ожиданиям, способствует не росту мировых цен на нефть, а напротив, демпингу. Поскольку контролирует множество месторождений и выбрасывает их продукт на черный рынок. И поэтому еще одним бенефициаром ИГИЛ, кроме Израиля, оказывается. Федеральное казначейство США, пользующееся нефтяным демпингом для накачки курса доллара. С оговоркой: такая помощь нужна Федеральному казначейству лишь на время, на тот период, когда ему требуется поддержать привлекательность гособлигаций. Поскольку высокий курс доллара — палка о двух концах.

Республиканцы могли бы порадоваться экономическим потерям России и того же Ирана, но увы, другим концом палка этого демпинга: а) бьет по интересам сланцевого углеводородного сектора, традиционно спонсирующего именно республиканцев, б) не благоприятствует конъюнктуре американо-европейского соглашения ТТIP, в) благоприятна для экономик-потребителей, включая Китай. И надпартийным

институтам придется решать вопрос по существу: а) заинтересована Америка в реиндустриализации или нет, б) заниматься ли ей войной с пресловутой ИГИЛ или же ее имитацией.

Будь республиканцы в Конгрессе в меньшинстве, они могли бы перед президентскими выборами возложить нерешенную проблему ИГИЛ на беспомощность Обамы. Но коль скоро у них большинство, им придется соответствовать имиджу. И значит, воодушевлять Пентагон на борьбу с ИГИЛ громче, чем это делает Белый Дом; и значит, ударить по контрабанде — ради нефтяного сектора, ради собственных спонсоров. Конечно — уж такова диалектика нашего времени — от этого немного выиграют Россия с Ираном, а проиграет правое руководство Израиля.

Впрочем, оно и так проигрывает. Как сообщала Washington Post, в ходе личной встречи «Обама обращался к Нетаниягу, как к приятелю, используя уменьшительное имя Биби, в то время как израильский премьер обращался к собеседнику официально: «Мистер президент». Обама во время встречи был расслаблен, а его собеседник, напротив, выглядел напряженным и готовым вскочить в любой момент. На ланч Обама, вопреки обычаю, израильского премьера не пригласил. А прибывшего позже министра обороны Моше Яалона в Белом Доме и Госдепе просто не приняли. И Джон Маккейн этому горю не помог.

Лебедь, рак и щука

Неоконсерваторам было бы несравнимо легче оседлать ближневосточную конъюнктуру, если бы они хотя бы получили контроль над правительством Ирака. Летом, во время иракского политического кризиса, у них был такой шанс.

Основным тезисом Дика Чейни в июне было порицание Обамы за преждевременный вывод американского контингента из Ирака. Полемизируя с ним, Рэнд Пол напоминал о том, что для самого вторжения в Ирак в 2003 году основательных поводов не было, а «ящик Пандоры» суннитского и шиитского радикализма, открытый тогда, с тех пор не закрывался.

Незадолго до этого спора спецкоры по Ближнему Востоку обратили внимание на активизацию в Багдаде бывшего банкира Ахмеда Халаби, который накануне бушевской иракской кампании усиленно распространял версию о наличии у Саддама Хусейна оружия массового поражения. Его новые претензии на пост премьера Ирака совпали по времени с серией выступлений Чейни и с новыми слухами в Вашингтоне о том, что Джеб Буш принял-таки решение о своем выдвижении.

Но у Ахмеда Халаби во второй раз ничего не вышло. После поездки госсекретаря Джона Керри в Багдад шиитское большинство в иракском парламенте поддержало совсем другую фигуру — относительно лояльного своему предшественнику Хайдеру аль-Абади.

К госсекретарю Керри в Ираке прислушивались. В течение последнего года, после избрания президентом Ирана Хасана Рухани, иракское руководство все больше проявляло политическую и экономическую солидарность с Ираном. Между тем позиция Керри состояла в том, что в коалиции против пресловутого ИГИЛ следует привлечь Иран; на одном из заседаний в Сенате он не исключил и согласования операции с руководством Сирии — тем самым, которое уже три года подряд, по официальной позиции Белого Дома, «должно уйти».

Подобный «прошиитский» подход явно расходится с позицией госсекретаря Клинтон, которая в своей июльской полемической речи воспроизвела многие тезисы Чейни касательно Ирака и Сирии одновременно. Зато вице-президент Джозеф Байден в начале октября привел в негодование глав Турции и Саудовской Аравии одновременно, напомнив об их поддержке весьма неконструктивных сил в обоих ближневосточных государствах. Потом ему пришлось извиняться, но позиция была выражена вполне определенно.

Потом наступило 12 июня с двумя знаковыми авиационными событиями. Престарелый Джордж Буш-старший в свой юбилей успешно приземлился на парашюте. Зато наутро профессиональный летчик Ричард Рокфеллер, возвращаясь в свое имение с дня рождения своего отца Дэвида (так уж вышло, что у него с Бушем-старшим день рождения приходится на одно число), рухнул в самолете, которым сам управлял, на асфальт на северной окраине Нью-Йорка.

И это было не последнее сочетание экстраординарных событий в этом году. 17 июля

Bloomberg опубликовала убийственный компромат на Джеба Буша, уличив его в извлечении прибыли из продажи Китаю сланцевого газа. И мало того, что кандидат от правых экспансионистов в корыстных интересах на практике подрывает план создания Трансатлантического торгового партнерства США-ЕС, миссией которого было ограждение от китайской импортной зависимости. Он еще и торгует через пресловутые оффшоры. А главное — скрывает эти действия, равно как и доходы, от американского избирателя!

Не прошло и восьми часов, как на территорию Донецкой области посыпались осколки фюзеляжа и фрагменты тел пас-

сажиров лайнера Boeing, который вели в тот момент днепропетровские диспетчеры. Барак Обама, узнавший об этом по телефону от Владимира Путина, повел себя после этого — по мнению обозревателей — довольно странно. Президентский борт доставил его на запланированную встречу с избирателями. Пока Обама летел, он не делал никаких звонков, хотя в его манере — звонить иностранным лидерам из кабины. Он будто ждал, не случится ли в этот день что-нибудь еще. Только по возвращении Обама стал звонить Петру Порошенко и Наджибу Раззаку, и под предлогом длительности разговора самолет изменил траекторию и сделал разворот. Премьеру Нидерландов Обама позвонил позже — уже из Нью-Йорка. Лишь после того, как обсудил с Джо Байденом два события этого дня — катастрофу лайнера и решение Биньямина Нетаниягу начать наземную операцию в секторе Газа.

Поведение Обамы в этот день, многозначительно расписанное в деталях New York Times, производило впечатление ухода от погони. Как минимум, президент «исключительной» нации не был вполне уверен в том, что борт номер один долетит до места назначения. Такие догадки можно было бы называть домыслами, если бы у Обамы не было оснований ощущать себя в небезопасности.

В конце июля папарацци прознали о том, что Обама с семейством конвертируют средства, «нажитые непосильным трудом», в элитную недвижимость. Были не только перечислены рекреационные изыски, от бассейна с водопадом до голф-площадки с пескоуловителем, но и указан точный адрес коттеджного кондоминиума в Калифорнии. Был описан также вид из окна и названо число ванных комнат в главном и гостевом домах. «В ветреном Чикаго Обама было неудобно. В Калифорнии теплее, к тому же дочке Малии будет удобно ездить на работу в Голливуд», — поясняли авторы. Еще одной темой таблоидов стала водительская лицензия дочки. Будто бы самому президенту придется вмешаться, чтобы такую лицензию выдали. Ну не научился ребенок водить. А на дороге мало ли что случается.

19 августа в Фергюсоне случился афроамериканский бунт, по стилистике напоминавший акции Оссуру. На фото телодвижения демонстрантов напоминали танец, юная негритяночка кокетливо выставяла голую ножку в кружевах, «гневные» полудетские юнцы демонстрируют наколки и прибабасы, будто вышли на праздник, а не на похороны. В городке Фергюсоне находится центральный офис корпорации Emerson. В ее

акции семейство Обамы решило вложить другую часть «нажитого непосильным трудом».

16 сентября Барак Обама при посещении Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте оказался в одном лифте с неким дважды судимым мужчиной, который был вооружен. Карабин, выступавший из-под его куртки, заметил сопровождавший Обаму сотрудник Секретной службы (американский аналог ФСО), но президенту об этом не рассказал. А 19 сентября ветеран иракской войны Омар Гонсалес с ножом в руках проник в помещения Белого Дома, откуда десятью минутами раньше выехали Обама с семьей. И опять Секретная служба пыталась спрятать концы в воду: официально сообщалось, что Гонсалеса остановила охрана, и лишь через несколько дней выяснилось, что злоумышленнику удалось проникнуть в помещения Восточного крыла Белого Дома. После этого была отправлена в отставку глава Секретной службы Джулия Пирсон, а вслед за ней — глава офиса президентского персонала Шон Макбрайд.

16 октября уже по своей инициативе, якобы обидевшись на критику, уволился глава Администрации транспортной безопасности Джо Пистоле. И это на фоне намеков экс-вице-президента Дика Чейни о возможности «новой атаки на США вроде 11 сентября 2001 года, только хуже». А также слухов о планировании терактов в США то ли сетью ИГИЛ во главе с псевдопророком аль-Багдади, то ли новоявленной группировкой «Хорасан».

22 октября в Белый Дом — теперь на северную часть территории — проник некий Доминик Адесанья, отбиваясь ударами от атаковавших его сторожевых собак. Как будто никаких мер по обеспечению президентской безопасности вовсе не производилось.

Кроме Джулии Пирсон, которой он лично доверял, Обама теряет ближайшего союзника, одного из самых доверенных лиц — генпрокурора Эрика Холдера, пересидевшего смену госсекретарей. Холдер подал в отставку в день, когда его собирались «возить лицом об стол» фергюсонские правозащитники и безутешные родственники застреленного полисменом юнца.

Холдер был постоянной мишенью неоконсерваторов. Группировка «Хорасан» с начала до конца — их же пропагандистское изобретение.

Первым об особой опасности, исходящей от «Хорасана», поднял шум Том Джоселин — старший сотрудник Фонда защиты демократий, учрежденного Джеймсом Вулси на сред-

ства семьи Бронфман, Майкла Штейнхардта, Ролана Арналя и других лоббистов израильских правых. Как название, происходящее от персидской территории, так и версия о том, что кувейтец Мансур аль-Фадли якобы (в 19 лет) представлял «Аль-Каиду» в Иране, подходит как пуговица к пальто, к пропагандистской линии «Ликуда». Пункт первый: все зло исходит от Ирана, пункт второй — если зло исходит от суннитов, то смотри пункт первый.

Даже традиционно взвешенные комментаторы, не склонные к версиям заговора, делают выводы о том, что Обама подвергается персональному шантажу. Весьма многозначно звучит заголовок «Национальная небезопасность» — так называл свою книгу главред Foreign Policy и экс-исполнительный директор Kissinger Associates Дэвид Роткопф. В главе, опубликованной в журнале 25 сентября, экс-министр обороны Рамсфилд именуется «амбициозным и инициативным, но разрушительным» человеком, вместе с Диком Чейни «имевшим обыкновение вести политику национальной безопасности через черные ходы», а не легальными средствами. Однако еще одним предметом критики служит Сьюзен Райс. Ей автор припоминает и неполиткорректность в адрес Берлина, и поездку в Афганистан, и тот факт, что ряд полномочий по Афганистану был передан заместителю главы аппарата Белого Дома Кристи Канегальо.

О чем идет речь? Во-первых, в прошлом году поездка Райс в Афганистан сорвала подписание американо-афганского Соглашения о безопасности. То есть Сьюзен Райс намеренно «подставила» Джона Керри, который в 2012 году вместо нее стал госсекретарем. Во-вторых, госпожа Райс, по мнению анонимных собеседников Роткопфа, напрасно доверяет другому доверенному лицу Обамы — главе аппарата Белого Дома Деннису Макдоноу. Кому же Макдоноу с помощью своего заместителя пытался подыграть в Кабуле, если сама Райс от него теперь отрешивается и изображает негодование? Не неоконсерваторам ли? О доверительных израильских связях Макдоноу, во всяком случае, говорилось не раз.

Тема Афганистана в связи с «национальной небезопасностью» глубоко неслучайна. Самолет Рокфеллера падает за два дня до оглашения в Кабуле результатов второго тура выборов. Этот результат (победитель — пуштун Ашраф Гани) — по прямой инициативе Джона Керри и Карла Левина подвергается пересчету. Окончательно он объявляется 20 сентября. Ветеран Гонсалес проникает в Белый Дом как раз накануне.

Есть и другая закономерность: за каждым объявлением промежуточного результата афганских выборов следовало либо выход на сцену, либо «уход в кусты» самых «тяжеловесных» кандидатов на будущее президентство. Если такая закономерность не случайна, то из нее следует, что преимущество кандидата Абдуллы Абдуллы в первом туре весьма обескуражила Джеба Буша (именно после этого он откладывает свое решение о выдвижении на конец года) и порадовала, наоборот, демократических чиновников, строящих в той или иной форме планы вовлечения Ирана в «афганский процесс». Затем, после Бильдербергской встречи, торгуются между собой уже демократические кланы. В том числе и за Афганистан.

Незадолго до объявления окончательного результата выборов Ашраф Гани совершил ряд поездок в страны Залива. Эти вояжи сопровождались разными интерпретациями. То ли Гани в Эр-Рияде тайно общался с местными симпатизантами неоконсерваторов (которых он устраивает как «суннитская» фигура), то ли его взяла в оборот команда Хиллари Клинтон. В ноябре ясность в эту шараду внесли иранские аналитики. По их данным, на Ашрафа Гани в решающий период выборов работал не кто иной, как личный имиджмейкер Клинтон — Джеймс Карвилл. Неудивительно, что у «Ликуда» в Израиле так плохо идут дела: троица клинтоновских политтехнологов, Карвилл, Гринберг и Шрум, обслуживала в Израиле Эхуда Барака, Ципи Ливни и Ицхака Герцога, а летом 2011 года была причастна к так называемому «творожному бунту», он же Occupy Israel.

Эхуд Барак в октябре заикнулся было о возвращении в активную политику, из которой он ушел после добровольной отставки с поста главы Минобороны. Но едва он нацелился на активную роль в оппозиции, как судьи, рассматривавшие дело экс-премьера Эхуда Ольмерта, вдруг «нарыли материал» о его причастности к коррупции. С намеком на худшее — злоупотребление при торговле вооружениями. Правда, и этот судебный «гоп-стоп» Нетаниягу не помогает: Ципи Ливни и министр финансов Яир Лапид отказываются поддержать законопроект Нетаниягу о юридическом признании Израиля государством евреев, и одновременно срывают утверждение бюджета. «Это переворот», — заявляет Нетаниягу и инициирует досрочные выборы. Задуманная игра на опережение, однако, лишает его самых ценных союзников: из альянса с ним уходит не только Либерман со своей партией НДИ (он давно «смотрел налево»), но и ближайшие соратники по «Ликуду» Гидеон Саар и Лимор Ливнат. При этом Либерман и Саар ведут переговоры

с новой партией еще одного перебежчика — Моше Кахлона. Развал «Ликуда» по кусочкам — лишнее свидетельство политической беспомощности неоконсервативного лобби.

Амбициозный и финансово мощный политический лагерь, оставаясь «не при делах» и в Афганистане, и на Ближнем Востоке, и в странах СНГ, не может простить обиду и прибегнет к кулуарным телодвижениям шантажного характера. Ни одна из политических групп в Америке не имеет такого «зуба» на Обаму, как неоконсерваторы. Случайный террорист Адесанья — явно не последний.

Мобилизация brookings

Начиная с того момента, когда Р.Т.Эрдогану удалось утвердить поправки к конституции, преобразующие парламентскую республику в президентскую, Барак Обама демонстративно игнорировал турецкого лидера: было условлено, что если тот звонит в Белый Дом, с ним может пообщаться только Байден.

Обама выходит на контакт только после победы Эрдогана на выборах. Однако поворот Белого Дома лицом к Анкаре начинается после Бильдербергской встречи.

В начале июля на пост замглавы Департамента энергетики (к его ведению относятся в том числе военные ядерные лаборатории США) назначается Элизабет Шервуд-Рэнделл. При Билле Клинтоне она курировала Россию и Евразию в офисе Пентагона как советник министра обороны Уильяма Перри. В 2008 году тот же Перри пригласил ее в состав Гарвардско-Стэнфордского Проекта превентивной обороны. Она писала доклады «Создание импульса для новой эры американо-турецких отношений» и «Восстановление расколотого американо-турецкого партнерства», читая лекции в Brookings Institution.

26 июля главы МИД Турции и Катара приглашаются в Париж на конференцию по Палестине. К дипломатии подключается Тони Блэр, накануне вступивший с яркой алармистской речью на тему о «халифатской» опасности (как раз в это время в британской столице лжемессии аль-Багдади кто-то создавал «легенду»). К изумлению для Израиля, Джон Керри, ранее не замеченный в протурецких настроениях, не возражает там ни против двухпартийного правительства в Палестине (то есть реабилитации ХАМАС), ни против превращения Газы, после ее восстановления, в морской и воздушный транспортный хаб.

На саммите НАТО в Уэльсе Обама проводит с Эрдоганом полтора часовую беседу — первый обстоятельный разговор

за последние два года. Суть «предложения, от которого трудно отказаться», раскрывается в кратком официальном сообщении Белого Дома. Из которого следует, что Турция, наряду с Германией и Италией, включена в список «рамочных наций» операции «Решительная поддержка», то есть получила долю территориальной ответственности в Афганистане. Подробности выясняются позже: в эту зону ответственности попадают не только центральные провинции Афганистана, но и Кабульский аэропорт, которые турецкая сторона будет реконструировать. (В это время в Киргизии продолжается спор о том, кому достанется центр транзитных перевозок «Манас»).

Для подобной «дьявольской щедрости» есть по меньшей мере два сильных основания. Одно из них в чистом виде военно-политическое. У Турции мощные, натренированные вооруженные силы; их командование после серии ротаций по подозрению в заговорах получило «молодую кровь». Без такой армии в качестве партнера ни о каком подавлении ИГИЛ — а возможно, и других радикальных групп в регионе — и думать нечего. Ибо одни европейские партнеры не сильные в военном отношении, а другие — не вполне лояльны.

Второе основание состоит в том, что демократический Белый Дом поставлен альянсом проектантов ИГИЛ (в который в Лондоне входит, очевидно, та же публика, что срывала конференцию «Женева-2» душераздирающим «докладом о заложниках») перед фактом: он не может не ответить просто потому, что он — президент страны, по-прежнему претендующей на управление всем миром. Он редко говорит об «исключительности», но об этом пишет его пропагандистский аппарат, и к власти его привели отнюдь не изоляционистские силы. Он знает, что в день его обращения к Конгрессу Дик Чейни будет «возить его об стол» на Fox News. И он не может выступить менее воинственно, чем Чейни. Можно назвать это пацанской логикой, можно личными амбициями. У него два выхода — уйти отставку (впервые в американской истории), пока не убили, или приказать генералу Аллену заняться созданием коалиции. Он предпочитает второй.

В согласии Эрдогана, разумеется, также есть своя логика. Хотя он вслух не высказывает подозрений о том, кто «придумал» ИГИЛ, он понимает — а как не понять, если захват послов в Мосуле — прямой вызов?), что эта «штука» придумана специально для него. А еще ему известно, что Мосул пресловутому ИГИЛ, как ни странно, сдали местные курды — несмотря на то, что в Сирии курды с ИГИЛ воюют самым отчаянным образом. А еще он не мог не слышать одобрительных высказы-

ний Нетаниягу в адрес проекта независимого Курдистана — а в том, что это не просто выпад в ответ за турецкую поддержку ХАМАС, но и наследие долгих теневых отношений, свидетельствуют поставки нефти Израилю, начатые Эрбилем без ведома Багдада (такой груз ушел и в США, но был показательно «завернут обратно»). Поэтому для него такое партнерство прямо связано с целостностью Турции. О чем курды лишний раз напоминают, когда его парламент одобряет наземную операцию в районе Кобани. Эрдоган вложил много времени, денег, сил и красноречия в интеграцию курдского меньшинства. У него на глазах все это рушится. У него два выхода — объявить войну Израилю и войти в состав коалиции против ИГИЛ. Он предпочитает второй. При этом он оговаривает собственные интересы.

12 сентября Обама выдвигает на должность представителя США в управлении и реформе ООН филолога-арабистку Изобель Коулмэн, многолетнюю сотрудницу Brookings, ведущую программы «Женщины и внешняя политика» Совете по международным отношениям, автора книги «Восстанавливая баланс: Ближневосточная стратегия для нового президента». Эта дама — из коллектива, занимавшегося «дерадикализацией», или проще говоря, приручением ихванского течения в суннитском мире («Братьев-мусульман»).

16 сентября Эрдоган учреждает Стратегический Совет высшего уровня с Катаром, а 17 сентября премьер Давутоглу посещает Северный Кипр.

18 сентября Обама номинирует двух послов в стратегически важные государства — Индию и Мексику. Ричард Рахул Верма был советником Гэри Рида, затем помощником Хиллари Клинтон и в этой должности курировал разработку санкций против Ирана. Другие его должности — в Albright Stonebridge Group, в Центре за американский прогресс (CAP), в

Clinton Foundation и наконец, в Center for a New American Security (CNAS). Еще один откровенный оппонент команды Керри (совсем недавно на эту должность прочили главу USAID Раджива Шаха). Причем не только командно-политически, но и корпоративно-политический. Окружение Керри имеет «сродство» с лоббистами Boeing (поэтому катастрофы двух самолетов — «привет» ему лично), а в CNAS погоду делает, напротив, лобби Lockheed Martin. Член совета директоров Норман Огустин — фигура в авиастроении легендарная, именно его усилиями в 1995 году состоялось объединение Lockheed с Martin Marietta в единый концерн, глубоко вросший в военный истеблишмент.

Мария Экавесте, новый посол в Мексике с полномочиями по внедрению иммиграционной реформы, окончила Стэнфорд, была советницей One America Initiative Б.Клинтона, затем три года — помощницей Клинтона, а на демократических праймериз 2004 года была советником Говарда Дина — соперника Джона Керри. Ее супруг Кристофер Эдли был одним из учителей Обамы в Гарвардской школе права.

Наконец, в состав Консультативного совета по делам разведки кооптируется Мишель-Анжелика Флурнуа, при Клинтоне — старший заместитель помощника Уильяма Перри, одна из двух соучредителей CNAS, соавтор доклада по Афганистану для президента в 2009 году. Второй соавтор этого доклада, Брюс Ридель из Brookings, в сентябре публикует резонансный текст об американо-индийских отношениях. Смысл этого текста состоит в порицании Объединенной разведслужбы Пакистана (ISI) за ее спонсирование терроризма, а в конце — прямая угроза внесения Пакистана в список стран-спонсоров терроризма.

Примечательно, что совсем недавно Шимон Перес сотрясал воздух призывами включить в тот же «черный список» эмират Катар. И само собой, отлучить ХАМАС, дочернюю партию «Братьев-Мусульман», как от легальной политики, так и от контроля над границей Египта с Газой. А заодно ходатайствовал о досрочном освобождении Джонатана Полларда, заключенного в США за технический шпионаж.

Однако аргумент Переса проигнорировали: более того, словно назло ему, статус Полларда был после его ходатайств изменен на «пожизненный»: никаких досрочных освобождений (parole) не будет. Перес может сетовать на Сноудена, в материалах которого, опубликованных в мае, оказалась новая фактура, иллюстрирующая обыкновение израильтян «тырить» американские технологии. Однако понижение статуса Израиля как партнера США происходило по постепенной нисходящей; до недавних пор его поддерживала только риторика Ахмадинежада в Иране, уход которого со сцены стал для «Ликуда» подлинной катастрофой. Эффект «даунгрейда» Нетаниягу ощутил, когда напрасно ждал от Америки, что она «спустит» на должность главы Банка Израиля какого-нибудь профессора-финансиста с мировым именем. Ждал полгода и не дождался.

Фиаско Переса было предсказуемо. В то время, когда он разоблачал Катар, Белый Дом готовил Турции афганскую «приманку», которая была выложена на стол перед саммитом НАТО. Сразу же после этого активизировались все сообщество лоббистов «катарско-турецкой оси», прежде всего страте-

ги из Brookings. Ихванское движение «Рассвет Ливии» захватило контроль не только над портом Мисурата, но и над аэропортом Триполи. Оставалось только получить йеменский Аден. В сентябре йеменская ихванская партия «Ислах» (именно к ней принадлежит правозащитница тавакуль Карман, удостоенная Нобелевской премии мира и принятая в состав консультативного совета Transparency International) заключила неформальный альянс с сепаратистским движением «Херак» и занялось реализацией проекта превращения Южного Йемена в непризнанное государство.

Сразу же после саммита БРИКС лобби, широко представленное в Стэнфорде, Гарварде, Brookings, как и семейных структурах супругов Клинтон, сформированное из учеников, последователей и деловых партнеров Мэдлен Олбрайт и Уильяма Перри, взяло на себя хлопоты по строительству еще одной оси — индо-японской, пользуясь наработками рокфеллеровских фондов. Индию стали соблазнять невероятными (на триллион долларов) запасами редкоземельных металлов, якобы открытых в Афганистане. Слух о находке оглашается как раз накануне визита главы МИД Индии Сушмы Сварадж в Кабул. Авторитетные источники — геологическая разведка США (USGS) и Центр дистанционного зондирования Бостонского университета. Учреждение в Бостоне в канун «арабской весны» вместе с коллегами из NASA грозило Египту смертельной засухой, а Ливану затоплением ввиду климатических изменений. Что касается экс-глава USGS Марши Макнатт, на которую ссылаются авторы афганской сенсации, то она оказалась настолько климатически радикальной, что не ужилась в новой администрации Обамы с новым главой департамента энергетики, специалистом по сланцевому газу Эрнестом Монисом.

Неудавшийся демонтаж

Редкоземельные металлы, а точнее, лантаноиды, якобы найденные в Афганистане в полном наборе от тория до гадолиния — необходимое сырье для солнечной энергетики.

Считалось, что Нарендра Моди, как и некоторые другие романтические политики, очарован Силиконовой долиной и ассоциирует ее исключительно с полезными инновациями. Ту же приманку рокфеллеровское Asia Society использовало в организации его флирта с Токио. Там Моди 1 сентября произнес весьма двусмысленную речь об устаревших и «не соответствующих буддизму» методах политики, сводящихся к захвату чужих морей и островов. Поскольку о полуостровах речь не шла, Москва промолчала. Пекин не промолчал, но проявил

на официальном уровне необычную сдержанность. А вслед за этим — и щедрость. И дар убеждения.

Глава МИД Индии не приехала в Пекин на встречу с коллегами из Китая и России. Казалось, что сценарий сраживания Пекина с Дели «на мази», и Китай как раз в канун сессии Генассамблеи ООН изольет на Индию всю желчь и всю досаду.

Но произошло обратное. Китай раскусил стратегов и ответил на мальчишескую эскападу Моды в Токио великодушной улыбкой мудреца. На карту было поставлено слишком много. Запланированный визит Си Цзиньпина в Дели не был отменен. Планы инвестиций в \$20млрд — тоже. И больше того, Китай первым предложил договориться об урегулировании спора вокруг пограничных территорий, куда Моды уже успел отправить военных для строительства укреплений.

Пекин не поддался на удочку наскоро состряпанной провокации в том числе из прямых торговых соображений. В Китае позаботились не только о спокойствии на своих границах, но и о контракте по поставку в Индию вагонов для скоростных поездов, которому уже составили конкуренцию японцы. Но за великодушием стоял не только ближний расчет.

Китай спасал БРИКС. Слишком много было признаков попытки демонтажа альтернативного МВФ межконтинентального альянса.

Одновременно с жестким разбором ошибок Белого Дома, где назывался и провал стратегии «переноса центра тяжести в (Юго-Восточную) Азию», Дэвид Роткопф выступил на страницах возглавляемого им престижного издания в совсем другом жанре — откровенной до неприличия политической рекламы. Героине его опуса была бразильская экологистка Марина Сильва. Она именовалась великим лидером мирового масштаба.

А накануне случилась еще одна странная авиакатастрофа, унесшая жизнь председателя Соцпартии и кандидата в президенты Бразилии Эдуарду Кампуша. После которой Сильва, словно кукушка в чужом гнезде, переквалифицировалась в лидера социалистов.

По хрестоматийной формуле министра финансов из пьесы Евгения Шварца «Дракон», рокфеллеровский аппарат применял к «отклоняющимся» политическим лидерам принцип «или ку, или у». Нарендру Моды пытались купить. Лидеров Бразилии и ЮАР — убрать со сцены. А одновременно улицы Гонконга блокировали демонстранты в до боли знакомой по Белграду, Бейруту, Бишкеку манере.

В своем бразильском опусе Дэвид Роткопф утверждал, — в тоне, не терпящем возражений — что последний мешающий

конкурент, Аэсиу Невеш, во второй тур не пройдет, а посему прямо-таки обязан отдать голоса экологистке, а ныне социалистке Сильве.

Соседний заголовок гласил: «Какие регионы должны (should) воспользоваться примером Шотландии». Кроме всем известной Каталонии, назывались: Кашмир; тамильская территория на Шри Ланке; южный (мусульманский) Таиланд; западная (христианская) Папуа; и на сладкое, в конце — Синьцзян с Кашмиром. Автор этого подстрекательского опуса Иона Бланк раньше работал в сенатском комитете по международным делам. Команда Керри, посредством рычагов «консолидирующих» медиа-площадок, была столь же энергично вовлечена в рокфеллеровское планирование в Азии, как и клинтоновские «ихванисты».

Целеуказания Foreign Policy увидели свет как раз к Климатическому саммиту, которому предшествовал грандиозный Климатический марш. Он должен был послужить ковровой дорожкой в президентский дворец для экологистки Сильвы, одновременно вдохновив Тибет. А в Европарламенте «Зеленая фракция» готовила каверзные вопросы «недостаточно климатически сознательным» номинантам в Еврокомиссию.

Но Азия и Латинская Америка выдержали удар. Си Цзиньпин что-то растолковал Моди по поводу энергетики. И вот какой реприманд неожиданный: на Климатический саммит, приуроченный к сессии Генассамблеи, не явились ни Си, ни Моди. А там уже было подготовлено ритуальное поношение Китая за выбросы углекислоты. На саммите ШОС Сушма Сварадж смогла пообщаться не только с Си, но и с президентом Ирана. Вскоре стало известно о переговорах по выплате индийского долга Ирану через российские счета, и одновременно Иран и Пакистан заговорили о продолжении реализации проекта газопровода IPI («Мир»).

Не достиг своих целей и латиноамериканский сценарий. В Бразилии «мировой лидер» Марина Сильва провалилась в первом туре. Аэсиу Невеш не захотел ей уступать: не дали американские партнеры-нефтяники. Этот «естественный антирокфеллеровский рефлекс» во втором туре не дал результата, поскольку электорат Сильвы, о передаче которого Невешу была достигнута договоренность, не захотел «передаваться», как переходящее зеленое знамя. Ну не может анархо-экологистская масса один день перековаться в праволиберально-карбоновую. В итоге президентом осталась Дилма Русефф, накануне с трибуны Генассамблеи сказавшая все, что думает о международных финансовых институтах.

На саммитах АСЕАН в Пекине, Восточно-Азиатского союза (ВАС) в Янгоне и G-20 в Брисбене были расставлены последние точки над *i*. К прибытию Обамы в Пекин (накануне которого гонконгские активисты резко «дали задний ход») оказалось, что Япония так и не готова к подписанию транстихоокеанского партнерства. На деловой части саммита АСЕАН началась суета вокрйг ВТО: лояльные Вашингтону СМИ спешно распортовали, что Индия готова снять свои возражения против отмены господдержки фермеров, то есть решить многолетнюю проблему «Дохийского раунда». Монархии Залива были действительно готовы на уступки ради помощи США в борьбе с ИГИЛ. Однако рапорт об уступке со стороны Индии был преждевременным. Нарендра Модии сказал «нет», одновременно выразив готовность к заключению соглашения о свободной торговле с Китаем.

На саммите G-20 Нарендру Модии не пригласили фотографироваться с Обамой. На памятном фото с мероприятия рядом с Обамой стоят только премьер Японии Синдзо Абэ и хозяин саммита, премьер Австралии Тони Эбботт.

Синдзо Абэ у американских экспертов уже потерял доверие. С одной стороны, он не подписывает Транстихоокеанское партнерство, и в итоге Си Цзиньпин под бурные аплодисменты оглашает проект альтернативного торгового соглашения, включающего все страны АСЕАН. Аплодирует и Вьетнам: с великодушной улыбкой мудреца Пекин накануне демонтировал нефтяную платформу на спорных островах.

Казалось бы, Эбботт является надежным союзником. Однако буквально на следующий день он подписывает двустороннее соглашение с Пекином о свободной торговле, которое выгодно его сельхозпроизводителям. Он печется, оказывается, не об американских интересах, а о своих. И когда он накануне обещал лично бросить вызов Путину по поводу Украины, этот жест, оказывается, тоже никакого отношения не имел к стратегическим директивам Вашингтона. Эбботту просто не нравятся российско-китайские договоренности по поставкам энергоносителей: Канберра конкурирует с Москвой за рынок Восточного Китая. И всего-то.

Такое отношение стран ЮВА к Америке, как будто никакой Америки не существует вовсе — не в последнюю очередь результат политического провала Демпартии на выборах, которую обозреватели хором объясняют прежде всего растратой популярности самого Обамы. Он явился в Пекин «хромой уткой» — и естественно, его «поджарили». А по возвращении «поджаривать» начали уже свои.

Претензий — по горло и выше. «Перенос центра тяжести» рокфеллеровской геополитики в Юго-Восточную Азию, который слишком поспешно анонсировал Хаасс (ноябрь 2011) и расписывал (по последовательности суррогатных революций на периферии Китая) профессор Ларри Даймонд из Стэнфорда (январь 2012), не состоялся. Если в Средиземноморье события 2011 года зафиксировались в сознании народов как «арабская весна», то термина «азиатское лето» (или «осень») вообще не возникло. Заготовленный революционный порох вспыхнул здесь, вспыхнул там, но в «огненную стену» не превратился. В Бирме политическая «весна» 2012 года революция обернулась резней мусульман, которую медиа-мэйнстрим долго замалчивал, поскольку резали-то буддисты, а это по определению страдающая религия, а не «террористическая». В Малайзии вождь местного бунта оказался в тюрьме по статье «педерастия». В Таиланде команды Керри и Клинтон не договорились о желательном кандидате. Всерьез «раскрутить» удалось только либеральные лобби на Тайване и в Гонконге. Об успехе можно говорить лишь первом случае, хотя и продуманная символика и риторика, и планирование гонконгского мятежа (организационно-методическую функцию на этот раз играл Oslo Freedom Forum) свидетельствует как минимум, что паралич городской инфраструктуры гововилса на уровне Бангкока. Не вышло.

«В Азии Китай искусно пользуется экономическими, правовыми и военными рычагами, чтобы удовлетворить свои территориальные претензии в Южно-Китайском море, пытается разрушить альянсы США, вбивая клинья между Японией и Южной Кореей и заигрывая с другими союзниками США, такими как Таиланд», — негодуют обозреватели Washington Post Эли Ратнер и Томас Райт. Авторы убаюкивают читателя и себя доводом о том, что «путинская Россия в настоящее время переживает упадок, а самоуверенность Китая лишь укрепляет коалицию, направленную против него, поскольку сейчас Австралия, Индия, Япония, Филиппины и Вьетнам стремятся укрепить связи с США и друг с другом», и советуют Белому Дому «предоставить помощь правительствам государств, не входящих в состав НАТО, таким как правительства Украины и Вьетнама».

Однако эти советы успевают устареть буквально в течение недели. Новая волна финансового кризиса в Японии (о которой авторы WP стрательно не упоминают) надолго снимает с повестки дня проект Трансатлантического партнерства в его нынешнем виде.

Его «записные» участник по разные стороны океана — Вьетнам и Чили — находят общие интересы с Москвой, невзирая на пресловутый «упадок».

Ратнер и Райт утешают: план Обамы в отношении Китая «был верным: найти способы расширить сферы сотрудничества — к примеру, борьба с изменением климата и торговля». Действительно, Китай согласился заключить с Обамой пакт о сокращении пресловутых выбросов углекислоты — но лишь в той мере, в которой сам заинтересован в очистке своего атмосферного воздуха. Временной лимит по соглашению обозначается «примерно» 2030-м годом, в то время как Обама обещает сократить выборы на 26% уже к 2025 году. И эти авансы мгновенно интерпретируются политическими оппонентами Белого Дома как двойная измена — геополитическая и социальная.

«Китайцы сегодня танцуют джигу», — догадывается Стивен Мур из консервативной Washington Times. «Благодаря революции сланцевой нефти и газа США снова стали крупнейшим производителем углеводородов. Америка обладает залежами угля, которых хватит на 300 лет. Но эта отрасль экономики, задущенная налогами и нормативами, почти перестала существовать. Обама намеревается и дальше форсировать политику, выбрасывающую на улицу сотни тысяч американских «синих воротничков». Одни только ограничения на добычу угля обрекают на безработицу 150 тысяч шахтеров, водителей грузовиков и работников ТЭЦ. Поздравляем с победой, господин Обама. Ирония состоит в том, что США уже сократили выбросы углекислоты больше, чем любая другая промышленная нация (с 2003 по 2011 годы) благодаря обилию дешевого газа. Между тем в Китае эмиссии взмыли в небо. Китай каждый месяц строит по одной новой тепловой электростанции. Но кроме этого, они разработали план добычи сланцевых углеводородов, на реализацию которого выделено 275 млрд. Разве такой подход говорит о том, что китайская нация решила обойтись без традиционных энергоносителей? Конечно, это уловка».

Что касается «находки» Обамы в торговых отношениях с Пекином, то она состоит в предварительном соглашении, предусматривающем отмену американской стороной

тарифов с высокотехнологических продуктов калифорнийского производства. При этом утверждается, что открытие китайского рынка принесет один триллион долларов экспортного дохода и создаст 60 тысяч рабочих мест. Цифра не вызывает доверия уже своей девятизначной приблизительно-стью (измеренные «от печки» запасы редкоземельных metallo-

лов в Афганистане тоже оценены в один триллион долларов). «Увы, мы слышали то же самое об автомобилях, когда США согласились на прием Китая в ВТО», — напоминает экономист Питер Моричи на портале Talkmarkets. «После чего Китай ввел административные барьеры, которые требуют от американских и японских автопроизводителей работать в партнерстве с китайцами и продавать продукцию на местном рынке, что на практике означало передачу технологий. Цифровые технологии — это фамильные бриллианты американской экономики, но Обама, похоже, собирается их сбыть, вместе с высокооплачиваемыми рабочими местами — **только для того, чтобы в демократический предвыборный сундук шли деньги от Силиконовой долины.** То есть все отдается за политическое преимущество, а американский рабочий при этом проклят».

Фронта возникает и в Европе. Вначале очень слабенькая, зато в неожиданном месте. Когда саммит Евросоюза 26 октября обязал правительства к 2030 году сократить выбросы парниковых газов на 40 процентов (к 1990 году) и повысить уровень возобновляемой энергии до 27 процентов от всего энергопотребления ЕС, министр экономики Латвии Вячеслав Домбровский заявил, что в случае исполнения целеуказаний его страна окажется в каменном веке. Между тем прибалтийские страны в новом составе Еврокомиссии получили ведущие должности, а «старая Европа» — подчиненные.

У евроатлантической бюрократии оказались две несовместимых мысли в одной голове: и

Прибалтику поощрить за примерное сопротивление русским, и ускоренно готовить Европу к роли сугубо потребительской зоны в рамках ТТIP, то есть к деиндустриализации. И получилось «твоя моя не понимаю». Недоразумение накладывается на скандал между Брюсселем и Лондоном. Самолюбивые британские консерваторы, только что с трудом преодолевшие шотландскую фронтонду, с изумлением узнали, что «честное» включение доходов от теневого бизнеса в статистику ВВП было не статистической манипуляцией, а средством взимания евроналога «за проституцию». Второстепенный, даже анекдотический повод становится триггером отделения Британского королевства от ЕС, и соответственно, от проекта ТТIP.

Коридоры на двоих не делятся

Федерика Могерини, новая внешнеполитическая начальница Евросоюза, вела себя примерно: и климатическим директивам не противилась, и русских олигархов взялась экспроприировать. И это неудивительно: Италия, как и Турция с

Германией, получила зону ответственности в Афганистане, а за все хорошее надо платить.

Западные провинции Афганистана, доставшиеся Италии, — это историческая зона влияния Ирана. Федерика Могерини была одной из первых министров европейских стран, посетивших Иран после избрания нового президента. Она проявила явную заинтересованность в снятии с Ирана санкций, в чем вполне солидарна с «шиитским лоббистом» Джоном Керри. Но вот незадача: американская делегация на переговорах в Вене представлена как раз клинтоновцами — первым заместителем госсекретаря Ником Бернсом и помощницей госсекретаря Венди Шерман, пришедшей в Госдеп непосредственно из CNAS.

Итак, 20 сентября — на следующий день после того, как злоумышленник Рамирес ходил с ножом по Восточному крылу Белого Дома — в Кабуле была оглашена формула власти. Один из двух конкурентов, Ашраф Гани, становится президентом, а его узбекский попутчик Рашид Дустум, длительно имевши политубежище в Анкаре — вице-президентом. Но доктор Абдулла также «при делах»: для него придумали специальный пост генерального директора Афганистана (СЕО). Кто сказал, что Афганистан — не корпорация, если акции распределены еще до подведения итогов выборов?

Компромиссное решение подразумевает раздел между кланами. Команде Керри отдали запад страны. Если санкции будут сняты, выиграет не только Boeing, уже заключивший с Тегераном соглашение о намерениях. Выиграет трансиранский транзитный путь, начинающийся в Герате. К чему бы иначе Stimson Center, где в совете директоров заседает коллега Керри, глава Национального ирано-американского совета Томас Пикеринг, устраивал в Герате трехстороннюю конференцию ведущих аналитических институтов?

Но здесь возникают сразу две заковыки. Во-первых, контроль над венскими переговорами (по контролю над исполнением Ираном реформы ядерной программы) остался и после европейской ротации в руках Кэтрин Эштон. Иначе говоря, итальянки Могерини «здесь не стояло». Во-вторых, каждому из кланов хочется всего сразу.

Так, во время прошлогодних волнений в Боснии мадам Эштон проявила странную «толерантность» к одному и ее организаторов, министру и бывшему бизнесмену, имеющему репутацию представителя Насера Кельменди — первого лица одного из самых влиятельных наркотранзитных кланов в

бывшей Югославии. Косовские картели в весьма сложных отношениях с итальянцами.

Любопытно, что при утверждении состава Еврокомиссии была «забаллотирована» представитель Словении — югославской республики, относящейся к зоне влияния Италии. В качестве компромата на экс-премьера Словении Аленки Братушек использовался аудиоролик, где она исполняет нетолерантную, неполиткорректную и вообще радикальную песню. Это была песня “Bandiera Rossa”.

Та же евродепутат Ульрике Луначек из Австрийской партии зеленых, которая «поджаривала» Аленку Братушек, подняла скандал и по поводу Косово. За несколько дней по вступлении Могерини в должность всплыли документы полуторалетней давности, до сих пор лежавшие под сукном — о взятках, которые берут сотрудники европейской миссии в Косово (EULEX) у неназванных подследственных лиц. Расхлебывать делишки чиновников, назначенных при Эштон, пришлось ее преемнице. Притом на фоне кризиса власти в Косово, где конкурирующий полукриминальный мэйнстрим (ДЛК и ДПК) сравнивали друг у друга результаты выборов. Характерно, что перетягивание косовских канатов продолжалось столько же времени, сколько «пересмотр подсчета» и послевыборный перераспредел полномочий в Афганистане.

С наказанием виновных европейское ведомство не определилось. Зато 8 декабря определился премьер-боевик Хашим Тачи, ранее подозревавшийся в торговле человеческими органами: после почти полугодовой фронды он вдруг решил уступить свою должность представителю оппозиции Исе Мустафе.

На кавказском — сухопутном — пути транзита из Афганистана также назрела проблема власти. В Закавказье есть свои люди у команды Джона Керри, и есть свои люди у команды Хиллари Клинтон. И одни не хотят уступать другим.

Так, в Грузии партию «Грузинская мечта» Бидзины Иванишвили «окормлял» в США Лесли Гелб — экс-президент Совета по международным отношениям, коллега Хасана Немази по организации National Security Network. В свою очередь, министр обороны Ираклий Аласания, также личность с амбициями, доносил на Михаила Саакашвили как раз команде Клинтон. Именно с Аласания чины НАТО начали обсуждать создание в Грузии тренировочного центра НАТО. Чтобы сэкономить на расходах, решили было использовать инфраструктуру закрытой российской базы в Джавахке. Но это территория компактного проживания грузинских армян.

Как только Аласания добился согласия от Турции на совместное блокирование поставок грузов на российскую военную базу в Армении, в Ереване поставили ребром вопрос о доступе Армении к транзитному коридору Баку-Тбилиси — Карс. А джавахкские армяне в ответ на блокады российской военной базы пригрозили устроить блокады трассы в своем районе.

Ираклий Аласания анонсировал досрочный съезд своей партии на 8 ноября. В «Грузинской мечте» это было понято как подготовка в политическому демаршу. Весьма уместно грузинские обозреватели вспомнили о его неформальных контактах в Абхазии. Были предположения, что министр обороны уже начал там свою игру, найдя общий язык с сухумскими оппонентами нового российско-абхазского договора.

И в самом деле, получивший большой резонанс текст договора, внесенный Москвой явно в качестве «ответного хода» на проект тренировочного центра НАТО в Грузии, — не только о российской экономической помощи Абхазии, не только о гарантиях ее обороны, но и о таможене. Это касается и Сухумского порта. А значит, и контрабанды через этот порт, где традиционно участвовали турецкие теневики.

Чтобы развеять недоверие к себе, Аласания подчеркивал, что вовсе не собирается блокироваться с Михаилом Саакашвили против действующей власти. И это была правда: он играл с командой Клинтон, а не с неоконсерваторами. Но действующая власть — а именно премьер Гарибашвили, конфиденгент Бидзины — сначала собрал материалы о хищениях в Минобороны, а потом отправил Аласанию в отставку. Следом хлопнули дверью глава МИД Майя Панджикидзе и министр евроинтеграции Алекси Петришвили, а фракция «Свободных демократов», партии Аласании, попыталась развалить парламентскую коалицию.

Новый российско-абхазский договор заволновал и вице-президента Георгия Маргвелашвили. Основатель «Грузинской мечты» уже давно жалеет, что дал этому обтекаемому человечку путевку в жизнь — поскольку очень скоро оказалось, особенно на фоне украинского кризиса, что питомец Сороса лоялен скорее фонду «Открытое общество», чем «Грузинской мечте». Что же касается самого так называемого филантропа (применение такого термина к фанату легализации наркотиков — лучший пример инверсии понятий в постиндустриальной эпохе), то после скандала вокруг Аласании он заторопил-ся в Тбилиси.

Любопытно, что Маргвелашили накануне поехал жаловаться на российско-абхазский договор не в Вашингтон и не в Брюссель, а в Токио. А оттуда — в ту единственную страну бывшего СССР, где учреждение господина Сороса оккупировало здание ЦК компартии. Эта страна называется Киргизия. Еще одна эксклюзивная особенность этой страны состоит в проценте «грантоедов» НПО в образованном классе: от нее отстает даже Украина. Еще одна особенность — наличие реально, а не «дистанционно» доказанных залежей ценных и редких минералов. И еще одна — деление на «северян» и «южан» в публичном и непубличном истэблিশменте. Сейчас влиянием обделен юг, который ближе к Афганистану. На этом юге есть значительная доля узбекского населения, и эксклюзивная особенность местного филиала радио «Свобода» — в откровенном пиаре его неформальных авторитетов.

В скрещении осей

В запутанных отношениях вокруг Афганистана есть несколько областей конкуренции. Если в «гендиректоре» Абдулле заинтересованы таджики, то в альянсе Гани-Дустум — соответственно, узбеки. Таджикская афганская среда тяготеет, естественно, к Герату, а узбекская — к северному Мазари-Шарифу. Немцы, за которыми сохранилась эта зона, весьма опасаются конфликта между двумя кое-как, сугубо декоративно, примиренными сторонами. Как бы чего не вышло. Как бы не развернулась появилась третья талибская сила. Или «Аль-Каида», Или, того хуже — старые радикалы, окрыленные новой идеей «халифата».

А поверх этого существует еще и конкуренция за воздух. Здесь есть интересы не только Турции, но также Японии и Эмиратов. Рано или поздно конкуренты за воздух тоже начинают расходиться в разные «лагеря». И если Токио вовлекаются в геополитические планы команды Клинтон, то Абу-Даби (а точнее — Дубай) тяготеет к Франции.

Франция не получила зоны ответственности в Афганистане, но зато в середине октября создало базу в Ниямее. Столица государства Нигер — центр пересечения трансконтинентальных наркотранзитных маршрутов. С этой точки можно оказывать весьма серьезное влияние на разные страны Магриба. Что и делается.

В конце августа Госдеп строго указал ОАЭ на недопустимость бомбардировок ливийской территории. Спустя месяц Белый Дом перестал вмешиваться. К этому времени ситуация качественно изменилась: легитимное светское правительст-

во Ливии получило поддержку одновременно от Египта, Судана и ОАЭ, а питомец неоконсерваторов Халифа Хафтар согласился на подчиненную роль, отбив Бенгази. Зинтанцы вместе с племенем варшафана, лояльным семье Каддафи, начали теснить «Рассвет Ливии». Это совпало с внезапным наступлением движения хути в Йемене, которое в итоге достигло примирения с правящей партией Всеобщий национальный конгресс. «За бортом» сделки осталась партия «Ислах», относящаяся к «Братьям-Мусульманам».

Примирение движения хути — исламского меньшинства зейдитов, которым за рубежом сочувствуют шииты — с правящей партией, с избранием компромиссной фигуры премьера, предотвратил отделение Южного Йемена, которое уже успело поддержать руководство местного «Ислаха». Поскольку в ихванизм, то есть в идеологические соображения, такая идея никак не вписывается, остается предположить, что увы, местных «Братьев» интересовал местный аналог Мисураты — порт Аден.

Организатором примирения выступили не США и не Иран, хотя движение хути (хуситов) поддерживается Ираном и поэтому нервнрует Саудовскую Аравию. В качестве медиатора выступила организация «Глобальная сеть за права и развитие» (GNRD), на логотипе которой — символика ООН, а в совете директоров — люди с исключительно арабскими именами, хотя штаб-квартира находится в Норвегии. Один из членов совета директоров в этом году перешел на новую работу: его избрали в состав объединенного правительства Палестины. Не от ФАТХ, не от ХАМАС, а по линии этой организации. Ее внимание к Палестине прослеживается с момента основания в 2008 году: основатели GNRD вместе с норвежскими юристами готовили иски в Международный уголовный суд в отношении членов правительства Израиля, причастных к операции «Литой свинец» в Газе. Но к турецкой инициативе FreeGaza эта организация отношения не имеет. В ее составе нет ни турков, ни катарцев — более того, GNRD вела специальную программу по изучению нарушений прав рабочих-мигрантов в Катаре.

О том, кто стоит за этой организацией, проще всего узнать из глобальных ресурсов, напротив, симпатизирующих Катару и позиционирующих в качестве адвокатов «ихванского дела». Вполне закономерно, например, что на портале «Аль-Баб» Брайана Уайтекера вместе с досье на GNRD компилирован ответный компромат на заинтересованную страну. Эта страна — ОАЭ. Действительно, второй по счету офис ор-

ганизации открылся в Дубае. Нельзя не вспомнить и о задержаниях в Дубае ихванских активистов в 2011 году, и о недавнем рейде авиации Эмиратов в Мисурату.

Для объективности оппоненты GNRD не могут не указать, что авторами идеи этой организации было два человека. Один — палестинец Луай Мохаммед Диб, другой — сирийский правозащитник Хайтам Манна, проживающий в Париже и ставший одним из основателей Национальных координационных комитетов (NCC). У которых в Сирии своя политическая линия, не совпадающая ни с ихванской, ни с салафитской, ни с курдской. Как и в Йемене, эта линия отстаивает территориальное единство страны.

Нельзя не заметить при этом, что не только сириец Манна, но и палестинец Диб, помимо норвежского, имеет французский аффинитет. Во всяком случае, Международная коалиция против военных преступников, исполнительным директором которой он является, базируется в Париже.

Напомним, именно Париж был тем центром, где 26 июля произошел качественный сдвиг в процессе легитимации палестинского государства, после чего Израиль и был вынужден свернуть наземную операцию в Газе. Следующим шагом в том же направлении была Каирская конференция доноров реконструкции Газы 12 октября. Примечательно, что одной из стран-организаторов была Норвегия. «Третьей стороне», вместе с аппаратом ЛАГ, удалось собрать на одной площадке заведомо конфликтующие между собой стороны. Египет, где актив «Братьев-Мусульман» сидит по тюрьмам, не возражал против инвестиций Катара в Газу, по размеру которых маленький эмират обошел все остальные страны.

Египет не возражал против участия Израиля в этом мероприятии. Возражения были со стороны Катара. В израильском медиа-мэйнстриме неучастие интерпретировалось как собственный отказ: «не очень-то и надо», хотя нельзя сказать, что судьба Газы, а особенно границы с Египтом, а особенно шельфа, а особенно строительства здесь аэропорта — Израиль не интересуется. Очень даже интересуется. Но сорвать процесс, начатый в Париже и продолженный в Каире, на официальном уровне — как государство и как союзник Вашингтона — Израиль сегодня не в состоянии. И на «чувствительной территории» — на соседнем Синае — сразу же после каирской встречи начали игру радикальные группировки, имеющие просаудовскую репутацию. Они взрывают египетских солдат, несмотря на полное доверие и взаимодействие между Эр-Риядом и Каиром.

Если — как это, к сожалению, типично для российской аналитики — рассматривать саудовский истеблишмент как некий монолит, нам никогда не удастся разобраться ни в текущих событиях на Синае, ни в прошлогоднем несостоявшемся сценарии интервенции в Сирию, ни в причинах неприятностей, постигающих того или иного представителя разветвленной саудовской семьи, разные ветви которой сталкиваются между собой с участием внешних, также конкурирующих партнеров. Поэтому, например, версия о том, что Саудовская Аравия хочет «взорвать Туркменистан», беспредметна, пока мы не уточним, о каком клане и каких его партнерах идет речь.

Какой труднопредсказуемой силы опасается сейчас Германия в Афганистане? Естественно, в первую очередь на язык просятся талибы. Афганские наблюдатели делят это сообщество, действительно возникшее при участии членов саудовской семьи, не только на умеренных и радикалов, но и на «старых» и «новых».

С влиятельными талибами в прошлом году пытался о чем-то договариваться экс-посол США в Афганистане Залмай Халильзад, верный и преданный выкормыш неоконсервативного лагеря. Во время подсчета голосов в Афганистане это имя вновь промелькнуло в СМИ: отставного посла задержали в Вене по странному обвинению в переводе небольшой суммы денег собственной супруге, якобы связанной с его «нефтяными интересами в Ираке».

Интонации мировых агентств были поразительны: авторы репортажей из Вены не вспомнили ни о роли Халильзада в политике Буша начала 2000-х, ни даже о многолетней работе и его самого, и его супруги в RAND Corporation. И так же мельком, так же пренебрежительно в новостных лентах сообщалось о том, что недавний фаворит Запада, кумир «революции роз», экс-президент Грузии Михаил Саакашвили во второй раз получил отказ в трудоустройстве в бостонском Tufts University.

Таяние «Днепропетровского халифата»

Если в Грузии неоконсерваторы делали ставку на Михаила Саакашвили и его окружение (Вано Мерабишвили, Гия Углава, Бача Ахалая), то на Украине фаворитом этой группы считали Игоря Коломойского.

Сразу же после инаугурации Петра Порошенко в Одессе почти одновременно обозначилась заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд, а также Саакашвили. Казалось, что дама, пренебрежительно сокращавшая фамилии украинских

политиков до кличек, ориентирована на неоконсерваторов. Помимо появления именно в Одессе, где главой областной администрации стал партнер Коломойского Игорь Палица, свидетелем тому считались ее супружеские отношения с Робертом Каганом — родным братом Фредерика Кагана.

Роберт Каган был в 1997 году подписантом манифеста Проекта за новый американский век (PNAC) вместе с братом и отцом (под этим воинственным текстом стояло и имя Залмая Халильзада). Правда, это не мешало ему работать помощником Билла Клинтона. Супруга Виктория при Хиллари Клинтон была главой пресс-службы Госдепа, а в «эпоху Керри», как ни парадоксально, получила повышение.

Сам Роберт Каган не считает себя ни двурушником, ни приспособленцем («выживальщиком»). Он просто свободен от неоконсервативной, да и вообще партийных условностей. Его кредо просто: он против любого империализма (кроме США) — китайского, российского, французского. В 2010 году он был в числе подписантов петиции, ходатайствовавшей о признании Вашингтоном «мэйнстримных» исламских партий в странах Магриба. Речь шла о «Братьях-Мусульманах». Он видел в этом средство ограничения парижского проекта Средиземноморского союза.

А в апреле этого года, после того как Джеб Буш дал политический «задний ход», группа функционеров-республиканцев была замечена на неформальном мероприятии, где Хиллари Клинтон презентовала свои мемуары. Там был мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг, ранее расписавшийся в лояльности Джебу. Там был и Роберт Каган.

Виктория Нуланд вновь посетила Киев в начале сентября — и привела часть истеблишмента в замешательство. Вскоре после ее визита министр финансов Петр Шеремета запросился в отставку: он обнаружил схему финансирования за счет бюджета некоей новой партии, но его бдительность не оценили.

Название этой партии стало известно за месяц до выборов, когда от фракции «Батькивщина» откололись как актив бывшего Фронта перемен Арсения Яценюка, так и ряд близких к «леди Ю» персон, включая Александра Турчинова и Арсения Авакова. Затем сообщалось, что Яценюк посетил Коломойского, но ни о чем не договорился. После чего полевой командир Семен Семенченко перешел в список партии «Самопомощь» Андрея Садового — чем многих удивил, так как этот проект был еще мало известен, хотя раскручивался давно.

Считалось, что Коломойский, как и на президентских выборах, сделает основную ставку на бывшего партнера по «Привату» днепропетровца Сергея Тигипко. Когда он решил иначе, это стали объяснять сугубо персональными факторами — например, неумеренным личным самомнением Сергея Леонидовича. Однако ни это самомнение, ни риторика его партии «Сильная Украина» (конфедералистская) не могла быть первопричиной разлада. Если, конечно, самомнение не объяснялось расчетами на некое отдельное покровительство извне. В Вашингтоне Тигипко был представлен команде Клинтона еще в середине 1990-х, вместе с Виктором Ющенко. Уже позже, за особые заслуги в «корпоративном лоббировании государственного значения», он был удостоен ордена Почетного легиона Франции.

Ближе к выборам обнаружилось, что Коломойский покровительствует и вовсе «четвертой силе» — партии «Самопомощь» львовского мэра Андрея Садового. В списке этой новой, откровенно конфедералистской партии оказались известные активисты из НПО «Демократический альянс». Эта НПО имела два источника внешней поддержки — от «левого» Джорджа Сороса и «правого» Панъевропейского интернационала. Напомним, этот «протivoестественный» союз — продукт консенсуса конца 1980-х, обязанный своим возникновением не столько Роберту Рейгану, сколько его спичрайтеру и послу США в Венгрии Марку Палмеру, с именем которого связано создание как стратегических институтов — Council for a Community of Democracies, Democracy Project, Advisory Committee on Democracy Promotion, International Centre for Democratic Transition — так и информационно-пропагандистской «конверсии» Восточной Европы. Марк Палмер был одним из соучредителей Central European Media Enterprises, а вторым был нынешний президент Всемирного еврейского конгресса Рон Лаудер. Как писал об этом олигархе обозреватель New Yorker Майкл Мессинг, «он выпадает из общего ряда американских евреев: он правее, чем Руди Джулиани, а по политическим пристрастиям — откровенный ликудник». Игорь Коломойский — скромный младший партнер «откровенного ликудника» по СМЕ (3% акций).

Но действительно ли — как утверждал целый ряд авторов — Коломойский провел в Верховную Раду больше депутатов, чем Порошенко? Будь это так, олигарх не сетовал бы сейчас на предвзятость главы ЦИК Михаила Охендовского, который якобы подыграл на мажоритарных округах в Днепропетровске «Оппозиционному блоку». Еще два месяца назад

считалось, что Коломойский контролирует и Одессу, и Харьков. Якобы он уже поставил под полный контроль и одесские порты, и розничные рынки.

Присмотримся к послевыборной картине. «Приватовец» Игорь Палица прошел в раду по списку Порошенко. О том, что он не так уж зависит от Коломойского, «Зеркалу недели» поведал «предприниматель с трудной судьбой» — Аркадий Пресман, которого ФБР в начале 2000-х считало «правой рукой» Семена Могилевича. Незадолго до выборов силовые структуры провели «зачистку» Ильичевского порта — и опять в пользу не Коломойского, а в пользу лиц, близких к экс-мэру Эдуарду Гурвицу. И знаменитый рынок «Седьмой километр», украинский аналог «Черкизона», Коломойскому так и не достался. Как и харьковский рынок «Барабашово». А на выборах в Харькове в Раду прошли те же депутаты, которые представляли регион в прежнем составе парламента.

В течение всей кампании СМИ Коломойского нещадно «троллили» эксцентричного «радикала» Олега Ляшко. Тем не менее, его партия прошла в парламент. После чего оказалось, что «могущественный» Коломойский пытался купить места в ее списке, но олигарху указали на дверь. А в канун формирования правительства прокуратура занялась подконтрольными Коломойскому «Международными авиалиниями Украины». Одной из претензий было иностранное (израильское) гражданство гендиректора. И «всемогщий» Коломойский дал задний ход.

Каждому украинскому репортеру известно, что за партией Ляшко стоит экс-глава администрации Виктора Януковича Сергей Левочкин — в свою очередь, представляющий интересы главы Ассоциации работодателей Украины Дмитрия Фирташа. В начале октября правительство Яценюка отобрало у Фирташа право использовать газ из газохранилищ для своих химзаводов. Тот же Яценюк отказал Фирташу в продлении лицензии на два горно-обогатительных комбината, поставляющих сырье для титановой отрасли.

Дмитрий Фирташ был не только благодетелем Ляшко. Он был тем человеком, который создал яльянс Порошенко-Кличко, получивший в Давосе и Мюнхене «напутствие» от Джона Керри. Правда, после этого на Дмитрия Васильевича было заведено уголовное дело в Вене. Оно касалось не украинского бизнеса, а индийского, где Дмитрий Фирташ был уличен в уплате взятки в интересах некоей американской компании. Этой компанией, интересовавшейся индийскими залежами титана, была корпорация Boeing. А директор ЦРУ Джеймс Коуми,

назначенный вопреки желанию Керри, в недавнем прошлом был вице-президентом Lockheed Martin.

До тех пор, пока Белый Дом не принял решение о сделке с Анкарой, «партия врагов Фирташа» была представлена двумя группами — «продемократической» (Юлия Тимошенко) и «прореспубликанской» (Игорь Коломойский). Тогда Коломойского и его собратьев по Днепропетровской еврейской общине навещала помощник госсекретаря Венди Шерман из CNAS, а Михаил Саакашвили бегал хвостиком на Викторией Нуланд. Но после саммита НАТО в Уэльсе пасьянс разложился по-другому — и стал сопоставим с раскладом сил в Афганистане. «Тюркское» лобби контролирует правительство, а по действующей конституции 2004 года у премьера больше полномочий, чем у президента. То есть Аркадий Яценюк — де факто первое лицо, проекция пуштуна Ашрафа Гани. Порошенко — «генеральный директор», проекция таджика Абдуллы Абдуллы. А Коломойский — это отодвинутый от влияния, но тем не менее имеющий свои плацдармы вождь талибов. (Учитывая ту роль, которую играет Афганистан в мировом хозяйстве постиндустриальной эпохи, такие параллели должны звучать для украинских политиков очень лестно).

Смесится ли равновесие в мире пользу «талибского» сообщества? Если худшее в мире из мальтузианских племен, с родины Мальтуса распространившее апокриф о мессианстве «халифатчика» аль-Багдади, распустит по миру новые штаммы этого вируса, если миллионы промытых через Интернет незрелых мозгов, как стадо, побегут за этим пророком из пробирки, а главы стран, правительств и корпораций будут падать перед ними ниц, ринося идола жертвы — тогда это будет так. Но сегодня даже правящий афганский дуумвират не ударяется в панику и не бежит из президентского дворца. И что более показательно — не бежит консультироваться к Бушу или Маккейну. Первая зарубежная поездка Ашрафа Гани состояла из одного дня пребывания в Эр-Рияде, а затем недели — в Пекине. Даже правители плантаций медленной смерти хотят жить завтра и послезавтра. И когда Си Цзиньпин называет наш век веком Азии, это может вдохновить их больше, чем лепет Обамы про «центр тяжести».

Существует ли англосаксонский мир?

Два представителя команды Саакашвили после некоторых козлебаний были приняты в состав правительства Украины. Сам же он утверждает, что его тоже приглашали, но он отказался. По данным инсайдеров, это чистый блеф: ни Байден,

ни Нуланд, во всяком случае, его кандидатуру не рассматривали. И оголтело антросийская канадская диаспора продвигала эсэсовскую дочку Наталью Яресько, но не Саакашвили.

Выпускник Колумбийского университета, приведенный власти в 2003 году командой Дика Чейни, курсирует по разным странам, обнаруживаясь то в Венгрии, то в Албании. А в прошлом месяце он посетил Саудовскую Аравию. Этот его последний вояж действительно забеспокоил тбилисских обозревателей, которые сразу же задумались о том, не оттуда ли провоцируются конфликты между мусульманскими и христианскими общинами то в одной, то в другой грузинской провинции.

Похожий ход мыслей и у азербайджанских политологов. Тем более что они догадываются хотя бы по последнему докладу исполнительного директора Freedom House, «бушевца» Дэвида Крамера о своей стране, что неоконсерваторы больше не покровительствуют Баку. И не потому, что подозревают Азербайджан в пророссийском настрое: доклад Крамера увидел свет в октябре, до визита Владимира Путина в Анкару и до предложения Союза азербайджанцев России выступить спонсором пророссийского большинства крымских татар в интересах российско-турецкого стратегического партнерства.

Дело в другом. Тень прошла не между государствами, а между наднациональными сообществами элит. Главные претензии неоконсерваторов к Анкаре и Баку относятся не только к нежеланию этих столиц вступить в теснейший военно-политический союз с Израилем (пункт 3 Крестола), но и к их партнерству с British Petroleum. Поскольку ведущие британские корпорации, «киты» Британского содружества, не желают быть беспрекословными слугами Вашингтона. И более того, это нежелание бизнеса уже «видно без очков» в политике. Как соглашение о свободной торговле с Китаем, которое подписал Тони Эббот на следующий день после фотографирования с Обамой, так и своп-соглашение на 200 миллиардов юаней, подписанное в канун саммита АСЕАН Канадой и Китаем, не говоря о прошлогоднем договоре Лондона с пекином о реконструкции британских АЭС с участием Китая, ставят вопрос экзистенциального характера — о существовании англосаксонского сообщества как единого целого. Когда половина этого сообщества (Британское содружество больше, чем Великобритания) эмансипируется не только от Америки, но и от доллара, термин американская исключительность утрачивает значение «превосходства» и приобретает иной, весьма обидный для экспансиониста смысл.

Поэтому неокконы и оцетиниваются. Поэтому они и начинают наносить истэблишменту собственной страны удары ниже пояса, принося в жертву ежедневно тысячи иракских, сирийских, ливийских жизней. Поэтому, в качестве «последнего убежища», они берут на вооружение исламского лжепророка. И то, что делают адепты этого лжепророка, подрывает интересы и возможности добывающих корпорации. Поскольку контрабандная нефть по 20 долларов за баррель, торгуемая ИГИЛ — это удар не только по России, но и по всем странам-производителям. Эффект этого удара состоит на мировом уровне прежде всего в сокращении вложений в самый затратный сектор карбоновых индустрий — разведку и первичное освоение.

Последовательного мальтузианца такой подход вполне устраивает: он совершенно созвучен и с теорией «пределов роста», и с решениями конференции Рио-02 о сокращении численности народонаселения. Однако — о чем руководство России не раз упоминало на мировых форумах этого года — американских производителей сланцевого газа демпинг со стороны «серого рынка» устраивать не может.

На производителей углеводородов еще в 2011 году, на митингах Оссиру с участием левой профессуры и радетелей за марихуану, навешан ярлык «жирных котов». В том же духе был «вердикт» Климатического саммита ООН в Лиме в начале декабря 2014 года: подписать новое глобальное климатическое соглашение, согласно которому такие крупные нефтяные компании, как ExxonMobil и Shell, прекратят свое существование в текущей форме в течение ближайших 35 лет.

Удивительно ли, что у левых демократов-экологов и правых республиканцев-неоконсерваторов сошлись интересы? На первый взгляд, удивительно: и Джеб Буш — представитель углеводородного семейства, и корпорация Halliburton Дика Чейни известна как производитель нефтедобывающего оборудования. А какой сектор бизнеса представляет Шелдон Адельсон — спонсор Биньямина Нетаниягу, первым предложивший свои услуги в 2012 году Ньюту Гингричу, а в этом году — Джебу Бушу? Шелдон Адельсон — владелец сети казино. К какому рынку эта достославная отрасль больше имеет отношение — к нефтебизнесу или наркобизнесу? Любой криминолог ответит навскидку. Halliburton — поставщик оборудования, а его составная часть KBR, равно как и близкие к команде Чейни Blackwater, она же ХЕ, она же Academi какую имеют специализацию, и в каких регионах больше всего заняты? Если

они на практике содействуют добыче нефти, то только: а) на сером рынке, б) на основе рабского труда, который и обеспечивает демпинговые цены.

Пингвины и волки

Если мы вернемся к американской послевыборной картине, то увидим феномен, который еще два года назад казался бы парадоксальным. В новой сенатской команде, которую собирает Митч Макконнел (глава сенатского меньшинства, а ныне большинства), «неоконы» погоду не делают. В числе 16 глав комитетов Сената только один человек с репутацией неокона — Джон Маккейн, да и того команда Чейни не считает «своим в доску»: уже известно, что он настроен на сокращение затратных военно-промышленных программ и на контроль над привилегированными подрядчиками Пентагона.

Нельзя сказать, что остальные главы комитетов в новом Сенате безразличны к внешней политике и к месту США на мировой арене. Но их приоритетом является внутренняя экономическая ситуация. Они ставят во главу угла восстановление ведущих отраслей крупной промышленности — от добычи угля, газа и металлов до автомобилестроения. У них есть общий внутренний враг, и имя его названо — это Агентство по охране окружающей среды, которое со времен «самого рок-феллеровского президента» Картера систематически душила бизнес все более строгими экологическими нормативами, одновременно изымая «под свое крыло» огромные территории для резерватов дикой природы, изымая их из хозяйственного оборота. Законопроект, блокирующий последние новведения ЕРА по части чистоты воды, подписали все сенаторы-республиканцы без исключения, а за строительства канадско-американского нефтепровода Keystone XL высказались как все республиканцы, так и 14 сенаторов-демократов. Демократическая часть обеих палат Конгресса также меняет приоритеты. Движение New Democrats и клуб Blue Dog Coalition, которые в новом Конгрессе представлены шире, чем в уходящем, также ратует прежде всего за создание рабочих мест, а не за права меньшинств. Буквально за последние два года политическая палитра Америки изменилась. Не потому, что элиты «зачесались» по поводу реиндустриализации и создания Трансатлантического партнерства, ограждающего от китайского импорта. На «нижнем этаже» Америки общественный запрос на восстановление индустрии возник куда раньше. И вряд ли случайно из 18 сенаторов-экологистов, которые покинули американский парламент, только 8 проиграла в округах, а остальные

10 ушли сами, не дожидаясь выборов. Одним из этих ушедших был не кто иной, как Джей Рофеллер. Он знал, что со своей репутацией «душителя угля» Западная Вирджиния его больше не изберет. ОН, разумеется, мог стоять на своем и требовать эксклюзивной поддержки Белого Дома. Но в ходе баталий в округе имя семейства еначало бы «полоскаться» в СМИ — и влиятельнейшая семья предпочла не идти против ветра, чтобы не попасть под брызги.

Ветер дует в паруса реиндстриализации Америки. Митч Макконнел обещал на выборах 2016 года оказать поддержку Рэнду Полу, а не Джебу Бушу или Митту Ромни. Консервативная Америка сосредоточивается — на этот раз не для интриг, не для краткосрочных целей. На новую конъюнктуру по-своему реагируют политические клиенты и финансовые рынки. Клиенты на европейской периферии (в томм числе Испания, а пуще всех — Прибалтика) уповают на «бурный поток» американского сланцевого газа через океан. Даля Грибаускайте готова выпрыгнуть из трусов, чтобы казаться правее, а значит «республиканистее», и ждет от Конгресса прежде всего роста военного бюджета, а также особого статуса балтийских стран как «потенциальных жертв», особо достойным внимания и подкормки. Как Израиль.

Мадам Грибаускайте живет вчерашним днем. Впрочем, в своей оценке реальности в евробюрократии она не одинока. Европейская Народная партия (ЕНП), первый по численности в Европарламенте союз умеренно консервативных партий, очень беспокоилась о судьбе своего выдвиженца Жан-Клода Юнкера, которому оппоненты справа и слева устроили обструкцию, постаив даже вопрос об импичменте. В один день с голосованием о доверии Юнкеру в повестке дня стояла тема признания палестинского государства. Эту тему ЕНП попросила снять. А вдруг обидится кто.

Европейские «пингвины и гагары», прячась в утесах собою же настроенных бумаг о правилах евдорасширения, энергетической диверсификации и развития гражданских обществ, ждали удара откуда-то свыше не случайно. Компромат на Жан-Клода Юнкера был вывален в первые же дни его руководства. В списке фирм, которым Люксембург в период премьерства Юнкера предоставлял налоговые привилегии, дочерних структур «Газпрома» было меньше, чем европейских концернов. Неприятным было то, что они в списке были рядом, а также тот факт, что поставщик компромата былаамериканский — Международное сообщество независимых журналистов, дочерняя структура финансируемого Джорджем Соро-

сом Центра общественной честности (CPI). По этой же линии весной 2013 года евроистэблишмент, включая Ангелу Меркель, принуждали к деофшоризации Кипра.

Брюссель и Берлин, надо сказать, вели себя целый год очень покладисто — и экономические санкции вводили против России себе в ущерб, и проектам «Газпрома» не давали поправок, в ущерб как их рентабельности, так и собственным домохозяйствам, и так называемый антикоррупционный контроль обеспечивали по полной программе — от отмывочных контор Болгарии и Боснии до сундуков Ватикана. Но некие «злые силы» не слезали с заголовка европейских гагар и пингвинов. И однажды на страницах *Die Zeit* — единственной медиа-фирмы, позволяющей себе дерзости к Америке — эти злые силы даже были названы поведомственно и пофамильно. Разоблачительный материал в номере *Zeit* от 23 октября был посвящен помощнику главы Федерального казначейства США Даниэлю Глазеру (в английском прочтении — Глейзеру), которого даже его бывший начальник Тимоти Гейтнер аттестовал не иначе как «наш главный бандит».

Именно Глазер, писала *Zeit*, исполняет задание Казначейства по обесцениванию российского рубля. От него же исходит угроза отключения банков России от системы SWIFT, в которой из кабинета Глазера видна каждая сделка, и он при желании может остановить ее одним кликом. А раньше команда того же Глазера принудила берлинские банки и фирмы отказаться от каких-либо сделок с Ираном — еще до введения официальных санкций, поверх правил, вне законов, чисто рейдерским (бандитским) методом.

Картина, нарисованная *Zeit*, была сколь правдоподобна, столь и пристрастна. Через утесы политкорректности просочилось даже некоторое, страшно сказать, этническое предубеждение. На вершине иерархии, не дающей Берлину торговать с Ираном и Россией, сидит человек по фамилии Лью, ниже этажом — Коэн, ниже — Глазер, а в Германии роль его заместителя выполняет некто Финдейзен «с серыми кудрями». Двойственность немецкой лексики (*grau* — и «седой», и «серый») помогало нарисовать очень легко представимый и узнаваемый коллективный образ. Не хватало только слова «шнобель».

То ли этот образ, то ли воспоминания о «наезде» на иранскую тему, то ли сведения о симпатиях Джека Лью к Биньямину Нетанигу, но что-то такое, вместе взятое, в восприятии «гагар и пингвинов» наводило на подозрение, что «волк, зубами щелк», имеет отношение к Израилю, и потому его лишней раз не стоит гневить — а следовательно, надо в первую оче-

редь спасти Юнкера, а потом уже заниматься палестинским вопросом.

В украинском околополитическом лексиконе такие старания избежать неприятностей обозначаются неполиткорректным и труднопереводимым термином «перебздеть». На самом деле Джордж Сорос если с кем и дружит в Израиле, то только с левым крылом левых, а никак не с Нетаниягу. Что же касается Джека Лью, то для него американская исключительность превыше каких либо иррациональных симпатий к союзникам, если такое слово он вообще воспринимает всерьез. Поскольку он демократ-эспансионист, а не неоконсерватор, а это существенная разница. Что и подтвердил на международном финансовом форуме в Астане 6 ноября 2014 года глава представительства SWIFT по России, странам СНГ и Монголии, на в Казахстане Мэтью де Хиринг: «Система SWIFT испытывает давление со стороны ряда стран, настаивающих на присоединении системы к антироссийским санкциям, однако не намерена поддаваться ему. Мы очень сожалеем, что оказывается давление на нас в отношении России и, **кстати, еще и Израиля**. Подобные санкции могли бы подорвать роль SWIFT как системного инструмента, доступного в 99,99% случаев. Мы не намерены отвечать на отдельные источники давления, требования отдельных стран и т. д. Пока нет такого постановления от ЕС, так что мы будем работать в России.»

Уместно вспомнить, что Даниэля Глазера в постсоветских странах неоднократно видели в составе делегаций Financial Action Task Force (FATF), в первоначальном «черном списке»

Которой фигурировали и Россия, и Украина, и Израиль. Также можно вспомнить, что свою активную деятельность (включая составление упомянутого списка) FATF развернула в 1999 году после Саммита по борьбе с отмыванием денег, где председательствовал Альберт Гор. Так что, к сведению боязливых умеренных евроконсерваторов, «ноги» рейдерского медиа-наезда на главу Еврокомиссии растут непосредственно из антииндустриального, экологистского гнезда.

Самые чувствительные к конъюнктуре представители израильских левых уже предвкушают «снос» правительства «Ликуда». И социологи сулят им успех. Впрочем, активно развернувшая свою деятельность Комиссия по монополизации рынка не делает разницы между спонсорами «Ликуда» и «Аводы», принуждая их к разделу бизнеса тем же методом, что и европейский Третий энергопакет. Одной из первых мишеней комиссии стал холдинг, только начавший добычу нефти и газа на шельфе между Израилем и Кипром.

Самая податливая часть евроистэблишмента, в свою очередь, вполне готова, и даже жаждет собственной деиндустриализации в сочетании с американской реиндустриализацией. Во всяком случае, уходящий еврокомиссар по торговле Карел де Гухт прямо-таки умолял Америку поторопиться с внедрением Трансатлантического соглашения, чтобы в его рамках Европа получала сланцевый газ по сходной (то есть меньшей, чем газпромовская) цене. Впрочем, если консервативные «пингвины» переоценили неоконов и их влияние в американском финансовом ведомстве, то господин де Гухт (как и госпожа Грибаускайте) переоценил американское индустриальное лобби.

Когда Барак Обама поверх Конгресса исполнительным указом (executive order) ввел миграционную реформу, заведомо неприемлемую для Республиканской партии, это была не просто наглость — это была провокация. Команда Обамы хорошо знает, что слабое место партийных оппонентов состоит в их предубеждении к «инородцам», и на этом можно играть, перетягивая на демократическую сторону (к будущим выборам) по меньшей мере сообщество латиносов. Что же касается повторно разгулявшегося в то же самое время Фергюсона, то это оружие провокации, примененное против Обамы оппонентами, уже было перехвачено Белым Домом, о чем говорит присутствие на сцене «и.о.Мартина Лютера Кинга», загодя улучшившего физическую форму и внешность Эла Шарптона. Обама оседлал этническую тему, которая станет для него предохранительным взрывным устройством от импичмента. И одновременно верные ему сенаторы заблокировали голосование по Keystone XL.

Да, республиканцы взяли большинство, а в новом составе Сената большинство взяли сторонники реиндустриализации. Да, Белому Дому геополитически выгодно скорейшее подписание Трансатлантического соглашения по торговле и инвестициям. Но над Обамой — как было справедливо замечено доктором Моричи — довлеют личные обязательства перед калифорнийскими спонсорами, а кроме того — перед Хиллари Клинтон, коль скоро иного кандидата на 2016 год у партии нет. С другой стороны, и Рэнд Пол еще не обзавелся консенсусной поддержкой республиканских элит, в том числе и проиндустриальных.

Таким образом, политическая слабость Обамы парадоксальным образом сочетается с наличием у его круга, как и у сплотившихся вокруг него «прогрессистов», весьма мощных инструментов информационно-психологических игр. Что

неудивительно: на ключевом «игровом поле» 2014 года, в Афганистане, два враждующих демократических клана получили контроль, поделившись с партнерами по территориальному принципу. Поскольку спор о контроле над ключевыми транзитными трассами не закончен, не закончен и европейские дразги. Вылезший из интернет-пробирки политик-шут Бепе Грильо поносит почем зря Брюссель и Берлин, на что вполне одобрительно смотрит премьер ренци. Одновременно тянется вялотекущий скандал вокруг европейской юридической миссии в Косово (EULEX). Одновременно Эштон ставит палки в колеса Могерини в Вене на иранских переговорах, благо юридически непонятным, но — с позиций клана Клинтон — вполне желательным образом она сохраняет в этом формате некие полномочия.

Эта же подковерная возня за преимущества на более прибыльном рынке, чем рынок энергоносителей, сохраняется на сцене ИГИЛ вместе с курдским сообществом, которое не меньше ИГИЛ выигрывает от хаоса на Ближнем Востоке, а в отдельных местах вполне прагматично договаривается с «халифатчиками». Не закончена борьба и за Ливию, где наркотранзитные пути также соприкасаются с нефтяным серым рынком, где также входят в обиход рабские и следовательно, малозатратные формы найма в добыче углеводородов. И соответственно, период междувластия как в политической Америке, так и в мировой экономике продолжится, и инвесторам и в 2015 году трудно будет гарантировать себе прибыль. Это неблагоприятно для любых крупных и затратных проектов в физической, в том числе добывающей экономике; это неблагоприятно для потребителей во всем мире, поскольку рынки будут многократно «трясти». И чем дольше будет продолжаться такая ситуация, тем сильнее и организованнее будут становиться проиндустриальные общественные силы. Преимущество у таких групп — в тех странах, где государство защищает индустрию.

В США уже произошел качественный сдвиг: отрицание глобального потепления не уравнивается с отрицанием Холокоста, экоскепсис выходит в мейнстрим, глава сенатского комитета по окружающей среде и общественным работам Джим Инхоф — самый откровенный экоскептик на весь Конгресс. Но Белый Дом восит средства в Экофонд, а Обама берет обязательства по дальнейшей деиндустриализации, не спрашивая налогоплательщиков. Поэтому до реального сдвига остается не меньше двух лет. И все эти два года в Конгрессе будут продолжаться баталии, а на площадях будут сталкиваться демонстранты «за трубу» и «против трубы».

И все эти два года Китай продолжит догонять и обгонять Америку. А Европа будет продолжать разваливаться. А Украина будет висеть на Европе как гнойный нарыв на пальце ноги. И поскольку в торговле, как и в человеческом организме, застой чреват гниением (в агросекторе — в прямом смысле), то издержки украинского кризиса будут разноситься по Европе, как стафилококковые скопления при заражении крови.

Нереализованное преимущество

Русским проще ориентироваться в действительности, чем европейцам: у нас несравнимо шире степень свободы; в Европе кризисы прошлого года запутали смыслы, у нас — расчистили. Пример первый: прибалты, получившие самые престижные должности в Еврокомиссии, возмнили, что эта кадровая награда за Вильнюс-2013 прибавит им финансовых возможностей. Ничуть не бывало! Средства на компенсацию ущерба от контрсанкций России против ЕС, на которые прибалты рассчитывали, были переведены на борьбу с вирусом Эбола. Сказано же было, что Эбола — не меньший вызов, чем Украина. Вот и учатся патриоты Латвии Африку любить, в том числе и расистская партия, с благословения американского посла принятая в правительственную коалицию. Пример второй: европейские ведомства и политики поощряли рекрутинг «своих» арабов на войну с сирийским режимом. Они думали, что станут героями, а из-за ИГИЛ по возвращении оказываются первыми подозреваемыми. Нельзя сказать, что это способствует бесконфликтной интеграции их самих, а в случае отказа в гражданстве — их родственников и соседей в европейское общество. Пресловутая этническая бомба получает дополнительный детонатор. Для сравнения: российские добровольцы в Донбассе могут быть разочарованы политическим итогом восстания в Новороссии, междоусобными интригами в непризнанном государстве, но и они сами, и миллионы сочувствующих, и даже государственные медиа сохраняют в них самоощущение героев и сознание своей исторической и нравственной правоты.

Не следует удивляться, что симпатизирующая России партия Марин Ле Пен оказывается в одних рядах с откровенными питомцами Сороса в пресловутом «деле Юнкера», состряпанном СРП. И точно так же не следует надеяться на особый эффект для наших интересов от присутствия в Европарламенте разнородных евроскептических партий. Яркие и вирулентные группы интеллектуалов не созданы для того, чтобы излечить Европу от застарелых недугов и комплексов, и не для

того, чтобы построить новую Европу хотя бы на принципах основателей ЕС. Не следует путать жуков-могильщиков с тружениками-муравьями. Не следует переоценивать эффективность новых парламентариев на европейской сцене. И главное: не следует рассчитывать, что мышление малого государства сомкнется с имперским мышлением. Если кто понимает наши интересы в Европе, если у кого они не вызывают отторжения, то это европейские транснациональные компании, с которыми наш общий знаменатель — тяга и азарт к освоению больших пространств, глубин и высот.

Иные страны способны понимать нас по мере собственной самодостаточности. Из больших европейских стран в дебатах вокруг украинского кризиса дольше и упорнее всех сопротивлялась американскому диктату Франция, где лучше всего сохранено как имперское самоощущение, так и индустриальный дух. С одной стороны, Франция не связана больше обязательствами перед США по Афганистану и в этом отношении куда свободнее Германии. С другой стороны, получив стратегическую позицию в центре Сахеля, она осуществляет отсюда поддержку «гражданских» сил в Ливии. И это вполне соответствует конъюнктуре (что видно и по Йемену): клинтоновское лобби «катарско-турецкой оси» слабеет, клан Байдена-Керри, напротив, усиливается. Сказывается и полиический ущерб, понесенный Хиллари на промежуточных выборах, и провал «охмурения» Индии который взяла на себя команда Brookings и не справилась. Поэтому так боязливо ведет себя Германия в северном Афганистане, на всякий случай заключая неформальный договор с «живым богом» исмаилитов Каримом Ага Ханом. Африканский плацдарм адает Франции стратегическое преимущество в теневых стратегиях. Но — опять же в отличие от Германии — эта страна устояла перед экофобиями и продолжает развивать свою атомную энергетику. И поэтому Парижу есть что предложить не только традиционно дружественной Армении, но и Азербайджану: здесь Areva будет достраивать начатую еще в советский период АЭС.

Имперский способ мышления сохранила — точнее, восстановила — и Турция Реджепа Тайипа Эрдогана. Лестные предложения, исходившие от клинтоновского лагеря, оказались повторным обманом: ориентировавшиеся на турецкую модель ихванские партии одна за другой теряют власть и влияние в странах Магриба, а Белый Дом, будто бы этого не замечая, продолжает требовать использования турецких баз для контроля над сирийской территорией. И Турции не остается ничего другого, как перевести «центр тяжести» политики

на восток, к Средней Азии. И Анкара идет на сближение с Москвой вопреки афганскому капкану, теперь камнем висящему на турецкой субъектности. Встреча Путина с Эрдоганом стала продуктивной в том числе и по воле случайности: как раз перед этим визитом Джо Байден, представитель «антитуркского» клана в демократическом истеблишменте, пересолил с навязыванием политических условий Турции; агентство экологически-антикоррупционистского прессинга с площади Таксим переусердствовало с давлением изнутри; европейцы переусердствовали тоже, решив поставить Анкару перед еще несостоявшимся фактом Трансатлантического партнерства — и Анкара им напомнила, что соглашение о свободной торговле Турция-ЕС может быть в этом случае расторгнуто в одностороннем порядке.

Восстановился «большой стиль» мышления и в Индии, все более твердо демонстрирующей, что участие в создании альтернативы мировой финансовой системе ей более интересно, чем роль вассала США. Визит Путина в Индию был уместен именно сейчас — не раньше, чем новый, амбициозный и деятельный, но недостаточно опытный премьер Индии столкнулся с американской лживой игрой и отверг ее; и не позже, чем Барак Обама явился в Дели с новыми «пряниками». Обама, как механическая игрушка, скован установлениями «тайминга»: ему приспичило приехать в Дели именно в День независимости Индии, в январе. На самом деле символизм «тайминга» работает лишь тогда, когда работает безусловный авторитет, когда к имиджу освободителя народов «есть что пришить». Ему бы запланировать поездку на более поздний срок — хотя бы после желаемого разгрома ИГИЛ, но условности мешают, и он в очередной раз программирует себе дипломатический пушечный выстрел вхолостую.

В одних случаях и в политике, и в обычной жизни уместно ловить момент, в других — переждать ситуацию. А экспертам, желающим личного престижа, при необходимости переживания не стоит торопиться с выводами, особенно панического содержания. На фоне коллапса рубля у нас оживились профессиональные синофобы: ну как же, нефть падает, рубль падает, Китай выигрывает и как потребитель, и как держава. И вообще, не сам ли Китай придумал нам украинский кризис, из-за которого мы теперь так страдаем?

Нетрудно было заметить активизации еврофилов одновременно с синофобами. Стоило Путину съездить в Анкару, а «Роснефти» получить средства ФНБ, как явилось с солнышко Кудрина с берлинским штампом и премьерскими претензия-

ми. И такие явления продолжались бы долго, если бы Китай не подставил нам финансовое плечо — на словах, но слова гиганта магически действуют на рынки. Поверх светливых стрелочек и крючочков несостоявшихся интриг, индивидуальных вербовок и массовых манипуляций, которуюрисуют на своих картах конкурирующие американские стратеги, неспешный мудрый художник наносит крупные мазки новой картины мира, дополняя затем тщательной и продуманной вязью инфраструктурных сетей.

Деловая конъюнктура мира не зря ориентируется на гиганта. Он этого заслужил. Прежде всего — тем, что остался на фоне всех крупных, мелких и мелочных баталий мира островом надежности. Во-вторых, тем, что все это время в одиночку боролся за сохранение БРИКС — межгосударственного и межрыночного каркаса новой финансовой системы и нового миропорядка. В Соединенных Штатах, политико-пропагандистская машина которых продула и Бразилию и Индию, теперь эту роль стараются приуменьшить. Журнал «Тайм» выводит в герои 2014 года Нарендру Модии — не потому что он хорош, надежен, верен, удобен или влиятелен, а просто потому, что Обаме требуется медиа-сопровождение визита.

Заметим, что те же самые злые языки, которые принижают Китай, пугают нас тем же Китаем. Не стоит его ни бояться, ни чрезмерно на него рассчитывать. Китай таков, как он есть. Он не может обойти Америку в быстроте и территориальном охвате информационных войн по одной просто причине: китайский язык не может быть средством мирового общения, особенно примитивного (chat) — и соответственно, не может быть средством малозатратной (для агрессора) и часто фатальной (для стран-мишеней) мировой манипуляции незрелой молодежью. Он может обойти Америку финансовыми и торговым потенциалом — что и делает.

Китай не делает резких движений. Иногда он отступает — казалось бы, с ущербом для себя. Иногда проявляет поразительную щедрость — тоже не для прямой выгоды. Но в эту логику трудно вникнуть лишь потому, что вначале нужно освоить мышление с долгосрочным горизонтом.

В самом деле, мир бы очень серьезно изменился, если бы Пекин, следуя нашему примеру, активно и оперативно создавал новые территориальные плацдармы влияния — например, отправил бы своих «вежливых людей» на остров Тайвань. Тогда, как может показаться, Запад был бы вынужден смириться с его правилами игры, и уступить превосходящей силе. И в

частности, снять все экстралегальные формы давления на союзников этой силы.

Тогда санкции не мешали бы банкам представлять кредиты нашим и иранским компаниям, и ФАО разрешило бы любые полеты в Крым, и новый китайский порт, построенный компанией HKND в Крыму, стал бы интегральной частью срединного Шелкового пути. А может для начала следовало бы все же создать полноценную альтернативу МВФ, а потом уже — альтернативы американским флотам.

Что сдерживает Китай? Можно представить себе множество соображений и военного, и политического, и культурного характера, учитываемые в квартале Чжуннанхай при оценке рисков. Самое сильное впечатление — зрительное (на чем и построены современные технологии информационных войн). Представим себе зрительно движение полумиллиарда человек, лишенных работы. Можно предположить, что именно такой страшный сон удерживает ЦК КПК от резких движений в мире. Можно назвать этот внутренний сдерживающий фактор хоть фобией власти, хоть бременем ответственности. Но факт остается фактом: Китай находится в слишком тесном переплетении с мировой экономикой, чтобы взять и с размаху перейти к автаркии. К тому же экспортная экономика не может быть замкнутой.

До тех пор, пока Китай не будет в состоянии полностью диктовать миру свои экономические условия, он этого делать не будет. Он будет приспосабливаться к ситуации, использовать слабости западных конкурентов, но сохранять при этом и рынки, и инвестиции. И китайские кредитные учреждения будут подчиняться мировым правилам, пока не смогут заменить их другими. Нефтяная конъюнктура этого года создает проблемы нам (а куда больше Ирану и Венесуэле), но благоприятствует Китаю — и приближает этот перехват мировой финансовой власти.

В скобках: Евросоюзу, как потребителю углеводородов, нынешняя конъюнктура выгодна. Но Европа не ценит собственного счастья, поскольку со своим комплексом диверсификации хочет быть еще и производителем заведомо неэффективной электроэнергии. Однако при демпинговой цене на нефть проекты альтернативной энергетики становятся нерентабельны. Поскольку и мощную ветротурбину, и солнечную батарею, и аккумулятор для электромобиля нужно произвести, все это — индустриальные продукты, и для этого производства (как и для добычи материалов) необходимы традиционные энергоресурсы.

Казалось бы, Федеральное казначейство США не должно было делать бесплатных подарков Европе, ни тем более Китаю. Но Федеральному казначейству требовалось восстановить доверие к гособлигациям США — и следовательно, на какое-то время поднять доллар. При этом пришлось пренебречь и интересами собственно индустрии, и в итоге — притягательностью Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств. Это вынужденная игра. Это игра с заранее запланированными издержками. И это игра с результатом, за которым — по крайней мере, на нефтяном рынке — последует обратная тенденция, которую никакими executive orders будет не остановить. Больше того, само же Казначейство, исходя из интересов экспортеров, само же будет эту обратную тенденцию стимулировать.

Инструкции, данные Федеральным казначейством господину Глазеру относительно рубля, важны, но второстепенны и временны. Если мы признаем Китай сильнейшей державой, но не следует считать самих себя всеобщей и первостепенной мишенью (или даже просто проблемой). Другое дело, что Россия обладает теми возможностями, которых нет у Китая — в том числе, и может быть, даже прежде всего, в способности влиять на умы.

Русский язык в самом деле могуч, если им правильно воспользоваться, им владеют сотни миллионов людей в мире. Он не больше и не меньше, чем элемент и средство цивилизации; он даже не является егодня нашей монополией (иначе прибалты не хлопотали бы над альтернативной вещательной сетью на русском языке). Но наша культура неразрывна с ядром нашей цивилизацией и с русскими интересами — о чем говорил Путин, когда вспомнил о Михаиле Юрьевиче Лермонтове. И уже хотя бы по этой причине оснований посыпать головы пеплом нет: куда больше таких оснований у «держателей скреп» англосаксонского мира. Не будем же мы сопоставлять соотношение США/Британское содружество с соотношением Россия/Украина! Альтернативному русскому ядру, если бы у него были шансы, потребовалась бы а) собственное внутреннее культурное и конфессиональное единство, построенное на безусловном убеждении не только в правоте, но и самостоятельности, б) власть над собственными экономическими интересами, без которой невозможна и власть над своим медиа-пространством, в) харизматическая и волевая личностная персонификация. Даже если шевелюру Порошенко приделать к очкам Яценюка, а все это вместе — к подбородку Дали

Грибаускайте, никакой альтернативы из этого не выйдет. А если б и вышла, то персонифицировать было бы нечего, кроме заведомо колониальной вышиванки. (В государстве Микронезия из пяти населенных пунктов, считающихся городами, два называются Colonia — полезный для Киева пример соответствия самосознания реальности).

Поэтому та игра, которую играет Белый Дом, НАТО и Федеральное казначейство вместе взятые, — игра: а) вынужденная и б) напрашивающаяся на контригру. Напомним еще раз, что технологическая сделка США (Калифорнии) с Китаем — также вынужденная мера. И введение указом заведомо непопулярного иммиграционного закона — также вынужденная мера. Эта вынужденность американских действий, затратность, обилие издержек, в том числе беспрецедентных внутриполитических, — уже показатель того факта, что США не являются ни монополистом, ни единственным центром мирового влияния. После серии саммитов в ЮВА 2014 года об однополярном американском мире говорить уже просто нелепо — он остается лишь в фантазиях самоспасительных либеральных интеллектуалов и в обиходе профессиональных начетчиков, которым сегодня не верят не только в Ханое или Баку, но и в Кишиневе или Приштине.

Кто виноват? Путь к экономическому провалу с беспросветной задолженностью — общий результат действий американских элит с рокового момента отказа от индустриальной парадигмы. Зависимость шансов американских элитных групп от решения вопроса о власти в Афганистане — конечный итог ценностного и смыслового предательства собственных идеалов, мальтузианская ловушка самопостроенной товарно-распределительной инфраструктуры самоуничтожения, ибо ни для чего иного наркотики не предназначены. Господство IT-индустрии над реальной экономикой — итог фиктивного способа самоутверждения обманом, который оборачивается против создателя, как только средства из государственных рук переходят в клановые, а из клановых рук — в руки структур-инструментов. Этот сектор был высшим и последним способом власти над миром. Его самодискредитация и растаскивание — высшая и последняя стадия разбазаривания потенциала сверхдержавы — результат того американского раскола, который Дэвид Роткопф прикрывает фиговым листком термина groupthink. Начиналось с groupthink, а заканчивается, выражаясь американским военным жаргоном, groupsnafu.

Итог 2014 года состоит в том, что Соединенные Штаты принуждаются к многополярности; Китай лидирует в этом принуждении, и подлинным героем года является, несомненно, Си Цзиньпин; Россия участвует в этом усилии, несет издержки, как любой пионер нового времени; пользуется конъюнктурой в своих интересах, иногда очень умело (на своем историческом опыте); учится ценить партнерства по их долгосрочному а не сиюминутному потенциалу (на опыте Китая); может сыграть более серьезную роль в этом принуждении, для чего, помимо новой модели внешней политики, ей все более требуется новая экономическая модель. Здесь необходимо разрешение внутреннего спора — как это происходило у нас, как это происходило в Китае и происходит сейчас в США. Хотелось бы в этом разрешении внутреннего спора обогнать американцев. В отличие от многих других вещей, это — реально.

20.12.2014

ДВА-ТАЛИБАНА-ДВА

Третья мировая война не будет нефтяной

Не стучите, и не стучимы будете

В 2015 году Foreign Policy включил в свой традиционный почетный список «мыслителей современности» не Алексея Навального, а Владимира Путина. Тем не менее освещение президентского послания Федеральному собранию в западной прессе навязчиво жонглировало двумя именами: Путин-Навальный, Путин-Навальный. По той причине, что бывший «мыслительный столп» подгадал к дню послания детальнейший, в украинском стиле, компромат на руководство российской Генпрокуратуры.

Естественно, что из России это жонглирование представляется беспомощной тупостью западного агитпропа, очередным признаком вырождения еще недавно грозной машины информационно-психологического оружия. Ведь у нас теперь не только узкопрофильные американисты, а провинциальные функционеры «Единой России» знают теперь и имя профессора Джина Шарпа, и чуть не наизусть учебник так называемых ненасильственных революций. И когда среди прижатых налогом дальнбойщиков обнаруживаются НПО-шники, накануне обучавшиеся в Штатах «организации гражданского общества», наша пропаганда говорит: маска, я тебя знаю. Благо успели, видимо, изучить и скрининг-доклад Беркмановского центра Гарварда за 2010 год, где чуть ли не первым из социальных «уязвимых сообществ» числились автомобилисты. Благо хлопотуны о гражданском обществе и искатели уязвимых групп на западные гранты теперь подлежат регистрации в качестве иностранных агентов. И в итоге менеджеры National Endowment for Democracy, Open Society Foundations и прочих «неравнодушных» опекунов вынуждены подсчитывать упущенную выгоду и искать другие страны-мишени (target nations) для применения своих талантов.

Более того, российское пропагандистское иновещание, распространившее свои мощности на пространстве от Латинской Америки до Индонезии, стало не только «коллективным агитатором», но и центром притяжения для массы молодых и активных репортеров и стрингеров, пылко отрицающих несправедливый американоцентричный миропорядок.

Доказательство тому — вошедший в обиход западного военного и политического истеблишмента термин «гибридной войны» — будто бы некоего нового оружия, изобретенного за кремлевскими зубцами. Когда успехи нашего виртуального оружия приумножаются неожиданным блеском физических войск, свидетельством боевой силы авиации и ракетостроения, не считаться с нашей страной, не посвящать ей ежедневные заголовки на первых страницах уже невозможно. При этом даже самые пристрастные западные авторы «путинологического» (в терминах Леона Арона) направления не могут отрицать, что «гибрид», а если быть точными — сплав отечественной физической и виртуальной мощи достигнут, в отличие от Китая и Турции, без ограждения общества информационными барьерами, без полицейских осад нелояльных медиакомпаний, без отключения Twitter и Facebook.

Весьма показательны были итоги дискуссии в US Army College под эгидой Центра стратегических и международных исследований (CSIS), совмещенные с имитационной игрой между армиями «красных» и «синих». Один из участников — военный эксперт Джозеф Джилберт — рассказывал, что задачей игры было исследование трех рисков. Первый, чисто военный, касался вероятности военного вторжения России в Прибалтику. Второй исследуемый риск состоял в возможности такого националистического (а вовсе не либерального) бунта в России, при котором доступ к стратегическому оружию мог бы достаться русским радикал-империалистам. Третий — гипотетическая ситуация «дворцового заговора» аля путч 1991 года. Все три вероятности были расценены как минимальные, т.е. было признано, что наша власть: а) всерьез, б) надолго, в) не поддается импульсам, ставящим второстепенное выше главного. Что касается имитационной игры, то в ней выиграли «красные», то есть воображаемые русские, по двум причинам: а) «красным» нужно выиграть, а не добиться равновесия, б) «красные» (внимание!) гораздо меньше, чем «синие», отягощены «условностями и обязательствами». И ведь что правда, то правда: российский Конституционный суд в одной ситуации может признать приоритет международного права над национальным, а в другой, когда принятой уступкой внешние стороны начинают злоупотреблять, — принять решение ровно противоположное. Почему? Потому что высшая судебная власть нашей страны не стала так называемой «группой влияния». Согласно Национальной стратегии публичной дипломатии и стратегических коммуникаций, принятой в США в канун выхода на сцену «технологий 2.0», правовое

сообщество, пресса и экспертные круги страны-мишени являются приоритетными «группами влияния», через которые (а не только через НПО) можно непосредственно задействовать «уязвимые сообщества» или поставить в тупик власть — именно такую роль правовая элита Египта сыграла в 2011 году при отрешении Хосни Мубарака.

Когда элитные круги государства, которое мы в нескольких поколениях привыкли называть «потенциальным противником» (в мировой войне), признает наши преимущества именно в том, что нашу власть не удалось сделать слепым колониальным инструментом, можно, конечно, порадоваться. Однако похвала от бывшего «потенциального противника», а сегодня, если быть точными — от ценностного антипода нашей страны — имеет свою оборотную сторону. Она создает головокружение от успехов, а такое головокружение имеет свойство порождать аберрацию восприятия. Например, мы слышим в наш адрес некое уступчиво-двойственное суждение, а оно нам (нашему пропагандистскому сообществу) кажется похвалой. Второй нехороший эффект головокружения от успехов — это потребность в новых похвалах, своего рода «жажда оценки» от заокеанских инстанций, которые глубоко в подсознании даже очень искренних патриотов воспринимаются как вышестоящие.

Чтобы не быть голословным, приведу три примера. Пример первый связан с уходом из Персидского залива американского авианосца «Теодор Рузвельт» в октябре 2015 года. Это действие американской стороны подавалось гостелеканалом «Россия-24» как знак признания Вашингтоном того факта, что Москва перехватила инициативу в регионе, то есть чуть ли не как отступление Америки. Фактически авианосное присутствие в Заливе прерывалось: а) всего на два месяца; б) согласно решению, принятому еще в августе; в) на фоне жесткого спора о военном бюджете в Конгрессе, который был 30 октября разрешен путем повышения потолка госдолга. Главной же предпосылкой временного ухода из Залива было достижение доверия между Вашингтоном и Тегераном. И именно по этой причине «ястребы», оппонировавшие этому решению, ссылались на то, что «обезоруживание» морского пространства будет болезненно воспринято «по другую сторону Залива», то есть в Саудовской Аравии и Катаре. К сожалению, пропагандисты не потрудились отследить политическую и экономическую конъюнктуру военного решения, прежде чем делать шапкозакидательские выводы.

Пример второй связан со статьей президента Совета по международным отношениям (CFR) Ричарда Хааса, вышедшей в свет поздним вечером 24 ноября и посвященной удару турецкого истребителя по российскому бомбардировщику, уже последовавшей государственной реакции на этот удар и визиту в Россию президента Франции, только что побывавшего в Вашингтоне. Эта статья была воспроизведена на отечественных медиа-ресурсах без первых двух абзацев и последней фразы и приобрела посредством такого обрезания комплиментарный вид. В подправленном виде первое лицо надпартийного института, десятилетиями выполнявшего функцию, аналогичную идеологическому отделу ЦК в Советском Союзе, оказывался еще одним союзником нашей страны в споре с турецким руководством. На самом деле Ричард Хаас счел в этот день необходимым успокоить широкий, особенно «ястребиный», американский экспертный круг, призвав его не бить глобальную тревогу по поводу «неконтролируемого» поведения как Турции, так и России, а отнестись к этой ситуации прагматично. А именно использовать ее для оказания влияния на обе стороны. И при этом не возмущаться тем, что Франция настроена видеть русских своим союзником в сирийской кампании против ИГИЛ (организация запрещена в России). Если французам так хочется, не нужно им мешать, написал Хаас. Что касается характеристик России (в двух первых абзацах) и Турции (в третьем и четвертом), то она была в равной степени пренебрежительной.

В Военной доктрине информационного противоборства США, принятой в начале правления Джорджа Буша-младшего (тогда Ричард Хаас за свой доклад по арабскому миру и получил высшую должность в CFR), присутствует термин «стратегическое умолчание» (*reticence*). Так, Буш в публичных выступлениях записывал в актив Вашингтона состоявшиеся «цветные революции 1.0» (Грузия, Украина, Киргизия, Ливан), но умалчивал об аналогичных проектах, которые провалились (в Венесуэле, Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Албании). Проводя параллели с Леонидом Брежневым, можно применить к подобному умолчанию расхожий термин советского «периода застоя» — лакировка (точно так же финансовые подтасовки бушевской семейной компании Enron — то же, что у нас называлось припиской).

Если государственные СМИ приуменьшают наши внутренние проблемы, отвлекая внимание на внешний мир и нашу особую роль в мировой трансформации, — это подлинно стратегическое умолчание: отучившись от самобиче-

вания и «чернухи» 90-х годов, мы лечим неустойчивые души надеждой, а внешнему миру демонстрируем свою стойкость, контрастирующую с паникой стран «старой Европы». Однако если пропагандист произвольно выбирает из оценки заведомо влиятельного западного стратега (из уст Хааса обычно исходят целеуказания для американской внешней политики) только «позитив», отбрасывая суть месседжа, и особенно если кажущееся «ободрение» нашей страны доводится до лиц, принимающих решение в Кремле (посредством жирного подчеркивания «подходящих» фраз), — это совсем иной вид умолчания. Это скорее можно сопоставить с докладом Горбачеву о том, как на местах замечательно внедряется кооперативная реформа, с умолчанием о том, как разверзающаяся фискальная дыра истощает союзный бюджет.

Есть умолчание и умолчание. Точно так же: есть разоблачение и разоблачение.

Пример третий. Когда экс-либерал Георгий Бовт (в последнее время число либералов, переквалифицировавшихся в патриоты, растет как-то подозрительно) в гостелеэфире рассказывает, что в бизнес ИГИЛ вовлечен целый ряд стран, это полезно и познавательно. Но вслед за полезным разъяснением следует сожаление о том, что Турцией не занялась организация под названием FATF, — аналитика меняет качество. Дело не в том, что в черном списке произвольно (с международно-правовой точки зрения) созданного надзорного ведомства фигурировала не только «Турция наряду с Зимбабве», но и наша страна, в то время как Гаити и Экваториальная Гвинея там никогда не значились. Дело в том, что, адресуясь произвольно выбирающей жертв в конфискационных целях международной инстанции, мы, во-первых, признаем авторитет этого «надзирателя», а во-вторых, что еще хуже, «доводим до ее сведения» о непорядках у географического и цивилизационного соседа. То есть выступаем перед этим колониционным по предназначению ведомством с позиции «снизу вверх» — как школьный ябедник.

До сих пор Россия вызывала восхищение широкой аудиторией, в равной степени на Западе и Востоке, последовательностью и решимостью в отстаивании исторической памяти и справедливости (в истории с украинским переворотом и спасением Крыма от бандеровской инфекции), а затем в поддержке осажденного смертельным врагом союзника, его государственности и уникальной культуры (в истории с Сирией) и давала понять, что за ценой не постоит, приводила лидеров бывших империй в состояние стыда и неловкости, а

«нерешительного Обаму» доставляла под огонь внутренних критиков. Эта тактика была в равной степени рискованной и выигрышной, и этот выигрыш после удара Каспийской флотилии стал переходить в материальную форму на оружейном рынке. Удар турецкого истребителя с военной точки зрения предоставил дополнительную свободу действий — оправдал предоставление осажденному союзнику мощных противоракетных средств, подтолкнул на его (и нашу) сторону правительство Ирака. Но в политической сфере одна за другой стали звучать фальшивые ноты, диссонирующие с нашим собственным, планомерно культивированным образом воителя и защитника. Не может воитель и защитник быть одновременно ябедником.

Бывает в истории так, что воитель и защитник является одновременно вынужденным вассалом: так было с Александром Невским, громившим тевтонского интервента, но платившего дань Орде. Однако вассальные отношения отличаются от колониальных политически и стилистически. Как только вассал начинает наущничать суверену на своего соседа или, предположим, некий князь сдает наместнику брата, на вассала с этого момента смотрят как на холопа. «Стук» в FATF (Transparency International, OCCRP, ICIJ и т.п.) на другую страну, будь то даже Украина — это холопство.

Мало того, в сегодняшней мировой ситуации аналог Орды, то есть превосходящей по потенциалу империи — это не Соединенные Штаты Америки. И именно в 2015 году влияние Вашингтона на мировые события беспрецедентно сократилось, а влияние Поднебесной империи в ее новой реинкарнации — беспримерно, фантастически возросло. Разумеется, мы догадываемся, что именно это уравнивание сил предоставляет нам возможность вольнее вести себя на мировой арене, чем когда-либо. И не только нам, но и куда меньшим по размеру и потенциалу странам — от Египта, военный лидер которого пришел к власти вопреки желаниям и расчетам американских элит, до маленькой Македонии, где сорвался последний из суррогатных переворотов новейшего времени.

В этом меняющемся мире мы могли позволить себе невиданную роскошь — игры на противоречиях в лагере бывшего «потенциального противника», провоцировать их клеветов друг против друга в разных точках мира — от Украины до далекой Малайзии.

Но ни в коем случае не давать провоцировать себя в интересах одного американского клана против другого. И ни в коем случае не докладывать на другую страну в ту инстанцию,

которая — пока что — имеет санкционные рычаги влияния и на твою страну, на ее экономику, а не только на произвольно избранных влиятельных лиц и их родственников. Поскольку это два разных качества политики — приличествующий и не приличествующий полюсу мирового влияния.

Конфискационная самооборона Америки

Год 2015-й начался с шокировавшего Вашингтон вступления в учрежденный Китаем Азиатский банк инфраструктурных инвестиций ведущих европейских стран вслед за странами АСЕАН, а закончился установлением стратегического партнерства Китая с Великобританией, в которой есть и французский элемент, а именно участие EDF в проекте реконструкции британской АЭС Hinkley Point. Экономический рычаг Китая — владение американскими долговыми обязательствами — лишь один из «крючков», за который Пекин цепко удерживает Вашингтон. Другой крючок — зависимость от импорта множества категорий доступных потребительских товаров. Третий — та самая идеологически привилегированная отрасль альтернативной энергетики, то самое материальное выражение «прогрессистских» ценностей, которое не воплотить в реальности, даже пропаганды ради, без китайских лантаноидов.

Очень разные элиты очень разных стран мира тянутся сегодня к Китаю не потому, что очарованы китайской культурой, не потому, что подвержены влиянию китайской пропаганды (она пока что сильна только в обороне), и даже не по соображениям выгодных инвестиций. Страны мира — от Аргентины до Грузии, от Таиланда до Зимбабве, от Греции до Молдовы — осознанно или неосознанно ищут у Китая защиты от метастазов злокачественного недуга, исходящих из-за океана. Слишком очевидны разрушительные итоги экспериментов по «ломке менталитета» — будь то в Восточной Европе, Латинской Америке или Африке, а последним «моментом истины» стал, несомненно, Ближний Восток с ИГИЛом. Ключевое преимущество мягкой власти США, по Дж. С. Наю, автору этого термина, — привлекательность американской модели — больше не работает. Именно по этой причине некоторые американские военные аналитики, в частности Джеймс Холмс из Navy War College, предлагают вовсе не тратить на массивные и длительные информационно-пропагандистские кампании в странах-мишенях, а прибегнуть вместо этого к обыкновенной серии с физических диверсий с расчетом на «кумуля-

тивный эффект» (статья Холмса вышла за неделю до взрывов в китайском Тяньцзине).

Финансовые проблемы то и дело озвучиваются Белым домом в споре с Конгрессом. Например, когда Барак Обама упрекал своих экспертов в том, что ему вместо аналитики по Ближнему Востоку предлагают «мумбо-юмбо», в следующей фразе пояснялось: «...непонятно, с чего они (советники. — К.Ч.) предлагают начать и сколько нам это будет стоить».

Расходы на суррогатные революции окупались конфискацией имущества «клятых» диктаторов, членов их семьи и лояльных режиму олигархов — от Туниса до Украины (доселе не получивших из США даже конфискованных 15 лет назад активов Павла Лазаренко). Но чем больше накапливалось негативного опыта, тем более затратными становились «цветные» смены режимов. Кончились не стратегии и не человеческие (если сказать точнее — недочеловеческие) ресурсы. Кончились деньги на долгосрочные дестабилизационные операции. Соответственно, способ решения своих бюджетных проблем за чужой счет стал другим: теперь он состоит в грубой и безапелляционной конфискации или точечных санкциях — от компаний до спортивных ассоциаций, от физических лиц до отдельно взятых месторождений природных ресурсов на чужой территории. В прошлом году жертвами самых внушительных государственных (формально ведомственных) вымогательств стали британская корпорация British Petroleum и столь же именитый германский концерн Volkswagen, а среди банков — Deutsche Bank, несмотря на привилегированный статус — при ФРС. И соответственно, совершенно особый статус «волков-добытчиков» приобрели финансовая разведка Федерального казначейства (OFAC) и Агентство охраны окружающей среды (EPA), на которое точили зубы индустриалисты из Конгресса (из обеих партий), но безрезультатно.

Если этот хватательный рефлекс не применяется направо и налево, то только в силу «условностей и обязательств», которые, как признавали сценаристы игры в CSIS, отягощают ныне не только страны-мишени стратегии США, но и саму Америку. Прежде всего обязательств — перед Китаем, в силу вышеназванных «крючков», благо таких возможностей диверсификации экспорта, как у Китая, нет ни у кого. В куда меньшей степени — перед еврассалами, поскольку на них Америка имеет пока собственные «крючки».

Англо-китайский банк HSBC попал под «каток» американских ведомств в связи с делом ФИФА. Но вдруг обнаруженные злоупотребления Зеппа Блаттера были для этого не единст-

венным поводом. В конце апреля этого года выяснилось, что Лондон не просто «смотрит направо» (в сторону Китая), но и пытается выстроить нечто вроде собственной квазиимперии в новой ипостаси. На торжествах памяти битвы при Галлиполи, помимо принца Чарльза, присутствовали премьеры Канады, Австралии, а также главы малых, но крайне специфических африканских и восточноевропейских государств, включая Нигер, Гану, Южный Судан, Боснию, Албанию и Косово. Любого специалиста по наркотрафику такой набор наводит на определенные мысли, — особенно если учесть, например, предпочтение Южного Судана куда более близкому Турции Судану со столицей в Хартуме. За океаном отреагировали не сразу: ждали исхода выборов, ведь сам личный имиджмейкер Обамы, Дэвид Аксельрод, обслуживал тогдашнего лидера лейбористов Эда Милибэнда. И только когда британский народ отверг экологическую программу протеза Белого дома, а тори, вопреки расчетам, получили уверенное большинство, финразведка и ФБР ударили по полной программе; HSBC был вынужден частично свернуть бизнес в Англии со сменой бренда и полностью свернуть его в Турции.

Лондону не позволили выстроить независимый от Штатов центр глобального влияния, в котором Турция оказывалась в вассальной роли. Но не прошло и полгода, как Си Цзиньпин прибыл в Лондон и был принят с необыкновенным торжеством всей королевской фамилией, кроме принца Гарри, а сделка по Hinkley Point поставила жирную точку в идеологическом споре Кэмерон-Милибэнд. Таким образом, старания вашингтонских ведомств предотвратить создание альтернативного полюса влияния привели к тому, что семья Виндзор-Маунтбаттен предпочла субъектность, пусть на очень сомнительных основаниях, статусу прямого вассала Китая. Вряд ли этого хотели Барак Обама и Джек Лью, но ничего поделать не могли. Точно так же — не смогли воспрепятствовать: а) первой с 1949 года личной встрече лидеров Китая и Тайваня; б) встрече Ли Кэцзяна с лидерами Японии и Южной Кореи с зарыванием «топора войны»; в) приглашению Китая на саммит АСЕАН проводящей этот саммит самой «антикитайской» страной региона — Филиппинами.

В канун саммита АСЕАН Белый дом собственноручно притормозил приглашение новых членов в свое драгоценное Транстихоокеанское партнерство, — чтобы не опозориться перед лицом отказа. Никогда еще Обама не подвергался таким нападкам за «нулевое лидерство», как после саммитов АСЕАН и АТЭС. После чего в кулуарах буквально топал нога-

ми на лидеров Конгресса, принуждая их согласовать поэтапное увеличение госдолга, чтобы прекратить уже ставший регулярным «позор на весь мир» с так называемыми «остановками правительства».

Но тот итог саморазрушения, с которым Соединенные Штаты завершат этот год, не только посткризисный результат «отказа» прежде совершенного механизма сбыта гособлигаций (бондов) и роста притяжения Поднебесной. Есть еще одно обстоятельство, тянущее потенциал Вашингтона на дно, — обстоятельство, не распознанное, к сожалению, российской экспертной элитой и не перенесенное на уровень многоадресной пропаганды. Это обстоятельство — клановый раскол американской элиты, уходящий корнями в середину 1990-х годов, а если быть точнее — к 1996 году, когда за пост госсекретаря США конкурировали Мадлен Олбрайт и Томас Пикеринг.

Роль этого раскола возрастала тем больше, чем дальше воплощалась в самой Америке и в ее фактических колониях постиндустриальная парадигма; чем больше приумножались ряды интернетизированной молодежи с массовым врожденным дефектом идентичности, превращаясь в мировое перекачиполе без рода и племени; чем больше сектор энтертейнмента вытеснял сектор производства; чем больше в этом секторе плодилось, размножалось и диверсифицировалось потребление средств, изменяющих восприятие и деградирующих личность; чем больше, в конечном итоге, политика Соединенных Штатов и Европы определялась не столько в Вашингтоне и Брюсселе, сколько в городе Кабул и провинции Гильменд.

Кто был в Мосуле римским папой?

Как мы помним, сценарий «арабской весны», вызвавший резкое неприятие одновременно в Израиле и Саудовской Аравии, сводился к свержению и экспроприации «диктаторов» с передачей власти партиям, принадлежавшим к течению ихванизма, т.е. «Братьям-Мусульманам». Сценарий фактически разрабатывался с 1994 года, когда после насильственного прихода к власти «просвещенного» эмира Катара в столице маленького эмирата стал строиться Город образования с филиалами американских университетов — от Гарварда до RAND Corp. Необходимый инструмент для тотального (как планировалось) «сноса диктатур» в 2011 году предоставили изобретатели Facebook и Twitter, а многосторонняя подготовительная работа велась Центром Ближнего Востока Brookings, его дочерней структуры POMED, а также в «цифровом» аспекте —

Беркмановским центром Гарварда. Столь же хорошо известно, что к этому процессу подключилась Турция, когда Башар Асад не захотел делиться властью с местными ихванами, а затем предоставил широкое самоуправление курдам на периферии страны. Вначале пожертвовавший собой Каддафи, а затем Асад не позволили этой эпидемии распространиться на все страны региона, а затем проект ихванской «реформации» — ее всерьез ставили в один ряд с христианской Реформацией времен Лютера — был свернут.

Тогда, в конце 2012 — начале 2013 года, потерял влияние и катарский эмират, и духовный наставник ихванов Юсуф Карадави. Это произошло после прихода на пост госсекретаря Джона Керри, благодаря усилиям мощного лобби с собственной сетью, центром и институтами, вовлекавшими в процесс американскую иранскую диаспору. Это был реванш Томаса Пикеринга, главы Американско-Иранского совета (позже — консультативного совета Национального Ирано-Американского совета), над Мадлен Олбрайт и ее заместителем, президентом Brookings Стробом Тэлботтом. Поводом для этого реванша было так называемое «дело Бенгази» — история с убийством посла США в Ливии Криса Стивенса сразу же после его встречи с турецким консулом в Бенгази. И тогда же, формально под предлогом разбалтывания государственной информации любовницам, должность главы ЦРУ потерял Дэвид Петреус, армейский генерал с длительным сроком службы в Ираке, а затем глава контингента международных сил (ISAF) в Афганистане.

Имена Хиллари Клинтон и Дэвида Петреуса в последнее время часто упоминались в одном контексте. Менялась только коннотация, и в этом были определенные закономерности. Как и в 2013 году, когда в Афганистане все никак не мог закончиться торг о власти между «клинтоновцем» Ашрафом Гани и «байденовцем» доктором Абдулло, телодвижения Белого дома непосредственно зависели от афганских раскладов.

Летом 2015 года, на подготовительной стадии борьбы за номинацию от Демократической партии за президентский пост, над фаворитом гонки Хиллари Клинтон нависли сразу три тучи. Одним предметом неумного интереса парламентских и общественных расследователей была деятельность Clinton Foundation. Сначала было отмечено, что его средства — например, на помощь государству Гаити после землетрясения — были скорее бизнесом, чем пожертвованием. Затем прицельный интерес был привлечен к источникам пожертвований, а заодно — к персоналиям из ближнего круга экс-гос-

секретаря и совмещению их прямых обязанностей с частным лоббизмом. И чем дальше, тем регулярнее упоминались суннитские страны — от Катара до Пакистана. Весьма колоритной фигурой была заместитель главы штаба, а в пору госсекретарства Клинтон (причем именно в период «цветных революций» в Магрибе) — ее помощница по имени Хума Абедин, мусульманка из Индии, отец которой в Саудовской Аравии возглавлял Институт мусульманских меньшинств (где, судя по специализации, изучались такие регионы, как Северный Кавказ, Татарстан, албанские провинции Македонии и пр.), а родной брат работал в Центре Ближнего Востока Колледжа Св. Антония в Оксфорде. Напомним, в этом колледже учился профессор Джин Шарп и будущий глава Британской Академии Адам Робертс, а в середине 2000-х именно в Центре Ближнего Востока проводился теоретический диалог с интеллектуальным слоем «Братьев-Мусульман» (ихванов). Как раз летом Центр Ближнего Востока переместился в новое хайтековское здание, спроектированное знаменитой Захой Хадид, на фото в Guardian Заху обнимала за пояс Моза — супруга бывшего и мать действующего эмира Катара. Самой же скандальной фигурой в разоблачениях по линии Clinton Foundation оказался некто Имад Зубейри — попавшийся на взятках лоббист пакистанского бизнеса, ранее также по совместительству лоббист правительства Шри Ланки, а в дополнение к этому — член правления Национального координационного совета оппозиционных и революционных сил Сирии (НКОРС).

Вторая линия расследований касалась тех самых событий осени 2012 года, когда в Ливии погиб посол Крис Стивенс. Этот предмет интереса парламентского расследования, которым руководил специальный избранный комитет Палаты представителей, затрагивал карьерные интересы не только отставных (в частности, генерала Петреуса), но и действующих федеральных чиновников, в особенности помощника президента по национальной безопасности Сьюзен Райс, которая в 2012 году по протекции Клинтон должна была стать ее преемницей, но место занял Керри. Можно было ожидать саботажа не только со стороны СНБ, но и со стороны руководства ФБР, ибо его глава Джеймс Коуми получил должность, воспользовавшись «бостонским делом», вопреки Керри, который лоббировал своего человека в СНБ — заместительницу Райс по контртеррору Лайсу Монако. Тем не менее комиссии удалось получить поддержку со стороны главного инспектора Госдепа и, что важнее, — главного инспектора офиса Директора национальной разведки.

Поводом для присоединения к расследованию двух профильных государственных инспекторов был третий пласт сомнительной деятельности Хиллари Клинтон, а именно пользование частным интернет-сервером для государственных нужд, в том числе для частного общения с официальными и неформальными помощниками по вопросам, являющимся предметом гостайны. Вначале число выявленных писем, имеющих «чувствительное содержание», ограничивалось пятью, позже называлась уже цифра 400. Параллель с информационной неряшливостью Петреуса в 2012 году напрашивалась; стали всплывать имена его подчиненных, причастных к темной ливийской истории, когда посол Стивенс, по одной версии, вскрыл нелегальный канал поставки оружия между Бенгази и турецким портом Инджирлик, по другим — сам был замешан в этой контрабанде и устранен конкурентами.

В прессе уже успел сложиться термин «новый Уотергейт», хотя по степени резонансности и по охвату бывшего и действующего чиновничества это дело из трех вышеназванных аспектов — будь оно доведено до конца — вполне потянуло бы на пресловутую «аферу Иран-Контрас», которая помогла в 1980-х годах прославиться одному из ключевых разоблачителей — сенатору Джону Керри. Весьма показательно, что, когда председателю избранного комитета по делу Бенгази, республиканцу Трею Гауди, предложили почетный и во всех отношениях привлекательный пост главы республиканского большинства Палаты, он отказался, прямо пояснив, что предпочитает остаться главой комитета по Бенгази, ибо маячила слава, перевешивавшая должностные привилегии.

Будь это дело (или даже отдельный эпизод в части цейлонско-пакистанско-сирийского махинатора) доведено до конца, Россия, как игрок на Ближнем Востоке с десятилетиями опыта и весом дипломатического багажа, получила бы тот «зеленый свет», который ей был остро необходим не для «отвлечения внимания от Украины», как любят рассуждать злопыхатели, а для выстраивания каркаса влияния и доверительных отношений, основанного на фактуре, а не на догадках и конкурентных амбициях региональных политиков и неформальных влиятельных лиц. Для этого был серьезный политический шанс, поскольку расследование клинтоновских делишек было тем «топливом», на котором собирался взлететь единственный конкурент Хиллари с ресурсом широкой популярности (как успели установить — с самым низким отрицательным рейтингом) и с укорененностью в элитах, несмотр-

ря на происхождение «из низов») — обаятельный и опытный Джозеф Байден.

О том, что позиция Байдена по Сирии отнюдь не тождественна позиции Хиллари Клинтон, было известно и российским дипломатам: в Москве это было известно задолго до его обидной фразы в адрес турецкого руководства, за которую ему пришлось извиняться. Весной 2011 года, когда в Сирии уже начался гражданский конфликт, в «Независимой газете» накануне визита Байдена в Москву проскользнуло упоминание о том (со ссылкой на неофициальный источник), что именно Байден в американском руководстве наиболее терпим к присутствию российских интересов в Сирии и с ним уместно, на случай повторения в Сирии «твиттер-переворота» по египетской модели, обсуждать сохранение нашей военной базы в Тартусе. Дипломатия периода «тандема», с ее угодливой непритязательностью, была готова удовлетвориться малым, не нарушая «перезагрузочной атмосферы», и была готова на торг в обмен на тогда непонятную перспективу в регионе.

К концу весны 2013 года ситуация в регионе коренным образом поменялась. Смена власти в Иране в пользу заведомо договороспособных элит, с которыми NIAS под кураторством Пикеринга и руководством Триты Парси, американского иранца с зороастрийскими корнями, вел давнюю непубличную дипломатию, открыла для США новые возможности. Ставка обновленного Госдепа на партнерство с Ираном, более того, на превращение Ирана в опорную страну американского влияния, выразилась и в том, что фактически доминирующая в регионе Турция мягко, но решительно «принуждалась к демократизации». Когда ничтожный повод (вырубка четырех деревьев в стамбульском парке Гези для строительства стилизованного под старинные казармы торгового комплекса) вылился в затяжную протестную кампанию с выходом на сцену всех «уязвимых групп» и «относительно неудовлетворенных» меньшинств всех цветов и оттенков, как в позднюю горбачевскую перестройку, лояльная премьеру Эрдогану пресса опубликовала добытую разведкой распечатку переговоров между тремя лицами — Джоном Керри, экс-послом Турции в США Намиком Таном и послом Великобритании в США Питером Вестмакоттом. Это был очень неслучайный набор имен: Вестмакотт женат на сестре опального (осужденного в США за крупные вексельные махинации в 2009 году, при госсекретарстве Хиллари) американо-иранского финансиста Хасана Немази, который спонсировал сенатские кампании как Керри, так и Байдена и входил в правление интеллектуаль-

ного центра National Security Network (NSN) вместе с Ричардом Холбруком, Уэсли Кларком и Сэнди Бергером.

Имя Ричарда Холбрука (Гельбрайха), «архитектора Дейтонских соглашений» (вместе с Кларком), в 2009 году «мобилизованного» Обамой с пенсии для выполнения трудной миссии спецпредставителя в Афганистане и Пакистане и скоропостижно скончавшегося от разрыва аорты после напряженной беседы с Хиллари Клинтон в ноябре 2010 года, неоднократно всплывало в американской публицистике четыре с половиной года спустя — прежде всего в связи с заключением сделки по ядерной программе Ирана. Он не дожил до ключевого этапа этих переговоров, но он вместе с Пикерингом и активом иранского и ливанского лобби в США заложил основы того направления, которое делало ставку на шиитский мир и на строительство оси, соединяющей США, Иран и Индию (откуда был родом Хасан Немази). В канун сессии Генассамблеи ООН, где яркая речь Владимира Путина стала без преувеличения главным событием, никто так последовательно и заинтересованно не оправдывал действия российских военно-космических войск в Сирии, как профессор Джорджтаунского университета Вали Наср — сын иранского богослова Хоссейна Насра, член CFR и старший советник Ричарда Холбрука в период его работы в Афганистане.

Статья профессоров Гордона Голдстайна и Фредерика Лоджволла на портале Politico, опубликованная 6 декабря 2015 года, так и озаглавлена: «Как нам сегодня нужен Ричард Холбрук!». Но этот текст, где цитируется высказывание Холбрука: «О Джо Байдене будут писать будущие историки», — звучит ностальгически, как похороны несбывшихся возможностей. И для этой интонации есть причина: Байден не решился вступить в президентскую гонку. Как говорят инсайдеры, из его уже сформированного и сплоченного избирательного штаба «вышел воздух» во второй половине дня 19 октября. А 22 октября слушания по делу Бенгази обернулись не сотрясением рядов истеблишмента, не импульсом очищения элиты, как это было с делом «Иран-Контрас», а простым выпуском пара. И еще за день до слушаний (публично Байден объявил об отказе от президентской заявки 21 октября) этот «floor» был уже определенно запрограммирован: как ликующе сообщила Хума Абедин, в кампанию Клинтон, не дожидаясь слушаний, уже посыпались звонки от новых доноров.

И именно 19 октября министр иностранных дел Катара позволил себе немислимую доселе агрессивную реплику в адрес сирийского коллеги Валида аль-Муалема, грозя вой-

ной, хотя и не располагая сколько-нибудь сопоставимым военным потенциалом. Разумеется, он грозил не собственным войском, а собственным влиянием, которое вдруг снова, откуда ни возьмись, восстановилось. Несмотря на то, что за два предшествующих года проект «ихванизации» стран Магриба, прикрытый флером «волшебства» твиттер-и-фейсбук «самоорганизации масс» в арабскую весну, казалось бы, безвозвратно демонтировался и ушел в прошлое вместе с модой на турецкую модель политического ислама.

Можно было заметить, что воодушевился не только глава катарской дипломатии. Воодушевилась весьма влиятельная группа военного истеблишмента с иракским и афганским опытом, связанная карьерой с Дэвидом Петреусом. Британский психолог Тим Харфорд в опубликованной в 2010 году популярной книжке «Через поражения — к победе. Законы Дарвина в жизни и бизнесе» приводил Петреуса и его приближенных в Ираке в качестве примера success story:

«Для США ситуация в Ираке стала меняться за несколько месяцев до кровавых событий в Хадите и печально известной пресс-конференции Дональда Рамсфельда. Первые проблески успеха стали заметны весной 2005 г. в городе Таль-Афар. Этот центр контрабанды стал оплотом суннитских экстремистов и базой для прибывающих из Сирии иностранных боевиков, которых там вооружали, обучали и отправляли в разные районы Ирака для борьбы с шиитами, войсками союзников и коллаборационистами (кто вооружал сирийских суннитов еще в 2004 году, не сообщается. — КЧ). В это время значительная часть армии США в Ираке располагалась в пунктах передового базирования (F.O.B. — forward operating base), где вели жизнь столь размеренную, что к ним быстро приклеилось прозвище «ФОБбиты». Один из экспертов по борьбе с терроризмом назвал редкие вылазки на бронетехнике из таких баз «экскурсиями в ад». Джон Нейгл, служивший в Ираке с 2003 по 2004 г., быстро понял, что на сотрудничество местных жителей рассчитывать не приходится. Некоторые иракцы действительно ненавидели американцев, однако большинство отказывалось от сотрудничества не поэтому, а из чувства страха перед расправой после ухода американских войск». Далее Харфорд воздает хвалу Джону Нейглу и еще одному военному — полковнику Х, имя которого затем все же раскрывает — Герберту Макмастеру. Эти два человека стали проводить специальные тренировки по налаживанию контактов контингента с иракцами, с изучением и культуры, и быта, и религиозных структур иракского общества. Точно так же дейст-

вовал, по его словам, еще один способный полковник по фамилии Шон Макфарленд. Харфорд воздает им хвалу за то, что они не исполняли формальных инструкций начальства, т.е. высших генералов Рамсфилда, Кейси, Абизаида. Полковник Макфарленд воспроизвел опыт Тель-Афара в городе Рамади; проникая в жизнь иракцев и завоевывая их доверие, они смогли сформировать местные ополчения против «Аль-Каиды». Подчиненный Макфарленда, капитан Трэвис Патрикен, «подружился со многими шейхами Аль-Анбара». Эта тактика была оценена новым командующим Дэвидом Петреусом, который тоже действовал «нетрадиционно»: так, **«вопреки приказу уволить всех, кто был связан с саддамовской партией БААС, он не выполнил его и оставил на посту недавно избранного губернатора Мосула, несмотря на то что тот был известен своим баасистским прошлым.** Кроме того, Петреус нашел правовые основания для того, чтобы открыть границу с Сирией. О 101-й десантной дивизии, когда ею командовал Петреус, ходила шутка, что это **единственное воинское подразделение, имеющее собственную внешнюю политику**». О своем опыте в Мосуле Петреус высказался весьма образно: **«Я сочетал обязанности и президента, и папы римского».**

Когда Тим Харфорд сочинял эту апологетическую главу о «непослушных» офицерах, друживших домами с шейхами, о «нестандартном командире», о его друге-антропологе Дэвиде Килкаллине, говорившем: «Будь я мусульманином, я бы стал джихадистом», — он еще не знал, что 9 июня 2014 года тот самый баасистский губернатор Мосула, крупнейшего города Северного Ирака, без единого выстрела сдаст этот город группировке «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), а сама группировка удивительным образом овладеет крупнейшим НПЗ и целым парком военного автотранспорта. Когда вышла в свет эта книга, прессе было неизвестно о том, что именно в Мосуле между ИГИЛ и пост-баасовской «Армией Накшбанди», основанной шейхами, будто бы сам собою образовался некий симбиоз. Вопрос о том, для чего ему понадобилось втайне от начальства открывать сирийско-иракскую границу, мог быть задан Дэвиду Петреусу на слушаниях по Бенгази, сразу после опроса подследственного «общественника» Имада Зубейри. Но ни Зубейри, ни Петреус на слушаниях не присутствовали; испуганный Гауди за несколько дней запретил членам комитета о чем-либо распространяться, а глава республиканского большинства Кевин Маккарти, который покровительствовал Гауди, внезапно отказался баллотироваться на пост спикера

Палаты представителей. Отказался — не по желанию, а после совершенно откровенного и многостороннего шантажа — от деловых связей до личной жизни.

Зато вышеупомнутый соратник и единомышленник Петреуса и Макмастера Шон Макфарленд 23 октября, на следующий день (!) после слушаний, был выдвинут на должность начальника Объединенных совместных оперативных сил операции «Непоколебимая решимость» (Combined Joint Task Force — Operation Inherent Resolve, CJTF-OIR). 7 декабря эти коалиционные силы нанесут удар по позициям армии Сирийской Арабской республики в Дейр аз-Зоре, и ошеломленная эмиратская газета «Аль-Арабия» напишет: «За эту зону сражались только правительственные войска и ИГИЛ. Только сирийская армия мешает джихадистам соединить свои владения в Сирии и Иране. Таким образом, удар содействует ИГИЛ».

О том, что именно Петреус дал неформальную «путевку в жизнь» узнику тюрьмы Camp Висса Ибрагиму Аваду аль-Бадрри, ныне известному как Абу Бакр аль-Багдади, итальянская пресса писала еще весной 2014 года. Но сейчас этих вопросов задавать не принято. Слушания закончены. Забудьте.

Неизвестно, о ком напишут больше книг, но в рейтинг «Человек года» аль-Багдади вошел, а Джо Байден — нет. Об аль-Багдади также пишут, что он еще до пленения был завербован спецслужбами Великобритании. Правда, это было нечто большее, чем вербовка агента. В саудовской газете Sabq в прошлом году сообщалось, что в анналах Британского музея «случайно» оказалось апокрифическое толкование Корана, где предсказывался — столетия назад — приход человека по имени аль-Багдади, который станет Мессией.

Политическое «обслуживание» ИГИЛ и ее «сердечного согласия» с ихванами, в Египте отправленными в 2013 году обратно в подполье, действительно осуществляется британской прессой. Так, Guardian в начале ноября инициировала кампанию по дискредитации спецпредставителя ООН в Ливии Бернардино Леона. «Конфликт» интересов, выявленный «борцами против коррупции, состоял в том, что: а) г-н Леон получает вторую зарплату от одного из государственных фондов ОАЭ, б) г-н Леон причастен к неофициальной продаже оружия правительству Ливии в Тобруке. Разоблачение послужило поводом для жалобы в адрес Пан Ги Муна от имени главы альтернативного правительства в Мисурате. Это альтернативное правительство сформировано ихванским движением «Рассвет Ливии», которое поддерживает египетское подполье и нашло в этом общий язык с местной организацией ИГИЛ, ряды кото-

рой растут в геометрической прогрессии. На следующий день после «близорукой» операции в Дейр эз-Зоре иранские источники сообщили о том, что Багдад находится не в Сирии, а в Ливии. В докладе для СБ ООН, подготовленном накануне, делался тревожный вывод о том, что сколько бы снарядов ни было выпущено по ИГИЛ в Сирии и Ираке, мировому сообществу придется рано или поздно открывать еще один фронт — в Ливии.

Упомянутый в тексте Харфорда Джон Нейгл, заслуживший репутацию бравого вояки «в гуще врага», в 2007 был приглашен на должность президента Центра за новую американскую безопасность (CNAS). «Автором идеи» этого компактного, но очень влиятельного и продуктивного интеллектуального центра была советник главы Пентагона Мишель-Анжелика Флурнуа. В 2009 году мадам Флурнуа сделала доклад по Афганистану для Барака Обамы в соавторстве с экспертом Brookings Institution Брюсом Риделем, автором статьи «Не надо бояться “Братьев-мусульман”», опубликованной 15 января 2011 года и послужившей «аналитическим сигналом» для свержения Хосни Мубарака. Весной 2013 года ее проталкивали на пост главы пентагона — помешала команда Байдена-Керри, и должность занял сенатор Чак Хейгл. Летом 2015 года мадам Флурнуа стала советником кандидата в президенты Хиллари Клинтон по внешней политике, с расчетом на высшую военную должность в США. Почетными сопредседателями CNAS являются Мадлен Олбрайт и экс-министр обороны (в период секретарства Олбрайт) Уильям Перри, также занимающийся вопросами энергонезависимости США в рамках «энергетического проекта» Стэнфорда. В состав правления CNAS его основательница пригласила легендарного экс-гендиректора Lockheed Martin Нормана Огустина, человека, объединившего Lockheed и Martin Marinelli в единый многопрофильный оружейный концерн.

Я «Яц» или не «Яц»?

Пейзаж начала декабря 2015 года: на главной странице Foreign Policy — умильно-льстивая рекламная статья о Мишель Флурнуа и ее организационных талантах, над нею — карикатура на Дональда Трампа, популиста-самовыдвиженца, со звериной шерстью на лице — в жанре «боевых перьев» советского журнала «Крокодил» периода советско-финской войны. Накануне губернатор Огайо Джон Кейсик, в списке кандидатов пребывающий на предпоследнем месте, влил бешеные деньги в демонстративную акцию «Dump Trump» (т.е. «Трампа —

в помойку»), где претензии к популисту сводились не столько к его антииммигрантской нетерпимости, сколько к тому, что Трамп подозрительно «толерантен к агрессии Путина».

Примечательно, что самые высокие цифры рейтинга республиканского кандидата Трампа приходились как раз на тот период, когда на демократическом поле еще более быстрыми темпами (от нуля до 19% за месяц) росли цифры Джо Байдена. Более того, в конце августа-начале сентября, когда пресс-служба Белого дома намекнула на благословение Байдену от действующего президента, именитые эксперты двух ведущих американских телеканалов — либерального CNN и консервативного Fox News — раздавали авансы обоим кандидатам. В эфире NBC News только и слышалось: Байден-Трамп, Байден-Трамп, а гендиректора Fox News Роджера Эйлса агитировали идти на выборы вице-президента в паре с Трампом, хотя накануне Трамп довел до истерики дикторшу того же телеканала. Но как только Байден вышел из гонки, Трампа начали буквально выталкивать следом за ним, и те же его неполиткорректные выпады, которые вчера расценивались как милые «приколы», стали приравняться к «нетерпимости» (bigotry) и «речевому подстрекательству» (hate speech), а Эйлс ретировался в команду Джебба Буша.

У Байдена и Трампа в самом деле было много общего в риторике. Во-первых, главными мишенями обоих были (в эпатажной или мягко-ироничной форме) Хиллари Клинтон и Джеб Буш — два «династических ставленника». С этим «антидинастизмом» сочеталась действительно по-разному обоснованная терпимость к России (с Москвой надо работать, либо Москве не следует мешать). Обоих не жаловала неоконсервативная пресса, в классической форме традиционно произраильская, а если точнее, то настроенная на прерванный Эрдоганом, но желательный альянс Израиля и Турции. Причем если в первом случае недоверие объяснялось достаточно известным проиранским уклоном кандидата, то во втором не объяснялось вовсе никак, но было настолько откровенным, что на конференции Республиканского еврейского конгресса Трамп заявил еврейским активистам: «Я знаю, что вы меня не поддержите, но я без вас обойдусь».

Общественные группы поддержки Байдена и Трампа происходили из принципиально разных «муравейников»: вице-президента жаловали влиятельные прогрессисты, в том числе непосредственно из идеологического центра этого направления — Rockefeller Foundation, в то время как группа политтехнологов Трампа пришла к нему из окружения братьев Чарльза

и Дэвида Кохов, имеющих, напротив, репутацию экоскептиков и чуть ли не гомофобов. Однако способ найма — вопрос сугубо технологический, и, как известно на многих примерах, угодная конъюнктуре риторика вполне сочетаема с частными интересами, ей противоречащими. В то время как «прогрессистская» идеологическая линия превозносит альтернативную энергетику и порицает углеводородную «поллюцию», сам кандидат, не особенно афишируя этот факт, вполне может быть «завязан» в нефтяных интересах. Так, еще в 2013 году достоянием прессы стало присутствие родного сына Байдена и близкого друга Керри в совете директоров компании Burisma, с интересами на Украине. Между тем Koch Industries в 2015 году обозначилась в списке претендентов на Одесский припортовый завод.

Украина и Грузия стали своеобразными индикаторами расклада сил в противостоянии американских кланов. Борис (Бидзина) Иванишвили в своей кампании против Михаила Саакашвили в 2012 году опирался на медиа-ресурс канала TV9, в совет директоров которого вошел собственной персоной почетный президент CFR Лесли Гелб — то самое влиятельное лицо, которое с марта 2012 года убеждало Обаму пригласить Керри (а не Райс) на пост госсекретаря. Как только клановая конъюнктура в США отворачивалась от Байдена и Керри, так сразу же в Тбилиси активизировалось или Единое национальное движение Саакашвили, ждущее, как манны небесной, возвращения к американской власти неоконсерваторов, либо партия «Свободные демократы» Ираклия Аласания, давно «окормляемая» по клинтоновской линии. В свою очередь, раздобытая «Киберберкутом» пленка с голосом Виктории Нуланд, внушающей послу Джеффри Пайэтту, что правильный человек в Киеве — не «Клич», а «Яц», вошла в биографию г-жи Нуланд в Wikipedia.

Помощник главного редактора Foreign Policy Джеймс Трауб, рассуждая в статье от 6 ноября о стиле будущего президентства Хиллари Клинтон, сообщает, что ее либеральные коллеги по Демпартии опасаются, что эта политика будет kaganesque. Термин образован от имени Роберта Кагана — супруга Виктории Нуланд, работавшего с Клинтон и в то же время имеющего теснейшие связи с республиканцами-ястребами. Роберт Каган был инициатором восстановления известного своей «ястребиностью» «Проекта за новый американский век» (PNAC) под новым названием Foreign Policy Initiative (FPI). Еще один соучредитель FPI, Дэн Синор, экс-советник посла Бремера в Ираке, вместе с Дэвидом Петреусом вложил средства в израиль-

скую компанию Windward (обработка спутниковых данных о перемещениях морских судов). Об этом израильская пресса сообщила в связи с тем, что еще один партнер этой компании, генерал Габи Ашкенази, подумывал о политической карьере, — но вовсе не в «Ликуде», а в номинально левой партии «Еш Атид». Впрочем, для Петреуса право-левые комбинации не впервой: он же без проблем партнерствовал с Хиллари. И появился в этом году в Киеве на саммите Yalta European Strategy (YES) вместе с Шимоном Пересом и особо приближенным к чете Клинтон украинским олигархом, зятем Леонидом Кучмы Виктором Пинчуком.

Утечка информации о планах генерала Ашкенази была вполне созвучна слухам о формировании альтернативной коалиции на выборах в кнессет в составе партий «Кулану» — осколка «Ликуда» во главе с уроженцем Ливии Моше Кахлюном, «Еш Атид» и обиженным на премьера «русским» израильским политиком, экс-главой МИД Авигдором Либерманом. Поскольку одновременно говорилось, что выборы в очередной раз будут внеочередными, премьер Нетаниягу (Нетаньяху), не желавший уступать кресло, активно занялся поисками точек опоры — в США и не только. Вначале для него стало очевидно, что Джон Керри, вопреки его проиранской ориентации и пропалестинской риторике, заинтересован в том, чтобы премьером остался именно он. Не только ввиду незаинтересованности в приходе к власти в Израиле петреусовских протезе, но и по той простой причине, что еще один нефтяной интерес Джона Керри сосредоточен на шельфе Израиля — в проекте «Левиафан». На фоне этого очень непубличного компромисса правительство Израиля стало толерантнее и к Дамаску, хотя и не без задней мысли: готовность к согласованию между ЦАХАЛ и российскими ВКС на сирийской границе сочетается с расчетом на легализацию присоединения к Израилю Голанских высот.

План разработки месторождения «Левиафан», с момента его открытия в 2010 году, был предметом конфликта с Турцией в связи с проблемой Северного Кипра: при подписании договора о морской границе Иерусалим и Никосия «беспечно» проигнорировали суверенитет Северного Кипра, не признанный какими-либо странами, кроме Турции.

Энергонезависимость стала актуальнее для Израиля после временного прихода к власти в Египте представителя ихванов Мохаммеда Мурси, инициировавшего пересмотр долгосрочных соглашений по цене на египетский газ для Израиля.

ля. Закат власти ихванов был итогом ухода Хиллари Клинтон с поста госсекретаря — и уже по этой причине Израилю есть за что благодарить клан Керри-Байдена: он не помог воцарению генерала аль-Сиси, но и не помешал. С новой египетской властью отношения были также совсем не безоблачными, но как раз в газовой сфере сложился консенсус, чему помогла итальянская корпорация ENI. Когда в Египте было открыто превосходящее «Левиафан» по масштабу месторождение «Зохран», глава ENI Клаудио Дескальци предложил создать единый египетско-израильско-кипрский «энергетический хаб», а точнее — соглашение о совместной добыче, переработке и экспорте. Эти планы Нетаниягу (Нетаньяху) озвучивал в Вашингтоне, и по раздраженной реакции «Аль-Джазиры» можно было легко догадаться, что данные планы отнюдь не устраивают Катар. Не устраивали эти планы и Турцию, и не только из-за Северного Кипра: проект ENI вступал в прямую конкуренцию с турецко-азербайджанским проектом Трансанатолийского газопровода.

Главным источником углеводородов при этом предстояло стать Египту, где стали «обозначаться» крупные корпорации, в том числе российские. Недовольство Катара между тем вполне разделяли американские сторонники «суннитской оси», Роберт Каган на круглом столе в Foreign Policy, не колеблясь, назвал Египет государством, враждебным США (противопоставив лояльной Японии).

Заодно Роберт Каган заметил, что достигнутое усилиями Керри соглашение о заморозке иранской ядерной программы «отвадило» остальные страны региона от планов нуклеаризации. Как выяснилось в середине октября, он был не совсем прав: такие планы высказали, хотя и вполголоса, Объединенные Арабские Эмираты. Такой интерес насторожил стратегов «политики kaganesque» не только по причине противостояния эмиратского семейства Нахаяйн с ихванами. Так случилось, что в один и тот же день в Израиль прибыла делегация российских еврейских деятелей, лояльных Кремлю, среди которых Нетаниягу (Нетаньяху) особо выделил Михаила Мирилашвили, и — вроде бы отдельно от них — президента Грузии Георгия Маргвелашвили, которого принимающая сторона решила свозить на экскурсию на реактор в Димону. Между тем всего четырьмя днями ранее в Грузии состоялся профинансированный Китаем и Азиатским банком развития Форум Шелкового пути, где одним из самых влиятельных гостей был глава Центрального банка Эмиратов.

Можно было представить себе выражение лица Роберта Кагана в этот день — особенно если учесть, что, расхвалив накануне японского премьера, он подложил ему колоссальную свинью. Каган проговорился, что Япония — только что в день Хиросимы призвавшая к повсеместному уничтожению ядерного оружия — готовит создание собственной бомбы. Прошло в две недели, и ровно в канун приема Си Цзиньпина в Вашингтоне на портале Carnegie Endowment был вывешен доклад о подозрительном накоплении плутония на японских производственных объектах, явно превосходящим потребности мирного атома.

Что было получено от Китая в обмен за подобный подарок? Крупный контракт с Boeing, вице-президентом которого, напомним, работал Томас Пикеринг.

Осталось только заметить, что подозрительный грузинский визит на израильский реактор имел место 18 октября. Сутки спустя из предвыборного штаба Джо Байдена «вышел воздух». Буквально накануне Байден обсуждал планы кампаний с профсоюзными лидерами, но что-то случилось — не иначе как на стол Обамы была положена весьма увесистая докладная записка о неких действиях вице-президента, противоречащих национальным интересам. Кто ее положил на стол?

Взглянем на сводку новостей следующего дня. 20 октября некий школьник «слил» в газету New York Post содержание личной переписки директора ЦРУ Джона Бреннана (экс-главы резидентуры в Саудовской Аравии). Школьник побеседовал и с другой редакцией, сообщив, что ему 20 лет. Сей «второгодник» был грамотен: одно из выложенных писем содержало упоминание о психиатрическом лечении Бреннана, другое представляло собой досье, составленное им на политиков Ирана. А следующей мишенью, как сообщил аноним, должен стать замглавы Пентагона Роберт Уорк. Этот генерал — прямой протеже Lockheed.

Публично сообщая на следующий день об отказе баллотироваться в президенты, Джо Байден при этом заявил, что «не намерен молчать». Хотя обстоятельства «дела Бенгази» на следующий день были замолчаны, а два генеральных инспектора «ушли в кусты», вряд ли эта фраза была случайной.

Во всяком случае, в Киеве к визиту Байдена продолжали готовиться с дрожью. Президент Порошенко вдруг добился восстановления электроснабжения северного Крыма и, соответственно, принадлежащего Дмитрию Фирташу завода «Крымский титан». Более того, лишенный грузинского гражданства Михаил Саакашвили за день до его прибы-

тия выложил компромат не только на премьера Яценюка, но и на партнеров Юлии Тимошенко, присвоивших украинский бизнес Фирташа. Сам же Фирташ, которому прибыть в Киев к этому дню помешал глава МВД Арсен Аваков, из Вены сообщил, что ротация правительства Украины состоится не сейчас, а в феврале 2016 года. К этому времени развалилось как инициированное с подачи главы ФБР (экс-вице-президента Lockheed) «индийское дело» Фирташа о приобретении титановых месторождений (для Boeing) в венском суде, так и дело по иску Юлии Тимошенко относительно «Росукрэнерго» в нью-йоркском суде.

Так что нельзя сказать, что с уходом Байдена с президентской дистанции его клан сдался. Он еще рассчитывает показать себя, титано-химический магнат, заводы которого являются неотъемлемым звеном производственной цепочки Boeing, даже называет сроки пребывания «Яца» в премьерском кабинете. (10 апреля 2016 года Арсений Яценюк подал в отставку с поста премьер-министра Украины; 14 апреля Верховная рада одним постановлением приняла отставку Яценюка и назначила вместо него Владимира Гройсмана. — *Прим. ред.*)

Вендетта с маскарадом

Соблазненная «розами» и «апельсинами» постсоветская территория, где за копейки торгуют месторождениями и индустриальными активами, — самый явный, но не самый главный регион противоборства американских кланов. Ближний Восток, Балканы, несостоятельные и удобные для контрабандных операций африканские страны и особенно узкие перешейки в точках схождения континентов, будь то Синай или Сеута — куда более значимая арена игры. Главный же регион клановой конкуренции, как уже упоминалось, располагается в Южной и Центральной Азии, где расклад сил в Афганистане является не индикатором, а наоборот, определяющим фактором кланового влияния, что характеризует не столько американскую политику, сколько современное состояние мировой экономики, столь крепко «севшей на иглу», что наркодоходы стали официально включаться в показатели ВВП в европейских странах. Впрочем, лишь их малая доля — доходы от сбыта готовой продукции в отдельной стране, в то время как капитал в этой сфере формируется из фантастической разницы между себестоимостью и ценой конечного продукта.

В Афганистане советниками Дэвида Петреуса были Фредерик Каган, родной брат Роберта и «чистый» неоконсерватор, и его супруга Кимберли. Давая Петреусу советы в период,

когда он возглавлял объединенный контингент (ISAF), Фредерик и Кимберли особо настаивали на изничтожении радикальной группировки Хаккани, в этом был особый «пунктик» супругов. Столь же избирательно придирчива г-жа Каган была к сирийским оппозиционерам — так, ее не устраивал, например, глава Свободной сирийской армии Салим Идрис, что в итоге и привело к его капитуляции перед превосходящими силами «Джабхат ан-Нусры», а позже ИГИЛ.

Группировка Хаккани, чуждая наставникам Петреуса, вскоре после его отставки с поста главы ЦРУ стала считаться «договороспособной». В январе 2013 года ее представителей пригласили на конференцию в Париж, а два с половиной года спустя представитель семейства Хаккани официально стал одним из двух первых заместителей амира афганского «Талибана».

События вокруг «Талибана» летом и осенью 2015 года и стали главными импульсами в политическом выборе Белого дома. Не впервые: прямое влияние афганских раскладов на элиты США проявилось, как мы помним, летом-осенью 2001 года. В современной ситуации вопрос о контроле над Афганистаном и над прибылью системообразующей отрасли его экономики не решается и не может решаться вне контекста дипломатии с Китаем. С одной стороны, американская экономика, как уже было сказано, все больше зависит от китайской. С другой стороны, растущий оппонент все более настойчиво требует от американской стороны разобраться со своими протезами в наркорегионе, чтобы они не мешали инфраструктурным проектам. Если даже США не «почешутся» сами, то свято место пусто не бывает: Китай мобилизует и другие страны региона, например Великобританию, коль скоро Лондон хорошо знает этот регион со времен знаменитой «Большой игры» конца XIX — начала XX веков.

Хлопоты об удовлетворении китайских запросов начались в Вашингтоне в преддверии визита Си Цзиньпина. К тому же визит был уже назначен, а по проекту Транстихоокеанского партнерства консенсуса достичь так и не удалось. Находясь в заведомо более слабом положении, Белый дом должен был хотя бы продемонстрировать свою способность управлять афганскими элитами, притом без ущерба для профильного афганского бизнеса.

У команды Байдена-Керри после заключения иранской сделки были в руках козыри, о которых Клинтон и ее клеверты могли только мечтать. Первым же направлением азиатской дипломатии, которым занялся М.Д. Зариф после соглашения

в Вене, было индийское. Речь шла о совместном (индо-иранском) развитии порта Чабахар на иранском побережье и одновременно — о строительстве подводного ирано-омано-индийского газопровода. Это была альтернатива китайско-пакистанскому порту Гвадар в том же устье Оманского залива. С одной стороны, эти проекты связывали Индию и Иран с Афганистаном, создавая альтернативу транзиту через китайско-пакистанский порт. С другой стороны, они не мешали Китаю прокладывать свой инфраструктурный коридор: да ради Бога, ваш коридор — сам по себе, а наш транзит — сам по себе.

Нетерпеливый реформаторский Тегеран между тем развивал региональную дипломатию, раздавая авансы соседям по Средней Азии и Ближнему Востоку одновременно. В возрождение проекта «Северного коридора», обсуждавшегося еще при Хаттами, вовлекались Россия, Казахстан, соседний Туркменистан, страны Закавказья. Нарендра Моди, совершив блиц-турне по Средней Азии, подтвердил готовность к партнерству как в нефтяных, так и в портовых проектах. И разумеется, эта активность Индии отозвалась ревностью в Исламабаде, особенно после решения Кабула повысить тарифы на пакистанские перевозки. В свою очередь, предложение Туркменистану с иранской стороны — о транзите газа на юг — обесмысливало как фантом ТАПИ, так и фантом Транскаспийского газопровода, что нервировало уже европейскую бюрократию.

Этими импульсами недовольства вознамерилась воспользоваться команда Клинтон, решив доказать, что ей и только ей под силу организовать переговоры между Китаем, Пакистаном, Афганистаном и талибами. По совпадению встреча в четырехстороннем формате была приурочена как раз к тому дню, когда в Китай должен был прибыть с назначенным визитом президент Турции. Ценой вопроса были не только интересы в Афганистане, но и контроль над Исламабадом, ведь проект индо-иранского блока, по существу, толкал Пакистан в объятия Китая.

По существу, два клана соревновались в том, кто принесет «в клюве» в Белый дом более выгодную сделку, которую можно выдать за политический успех Америки. Но чтобы сдвинуть с места уже начатый, но застывший после двух раундов четырехсторонний диалог, посланники от талибов должны были иметь статус, осененный бесспорным для всего этого сообщества авторитетом. Этот авторитет был в буквальном смысле поднят из гроба и приставлен к микрофону. К талибам обращался с того света якобы живой и здоровый мулла Омар. И

президент Гани, податливый выпускник клинтоновских политехнологов, подтвердил аутентичность этого обращения.

Авантюра с оживлением муллы Омара завершилась полным конфузом. Сначала обман заподозрили пакистанские газетчики, затем группа афганских радикалов, решившая сообщить о том, что муллы Омара давно нет на свете, только для того, чтобы возложить ответственность за его смерть на его заместителя муллу Ахтара Мансура, враждовавшего с их собственным авторитетом — муллой Дадуллой. И наконец, тленность Омара признали и некоторые его родственники, и глава Минбезопасности Афганистана. После чего Гани, чувствуя, что запахло жареным, срочно отбыл в Берлин для лечения старой спортивной травмы.

Фактически игру попортили радикалы-сунниты из бывшего «фронта Дадуллы», известные особой ненавистью не только к шиитам, но и к индусам; вскоре эта маленькая, но громкая группировка присягнула ИГИЛ. «Ход мыслей» этой группировки удивительно совпал с ходом мыслей лоббистов Lockheed: Эрдоган собирался в Китай для обсуждения сделки по модернизации системы ПВО, в тендере Lockheed конкурировал с китайцами. Ради срыва этого визита в Турции с подачи правозащитников-юристов из Таиланда была поднята тема притеснения уйгуров, с серией уйгурских протестных акций в турецких городах и нападениями на китайцев или по ошибке на корейцев. Си Цзиньпин разгадал и замысел, и его источник и принял Эрдогана без обид.

Четырехсторонняя встреча (или пятисторонняя) в итоге так и не состоялась, поскольку настороженный нападками Ахтар Мансур, при режиме талибов — министр гражданской авиации, а в изгнании — крупный инвестор в сфере телекоммуникаций в городе Дубай, решил немедленно взять власть в свои руки и был провозглашен амиром, взяв в заместители, как уже говорилось, представителя семьи Хаккани.

В Белом доме сделали выводы в отношении обеих конкурирующих команд. Именно в это время (август) был дан зеленый свет Байдену. И в то же время прямой протекже Керри Дэн Фельдман, который, по идее, должен был спасти положение и все-таки устроить встречу, но не уговорил Мансура и его команду, был освобожден от должности спецпредставителя в Афганистане и Пакистане. А что касается Китая, то ему пришлось подносить уже другие дары, о чем также сказано выше.

Транстихоокеанское партнерство было заключено в узком составе, что спасало лицо Белого дома и в то же время не слишком нервировало Китай. Но не успели уполномоченные

стороны поставить свои подписи, как из Афганистана пришла новость о том, что мансуровские талибы, вместо того чтобы договариваться с Пакистаном и Китаем, взяли и захватили город Кундуз, притом явно с ведома губернатора провинции, отъехавшего в Лондон. Дальше — больше: в самой наркопроизводящей провинции Гильменд талибы еще и взяли под контроль КПП на границе с Пакистаном. В итоге 15 октября Обама в специальном выступлении сообщил, что свертывание контингента откладывается и американцы остаются на трех ключевых афганских базах. Тогда же было объявлено, что Обама желает видеть в Вашингтоне президента совсем не Индии, не Ирана и не «примкнувших к ним» Эмиратов, а наоборот, он хочет видеть премьера Пакистана Наваза Шарифа. Сигнал подал сам Шариф 12 октября, после инцидента на гильмендской границе.

Судьба номинации Байдена решалась как раз в этом промежутке — между 15 и 21 октября.

К этому моменту в Белый дом поступила и другая информация, которую невозможно было игнорировать. О том, что русские через посредство Таджикистана решили завести собственные шуры-муры с талибами. Не исключено, что это был первый пункт той «телеги» от Бреннана, за которую потом мстил анонимный 20-летний «второгодник».

Вся эта история с взаимным подсиживанием, оживлением мертвецов и наймом интернет-второгодников была бы комичной, если бы не ее продолжение — с кровью, хаосом и смешиванием геополитических карт.

Дальше было заявление ранее державшего нейтралитет главы «Аль-Каиды», египтянина Аймана аз-Завахири о солидарности с ИГИЛ и «Нусрой»; затем — признание ИГИЛ в организации взрыва российского авиалайнера, после — общеевропейская паника после парижского варианта «Беслана», которые ИГИЛ называл «парижским 11 сентября», и фактический крах Шенгена под одновременным прессингом миграционного вала и террористической угрозы — после чего в Foreign Policy удовлетворенно заметили, что теперь-то Германия перестанет «ломаться» и будет, как миленькая, делиться всей частной информацией с американским АНБ. Дальше — стрельба в калифорнийском Сан-Бернардино, подыгравшая уже начатой (!) кампании Хиллари Клинтон за ограничение продажи оружия частным лицам...

А что происходило в Афганистане? А там на следующий день после заявления Завахири объявил о своем создании альтернативного «Талибана», конкурирующего с «мансуровским»,

после чего эксперты резонно заключили, что теперь ИГИЛ будет куда вольготнее. Правда, альтернативный «Талибан» спешил показать свою лояльность и обещал вступить в прямой диалог с правительством в Кабуле. А чтобы не было никаких сомнений в его добропорядочности, катарская шейха Моза лично вручила награду просветительнице Сакине Якуби, основавшей Афганский институт образования в 1996 году, при правительстве «Талибана».

Но не успел альтернативный «Талибан» заявить о своей «умеренности», как столкнулся с мансуровским «Талибаном» в провинции Забуль. При этом в рядах альтернативного «Талибана» были замечены бойцы ИГИЛ и примкнувшего к нему Исламского движения Узбекистана, ранее присягнувшего ИГИЛ. И «умеренные» альтернативники немедленно взяли в плен несколько десятков хазарейцев — как вероотступников. После чего актив хазарейцев (самой близкой к персам этнической группы) отправился штурмовать президентский дворец. Некоторое затишье наступило, когда стало известно о смертельном ранении второй фигуры в альтернативном «Талибане» — это был младший брат упомянутого Дадуллы, кровного врага Ахтара Мансура. Но это затишье кончилось, когда в ночь с 1 на 2 декабря близ Кветты сам Мансур получил, говоря словами пакистанской Express Tribune, «фатальное ранение». Именно с ним, как поясняла 26 октября Daily Beast, российская сторона собиралась найти общий язык в противостоянии ИГИЛ.

«Прощай, гравитация»

О взрыве на борту российской «Когалымавиа», о серии парижских терактов, хитроумно построенных концентрически для отвлечения и рассеивания полицейских сил, и о турецком выстреле по российскому истребителю, и наконец, о стрельбе в калифорнийском Сан-Бернардино написаны уже не полосу, а целые тома эмоциональной публицистики. В этой мутной воде тонут кристаллы смыслов, хотя аналитика призвана отделять ненужное и вычленять суть — не только детали биографий французских бомбистов и турецких бизнесменов, но и геополитическую конъюнктуру события, и стилистические черты, выдающие заказчика.

Перечислим то, что осталось за бортом мейнстримной аналитики.

Пункт первый: символика тайминга и мизансцены. В первом случае (Египет) это — день Хэллоуина. Это не мусульманский праздник. Как, впрочем, и не христианский, и не иудейский.

В Париже старт серии терактов имел место в концертном зале «Батаклан», на этот раз на концерте рок-группы «Eagles of Death Metal». Франсуа Олланд намеревался под предлогом чрезвычайного положения перенести выборы, но не получилось. Поскольку был выбор — либо чрезвычайное положение, либо экосаммит. Некто Жиль Н., распространявший манифест ИГИЛ от имени французской организации, имеет в Facebook ник Vegeta Moustache, будто подсказывающий (лишний раз), что неомальтузианство и массовые расстрелы друг другу не противоречат. Стрелок в Сан-Бернардино был по профессии экологом.

Наконец, российский самолет был сбит тоже не абы когда, а в канун американского Дня благодарения. У этого праздника есть специфическая ритуальная деталь — «прощение индейки». Домашнюю птицу, подготовленную на жаркое, торжественно жалеют и отпускают «на волю». **Индейка по-английски turkey.**

Пункт второй: география и текущая геοэкономика. Синай — что происходило в Синае и вокруг него? Происходило: а) перевербовка местной «Аль-Каиды» под знамена ИГИЛ, которой уже присягнул местный «Байт аль-Макдис»; б) возвращение Катар в сектор Газа одновременно с фильтрацией ХАМАС, где искоренялось (в том числе усилиями европейских судов) влияние правительств Египта и Объединенных Арабских Эмиратов; в) визит в Иерусалим Клаудио Дескальци (29 октября) с вышеупомянутым проектом «хаба», его слабое место — в том, что для экономии транспортировки газа между Израилем и Египтом предполагалось использование существующей трубы через Синай. По той самой трассе, по которой тянутся караваны с контрабандой по подземным ходам близ Эль-Ариша. Карикатура Charlie Hebdo по поводу катастрофы была циничным, но метким смысловым попаданием: «Лучше бы они летели на самолете с кокаином».

В одной-единственной стране мира парламент на следующий день «держал минуту молчания» и по пассажирам российского самолета, и по заживо сгоревшим тридцати молодым людям в другой точке мира. Это был парламент Республики Молдова. Поскольку в тот же день Хэллоуина в городе Бухареста горела дискотека, где выступала рок-группа под названием «Goodbye to Gravity» («Прощай, гравитация»). И этот пожар стал поводом для падения правительства Румынии, которое заменило так называемое «техническое правительство». Напомним, в Румынию и Молдову, а также в соседнюю Болгарию не зря наведывались представители Атлантического со-

вета. В Румынии под видом элемента американской ПРО обобудовалась инфраструктура военных аэродромов для воздушного транзита через Турцию в Афганистан — конкурент базы Bondsteel в Косово. Премьер Понта провинился своими интенсивными контактами с Китаем. Румынский госпереворот состоялся за две недели до очередного саммита Китай — Восточная Европа, проходившего в Пекине.

Париж — кого ждали в Париже и какой дипломатический формат не состоялся? Ждали президента Ирана Хасана Рухани. Он не посетил ни Париж, ни Рим, ни Ватикан. Почему итальянский визит был также отменен — не потому ли, что еще с середины октября циркулировали слухи о готовящемся покушении на Папу? Заговорщики были задержаны 2 декабря. Их связывали с правыми радикалами, но предшествующие нападки на Папу сыпались как раз «слева». О том, чем Папа не угодил, наверное, знает его идеологический соглядатай по мальтузианской части — профессор Ганс-Иоахим Шнелленхубер, член Академии наук Ватикана и советник Ангелы Меркель по климату, а также, разумеется, член Римского клуба.

И наконец, удар по российскому истребителю сорвал (для начала) российско-турецкие переговоры на уровне МИД, где Анкара намеревалась предъявить претензии по поводу российских обстрелов округа Байырбуджак, места компактного проживания сирийских туркмен. Тема «братского туркменского народа» (ополчением которого у места падения самолета командовал не туркмен, а турок с английской фамилией) возникла не в канун воздушного инцидента, а еще в начале ноября. Поднял ее премьер Ахмет Давутоглу, а вслед за ним хорошо управляемая группа националистических публицистов — из того же национал-романтического круга, что и туркменский командир.

Тот же премьер Давутоглу за день до инцидента собирал глав силовых ведомств. Тот же премьер первым заявил, что истребитель был сбит над турецкой, а не сирийской территорией. Тот же премьер Давутоглу, едва Вашингтон призвал «успокоиться», изменил тон на противоположный и первым выразил «сожаление», и в этом опережая Эрдогана. Тот же премьер Давутоглу 3 декабря оправился в Баку, где вернулся к прежней риторике, заявив, что не Турция ударила Россию в спину, а Россия Турцию в грудь; тот же премьер Давутоглу призвал ускорить строительство Трансанатолийского газопровода — еще до отказа «Газпрома» от «Турецкого потока», тот же премьер Давутоглу, вопреки экономическому предназначению своей поездки, подлил масла в армяно-азербайджанский кон-

фликт. Он был «весь вечер на манеже» и четырьмя днями ранее, на переговорах с Брюсселем и Берлином о мигрантах, где самой заинтересованной стороной был Берлин.

Между тем в российских и сочувствующих СМИ непрерывно склонялось не имя Давутоглу, а имя президента Эрдогана, с перечислением «сращенных» с его властью людей и компаний и с перечнем совершенных им ошибок. Ошибки были перечислены все, кроме одной — и, возможно, самой фатальной. А именно — кроме его согласия в ответ на предложение Барака Обамы на Уэльском саммите НАТО о «взятии на себя» зоны ответственности в Афганистане — соседней с германской. Любопытно, что как раз накануне падения истребителя бывший посол США в Турции Фрэнк Риккардоне, ныне подвизающийся в Атлантическом совете, агитировал со страниц *Hürriyet* за «повышение роли Турции» в афганской миссии.

Что же касается ошибок Эрдогана в первые дни после удара по истребителю, то, естественно, российская сторона не могла остаться равнодушной, когда в ответ на упреки в потворствовании ИГИЛ (еще без персональных деталей) президент Турции, будто по принципу «сам дурак», обвинил некоторых россиян в общих делах с Асадом и ИГИЛ одновременно. Эта реплика была ему подсказана несколькими часами ранее. Было бы полезно подробно рассмотреть, от кого и в каком колленкоре поступила подобная подсказка. Но для этого требовалось ледяное спокойствие, которого не было. Тема сирийских туркмен также быстро ушла с медиа-горизонта.

Кто кому дядя?

Напомним, аналогичная тема «братского народа уйгуров», страдающих от Китая, была инспирирована в Турции в июле, в канун вышеупомянутого визита Эрдогана в Пекин — и в этом был прямой интерес корпорации Lockheed, давним клиентом которой были ВС Таиланда, откуда и стартовала кампания «плача по уйгурам», внезапно и как бы автоматически из лево-правозащитных кругов перекинувшаяся на крайне правый фланг.

Именно тогда в газете *Zaman* были озвучены детали дискуссии в высшем кругу Партии справедливости и развития, где Давутоглу предлагал устроить провокацию на сирийской границе. Сама партия, по расчетам премьера, должна была воспользоваться рейдом на сирийскую территорию для прибавления себе очков на тогдашних выборах «переходного правительства». На чем Давутоглу должен был сделать имя. Не ради президента Эрдогана, а в противовес ему. Аналоги таких рас-

кладов нам известны из собственной недавней истории (претензии Рыжкова на президентство в 1991 году, Черномырдина — в 1996-м).

Когда попытка стравить Эрдогана с Китаем не удалась, последовал теракт в Сурудже, ставший сигналом для массированного удара по объектам Рабочей партии Курдистана (РКК) не только в Турции, но и на территории Иракского Курдистана (при том, что причастность РКК к теракту доказана не была). Обоснование для такого разворота озвучил Ахмет Давутоглу. Под предлогом предстоящих выборов он не только повышал градус воинственности, но и переключал на себя армию партийных блогеров. Именно тогда начались «наезды» на непартийные СМИ и конкретных авторов, отклоняющихся от линии премьера и председателя партии. А западные медиа порицали режим Эрдогана.

Кампания против РКК хоронила остатки межэтнического доверия, некогда достигнутого Эрдоганом. Два курдских министра, вошедших во временное правительство, покинули его. Между тем продолжающиеся удары армии по РКК вносили свою лепту в разлад в Пентагоне, подыгрывая тем игрокам, которые позже выдвинули Шона Макфарленда. Объектом нападок стал глава CENTROCOM генерал Ллойд Остин.

Напомним, именно генерал Остин на резонансных слушаниях в комитете Сената по вооруженным силам заявил, что программа Пентагона по тренировке оппозиционеров-суннитов провалилась, что из 125 рекрутов реально воюют 4—5 человек, а остальные сдают боевикам «Ан-Нусры» полученную от США технику. И именно генералу Остину принадлежал план формирования боевой группы для наступления на Ракку, оплот ИГИЛ, в котором основу составляли курды и лишь четверть — сунниты (из остатков Сирийского революционного фронта) и «Аль-Хазма», разгромленных катарским «Джабхатом»), ассирийцы и туркмены. И именно после этого решения демонстративно подали в отставку спецпредставитель по ИГИЛ (госдеповская должность) генерал Джон Аллен и «ястребиная» заместительница помощника главы Пентагона по России, Украине и Евразии Эвелин Фаркаш.

Ллойд Остин, действовавший в полном согласии с командой Байдена — Керри, немедленно нажил себе врагов: уже на следующий день после его пресс-конференции ему напомнили через прессу, что «задолго до и независимо от» Пентагона «умеренные» повстанческие группы готовило также ЦРУ — по собственной программе, с начала 2013 года. И именно питомцы Бреннана 1 октября просигнализировали главе сенатской

комиссии по вооруженным силам Джону Маккейну, что русские бьют не только по головам ИГИЛ, но и по их отрядам — после чего в СМИ были впервые озвучены доселе неизвестные даже экспертам (в частности, CSIS) названия бреннановских (а если точнее, саудовско-бреннановских) боевых ячеек. Тем не менее Обама закрыл программу Пентагона и одобрил инициативу Остина. Ровно на следующий день в Турции грянул очередной крупный теракт — уже не в провинциальном Сурудже, а в центре Анкары.

Были ли в этом втором, более резонансном теракте заинтересован Ахмет Давутоглу?

На первый взгляд, столь наглая диверсия была поводом для дополнительного подстегивания патриотического электората и его сплочения вокруг правящей партии. Но, во-первых, теракт с ходу был приписан не РКК, а ИГИЛ. Может быть, гибкий Давутоглу таким образом старался выставить себя борцом с джихадистами? Но вот еще одна деталь: в этот раз жертвами взрыва стали не только социалисты и правозащитники, но и местные депутаты от прокурдской Партии мира и демократии (HDP) и на сцене немедленно оказался ее лидер Саяхаттин Демирташ, привлекающий толпы пацифистской интеллигенции. Это ли было нужно премьеру? Спустя два дня в МИД Турции вызвали послов США и России: обоим поставили на вид подыгрывание курдам. Давутоглу играл в обороне, а не в нападении: взрыв в центре Анкары, который он назвал «предвыборным», работал не на него и не на Эрдогана, а на партийных конкурентов. Кто же в случае со взрывом в Анкаре был заинтересованной стороной?

Вскоре после вызова американского и российского послов Давутоглу выступил с очередным заявлением, которое касалось уже не самого теракта, а слухов о нем, выловленных в сети. Это была переписка двух активистов РКК, один из которых за несколько часов предупреждал: «Завтра будет большой взрыв **от имени ИГИЛ**. Не знаю, что делать, **мы (РКК) здесь ни при чем**. Нужно предупредить левых». Из распечатки пленки, тут же широко растиражированной, следовало, что «предвыборный теракт» осуществила некая третья сторона. Эрдоган назвал этой третьей стороной сирийскую разведку, не желая или опасаясь (перед выборами) упоминать более могущественные внешние силы.

Уместно предположить, что пленка еще до распечатки в СМИ была предъявлена послу США Джону Бассу, а этот бушевский кадр, естественно, довел содержание до начальства, а затем и до СНБ. Это предположения. Факт же состоит в том,

что в США в этот момент очень занервничал Джо Байден. 13 октября он расторг контракт с одним из суперкомитетов, созданных для поддержки его кандидатуры, рассердившись на клип, где упоминалось о смерти его первой супруги в автокатастрофе и старшего сына — от опухоли мозга. Нелепые претензии можно было объяснить разве что какими-то «кровавыми мальчиками», замелькавшими в глазах. На следующий день он не вышел на теледебаты, где его ждали с распростертыми объятиями, специально для него изменив некоторые условия их проведения.

Джо Байден, в отличие от других деятелей своей команды, за всю предшествующую карьеру счастливо избежал причастности к брутальным подрывным действиям во имя лучших (клановых) целей. Не исключено, что у немолодого и левого по убеждениям человека действительно сдали нервы. Тем более что кровавая каша в центре Анкары оказалась политической бессмысленной. После публикации пленки замысел не срабатывал: Демирташ лишился возможности извлечь из теракта партийный куш. Что и подтвердили результаты выборов 1 ноября. Итог в глазах Белого дома — жирный «минус» тому клану, который провалил операцию по предвыборному прорыву Демирташа.

Это была убедительная победа правящей АКР. Но итоги не принесли — о чем злорадствовали армянские СМИ — желаемого результата Реджепу Эрдогану: преимущества было недостаточно для утверждения конституционных реформ, которые бы окончательно закрепили преобразования парламентской республики в президентскую. И соответственно, Давутоглу номинально оставался фигурой номер один.

Шанс на то, чтобы убедить теми или иными способами группу депутатов от других партий поддержать конституционную реформу, у Эрдогана оставался. Но чтобы это осуществить, Эрдогану меньше всего нужны были международные инциденты, дающие другим партиям повод для нападок на него, равно как и на его родственников и ближнее окружение. Самым простым способом сорвать его политические планы был военный инцидент — совершенно неважно, с российским самолетом, французским или американским.

Это умозаключение не требует конспирологического инсайта. Перед нами — обычная, банальная политическая логика. Есть реальный лидер, признанный большинством, принимаемый народным менталитетом, оправдавший за годы правления основные запросы и чаяния широких слоев общества — деловых, индустриальных, армейских. Этот лидер

мечтает лишь избавиться от опостылевшего тормоза нелояльной интеллигенции из партий меньшинства и особенно из медиа-сообществ, не считая правозащитных, экологистских и «радушных» грантоедов. На долгом пути к той модели, эффективность которой оправдала себя не столько в османском прошлом, сколько в современном Китае и современной России, остался один шаг. И на этом последнем шаге ему ставится подножка в воздухе.

Ахмету Давутоглу удобно. У него нет родственников в нефтяной отрасли, зато есть поддержка за океаном. Тему введения бесполетной зоны он озвучивал буквально в один голос и в одних выражениях с экс-госсекретарем, а ныне привилегированным кандидатом в президенты Хиллари Клинтон. Она никогда не была замечена в симпатиях к Эрдогану — более того, именно по ее линии дирижировался конфликт Эрдогана с его собственным духовным учителем Фатхуллой Гюленом, а затем и коррупционный скандал, инициированный выпускниками духовных школ Гюлена в турецком МВД. Зато ее, как и Меркель, вполне устраивал гибкий, податливый и услужливый Давутоглу. С ним можно было договориться о чем угодно — от Босфора до авиабаз.

О стараниях Ахмета Давутоглу выслужиться перед евроатлантическими кругами хорошо знают в Азербайджане. «Давутоглу — второй после Тансу Чиллер последовательный сторонник США в анкарском политическом истеблишменте», — писал 28 ноября Расим Агаев. О том же говорили в первые дни после катастрофы эксперты, знающие Турцию не понаслышке — Владимир Аватков, Александр Сотниченко. Однако их голоса затерялись в хоре воинственных изречений «говорящих голов» — Евгения Сатановского, Семена Багдасарова и др.

То же самое происходило в Турции, где мобилизовалась воинствующая публицистика, муссирующая в особенности тему солидарности с туркменами, и там также терялись в воинственном хоре такие трезвые предупреждения, как слова редактора стамбульского филиала Anadolu Хусейн Алтынала: «Есть ряд стран, которые чрезвычайно заинтересованы в дальнейшем обострении отношений между Анкарой и Москвой. Для усугубления создавшейся ситуации ряд стран может **активизировать в России деятельность исламских террористических организаций и свалить вину за это на Турцию. Я не исключаю возможности реализации аналогичного сценария и в самой Турции**».

На тот момент отключение Крыма от электричества уже было вписано российскими «говорящими головами» в коз-

ни Эрдогана. Звучало убедительно, благо крымские татары и вправду рассматриваются в Анкаре как такая же составная часть турецкого мира, как китайские уйгуры, сирийские туркмены и молдавские гагаузы. Впрочем, телеканал организатора «блокады» Ленура Ислямова — ART — в 2013 году взхлеб поддерживал «зеленую революцию» в парке Гези. А в администрации президента Украины «блокадный» интерес Ислямова объясняют вовсе не с турецкой колокольни: «В среде крымских татар есть несколько течений. Одно из них лоббирует создание в Геническом районе Херсонской области на границе с Крымом автономии крымских татар. По сути, речь может идти о контроле за контрабандой, когда с одной стороны перекрывают люди из числа так называемых патриотов, а с другой — оккупанты. Вся эта история все больше приобретает очертания бизнес-схемы». Мотивы Мустафы Джемилева, мнящего себя фигурой мирового масштаба, интерпретировали иначе: «От блокады страдает крымское население и заводы Дмитрия Фирташа», — сообщал портал «РИА Новости-Украина» — в заголовке, чтобы привлечь внимание. Не привлеклось. В российских СМИ эта корпоративная мишень упоминалась лишь на портале «Взгляд», и то в рубрике блогов. Между тем в канун прибытия Джо Байдена в Киев Петр Порошенко, требуя восстановить наконец взорванную опору ЛЭП, действительно обращался именно к Меджлису.

Одно из тех западных контрольных ведомств, к которым апеллировал в эфире «Россия-24» Георгий Бовт, вместо того чтобы обратить свой пристрастный взор к родственникам Эрдогана, почему-то включил в «черный список» лиц, связанных одновременно с Башаром Асадом и ИГИЛ, президента Всемирной шахматной федерации Кирсана Илюмжинова. Это и было той подсказкой, которая завела в тупик попытки Эрдогана объяснить перед Москвой.

Заодно в ведомстве припомнили и встречу Илюмжинова с Каддафи (которая была вполне публичной и тогда, летом 2011 года, не подвергалась критике), и даже смерть активистки «Яблока» в Калмыкии еще в 1990-х. Столь пристальное внимание к главе федерации удивительно хотя бы потому, что в тексте распоряжения финразведки Федерального казначейства (ОФАС) подозрительные, связанные с Илюмжиновым лица — всего два человека, а место их работы — Центробанк Сирии и попали эти лица в фокус ОРАС два года назад с связи вовсе не с ИГИЛ, а с искомым химоружием (разрабатывалось в государственном институте, который финансировал Центробанк). Откуда и для чего инсинуация с ИГИЛ, к тому же озву-

ченная назавтра же после падения самолета и не очень гармонирующая с официальными примирительными заявлениями Белого дома, Госдепа, CFR?

И.о. главы OFAC, ожидающий утверждения своей персоны Конгрессом, в отличие от Джемилаева, — действительно фигура мирового масштаба. Зовут его Адам Джекоб Шубин (Szubin). Сын нью-йоркского раввина был мелким клерком в ведомстве, пока не вступил в брак с Мириам Вайнер, дочерью влиятельного юриста Стива Райнера. Тесть главного финансового разведчика США, от имени которого вздрагивают в офисах европейских банков и корпораций, является партнером мощной международной юридической фирмы Mintz, Levin, Cohn, Ferris, Glovsky and Poreo, учрежденной еще в 1933 году и работающей на всех континентах; в США компания «содействует разрешению споров между компаниями и Агентством охраняющей среды» (активисты Евромайдана назвали бы такую фирму «прокладкой»). ML Strategies, дочерняя структура Mintz&Levin, где пристроились крупные отставные чиновники штата Массачусетс, лоббирует интересы крупных корпораций, из которых наиболее известны в мировом масштабе — **Lockheed Martin** и Exxon Mobil.

О том, что пристальное внимание к Илюмжинову связано вовсе не с Сирией, догадался издатель разоблачительного портала Rospres, украинский политехнолог Игорь Шувалов, объяснив его сделкой по приобретению контрольного пакета акций ОАО «Тольяттиазот» Илюмжиновым. Экс-глава Калмыкии тем самым «встал на пути» главы Уралхима и миноритарного акционера «Тольяттиазота» Дмитрия Мазепина, которого видели в Одессе, благо его интересует уже упомянутый Одесский припортовый завод. Олигарху приписывают планы создания монополистического азотного холдинга, ради чего он готов иметь дело с профильными чиновниками Украины и даже якобы с Саакашвили. Но с другой стороны, планы на «Тольяттиазот» есть и у «Ростеха». Теперь осталось только вспомнить о производственном цикле, который в силу сложившейся задолго до «перезагрузки» и «постперезагрузки» мировой кооперации связывает «Ростех» с Фирташем, а Фирташа — с Boeing. Таким образом, версия Шувалова совершенно не противоречит клановой принадлежности главы финансовой разведки США: он из той же «партии», что и глава ФБР.

Выяснение, кто кому дядя в Турции (в буквальном смысле), стало излюбленным и даже навязчивым занятием отечественного медиа-мэйнстрима. Между тем в США тоже немалое значение имеют родственные и деловые связи, сосуществую-

щие с должностными обязанностями. Как мне представляется, изучение американского «сращения власти и бизнеса» более полезно для понимания того, как устроен мир, чем украинское по стилистике копание в мальтийских оффшорах Била-ла Эрдогана. И я объясню почему.

Двадцать процентов или жизнь

Как сообщил нам тот же Георгий Бовт, нефть ИГИЛ поступает на рынок через «сеть с огромным числом посредников не только с турецкими паспортами, но и с иракскими, иорданскими, **сирийскими и даже израильскими и иранскими**. В расследованиях, имеющих в открытом доступе, фигурируют как точки транзита такой нефти и турецкий порт Джейхан, и Бейрут, а также Мальта **и даже израильские Ашкелон и Ашдод**». И далее: «Курдская нефть, покупаемая турками в обход Багдада, смешивалась с нефтью, скажем, из трубопровода Баку-Джейхан, после чего экспортировалась как уже легальная, в том числе через порты Мальты, **Ливана и Израиля**. Был проложен нефтепровод из иракского Курдистана до Джейхана. Теперь курдская нефть смешивается с нефтью от ИГИЛ. По свидетельству офицера иракских спецслужб, курдская и ИГИЛовская нефть, добываемая в районе Мосула, смешивается на турецкой-иракской границе. Затем «коктейль» поступает, например, в Джейхан. Объем суточной отгрузки нефти — более миллиона баррелей. **Отследить именно ИГИЛовские 45–50 тысяч баррелей почти невозможно**. Помимо Джейхана, используются турецкие порты Мерсин и Дартел. Отгружаемая из турецких портов нефть проходит транзитом в том числе через Мальту, где базируется танкерный флот BMZ Group Билала Эрдогана».

Это все, что может сказать добросовестно соединивший детали «пазла» публицист, при этом признавая, что основным источником информации о BMZ является турецкая оппозиционная Народная республиканская партия (СНР), деятели которой разоблачали в лице BMZ не столько шуры-муры с ИГИЛ, сколько монополизм в бизнес-связях с Иракским Курдистаном, т.е. пресловутое «сращение власти и бизнеса». Любой украинец подтвердит, что такие разоблачения не чужды конкурентной корысти.

Остальные детали публицист Бовт ожидает от FATF, заранее предсказывая, что их не получит. Но уже из приведенных им сведений следует, что: а) реализацией нефти ИГИЛ занимаются многие; б) этому не препятствуют как минимум портовые администрации стран, которые в сирийском конфлик-

те на нашей с Ираном стороне (Ливан) или как бы на нашей (Израиль); в) отнюдь не вся нефть, в которой растворена доля ИГИЛ, транспортируется пресловутой ВМЗ; г) сама эта доля не впечатляет, ибо ИГИЛ оккупирует не самые нефтеносные районы Сирии; д) практика показывает, что динамика поставок может сказываться на фрахте в портах, но не на мировых ценах на нефть. Значит ли, что ИГИЛ оказывает ничтожное влияние на рынок? Нет, не значит, потому что ИГИЛ действует еще и в Ливии. И не просто действует, а находится там в союзе с «Рассветом Ливии», контролирующим порты. Между тем объем поставок ливийского сырья на рынок не единожды квалифицировался отраслевыми экспертами как фактор динамики мировых цен.

Внимание к Ливии привлекается в российском эфире лишь 10 декабря, когда там оказывается Абу Бакр аль-Багдади. До этого момента российский эфир твердит, в силу конъюнктуры, что в центре ИГИЛовского нефтяного заговора находится именно семья Эрдогана. В свою очередь, в американском эфире чаще столь же эмоционально утверждается, наоборот, что у Асада есть какие-то свои отношения с ИГИЛ. И тоже изыскиваются аргументы — не потому, что речь идет о значимых объемах нефти, а исключительно в силу политической конъюнктуры. Найдут ли наши оппоненты *hard evidence* (в отличие от инсинуаций заинтересованного Шубина) или нет? Вообще-то о вынужденных контактах чиновников Сирии с предводителями боевиков на подконтрольных Дамаску территориях в американско-арабских СМИ (*Al Monitor* и др.) писали еще в 2012 году, притом без всяких сенсаций. О чем шла речь? О том, что есть, к примеру, нефтепровод, соединяющий месторождение с побережьем. А часть трассы этого нефтепровода проходит через неподконтрольную территорию. И что делать? Можно взорвать нефтепровод, и от месторождения не будет толку. А можно неформально договориться с ответственным боевиком о его доле за транзит. Скажем, 20%. Война кончится не завтра, а выживать надо сегодня.

Готов держать пари, что документация о подобных сделках (на клочках бумаги арабской вязью) в ближайшее время будет использоваться как то самое *hard evidence*, которого американской пропаганде и ведомству г-на Шубина не хватает. И этими 20 процентами будет объясняться могущество ИГИЛ. В начале октября *Middle East Forum* просветил общественность: 47% доходов ИГИЛ получает от «отжима» собственности (по модели Михаила Саакашвили), а 27,7% — от контрабанды нефти. А другие виды контрабанды, как-то: наркотики,

оружие и «живой товар», Middle East Forum (неоконсервативная исследовательско-пропагандистская лавочка Дэниела Пайпса) рассматривать не считает нужным.

В американской публицистике можно встретить мнение о том, что наша страна считает свою задачу в Сирии решаемой, исходя из опыта с Ичкерией (где, кстати, в Веденском районе был смонтирован отнюдь не НПЗ, а героинообогачительный комбинат британского производства). Параллель уместна с уточнением, что на территории Сирии не одна, а несколько Ичкерий, у которых притом разные государственные и клановые покровители. Второе уточнение: у курдов Рожавы и Тель-Абьяда тоже не один покровитель; в США есть не одно, а несколько курдских лобби, причем при разных партиях. Как совершенно справедливо признает МИД России, России с Ираном нужны партнеры.

Теперь, уже без помощи г-на Бовта, я уточню, почему Израиль «как бы» на нашей стороне. Проблема отнюдь не только в «легкомыслия» администраций портов Ашкелон и Ашдод и даже (что куда более важно) в продолжении операций ЦАХАЛ против проиранской «Хизбаллы» в Ливане. Вот два свежих сообщения с новостных лент, выходящие за рамки двух выше-названных «пренебрежимых» обстоятельств.

Сообщение первое (3 декабря, Milliyet): «Заместитель генерального директора МИД Израиля, глава управления стран Европы Авив Шир-Он побывал в Турции, где встретился с высокопоставленными представителями внешнеполитического ведомства и депутатами парламента. По его словам, последние события в регионе привели Израиль и Турцию к осознанию важности восстановления двусторонних отношений. Дипломат отметил, что на сегодняшний день ИГИЛ не представляет для Израиля непосредственной опасности. Однако он напомнил, что ИГИЛ ставит перед собой глобальные цели, подчеркнув, что после Сирии, Ирака и Йемена может прийти очередь Израиля и Турции. Шир-Он пояснил, что причина координации (действий ВВС) с Россией — стремление избежать инцидентов. Он выразил надежду, что России и Турции удастся преодолеть разногласия, но сообщил, что Израиль в эту ситуацию вмешиваться не намерен». Дополнение израильского 1-го канала: «В последние дни из Турции поступили десятки просьб ускорить начало переговоров о газовых поставках...».

Сообщение второе (4 декабря, израильский 2-й канал): «Лидер террористической организации «Вилайят Синай», присягнувшей «Исламскому государству», посетил сектор Газы и встретился с руководством боевого крыла палестинской группировки ХАМАС.

Шади аль-Маниаи (Абу Мусаби) прибыл в Газу для обсуждения развития сотрудничества между «Вилайятом» и ХАМАС. «Вилайят» помогает ХАМАС организовывать контрабанду оружия и других грузов в Газу, а ХАМАС предоставляет «Вилайяту» современное оружие, в т.ч. противотанковые ракеты «Корнет».

Теперь посмотрим на карту и зададимся двумя вопросами. Первый: если сенсация от 2 канала — не пропагандистская туфта, то означает ли такая дипломатия в двух шагах от курортного Тель-Авива, что Израиль контролирует Газу хуже, чем ельцинская Россия — Ичкерия? И второй: если сенсация 2-го канала — не туфта, то как в Вашингтоне воспринимают идею создания Израильско-палестинской конфедерации (включающей Газу), с которой туда отправился президент Ревуен Ривлин?

Нельзя сказать, что влияние Израиля на Ближнем Востоке сегодня то же, что четверть века назад: будь это так, никакая Хиллари и никакой Brookings с Гарвардом не осмелились бы даже допустить возможность политических игр с ихванами. Однако назвать еврейское государство беспомощным тоже язык не поворачивается: к примеру, Иерусалиму под силу принудить Германию и Грецию не выполнить общеевропейское решение о маркировке товаров, произведенных в поселениях на палестинских землях.

Тогда о чем идет речь — о двойных стандартах в отношениях с Россией, за глаза одно, за спиной — другое? И не только ведь с Россией: в связи с проектом «Зохр-Левиафан-Афродита» Израиль более чем дорожит отношениями с Каиром, — а между тем начиная с октября в Газу вновь, через те самые израильские порты, поступают стройматериалы из Катара для реконструкции Газы.

Были ли альтернативы Катару? Были. Созданием этих альтернатив занимался известный политик Тони Блэр, ныне советник государственного фонда Объединенных Арабских Эмиратов. Близкая к нему организация GNRD проталкивала в Газе эмиратские интересы как альтернативу катарским. Однако сейчас руководство организации находится под судом в Норвегии, а глава ее европейского филиала, гражданка Бельгии, занимавшаяся дипломатией между «протурецкими» и «антитурецкими» курдами, скончалась при непонятных обстоятельствах.

Бывший премьер и непревзойденный теневой дипломат Тони Блэр лоббировал одновременно и смену руководства Палестинской автономии, доказывая, что только экс-замглавы ООП Мохаммед Дахлан, также проживающий в ОАЭ, спо-

собен стать фигурой, объединяющей палестинцев Западно-го Берега и Газы. И все выглядело совсем непротиворечиво, и Газа могла мечтать о правах на свою долю шельфа, но только премьеру Нетаниягу (Нетаньяху) вовсе не улыбалась перспектива соединения двух разделенных Палестин. И на климатическом саммите, где ему (как бы случайно) досталось место при фотографировании рядом с Махмудом Аббасом, он впервые за несколько лет пожал ему руку. Иными словами, по его логике, пусть лучше будут две Палестины (ФАТХовская и ХАМАСовская) с непризнанным статусом, чем одна с признанным (и с долей шельфа). А как же, спрашивается, быть с возвращением Катара в Газу, которое не мешает, а помогает контролю «Вилайята» над Синаем? Как хотя бы обеспечить безопасность трубопровода? Смотрим абзац четвертый данной главы. Можно взорвать нефтепровод, а можно ударить по рукам на 20%.

Замечают ли в российских ведомствах те сдвиги, которые происходят на Ближнем Востоке? Задаются ли вопросом о том, почему Нетаниягу (Нетаньяху) в Вашингтоне счел нужным выступить 9 ноября не только перед АIPAC, но и в Центре за американский прогресс, глава которого Джон Подеста — главная фигура в кампании Клинтон?

С того дня, когда экс-советник Холбрука Вали Наср убедительно и даже страстно на портале Politico убеждал Вашингтон в полезности и необходимости равноправного партнерства с Россией в Сирии (в канун общеполитической дискуссии на ГА ООН), к моменту этого визита прошло всего пять недель, — а конъюнктура изменилась до неузнаваемости. И это случилось на протяжении недели между 15 и 21 октября. Хиллари Клинтон и Дэвид Петреус, освобожденные от вопросов по делу Бенгази, — это качественно иные Хиллари и Петреус, чем до этого сдвига. Джо Байден, шедший на выборы, и Джо Байден, отскочивший в кусты, — это тоже два разных Байдена. Мы не знаем всех деталей: возможно, ему просто позвонили на мобильный телефон, напомнили о гибели его первой семьи и поинтересовались, готов ли он, чтобы то же самое случилось со второй семьей. А сигналы Бреннана в Белый дом были лишь вместо гарнира.

Коридоры кончаются стенкой

В своей статье Вали Наср в качестве аргумента приводил то обстоятельство, что Россия, прежде чем начать авиационную операцию в Сирии, провела в сжатые сроки трудоемкий тур многосторонней дипломатии: в Москве побывали не только иранцы и ливанцы, но и монархи стран Залива, и премьер

Израиля. Действительно, консенсус шиитских и суннитских стран намечался, и именно в этой связи глава МИД России говорил, что готов согласиться с каждым словом госсекретаря Джона Керри.

Из консенсуса, о котором шла речь, первым выпал король Саудовской Аравии. Его поманил в Вашингтон не только и не столько Барак Обама — его поманила корпорация Lockheed. Катарский эмират в этот консенсус не входил, но вскоре после американо-саудовских военных сделок возобновились поставки в Катар германских танков. Это происходило еще до капитуляции Байдена. И даже после вышеописанного сдвига многосторонний шиитско-суннитский формат, отчаянными усилиями как Керри, так и Лаврова, еще сохранялся; более того, Дэвид Игнатиус в *Washington Post* сообщал, что якобы главной фигурой консенсуса умеренной сирийской оппозиции станет включенный Россией в «список договороспособных оппозиционеров» экс-глава НКОРС Муаз аль-Хаттыб. Этот религиозный деятель, внук имама периода французского контроля над Сирией, возглавил НКОРС в ноябре 2012 года вопреки уходившему госсекретарю Хиллари Клинтон.

На роль Франции российская сторона по многим причинам, в том числе и по историческим, возлагала большие надежды несмотря на то, что весной 2013 года именно глава МИД Франции Лоран Фабиус агитировал — как потом выяснилось, не без корпоративного интереса — за сухопутную операцию в Сирии под предлогом химического оружия, по согласию с тогдашним главой внешней разведки Саудовской Аравии принцем Бандаром. В искренность Парижа не поверил Башар Асад, после того как Франция приняла турецкое предложение воспользоваться базой Инджирлик, куда прибыли также британские истребители. Но, как пояснил в «Ъ» аналитик Шамсуддин Мамаев, это не был просто каприз Асада: в кулуарах Климатического саммита Фабиус заявил, что Франция не будет содействовать сирийской армии в противостоянии ИГИЛ. И как явствовало из последующих событий, этот отказ знаменовал «перекидывание мяча» Саудовской Аравии. Собрав 8—10 декабря конференцию оппозиционеров, Эр-Рияд не пригласил на нее представителей курдского Демократического союза (PYD). По оценке Мамаева, это были действия вопреки Соединенным Штатам. Уточним: вопреки Обаме, но не вопреки Макфарленду; вопреки Керри, но не вопреки Клинтон, накануне вкрадчиво внушавшей России, что бесполетная зона есть неизбежность.

Помимо приглашения оппозиционеров, Саудовская Аравия предложила руку помощи Иракскому Курдистану — сразу же после того, как по запросу его лидера Масуда Барзани Турция ввела свой контингент на иракскую территорию, и не думая согласовывать эти действия с Багдадом. И нельзя сказать, что у Масуда Барзани не было повода для призыва к Турции о военной помощи: еще в октябре проиранская партия «Горран» бросила правящей семье Иракского Курдистана прямой политический вызов, в связи с чем ходили даже слухи о возможном разделе провинции надвое — с центрами в Эрбиле и в Сулеймании, где преобладал «Горран».

Таким образом, эпицентром разлома планов консенсуса шиитов с суннитами против ИГИЛ стал курдский вопрос. И даже конкретнее — партия PYD и подконтрольная ей пешмерга. О том, насколько роль PYD была значима для Катар, свидетельствовал следующий текст в катарско-лондонской «Аль-Араби аль-Джаид» от 21 октября:

«Москва и Вашингтон «обхаживают» наиболее боеспособных участников гражданской войны в Сирии — сирийских курдов. С первого дня операции в Сирии Москва пытается сблизиться с курдами и старается блокировать американские попытки сделать то же самое. К примеру, Вашингтон пообещал отрядам Демократического союза (PYD) 100 тонн американского оружия и боеприпасов. Главной задачей новой коалиции является захват Ракки. Тот же курдский источник сообщил, что это далеко не первые поставки американского оружия сирийским курдам. От предыдущих их отличает то, что они сделаны напрямую, а не через Высший курдский совет. Заместитель специального посланника президента США при международной коалиции против ИГИЛ Брет Макгурк встречался в сентябре в Эрбиле с лидером PYD Салихом Муслимом и президентом Иракского Курдистана Масудом Барзани для координации действий против ИГИЛ. Москва пытается перетянуть сирийских и иракских курдов в свою коалицию против ИГИЛ, в которую сейчас, кроме России, входят Иран, Ирак и Сирия. Член руководства PYD Сиханок Дибо рассказал, что Москва уговаривает его партию открыть дипломатическое представительство в России. Очевидно, что Кремль пытается убедить курдов не вступать в антиджихадистский союз с США».

Далее поясняется, что PYD — союзник РКК.

Таким образом, катарцы старались по-своему повлиять на сирийских курдов, ставя их перед выбором: «либо с Остином и Макгурком, либо с Москвой». Есть ли у катарцев основа-

ния считать, что Лавров за спиной у Керри «перетягивает» сирийских курдов? Если и нет, то они появляются, например, 30 октября, когда на пресс-конференции Керри и Лаврова спецкор «России-24» задорно высказывает с вопросом: «А как же вы говорите, что не вооружаете оппозицию, хотя только что отправили военных им на помощь»? Действительно, накануне Барак Обама распорядился отправить 50 (пятьдесят) солдат на помощь только что сформированному по инициативе Остина преимущественно курдскому отряду. Тому самому отряду, формирование которого повлекло отставку Аллена и Фаркаш. Если российский госканал так наскикивает на Керри, значит, русские и впрямь «перекупают» курдов. А что еще можно подумать?

Три недели спустя портал EADaily сообщает: «Под свои цели американцы в середине октября сколотили новейшую «умеренную сирийскую оппозицию», назвав её «Демократическими силами Сирии» и втиснув в неё **откровенно бандитскую арабо-курдскую группировку** «Фаджр аль-Хуррия». Вскоре в Эрбиле американцы же сколачивают некую «Демократическую партию Курдистана Сирии». **Всё названное, видимо, осколки обанкротившегося Курдского национального совета**, пытавшегося в 2012–14 гг. поднять курдов Сирии на борьбу с режимом Башара Асада. Однако PYD и YPG ответили ультиматумом начать войну с Турцией, если турки предпримут интервенцию в Северную Сирию, и **заставили Вашингтон** и Анкару отказаться от плана вторжения и оккупации 50-километровой «зоны безопасности», и вынудили США вступить с ними в контакт и переговоры». **Зная их ярую антитурецкость**, нетрудно понять, что в Северной Сирии курды «между собой» обвиняют членов и Курдского национального совета, и «Демократической партии Курдистана Сирии» в «предательстве» и попытке служения интересам Турции. **Понятно также, что «традиционные» курдские силы Сирии ведут некую СВОЮ игру с американцами.** Для чего сейчас «антитурецкие» курды Сирии арестовывают проамериканских соплеменников? Во-первых, при поддержке американской авиации курды Ирака начали операцию по освобождению езидского городка Синджар в провинции Нейнава. В освобождении участвовали не только иракские курды и езидские добровольцы, но и... повстанцы РКК из числа турецких курдов. Во-вторых, бойцы РКК возобновили атаки на турецких военных и жандармерию в юго-восточной Турции, на этот раз у городка Сильван (вилайет Диярбекир) и в сторону вилайета Ширнак – того самого, где летом курды пытались

провозгласить «Ширнакскую автономию». К тому же курдские источники сообщили, что в Австрии найден мертвым племянник Абдуллы Оджалана Хусейн Йылдырым. Приходится предположить, что все это – последствия того, что вскоре после проведения в Турции парламентских выборов экс-лидер РКК призвал курдских политических деятелей более не посещать его в тюрьме и вообще «забыть о нем». Тем самым Оджалан развязал руки не только своим сопартийцам, но и всем курдам региона, питающим ненависть к Турции и США».

Этот текст, другая половина которого посвящена турецкой наглости в отстаивании интересов туркмен, не сходится с информацией «Аль-Джадид»: Макгурк, по их сведению, договаривался не с распавшимся КНС, а именно с PYD. Далее редакция EADaily противоречит уже сама себе: с одной стороны, все курды региона пылают равной ненавистью к Турции и к США, а с другой — традиционные курды играют с теми же США одну игру, а нетрадиционные (кто из них какие?) — свою.

Есть ли у катарцев основания считать, что МИД России пристально читает портал EADaily? Пожалуй, да. Как-никак заявление Сергея Лаврова об открытии в Москве офиса PYD звучит как ответная мера на сообщение о том, что глава разведки Турции (MIT) Хакан Фидан призывает открыть в Стамбуле официальное представительство ИГИЛ. Эта сенсация явилась миру на портале EADaily 13 октября, со ссылкой на малоизвестный германский портал AWD. Притом текст на самом германском портале датирован... 18 октября. Он также появляется на сайте израильского 9-го канала, опять же со ссылкой на «авторитетный» AWD. Сам же так называемый германский сайт представляет собой такой блокнот агитатора за дело Асада-Рухани, что по сравнению с ним «Русская весна» кажется «Российской газетой».

Разумеется, если автор или целая редакция (или две) фанатически не переносят турок и обожают курдов, несмотря на явный хаос в их сообществе, равно как и «свои дела с Америкой», то вряд ли легко заставить его (их) успокоиться, строго внушив, что главный враг у нас ИГИЛ, а с Турцией нас слишком много связывает, чтобы разрыв с ней был пустяковым делом. На каждый чих к тому же не наздравствуешься. Однако решение открыть в Москве офис PYD, с подсказкой пристрастных публицистов или без, является риском разрушения всей той дипломатии, которую сам МИД старательно и добросовестно вел до сих пор, благо реакция Анкары на это была слишком предсказуемой. В свою очередь, юношеский максимализм телеведущего «России-24» на пресс-конференции Лаврова и

Керри может иметь лишь два объяснения: либо дистанция между МИД и гостелередакциями непреодолимо огромного размера, либо и МИД, и телеканал солидарно повышали некие ставки в общении с госсекретарем.

Возможность повышать ставки зависит от конъюнктуры. Ллойд Остин уже сделал, казалось бы, невозможное, фактически объявив о недоверии всем ведущим суннитским боевым группам в Сирии и сделав ставку на курдов. Макгурк тоже вел переговоры со стороной, приемлемой для нас. Требовать большего — значит требовать от Белого дома полной солидарности с Асадом. Но конъюнктура-то изменилась, и то гипотетическое, что вчера могло быть почти реальным, сегодня, после фактической сдачи позиций Белого дома команде Клинтон, — уже пустая и бессмысленная фантазия. Играть на противоречиях команд легче было раньше и возможно до сих пор. Но ведь происходит совершенно иное.

Российская сторона вначале «принимает пас» от одной из команд, а затем, когда силы этой команды слабеют, «дергает» ее силком на свою сторону — и результат оказывается заведомо в пользу противоположной стороны. Что думает по этому поводу Керри, неизвестно, но зато ход мыслей саудовской стороны очевиден: с Москвой нельзя иметь дела. «А мы вам что говорили?» — расплывается, должно быть, в улыбке представитель Lockheed.

Шамсуддин Мамаев констатирует, что с Францией у нас ничего не вышло и коалиции разъезжаются по полюсам. В наш полюс он записывает Китай (Индия вообще не в фокусе, будто такой страны нет). Китай с нами — это звучит убаюкивающе, тем более что альтернативу турецкому рынку мы тоже ждем от Китая и, само собой, благодарны китайской компании, протянувшей кабель для подключения энергосистемы Крыма к России. Но постоянный автор EADaily, увы, разрушает и эту иллюзию.

«Турция и Китай совместно с Казахстаном, Азербайджаном и Грузией учредили консорциум по транспортировке грузов из Китая в Европу в обход России. А Алиев упростил транзит турецких грузов через Азербайджан в Центральную Азию. Не исключено, что Азербайджан и Казахстан затем помогут турецкой продукции попадать на рынок России в обход российских санкций», — сообщает Айк Халатян в тексте, озаглавленном «России пора определяться с союзниками и партнерами». Хотя речь идет, действительно, о китайском проекте в рамках одного из многочисленных проектов сухопутного «Шелкового пути», главный отрицательный герой сего пове-

ствования — это Нурсултан Назарбаев с его «тюркской солидарностью»: он ведь Турцию в ШОС приглашал! «Вообще последние события показали, что не все в порядке с отношением к союзным обязательствам в рамках ОДКБ. Свидетельством этого стал фактический отказ членов ОДКБ поддержать Россию в ее конфликте с Турцией. Первым звонком о проблемах стал отказ организации от реакции на обстрелы территории Армении». И стало быть, «России пора определяться с союзниками и партнерами».

С кем же нам теперь союзничать, коль скоро вместе с Турцией все тюркские страны «ударяют нас в спину» и из-за этого ОДКБ не становится бесплатным приложением к армии Карабаха? Где альтернатива? Портал Newsru.co.il сообщает, что лидер нашей страны «стал одним из (!) героев у проживающих в Израиле друзей и армян: они ходят теперь не только с портретом Асада, но и с портретом Путина».

Друзы с нами! Вам не хочется плакать от такого счастья? Должно быть, это милый народ и в некоторых трудно различимых на глобусе местах даже влиятельный, но если мы и впрямь собрались строить один из полюсов мирового влияния, да еще и без Турции (Лев Николаевич Гумилев прожил жизнь зря?), то дружеской русофилии, мне кажется, нам как-то маловато. И если мы, по заветам г-на Халатяна, урежем ОДКБ до России с Арменией (остальных выталкивая куда? в чьи объятия? турецкие, китайские? а как нам быть с зарубежными связями самой Армении — неужто она не многовекторнее Казахстана?), боюсь, что друзья на роль третьего партнера непригодны. А курды — тем более, ибо, вопреки их многочисленности и боеспособности их пешмерг (как мы вдруг выяснили, их несколько), за столетия соседства с другими народами Ближнего Востока не создали ни империи, ни мини-империи, каковой некогда видел себя Израиль и каковой реально становится Катар, ни даже национального государства. Стремительно вышедший из моды Лев Николаевич Гумилев такие длительно, веками существующие сообщества называл антисистемами, а союз национального государства с таким сообществом — химерой.

Американские стратеги традиционно взаимодействуют с антисистемами, поскольку это удобный инструмент — эти навыки позаимствованы у Британской империи, а англичанами, в свою очередь, — у венецианцев. Но такое целеполагание связано всегда с удержанием страны-мишени, против которой используется инструмент, в неполноценном и управляемом состоянии. Поэтому сирийские туркмены или уйгуры для ко-

манды Клинтон — инструмент деградации лидерства Турции до уровня послушного Давутоглу, а курды для команды Байде-на — Керри — для еще более глубокой деградации Турции под руководством Демирташа. Россия длительно удерживалась от вовлечения в эти клановые сценарии, но, увы, не удержалась. Это не катастрофа, но серьезный откат назад, в том числе ввиду внутренних рисков, ибо у нас автоматически возникает целый ряд новых уязвимых сообществ. Эрдоган говорил о туркменах: «Среди них есть наши родственники». В нашей стране родственников турок несопоставимо больше, чем турок в округе Байырбуджак. Но первое из возникающих уязвимых сообществ — это та большая масса людей, которая занималась бизнесом с Турцией, не ведая о возможном «ударе в спину», подготовленном по меньшей мере не без участия российского МИД, всего лишь однажды «подписавшегося под каждым словом Керри». А также не однажды, а многожды — захлебнувшимися гордыней публицистами, в головокружении от успехов Каспийской флотилии забывших разницу между публичной дипломатией и непубличной. Вы можете припомнить хоть одного чиновника в США, анонсирующего тайную встречу с «Талибаном», или хоть один американский мейнстримный портал, разбалтывающий такие планы? А наша «Свободная пресса» с легкостью необыкновенной режет в судьбоносный день 21 октября: что нам какой-то Дустум, мы с самим Мансуром по рукам ударим!

С прозападными публицистами происходят у нас не менее удивительные казусы, чем с пророссийскими. Так, Юлия Латынина недавно воспела Китай как противоположность России: дескать, Китай добивается экспансии миром, а не войной и потому его экспансия повсеместна и неостановима.

На самом деле экспансия Китая не непрерывно-поступательна, а волнообразна: с 2006 года имел место шестилетний «отлив», сейчас идет прилив, но тем не менее Латинскую Америку Китай теряет, увлекшись покорением «старой Европы» и финансовых институтов, и пропавшие там инвестиции — лишь один из многих примеров неэффективного вложения средств.

На самом деле экспансия современного Китая более, чем когда-либо, мотивирована геоэкономикой, а не идеологией, в чем и состоит причина разочарования латиноамериканцев.

На самом деле, если говорить об устойчивых особенностях китайской стратегии в мире, то можно заметить, что Китай не имеет дело с антисистемами и химерами. Зато со странами, имеющими долгий имперский опыт, — да, и охотно. От-

сюда и тот самый факт, который вывел из равновесия Айка Халатяна, — тот факт, что Китай как ни в чем ни бывало взял да включил трассу Баку — Тбилиси — Карс в Шелковый путь. Эта трасса — продолжение уже физически построенных путей через Центральную Азию. Эта трасса — также реальный, а не нарисованный в воздухе инфраструктурный объект, хотя и задуманный американцами для себя, но полезный для экспорта реально мощнейшего производителя — и заведомо окупаемый, при условиях строительства современного порта на Черном море. О котором речь шла на вышеназванном саммите Шелкового пути в Тбилиси.

И этот план не означает, что Китай решил ударить Армении в спину. Ее самый ценный актив — Мецморскую АЭС — китайцы тоже не оставят без внимания, но только если у производимой энергии будет рынок. И это может развязать закавказский гордиев узел без всяких Мадридских протоколов и Минских групп ОБСЕ. Но это не приоритет. И ирано-армянская железная дорога — не приоритет. И это не дань конъюнктуре. Китай выбирает приоритеты независимо от того, кто делает погоду в Америке — проиранский Керри или проихванская Клинтон.

На самом деле эффективную внешнюю политику можно строить и на мире, и на войне (последнее делали не только империи, но и маленький Израиль, и та же маленькая Армения), и на ресурсной эксклюзивности, и на географической. Ее нельзя строить на иллюзиях, тем более выросших из ситуативного головокружения от успехов. Из того факта, что Армения по совпадению оказалась временным председателем ОДКБ и ЕЭК, и оттого, что именно в Ереване состоялся и конгресс франкофонии, и конференция выпускников МГИМО, и даже из того, что Серж Саргсян принял в Вестминстере вместе с католиком, еще вовсе не следует, что эта страна является центром мирового вращения.

К великому несчастью для современного человечества, этот центр находится в другой стране, которая также не имеет выхода к морю.

Эта страна куда менее обустроена и образована, куда менее энергетически обеспечена, куда менее пригодна для жизни, ибо там нет не только озер, но даже крупных рек. И тем не менее она держит первое место по частоте визитов американских и европейских лидеров (хотя они всегда внезапны), и только с президентом этой страны (а не с Эрдоганом или Саргсяном) Барак Обама, встретив его лично в аэропорту, может провести день с утра до вечера. И тем не менее множество

других экономик зависят от этой страны, что правительства скрывают от сограждан, а ближайшие к ней страны пребывают в лихорадке вокруг аэропортов и морских портов, связывающих их страны с немногочисленными пыльными шоссе этой страны.

И в этой же стране наиболее стремительно плодится и размножается ИГИЛ — хотя здесь добывают не пресловутую нефть, а другой, более легкий, веселый, все более востребованный и не в пример нефти ликвидный продукт, потребляя который, люди также становятся все ликвиднее и бесплоднее.

Эта страна называется Афганистан, а центром вращения она является потому, что мы продолжаем жить в пост-, а точнее, анти-индустриальную эру, о чем не даст соврать сонм из 150 глав государств на мальтузианском саммите в Париже.

И пока эта парадигма властвует над мировыми элитами, инфраструктурные проекты будут двусмысленны, ибо предназначены не только для goods (товаров жизни), но и для #evils (товаров смерти). От них не будет счастья, назови их хоть трижды шелковыми.

И продолжая катиться по этой дорожке, описывающей нисходящую спираль, мир, после изнурительных кампаний в Сирии, а затем в Ливии, скатится — если сильные мира сего не спохватятся — к третьей и последней мировой войне, для которой именно здесь, в сердце Центразии, готовится поле боя.

17.12.2015

Массово-политическое издание

Константин Анатольевич Черемных

**КЛАНЫ АМЕРИКИ:
ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОПЕРАТИВНОЙ АНАЛИТИКИ**

*Редактор Н.В. Мезина
Художник Б.Б. Протопопов,*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 12.06.16. Подписано в печать 11.08.16.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Печ. л. 13,5. Тираж 1500 экз. Заказ № .